Гасырлар авазы — Эхо веков

НАУЧНО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1925 ГОДУ

№3/4 2011
(64/65)

ISSN 2073-7475

В НОМЕРЕ:

Учредитель

Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан

Главный редактор:

Шарафутдинов Д. Р.,
доктор исторических наук

Редакционная коллегия:
Ахметзянов М. И.,
доктор филологических наук
Валеев Р. К.,
доктор исторических наук
Валеев Р. М.,
доктор исторических наук
Гараева И. И.,
заместитель главного редактора
Гилязов И. А.,
доктор исторических наук, чл.-корр. АН РТ
Горохова Л. В.,
директор Национального архива РТ
Закиров Р. З.,
доктор исторических наук
Ибрагимов Д. И.,
начальник Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ, кандидат исторических наук
Иванов А. А.,
доктор исторических наук
Мухаметшин Р. М.,
доктор политических наук, чл.-корр. АН РТ
Мухарямов Н. М.,
доктор политических наук
Пискарев В. И.,
кандидат исторических наук
Пихоя Р. Г.,
доктор исторических наук
Рафикова Г. Э.,
заместитель главного редактора
Сальникова А. А.,
доктор исторических наук
Султанбеков Б. Ф.,
кандидат исторических наук
Тагиров И. Р.,
доктор исторических наук, академик АН РТ
Хайрутдинов Р. Р.,
кандидат исторических наук
Хакимов Р. С.,
доктор исторических наук, академик АН РТ

На путях духовного возрождения

Д. Ибрагимов. Система непрерывного образования архивистов Татарстана 5
Р. Садыкова. Публикаторская деятельность архивов Республики Татарстан: опыт сравнительного анализа 11

Из глубины столетий

Р. Файзуллин. Булгары 20
Р. Галлям. Дозорная книга Григория Кузьминского из фондов Российского государственного архива древних актов 21
З. Канапацкая. Материалы по истории татар-мусульман середины XIX в. в фондах Центрального государственного архива Крыма, Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Национального исторического архива Республики Беларусь 25
И. Загидуллин. «Пресечь вредную деятельность по подаче прошений» (Петиционная кампания мусульман Казанской губернии 1883 г.) 32
Г. Валеева-Сулейманова. Художественные промыслы и ремесла татар в XIX в. 39

XX век: страницы истории

Л. Молчанов. Деятельность антибольшевистских правительств Поволжья и Сибири по собиранию и хранению архивных документов 48
И. Тагиров. Мирсаид Султан-Галиев: «Признания» 57
И. Ханипова. «Перед нами открылись широкие горизонты в дошкольном воспитании» 68
Н. Усманов. «Мы победили поволжский голод» 78
Г. Латыпова. Из истории развития профессионального образования в ТАССР в 1920-е гг. 82
В. Арцыбашев. «Война между СССР и капиталистическими государствами становится неизбежной» (По документам личного фонда Я. К. Берзина в Центральном московском архиве-музее личных собраний) 87
А. Кабацков, И. Федотова. Приказ НКВД № 00447. Массовые репрессии в г. Краснокамске в 1937-1938 гг. 99
В. Хамидуллина. «Приостановить строительные работы на площадке Татарской АЭС» 115
А. Бушуев. «Звание комсомольца, мягко выражаясь, потускнело и несколько утратило былое» 124

Время в судьбах и документах

Р. Харис. Татарский «Титаник». Публицистическая поэма 129
Е. Долгов. «Не сопутствуемый ничьею любовью» (Судьба М. Л. Магницкого) 134
Р. Валеев. «Он нужен для Казани» (О научном наследии Н. Ф. Катанова) 141
Г. Наумова. Обзор переписки Е. П. и С. Д. Шереметевых (1894-1918 гг.) из фондов Центрального исторического архива Москвы 149

Редакционная группа:

Латыпова Г. М.,
Салмина Л. Р.,
Шагапова И. Р.

Карманов И. И.,
дизайн и верстка

На четвертой стороне обложки: Народный поэт Республики Татарстан, лауреат Государственной премии РФ и Государственной премии РТ им. Г. Тукая Ренат Харис с письмом 1427 г. хана Золотой Орды, основателя Казанского ханства Улуг-Мухаммада турецкому султану Гази Мурату. Архивный документ подарен генеральным директором архивов Турции, профессором И. Бинарком Р. Харису во время визита в Татарстан. Казань, 2002 г. Фото из личного архива Р. Хариса.

Телефоны редакции:
(843) 292-84-30, 292-10-47.
Факс: (843) 292-84-30.
Адрес редакции:
420111, Казань,
ул. Кремлевская, 2/6.
Редакция журнала «Гасырлар авазы — Эхо веков»
e-mail:ehovekov.archive@tatar.ru
http://www.archive.gov.tatarstan.ru

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РТ.
Рег. № 0685

Рукописи представляются в редакцию в электронном варианте (диск и распечатка).
Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения редколлегии и редакции журнала.
Перепечатка материалов и использование их без разрешения редакции не допускается.

© «Гасырлар авазы — Эхо веков», 2011 г.

При создании оригинал-макета использован пакет программ Jahat™

Подписано в печать
21.11.2011

Тираж 1500 экз.
Отпечатано

Цена договорная.

Г. Галыгина. Платные осведомители и секретные сотрудники охранки в рядах Самарской социал-демократической организации. 1911-1913 гг. 159
И. Тагиров. «Создать новое, светлое будущее народов России» (Слово об Илиасе Алкине). На конкурс «Возвращенные имена» 164
Я. Гришин, С. Мэнди. «Волевой командир с твердым характером» (Х. Б. Мавлютов). На конкурс «Возвращенные имена» 173
В. Сахаров. О гибели комбрига Анатолия Серова и майора Полины Осипенко в авиационной катастрофе 177
И. Шевчук. Оценка полководческой деятельности Г. К. Жукова в документах ЦК КПСС 184

Мнения. Суждения. Версии

Р. Хаким. Джадидизм: реформированный ислам. Где наша Мекка? ..190
В. Баталин. Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, он же — граф фон Гален? 204

Наш календарь

Н. Шарангина. Памяти М. В. Ломоносова (К 300-летию со дня рождения) 210
И. Шагапова. Шамсуддин Заки (К 190-летию со дня рождения) 216
Л. Хузеева. «В ноябре 1937 г. меня исключили из рядов ВКП(б)» (К 100-летию со дня рождения С. Г. Батыева) 219
Б. Сунчелей. Абдурахман Абсалямов (1911-1979). Фотолетопись 224
Г. Фаезова. Заки Нури (К 90-летию со дня рождения) 229
И. Анфертьев. Российскому историко-архивоведческому журналу «Вестник архивиста» — 20 лет (Из истории создания и деятельности на современном этапе) 234

Новые книги. Отзывы и рецензии

И. Измайлов. Новый взгляд и старые вопросы 238
Р. Салихов. На стремнине времени 245
Ш. Шарафутдинов. Игуменья Апфия Свияжская 249

В блокнот историка. Архивный калейдоскоп

С. Шадманова. Архивные документы — важный источник изучения истории периодической печати Туркестана (По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан) 251
Х. Багаутдинова. «Желая распространить круг действий своего заведения» (К истории первой казанской частной «азиатской» типографии Л. М. Шевица) 259
Л. Юревич. Вторая казанская гимназия и ее библиотеки (По страницам изданий XIX в. отдела редких книг и рукописей Национальной библиотеки РТ) 265
А. Валиев. Традиционные сельскохозяйственные знания крестьянства и деятельность Казанской губернской агрономической организации 269
П. Федан. М. Н. Пинегин и Казанская татарская учительская школа .275

Информация. Хроника

О. Цыганова. Писатель-краевед (Д. Х. Гарифуллин) 278
Архивные вести 279
Поздравляем!!! 284
В Геральдическом совете при Президенте Республики Татарстан 287

У наших соседей

В. Манькин. Деятельность Главного архивного управления города Москвы по совершенствованию нормативно-правовой базы архивного дела в столице и внедрению автоматизированных архивных технологий 2004-2010 гг. 290

Обычаи, традиции и обряды

Д. Шарафутдинов. Языческие обряды финно-угорских народов и чувашей 298
Д. Шарафутдинов, Э. Тагиров. Об организации евразийских игр по традиционным видам спорта 305

Уважаемый читатель!

В ноябре 1990 г. на Всероссийском учредительном съезде в Москве было создано Российское общество историков-архивистов (РОИА). Цель состояла в объединении на добровольных началах архивистов, историков, документоведов, работников отделов рукописей музеев и библиотек, краеведов, журналистов, представителей других профессий, деятельность которых связана с сохранением историко-культурного наследия народов, развитием архивного дела и исторической науки в России. Был организован журнал общества — «Вестник архивиста», осуществляющий информационно-методическое обеспечение организационной и научно-исследовательской деятельности РОИА и Росархива.

В 1993 г. руководство архивной службы Татарстана, заинтересованное в развитии диалога с общественностью, расширении сотрудничества с исторической наукой, выступило с предложением о создании Татарстанского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов (ТРО РОИА). Инициатива нашла отклик у многих историков, краеведов, журналистов, учителей, общественных деятелей. Первичные организации общества были созданы в большинстве районов республики, вузах и научных учреждениях. Многие творческие инициативы общества получили поддержку и развитие при участии Главного архивного управления при Кабинете Министров Республики Татарстан, Национального архива Республики Татарстан. Так, стали практиковаться передвижные документальные выставки в районах и городах республики, интернет-выставки, историко-просветительские чтения, выступления известных ученых, деятелей науки и культуры по республиканскому радио и телевидению.

Авторитет новой общественной организации возрос с учреждением в 1995 г. журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков». В круг его авторов вошли историки и архивисты Татарстана, Москвы, Санкт-Петербурга, многих регионов России, зарубежные исследователи. Интернет-версии всех номеров журнала с 2006 г. размещены на сайте Главного архивного управле-

ния при Кабинете Министров Республики Татарстан.

Издание журнала и его приложений, регулярный выпуск которых начался с 1997 г., стало важным шагом в деле активизации научно-публикаторской деятельности архивистов Татарстана, новым этапом сотрудничества профессиональных историков и архивистов. За эти годы издано более четырех десятков сборников документов, исследований главным образом на основе архивных источников. В научный оборот вводятся документы по оригинальной тематике.

Сегодня предпринят новый шаг на пути укрепления творческих связей. Речь идет о предлагаемом вашему вниманию выпуске номера журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков», который впервые подготовлен совместно с редакцией Российского историко-архивоведческого журнала «Вестник архивиста».

Редакция научно-документального журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков» стремилась представить неординарные публикации коллег последних лет. Это статьи Л. Молчанова о деятельности антибольшевистских правительств Поволжья и Сибири в архивной области (1918-1919); В. Арцыбашева об информационно-аналитической деятельности советской военной разведки в 1920-1930-е гг.; А. Кабацкова и И. Федотовой о массовых репрессиях в г. Краснокамске в 1937-1938 гг.; Г. Наумовой о переписке семьи графа С. Д. Шереметева (1894-1918); Г. Галыгиной о материалах по делу так называемого антисоветского право-троцкистского блока; В. Сахарова об обстоятельствах гибели летчиков А. К. Серова и П. Д. Осипенко в авиационной катастрофе; И. Шевчука о полководческой деятельности маршала Г. К. Жукова в 1941-1945 гг.; В. Баталина о биографической загадке маршала Советского Союза В. К. Блюхера; И. Анфертьева о создании и основных направлениях деятельности российского историко-архивоведческого журнала «Вестник архивиста»; С. Шадмановой об истории периодической печати в Туркестане в конце XIX — начале XX вв.; О. Цыгановой о писателе-краеведе из Сармановского района Республики Татарстан Д. Гарифуллине; В. Маныкина о деятельности Главного архивного управления города Москвы на современном этапе.

Мы надеемся, что плодотворное научное сотрудничество с коллегами будет продолжаться. Полагаем также, что наши уважаемые читатели выскажут свои предложения по поводу содержания этого номера журнала.

Редакция журнала
«Гасырлар авазы – Эхо веков»

Система непрерывного образования архивистов Татарстана

В 1994 г. Архивным управлением при Кабинете Министров Республики Татарстан была разработана действующая по сей день система непрерывного архивного образования как составная часть архивной реформы в целом. В ней основное внимание уделяется подготовке профессиональных кадров, но вместе с тем придается важное значение и повышению квалификации архивистов.

В том же году по инициативе Архивного управления РТ началась, как это успешно практикуется у коллег в Китае, подготовка специалистов средней квалификации по специальности «Делопроизводство и архивоведение» с дневной и заочной формой обучения на базе профессионального лицея № 9 г. Казани. Республиканским научно-исследовательским центром профессионального образования совместно с архивистами был разработан учебный план, состоящий из гуманитарного, общепрофессионального и специального циклов. Они включали в себя как общие, так и специальные дисциплины: всеобщая и отечественная история, история государственных учреждений, теория и практика архивного дела, история и организация делопроизводства, автоматизация архивных технологий. К проведению лекций и практических занятий были привлечены преподаватели кафедры историографии и источниковедения Казанского государственного университета, специалисты Национального архива РТ, преподаватели лицея.

Следует отметить особую активность преподавателей Казанского университета. Это отчасти связано и с тем, что по ходатайству Главного архивного управления и деканата исторического факультета университета, Ученый совет и ректорат КГУ приняли решение об открытии специализации по историко-архивоведению. Мы знаем, что и сейчас многие ключевые должности в архивах занимают выпускники исторического факультета старейшего в стране вуза. И потому надеемся, что уже в ближайшие годы Казанский (Приволжский) федеральный университет, продолжая традиции, начнет подготовку профессиональных кадров — архивистов высшей квалификации. Университет имеет для этого необходимую базу и научно-педагогические кадры историков, историографов и источниковедов.

Первую лепту в подготовку архивистов высшей квалификации в нашей республике внес созданный на базе известного в стране архивного института (три выпускника которых — Л. Горохова, А. Димитриева, В. Бобков уже много лет трудились в наших архивах) Российский государственный гуманитарный университет, создавший в 33 реги-

онах России свои филиалы. Казанский филиал 1 сентября 2001 г. принял более тридцати студентов-заочников на отделение «Историк-архивист». Среди обучающихся были работники республиканских, районных и ведомственных архивов, а также архивисты из Москвы, Башкортостана, Астраханской, Саратовской, Ульяновской областей[1].

Большинство выпускников сдали государственные экзамены и защитили дипломные работы только на оценки «отлично» и «хорошо». Среди первых выпускников были заведующие архивными отделами администраций Атнинского района Р. Фидаева, Лениногорского — А. Петрова, Камско-Устьинского — Л. Семагина, Сабинского — Р. Латипова, главный специалист Государственного архива документов по личному составу РТ С. Шарафутдинова, работники Национального архива РТ А. Михайлов, Е. Суворова, Л. Салеева, А. Зиганшина, О. Филимонова, архивист из Спасского района А. Низамова и другие.

Государственную аттестационную комиссию возглавляли авторы одного из лучших учебников по архивоведению — декан факультета «Архивоведение» и заведующий кафедрой «Архивоведение и археография» Историко-архивного института РГГУ, председатель учебно-методической комиссии по специальности «Историко-архивоведение» вузов РФ Е. Бурова и заместитель директора Историко-архивного института, заместитель председателя учебно-методической комиссии вузов РФ Е. Алексеева. Дипломные работы студентов были рецензированы ведущими кафедрами Историко-архивного института — всеобщей истории (заведующий кафедрой, доктор исторических наук, профессор Н. Басовская), отечественной истории, древнего мира и средних веков (доктор исторических наук, профессор А. Калянский), аудиовизуальных архивов и документов (доктор исторических наук В. Магидов), отечественной истории новейшего времени (доктор исторических наук, профессор А. Безбородов). Методическую помощь в организации учебной работы с выездом в г. Казань оказали видные ученые вуза — доктора исторических наук, профессора, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела Е. Старостин и М. Мухаметжанов. К большому сожалению, отделение по специальности «Историко-архивоведение» в Казанском филиале Российского государственного гуманитарного университета просуществовало недолго.

Основной кузницей подготовки архивистов высшей квалификации для системы государственной архивной службы нашей республики стал Казанский государственный энергетический университет (КГЭУ). Здесь специальность «Историко-архивоведение» первоначально по ходатайству Главного архивного управления при КМ РТ и поддержке ректора, доктора технических наук Ю. Назмиева была открыта в рамках инженерно-экономического факультета осенью 2000 г. В 2003 г. приказом ректора университета, доктора технических наук Ю. Петрушенко в составе Института экономики и социальных технологий (директор — доктор политических наук Н. Мухарямов) открыли самостоятельную кафедру «История и архивное дело», которую первоначально возглавил профессор Д. Шарафутдинов, с 2004 г. — профессор Ф. Нуриахметова.

Университет имеет современную учебную базу, высокопрофессиональный состав преподавателей, развитую локальную вычислительную сеть, что позволяет студентам овладевать самыми современными технологиями сбора, хранения и передачи информации. В процессе обучения студенты получают фундаментальное образование по истории России и зарубежных стран, источниковедению, историографии, теории и методике архивоведения, археографии, вспомогательным историческим дисциплинам и ряду других дисциплин. Историк-архивист, освоивший основную образовательную программу бакалавриата профиля «Историко-архивоведение», имеет возможность для продолжения образо-

вания в аспирантуре, магистратуре, в том числе за рубежом в университетах и научных центрах, с которыми у КГЭУ установлены широкие международные связи (Япония, Италия, Германия, Франция, Великобритания, США и др.).

Преподаватели вуза имеют тесные контакты с республиканскими архивами, многие из них состоят в Татарстанском республиканском отделении РОИА, часть из них имеет опыт работы в республиканских архивах, один преподаватель защитил кандидатскую диссертацию по истории архивного дела в Татарстане. К археографическим разработкам привлекаются и студенты, темы их дипломных и курсовых работ в большей части касаются истории и проблем развития архивного дела в Татарстане.

Главное архивное управление при КМ РТ, правление Татарстанского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов оказывают вузам посильную помощь. К образовательному процессу подключаются имеющие ученую степень сотрудники управления и республиканских архивов. При разработке лекций широко используются научные труды архивистов по археографии, в том числе рекомендованное к изданию Федеральной архивной службой России учебное пособие «Архивное дело в Татарстане (1940-2001 гг.)», автором которого является директор Национального архива РТ Л. Горохова. В открытом доступе находится справочно-информационный фонд Главного архивного управления. На базе государственных архивов проводятся практические занятия со студентами.

По договоренности между администрацией институтов, университета и Главным архивным управлением базовым учреждением для обучения будущих архивистов являются Центральный государственный архив историко-политической документации РТ и Национальный архив РТ. Вот уже более десяти лет студенты исторических факультетов Казанского университета, педагогического и энергетического университетов проходят здесь архивную практику. На время ее проведения студентам предоставляются оборудованные читальные залы, архивные справочники и документы. Сотрудники читают обзорные лекции по истории архива, по составу документов, об основных направлениях деятельности архива, знакомят с условиями хранения документов, с лабораторией, с научно-справочным аппаратом. В ходе практики каждый студент получает не только навыки работы по выявлению источников, но и возможность написания самостоятельного научного исследования на основе архивных документов, также возможность на практике ознакомиться с теми видами работ, которые входят в обязанности сотрудников архива.

По результатам архивной практики впервые был подготовлен сборник студенческих работ, посвященный 125-летию Казанского педагогического университета «Знания о прошлом: студенческий взгляд на актуальные проблемы истории России и Татарстана». Студентка Казанского государственного энергетического университета историко-архивоведческого отделения Г. Ершова в рамках конкурса, проводимого к 90-летию архивной службы Республики Татарстан, получила диплом I степени за курсовую работу «Комплектование Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан (1991-2007 гг.)». Работа была опубликована в научно-документальном журнале «Гасырлар авазы – Эхо веков».

Особого внимания заслуживает практическая сторона работы Центрального государственного архива историко-политической документации РТ со студентами КГЭУ. Многие работы студентов затрагивают актуальные проблемы развития архивного дела в Татарстане. Появляются исследования, посвященные современным проблемам аудиоархивистики, выполненные на базе Центрального государственного архива аудиовизуальных документов РТ — первого мультимедийного архива в России. Защита дипломных работ первых выпускников этого вуза по специальности

«Историко-архивоведение» состоялась в июне 2005 г. Государственной экзаменационной комиссией часть работ была рекомендована к публикации, лучшее дипломное сочинение было выдвинуто на конкурс дипломных работ университета. Четыре выпускника получили рекомендации в аспирантуру. Всего за годы работы кафедрой КГЭУ выпущено более 100 историков-архивистов. Возникает вопрос: а будет ли востребована на татарстанском рынке труда профессия архивиста, смогут ли найти выпускники работу по специальности? Думаем, что да, потому что в республике насчитывается более 4 тысяч ведомственных архивов, действует множество частных архивов, которые практически еще не укомплектованы профессионалами. Расширение сферы применения электронных документов также требует квалифицированных архивистов. Да и опыт свидетельствует о востребованности выпускников того же энергетического университета в государственных и муниципальных архивах, государственных учреждениях и организациях, музеях и библиотеках, учреждениях культуры и образования Республики Татарстан, а также высших учебных заведениях.

Время потребовало повышения научного уровня архивных работников. На сегодняшний день в аспирантуре учатся четыре архивиста, знающие «изнутри» проблемы отрасли. Аспирантура и стала третьей ступенью подготовки высококвалифицированных научных кадров для государственной архивной службы Республики Татарстан. Это часть программы непрерывного образования.

Повышение деловой квалификации сотрудников заложено и в планы работы республиканских архивов, ими же периодически проводятся совещания-семинары для работников ведомственных архивов. К организации подобных мероприятий мы привлекаем и вузы.

Главное архивное управление систематически проводит обучение заведующих архивными отделами администраций городов и районов республики. Регулярно организуются семинары, тематика которых охватывает все основные направления деятельности архивов. Практическое обучение работников архивных отделов, их консультирование является обязательной частью всех командировок сотрудников отдела организационно-методической работы Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ. Постоянными являются совещания-семинары председателей экспертных служб, работников делопроизводственных служб и архивов министерств, ведомств, организаций и предприятий республики[2].

Важным подспорьем в повышении профессионального уровня работников стали зональные научно-методические советы. Мы признательны Росархиву за реорганизацию Совета архивных учреждений Приволжского федерального округа, что значительно усилило его научно-методический потенциал. Нами в 2001 г. созданы и свои республиканские зональные методические советы. 44 архивных отдела были поделены по территориальному признаку на четыре зоны, председателями советов избрали наиболее грамотных и опытных заведующих из районов и городов, где сложились хорошие традиции в области архивного дела, где действуют сильные районные организации Татарстанского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов.

Первое мероприятие в формате «круглого стола» зонального методического совета состоялось в мае 2001 г. в Альметьевске. Здесь встретились архивисты из 16 районов Татарстана, их коллеги из Башкортостана и Самарской области для обсуждения злободневных проблем обеспечения сохранности документов по личному составу в связи с ликвидацией, реорганизацией и приватизацией предприятий, с обеспечением социальной и правовой защиты граждан. В 2002 г. в с. Апастово собрались архивисты из 12 районов республики, где Зеленодольский зональный методический совет провел семинар, посвященный актуальным вопросам комплектования архивных отделов администраций районов и городов Татарстана. Перед участниками семинара с до-

кладами выступили специалисты Главного архивного управления, состоялся обмен опытом. В заключение была проведена инновационная игра по обсуждаемой теме. Вопрос комплектования архивов был обсужден и на семинаре Чистопольского зонального методического совета, прошедшем в Булгаре. В последующие годы проблемы комплектования обсуждались в Набережночелнинском и Бугульминском зональных методических советах. В Главном архивном управлении для председателей зональных методических советов периодически организуются семинары-совещания. Так, один из семинаров был посвящен проблемам внедрения автоматизированных архивных технологий в архивных отделах республики.

Практикуем мы и такой вид повышения квалификации, как стажировка. Ее в обязательном порядке проходят в республиканских архивах или в базовых центрах зональных методических советов вновь принятые на работу заведующие архивными отделами администраций районов и городов республики. Стажировку используем также для повышения компьютерной грамотности. В рамках Договора о сотрудничестве между архивными службами Татарстана и Турции наши специалисты проходят стажировку в Османском архиве, мы в свою очередь принимаем турецких коллег.

Повышению профессионального уровня архивистов способствует действующий лекторий «Историко-просветительные чтения», организованный Главным архивным управлением совместно с правлением Татарстанского республиканского отделения РОИА. Ежегодно перед нашими специалистами на актуальные темы выступают видные ученые Казанского (Приволжского) федерального университета, Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Государственного музея-заповедника «Казанский Кремль». На очередных чтениях, куда были приглашены и студенты архивных отделений вузов, состоялся обстоятельный разговор об истории выборов начала и конца XX в. Актуальной была и приуроченная к мероприятию документальная выставка «Выборы. XX век».

Резерв будущих архивистов мы начинаем готовить уже в школах. Так, несколько лет при Центральном государственном архиве историко-политической документации РТ успешно действует своеобразная школа молодого архивиста. Для школьников проводятся экскурсии, беседы, встречи, литературно-музыкальные конференции. Эти встречи, как правило, сопровождаются тематическими выставками.

«Личность в истории» — под таким названием в гимназии № 6 г. Казани прошло 15 марта 2002 г. заседание «круглого стола» с участием учителей истории Приволжского района и работников Центрального государственного архива историко-политической документации РТ. Архивисты выступили с сообщением об опыте работы по патриотическому воспитанию школьников, продемонстрировали малоизвестные документы о политических деятелях М. Вахитове и И. Казакове, драматурге К. Тинчурине и поэте Х. Туфане. Участники «круглого стола» отметили большую значимость сотрудничества архивов со школами для развития краеведения и совершенствования методики преподавания истории[3].

В феврале 2010 г. в школе № 122 г. Казани впервые состоялась интерактивная презентация урока на тему «Школа в годы Великой Отечественной войны». При ее подготовке были использованы электронные копии документов архива из фондов Татарского обкома и Казанского горкома ВЛКСМ. Материал был сгруппирован по трем рубрикам: «Организация школьной работы», «Помощь фронту», «Военно-физическая подготовка школьников» (всего было показано 24 документа, в том числе 10 фотографий).

Один из уроков был посвящен рассказу о летчике 840-го авиаполка 326-ой авиадивизии Хаке Халилове. Уроженец Апастовского района Татарстана Х. Халилов совершил сотни боевых вылетов на ТУ-2, о чем свидетельствует его

фронтовой дневник. За три месяца до долгожданной Победы он был сбит над г. Кенигсбергом. Потом был концлагерь. Советский воин не пал духом в плену, ему удалось бежать. Школьники получили возможность не только услышать рассказ и увидеть подлинные документы Халилова — фронтовой дневник и фотографии, но и встретиться с родственниками воздушного стрелка — детьми и внуками, которых через газетную статью разыскали архивисты. На этой встрече сын Х. Халилова передал архиву две тетради воспоминаний отца о Великой Отечественной войне.

Центральный государственный архив историко-политической документации РТ уже давно шефствует над учащимися спецшколы-интерната для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата г. Казани. Работники архива проводят с учащимися уроки патриотизма как в самом интернате, так и в читальном зале архива. Для них устраивают выставки документов, помогают в написании рефератов, пополняют копиями архивных документов фонды школьного музея «Подвиг».

По архивным документам школьники пишут рефераты, научно-исследовательские работы, успешно участвуя во всероссийских, республиканских и районных конференциях, краеведческих чтениях. Так, лауреатом XI Всероссийского конкурса участников краеведческого движения «Отечество — 2003» стала ученица 10 класса школы № 36 г. Казани Лиля Хузеева, представив работу на основе архивных документов «Времен связующая нить», посвященную 90-летию со дня рождения своего дедушки — поэта-фронтовика Гали Хужи.

Предметом наших забот является и повышение квалификации работников архивных учреждений республики. Сотрудники обучаются на курсах, организуемых Учебным центром переподготовки и повышения квалификации работников учреждений и организаций системы Росархива, Учебными курсами отраслевого центра повышения квалификации по архивному делу и документальному обеспечению управления Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). Обучение архивистов производится и на республиканских курсах переподготовки и повышения квалификации работников представительных органов власти.

Каковы результаты внедрения системы непрерывного образования архивистов Республики Татарстан? Приведем несколько цифр. В 1994 г. среди специалистов республиканских архивов и архивных отделов администраций районов и городов республики не было ни одного архивиста со средним специальным образованием, число работников с высшим образованием в республиканских архивах составляло чуть более 38 %, в архивных отделах — лишь 33 %. В 2003 г. среднее специальное образование имело уже более 11 % работников государственных архивов, 22 % работников в архивных отделах администраций районов и городов Республики Татарстан. Удельный вес специалистов с высшим образованием в республиканских архивах составил 62 %, в архивных отделах администраций районов и городов Республики Татарстан — более 67 %. В 2010 г. у 70 % работников государственных архивов Республики Татарстан было высшее образование, у 18 % — среднее специальное; в муниципальных архивах республики 76 % сотрудников имели высшее образование, 20,8 % — среднее специальное. В настоящее время в системе Главного архивного управления при КМ РТ работают два доктора и восемь кандидатов наук.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2001. – № 3/4. – С. 287.
2. Там же. – 2000. – № 1/2. – С. 264.
3. Там же. – 2002. – № 1/2. – С. 299.

Данил Ибрагимов,
кандидат исторических наук

Публикаторская деятельность архивов Республики Татарстан: опыт сравнительного анализа

Как показывает анализ, в советский период публикаторская деятельность архивов республики в виде издания сборников документов велась достаточно активно, но неравномерно. Довоенный период был отмечен выходом в свет всего двух сборников документов, хотя архивистами была проделана огромная работа по выявлению документов и подготовке их к публикации. Как несомненную удачу расценивали современники опыт издания в 1932 г. сборника документов «Царская армия в период мировой войны и Февральской революции»[1], в составлении которого принимали активное участие сотрудники Татарского центрального архива Е. Медведев, А. Максимов и Ш. Юсупов. В 1933 г. был подготовлен и издан совместно с Татистпартом сборник архивных материалов «Первый год пролетарской диктатуры в Татарской республике»[2].

Военные годы ознаменовались выходом одного сборника документов — «Письма с фронта: Уроженцы Татарии — участники Великой Отечественной войны с фашистской Германией»[3].

Наибольшее количество изданий советского периода приходится на послевоенное время: в среднем в каждое десятилетие выходило по четыре-пять сборников. Большинство из них готовились Центральным государственным архивом ТАССР (ЦГА ТАССР) совместно с другими архивами и научными учреждениями — Партархивом Татарского обкома КПСС, Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР и другими. Характерной чертой советского периода являлось то, что многие сборники готовились в рамках общесоюзных серий, а выход некоторых сборников был приурочен к юбилейным датам в истории нашей страны, в первую очередь связанных с Великой Октябрьской социалистической революцией. Издания до 1990-х гг. преимущественно посвящались истории революционного движения и Октябрьской революции, индустриализации, коллективизации, культурному строительству, развитию промышленности, вопросам печати и т. п. Если тираж первых названных сборников советского периода составлял более 10 тысяч экземпляров, то затем он неуклонно падал, достигнув в 1958 г. всего трех тысяч. Вместе с тем объем сборников, наоборот, возрастал с каждым изданием.

Активизации работы по публикации документов в этот период способствовал и подъем советской исторической науки, расширение научно-исследовательской деятельности, выявление источников по истории трех революций. В результате в

1957-1958 гг. вышло сразу три сборника: «Революционное движение в Татарии в 1905-1907 гг.» (тираж 5 тыс. экз.)[4], «Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль-октябрь 1917 г.)» (4 тыс. экз.)[5] и «Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября» (3 тыс. экз.)[6].

В 1960-х гг. в ЦГА ТАССР велась оживленная научно-издательская деятельность, особенно по проблемам истории советского общества. Это стало возможным благодаря координации научно-публикаторской работы архивных учреждений с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, кафедрами общественных наук Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина, Казанского государственного педагогического института.

В 1962 г. были сданы в печать сборники документов «Образование Татарской АССР»[7] и «Упрочение Советской власти в Татарии (октябрь 1917 г. — июль 1918 г.)»[8]. Тираж сборников составил всего 500 и 700 экземпляров соответственно.

В 1960-е гг. проводилась работа по выявлению документов к изданиям всесоюзных серий, которая завершилась выходом следующих сборников: «Индустриализация в Татарской АССР (1926-1941 гг.)»[9], «Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР (1927-1937 гг.)»[10] и «Культурное строительство в Татарии (1917-1940 гг.)»[11]. Тираж этих сборников заметно вырос.

Новый толчок развития архивного дела дало постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». Перед архивными учреждениями ставилась задача расширить публикацию документов по истории КПСС и советского общества и улучшить научно-справочный аппарат архивов. Основной темой при подготовке публикаций документов был 50-летний юбилей Октябрьской социалистической революции.

На сотрудников архива в этот юбилейный год легла большая нагрузка, по-

ступало множество запросов от ветеранов Октябрьской революции и Гражданской войны. В тот период архив в среднем исполнял в год более 5 тысяч справок социально-правового характера по установлению трудового стажа, учебы, рождения, брака, принадлежности домовладений и прав наследства[12].

В 1970-е гг. научно-издательской деятельности также уделяется много внимания. Располагая богатой документальной базой по истории развития промышленности от первого предприятия дореволюционной Казани до индустриальных строек Татарии в 1970-е гг., ЦГА ТАССР подготовил двухтомный сборник документов «Нефть, газ и нефтехимия Татарии»[13] под редакцией Л. С. Князева. Сборник, оба тома которого вышли тиражом по 2 тысячи экземпляров, был награжден дипломом Главархива РСФСР в 1976-1980 гг.

Одновременно был издан сборник документальных очерков «Герои социалистического труда Татарии: 1920-1938 гг.»[14] под редакцией докторов исторических наук У. Б. Белялова и А. М. Залялова. Своеобразие издания заключалось в том, что история социалистического строительства здесь предстала в лицах и через судьбы отдельных передовиков производства в виде очерков. Издания в формате очерков к этому времени получают большое распространение среди архивистов страны[15].

В многообразной тематике документальных изданий большое место занимала история культурной революции в СССР. В 1972 г. в свет вышел второй том сборника документов «Культурное строительство в Татарии (1941-1970 гг.)»[16] под редакцией докторов исторических наук М. К. Мухарямова и М. З. Тутаева. В подготовке сборника принимали участие Партархив Татарского обкома КПСС и Казанский институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова. Этот сборник, как и выше названные документальные очерки, вышел тиражом 3 тысячи экземпляров.

В 1973 г. вышел сборник «Документы по истории Октября в Татарии: март 1917 г. — март 1918 г.»[17] под редакцией

доктора исторических наук И. М. Ионенко. Сборник сравнительно небольшой по объему и тираж его составил всего 500 экземпляров. Однако, в отличие от многих других сборников, его составители во введении не только охарактеризовали документы сборника и особенности их археографической обработки, но и представили довольно подробный обзор всем публикациям документов, которые осуществлялись по данной тематике в республике начиная с 1917 г. Авторы не ограничились их механическим перечислением, а проделали анализ, выявив положительные стороны и недочеты. Это позволило обратить внимание на документы, не вошедшие в изданные сборники, в том числе по ряду центральных архивов — Центрального государственного Военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного архива Военно-морского флота (ЦГА ВМФ), и некоторым другим.

1980-е гг. можно назвать «урожайными» по выпуску сборников документов и материалов. Всего тогда вышло пять сборников, некоторые из них получили высокую оценку общественности. Так, в 1981 г. вышел в свет сборник документов «Печать, радиовещание и телевидение Татарии: 1917-1980 гг.»[18], который был награжден серебряной медалью ВДНХ СССР. Тираж составил 2 тысячи экземпляров. В ходе работы над сборником были выявлены и изучены материалы фондов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР), Партархива Татарского обкома КПСС, ЦГА ТАССР.

В 1983 г. выходит сборник «Деятельность Советов Татарии: 1917-1978 гг.»[19], награжденный дипломом и III премией Главархива РСФСР за лучшую научную работу в области научно-информационных изданий архивных учреждений РСФСР в 1981-1985. Тираж этого сборника также составил 2 тысячи экземпляров.

В 1986 г. появился сборник «Промышленность и рабочий класс Татарии (1946-1980 гг.)»[20]. Он был награжден дипломом Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР. Как и ряд других изданий, сборник явился составной частью общесоюзной документальной серии. В него вошли документы фондов Центрального архива ВЛКСМ, Центрального государственного архива народного хозяйства СССР, Партархива Татарского обкома КПСС, ЦГА ТАССР и материалы периодической печати.

В 1989 г. вышло сразу два сборника: «Интернациональные связи трудящихся Татарии (1917-1980 гг.)»[21], и «Казанская губернская чрезвычайная комиссия (1917-1922 гг.)»[22]. Первый сборник вышел тиражом 3 тысячи экземпляров, а второй уже 12 тысяч экземпляров. Сборник, вышедший в годы перестройки, хронологически хотя и входит в издания советского периода, но тематически существенно отличается от всех предыдущих. Именно общественно-политические процессы конца 1980-х гг. обусловили и сделали возможным выход сборника такой тематики. В него вошли документы Партийного архива Татарского обкома КПСС, ЦГА ТАССР, а также материалы партийно-советской местной периодической печати.

1990-е гг. в связи со сложной общественно-политической и экономической ситуацией в стране не отмечены выходом тематических сборников документов. Однако в 2000-е гг. наблюдается всплеск издательской активности. Всего за прошедший период было издано тринадцать сборников, тематика которых отличается широким диапазоном.

Первым открыл третье тысячелетие сборник документов «История энергетики Татарстана», посвященный 80-летию плана ГОЭЛРО. Он был подготовлен под общей редакцией члена-корреспондента Российской академии наук Ю. Г. Назмеева[23]. В основе сборника — документы фондов Национального архива РТ, ЦГА ИПД РТ, архивов Аппарата Президента РТ, Кабинета Министров РТ, Производственного энергетического объединения «Татэнерго», Казанского государственного энергетического университета и материалы периодической печати.

Шесть документальных сборников, выпущенных в последующие годы Национальным архивом РТ, посвящены 1000-летию г. Казани. Благодаря им, в научный оборот были введены документы по малоизученным темам как дооктябрьского, так и советского периодов. Все издания получили положительную оценку специалистов и широкой общественности.

Первым из этой серии стал сборник «Достойны памяти потомков (Городские головы Казани, 1767-1917 гг.)»[24] В издание, вышедшее тиражом 500 экземпляров, вошло 233 документа, в основном из фондов НА РТ. Ряд использованных материалов был извлечен из фондов отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н. Лобачевского КГУ. Сборник иллюстрирован фотографиями видов Казани из фототеки, копиями документов из фондов Национального архива РТ. Портрет губернатора Казанской губернии С. В. Дьяченко предоставлен Национальным музеем РТ, при оформлении обложки использована фотография из фондов Национальной библиотеки РТ.

В 2002 г. вышел еще один сборник, посвященный И. С. Алкину — деятелю национально-освободительного движения, ученому, который был необоснованно репрессирован. В книгу вошли документы, статьи, доклады, тексты выступлений видного сына татарского народа, а также материалы о нем и семье Алкиных[25].

Серию, посвященную 1000-летию г. Казани, продолжил двухтомник, отражающий историю благотворительного движения в г. Казани на протяжении более двух столетий — «У милосердия древние корни. Благотворительность и милосердие в Казани XVIII — нач. XX вв.)»[26] Во второй том были выделены документы периода Первой мировой войны 1914-1917 гг.[27] Оба тома вышли тиражом по 500 экземпляров. В данный сборник включены документы только Национального архива РТ. Многие из них опубликованы впервые. Тема сборника нашла отражение в таких видах документов, как уставы, положения благотворительных обществ, анкеты, отчеты об их деятельности и другие. К сборнику прилагаются списки мечетей, монастырей и церквей г. Казани, построенных на средства благотворителей. В нем также представлены фотографии благотворителей, здания благотворительных учреждений г. Казани, графические и текстовые документы.

«Татарстан один из арсеналов победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»[28] — так называется очередной сборник серии, подготовка которого была приурочена к 60-летию Победы. В сборник вошли документы, выявленные в фондах Национального архива РТ и Центрального государственного архива историко-политической документации РТ. Особенностью данного сборника является использование более 100 рассекреченных документов, большинство из которых опубликовано впервые. Сборник иллюстрирован фотографиями самолетов Пе-8 и ПО-2, цехов заводов № 22 и № 387, копиями документов.

Сборник «Казанская татарская учительская школа (1876-1917 гг.)»[29] посвящен истории одноименного светского учебного заведения для татар с преподаванием на русском языке, осуществлявшего подготовку учителей для начальных татарских училищ Волжско-Уральского региона. В сборник включено 156 документов из фондов Национального архива РТ. В приложении сборника имеется таблица о числе окончивших школу за 1880-1889 гг. и список учеников за 1890-1917 гг., позволяющие частично реконструировать список воспитанников. Подготовить полный список составителям не удалось: часть документов была утрачена во время пожаров 1902 и 1914 гг. Сборник иллюстрирован фотографиями преподавателей и учеников школы, текстовыми документами.

Истории создания, становления и развития архивной службы республики, начиная с Казанской губернской ученой архивной комиссии, образованной в 1916 г., и по настоящее время, посвящен сборник «Государственная архивная служба Татарстана (1916-2006 гг.)»[30] В него вошли документы,

выявленные в фондах Национального архива Республики Татарстан, в ведомственном и текущем архиве Кабинета Министров Республики Татарстан, в текущем архиве Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ. Всего в сборник включено 177 документов, большинство из которых опубликовано впервые.

Сборник содержит приложения: хронику архивного строительства, включающую в себя перечень основных правовых и нормативных документов органов государственной и исполнительной власти Татарстана; список руководителей архивной службы республики и список архивистов — заслуженных работников культуры России, Татарстана. Он иллюстрирован фотографиями зданий и помещений, архивных мероприятий, руководителей и сотрудников архивного управления и архивов республики, копиями документов из фондов Национального архива РТ.

История энергетики Татарстана получила дальнейшее развитие в сборнике «Из истории энергетического образования в Татарстане (1897-2005 гг.)»[31] В него вошли документы, раскрывающие становление и развитие энергетического образования в республике, начиная с учреждения Казанского промышленного училища, которое готовило специалистов-энергетиков не только для Казанской губернии, но и для других регионов России и заканчивая современным этапом в развитии высшего энергетического образования, представленного Казанским государственным энергетическим университетом.

В издание, вышедшее тиражом 350 экземпляров, вошли 143 документа из фондов НА РТ, ЦГА ИПД РТ, ГАДЛС РТ, КГЭУ и материалы периодической печати.

Сборник «Медресе Казани XIX — нач. XX вв.»[32] содержит документы и материалы из фондов Национального архива РТ, освещающие историю развития казанских медресе в XIX — начале XX вв. В его состав включено 140 документов из фондов Национального архива РТ.

100-летию Шамовской больницы посвящен сборник «Яков Филиппович Шамов: дар жителям Казани»[33]. В него включено 106 архивных документов из фондов Национального архива РТ, раскрывающих наиболее яркие страницы истории Городской клинической больницы № 1 (бывшей Шамовской больницы), сыгравшей значительную роль в истории здравоохранения, в Казани, а также жизни Я. Ф. Шамова. Сборник иллюстрирован фотографиями здания больницы, попечителей и врачей Шамовской больницы за разные годы ее существования. Тираж сборника составил 400 экземпляров.

Сразу два сборника были подготовлены и выпущены в 2010 г. Один из них посвящен 125-летию образования Казанского почтово-телеграфного округа — «Из истории почтовой связи»[34]. Целью сборника является знакомство с историей возникновения и развития почтовой связи в Казанском крае с середины XVIII в. до первых десятилетий XX в. Тема эта до сих пор является недостаточно изученной. Составители отмечают, что хотя по истории российской почтовой связи имеются отдельные исследования, но обобщающей работы по истории казанской почты нет.

В издание вошло 200 документов. В приложении сборника составлены списки: начальников Казанского почтово-телеграфного округа с момента основания по 1917 г., почтово-телеграфных учреждений Казанской губернии на 1913 г. Сборник иллюстрирован графическими и текстовыми документами, рисунками форменной одежды почтовых и телеграфных служащих.

К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне архивными учреждениями республики был подготовлен сборник «Письма с фронта. 1941-1945 гг.»[35] Большая часть публикуемых документов — это фронтовые письма из фондов НА РТ и ЦГА ИПД РТ. Так, в Национальном архиве Республики Татарстан хранится 1 170 фронтовых писем, из них 1 065 — письма личного характера, 105 — коллективные. Основной массив писем с фронта сосре-

доточен в фондах Президиума Верховного Совета ТАССР. В сборник также включены письма из фондов Управления муниципального архива Исполнительного комитета муниципального образования г. Казани, архивных отделов исполнительных комитетов Верхнеуслонского, Сармановского муниципальных районов.

Анализ сборников документов, выпущенных при участии НА РТ в постсоветский период, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, приоритетными в выборе темы становятся потребности исторической науки в расширении источниковой базы исследований и общественный интерес в ретроспективной документной информации. Во-вторых, Национальный архив РТ готовит сборники документов в этот период преимущественно самостоятельно, реже — совместно с другими архивами и учреждениями. Особенностью изданий постсоветского периода можно назвать и то, что сборники документов выходят в редакции «Гасыр» как приложения к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков» и отличаются более качественной полиграфией, наличием большого иллюстративного материала.

Сравнительный анализ показывает, что каких-либо существенных изменений в методике публикации архивных документов советского и постсоветского периодов не произошло. Структура сборников достаточно традиционна, и здесь наблюдается определенная преемственность. Практически все сборники, помимо архивных документов, включают в себя материалы периодических изданий. Вместе с тем в настоящее время очевидна тенденция к публикации не только документов официального характера, что преобладало в советский период, но и документов личного происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Царская армия в период мировой войны и февральской революции: материалы к изучению истории империалистической и гражданской войн / Сост. А. Максимов и др. – Казань, 1932. – 440 с.
2. Первый год пролетарской диктатуры в Татарии: Сб. документов и материалов по истории парторганизации и Гражданской войны в 1918 г. / Под ред. М. Вольфовича, С. Гафурова. – Казань, 1933. – 438 с.
3. Письма с фронта: Уроженцы Татарии — участники Великой Отечественной войны с фашистской Германией / Под ред. Б. Зернит; сост. С. Кирсанов. – Казань, 1943. – 42 с.
4. Революционное движение в Татарии в 1905-1907 гг.: Документы и материалы / Под ред. С. И. Мухамедова, Х. Х. Хасанова; сост. И. А. Георгиевская, Х. С. Салимов, В. В. Снедкова, Р. Ш. Хакимова. – Казань, 1957. – 495 с.
5. Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль-октябрь 1917 г.): Сб. документов и материалов / Под ред. М. К. Мухарямова, В. П. Тимофеева, С. Н. Фомичева; сост. И. А. Георгиевская, А. М. Залялов, М. Н. Олимпова, В. В. Снедкова, С. Н. Фомичев. – Казань, 1957. – 510 с.
6. Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: Сб. документов и материалов / Под ред. И. М. Ионенко; сост. Н. М. Силаева. – Казань, 1958. – 825 с.
7. Образование Татарской АССР: Сб. документов и материалов / Под ред. И. М. Климова, М. К. Мухарямова; сост. У. Б. Белялов, Р. Г. Кашафутдинов, М. Б. Кочурова, Н. М. Силаева. – Казань, 1963. – 504 с.
8. Упрочение Советской власти в Татарии (октябрь 1917 г. — июль 1918 г.): Сб. документов и материалов / Под ред. Н. А. Андрианова, М. К. Мухарямова, В. П. Тимофеева; сост. И. А. Георгиевская, М. Н. Олимпова, В. В. Снедкова. – Казань, 1964. – 707 с.
9. Индустриализация Татарской АССР (1926-1941 гг.) / Под ред. Н. А. Андрианова, У. Б. Белялова, А. А. Петровой; сост. У. Б. Белялов, А. А. Петрова, В. В. Снедкова. – Казань, 1968. – 607 с.
10. Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР (1927-1937 гг.): Документы и материалы / Под ред. А. М. Залялова, Е. И. Устюжанина; сост. А. М. Залялов, М. Б. Кочурова, Р. Ш. Хакимова. – Казань, 1968. – 354 с.
11. Культурное строительство в Татарии (1917-1940 гг.): Документы и материалы / Под ред. М. К. Мухарямова, М. З. Тутаева; сост. З. Г. Гарипова, М. Б. Кочурова, М. З. Тутаев, Р. Ш. Хакимова. – Казань, 1971. – 670 с.
12. Горохова Л. В. Архивное дело в Татарстане (1940-2001 гг.). – Казань, 2003. – С. 39.
13. Нефть, газ и нефтехимия Татарии: Документы и материалы / Отв. ред. С. Л. Князев; сост. Л. В. Горохова, С. С. Елизарова, И. М. Миролюбова. – Казань, 1979. – Т. 1. – 256 с.; 1979. – Т. 2. – 391 с.
14. Герои социалистического труда Татарии: 1928-1938 гг. Документальные очерки / Сост. У. Б. Белялов, Л. В. Горохова, А. М. Залялов. – Казань, 1974. – 383 с.
15. Горохова Л. В. Указ. соч. – С. 48.

16. Культурное строительство в Татарии (1941-1970 гг.): Документы и материалы / Под ред. М. К. Мухарямова, М. З. Тутаева; сост. З. Г. Гарипова, Л. В. Горохова, С. С. Елизарова, М. К. Мухарямов, М. З. Тутаев, Р. Ш. Хакимова. – Казань, 1976. – 520 с.
17. Документы по истории Октября в Татарии: март 1917 г. — март 1918 г. / Сост. Л. В. Горохова, И. М. Ионенко, Н. М. Силаева. – Казань, 1973. – 212 с.
18. Печать, радиовещание и телевидение Татарии: 1917-1980 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. Ф. И. Агзамов, А. К. Айнутдинов, З. З. Мифтахов и др. – Казань, 1981. – 298 с.
19. Деятельность Советов Татарии: 1917-1978 гг. Документы и материалы / Отв. ред. С. Г. Батыев; сост. Л. В. Горохова, А. Ж. Жиганшин, Н. Н. Иванова, Р. Ш. Хакимова. – Казань, 1983. – 304 с.
20. Промышленность и рабочий класс Татарии (1946-1980 гг.): Документы и материалы / Сост. У. Б. Белялов, Л. В. Горохова, С. С. Елизарова, Н. Н. Иванова, Т. И. Славко, Р. Ш. Хакимова. – Казань, 1986. – 336 с.
21. Интернациональные связи трудящихся Татарии (1917-1980 гг.): Документы и материалы / Сост. Л. В. Горохова, С. С. Елизарова, Н. Н. Иванова, Е. А. Кайсаров, Д. К. Сабирова, Н. А. Шарангина. – Казань, 1989. – 256 с.
22. Казанская губернская чрезвычайная комиссия (1917-1922 гг.): Сб. документов и материалов / Под ред. Р. Г. Калимуллина, Р. С. Латыпова, А. Л. Литвина, Б. А. Смирнова, Л. Н. Титова, Д. Р. Шарафутдинова; сост. Л. В. Горохова, С. С. Елизарова, Л. Н. Титов. – Казань, 1989. – 142 с.
23. История энергетики Татарстана (1920-2000 гг.): Документы и материалы / Отв. сост. Д. Р. Шарафутдинов; сост. Р. Н. Гибадуллина, Л. В. Горохова, Н. Д. Нерозникова, О. Н. Шафигуллина. – Казань, 2001. – 516 с.
24. Достойны памяти потомков (Городские головы Казани, 1767-1917 гг.): Сб. документов и материалов / Под ред. Л. В. Гороховой, Д. Р. Шарафутдинова; сост. А. М. Димитриева, Р. Р. Исмагилов, Н. Д. Нерозникова, Н. А. Шарангина. – Казань, 2002. – 352 с.
25. Илиас Алкин — общественный деятель, военачальник, ученый: Документы и материалы / Сост. И. Р. Тагиров, Д. Р. Шарафутдинов. – Казань, 2002. – 350 с.
26. У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани XVIII — нач. XX вв.): Сб. документов и материалов / Сост. А. М. Димитриева, Р. Р. Исмагилов, Н. А. Шарангина; отв. ред. Л. В. Горохова; науч. ред. Д. Р. Шарафутдинов. – Казань, 2002. – 208 с.
27. У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914-1917): Сб. документов и материалов. Книга 2 / Сост. А. М. Димитриева, Р. Р. Исмагилов, Н. А. Шарангина; отв. ред. Л. В. Горохова; науч. ред. Д. Р. Шарафутдинов. – Казань, 2003. – 208 с.
28. Татарстан — один из арсеналов победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Сб. документов и материалов / Под ред. З. Р. Валеевой, Д. Р. Шарафутдинова; сост. Л. В. Горохова, Н. Д. Нерозникова, Л. В. Хузеева, Н. А. Шарангина. – Казань, 2004. – 160 с.
29. Казанская татарская учительская школа (1876-1917 гг.): Сб. документов и материалов / Под ред. Д. И. Ибрагимова, Д. Р. Шарафутдинова; сост. Н. С. Горицкая, Н. А. Шарангина. – Казань, 2005. – 256 с.
30. Государственная архивная служба Татарстана (1916-2006 гг.): Сб. документов и материалов / Отв. сост. Д. И. Ибрагимов; сост. Л. В. Горохова, Н. Д. Нерозникова, Н. А. Шарангина. – Казань, 2006. – 366 с.
31. Из истории энергетического образования в Татарстане (1897-2005 гг.): Сб. документов и материалов / Отв. сост. Д. И. Ибрагимов; сост. Л. В. Горохова, Н. Д. Нерозникова, Ф. М. Нуриахметова, О. Н. Шафигуллина. – Казань, 2006. – 256 с.
32. Медресе Казани XIX — нач. XX вв.: Сб. документов и материалов / Отв. сост. Л. В. Горохова; сост. Р. А. Гимазова, Н. С. Горицкая, Н. А. Шарангина; под общ. ред. Д. И. Ибрагимова. – Казань, 2007. – 320 с.
33. Яков Филиппович Шамов: дар жителям Казани (К 100-летию Шамовской больницы): Сб. документов и материалов / Отв. сост. Л. В. Горохова; сост. О. В. Федотова, Н. А. Шарангина; под общ. ред. Д. И. Ибрагимова. – Казань, 2008. – 160 с.
34. Из истории почтовой связи (К 125-летию образования Казанского почтово-телеграфного округа): Сб. документов и материалов / Отв. сост. Л. В. Горохова; сост. О. В. Федотова, Н. А. Шарангина; под общ. ред. Д. И. Ибрагимова, Н. А. Никифорова. – Казань, 2010. – 272 с.
35. Письма с фронта. 1941-1945 гг.: Сб. документов / Сост. Д. И. Ибрагимов, И. А. Мустакимов, Г. Н. Фаезова, В. Г. Хамидуллина, Л. В. Хузеева, Н. А. Шарангина. – Казань, 2010. – 232 с.

Римма Садыкова,
кандидат исторических наук

Равиль Файзуллин

Булгары*

Оседают руины. Седая
сном столетий полынь встает.
Небо выше. Паломников стаю —
Птиц бездомных — несет небосвод.

Плач и стон… Тишина такая,
что мерещится лёт стрелы,
конский топот вдали затихает,
вьется облачко мертвой золы…

Я один. К валуну моя лодка
прислонилась. Не звякнет цепь.

Воздух Булгар, твой свет короткий —
узкий месяц, руины, степь.

Перевод с татарского языка
Рустема Кутуя

* Файзуллин Р. А. Мой звездный час. Сборник стихов и поэм. – М., 1978. – С. 57.

Дозорная книга Григория Кузьминского из фондов Российского государственного архива древних актов

Изучение проблем средневековой истории Поволжья затруднено узостью круга источников, малочисленностью письменных свидетельств эпохи. В этой связи важнейшее направление дальнейших исторических исследований — выявление и введение в научный оборот комплекса новых письменных и археологических источников эпохи средневековья.

В Поместном фонде (или Фонде старых вотчинных дел) Российского государственного архива древних актов (РГАДА) сохранились подлинники и поздние копии (как правило, XVIII в.) материалов писцового делопроизводства по уездам Среднего Поволжья второй половины XVI-XVII вв. В числе неизданных — дозорная книга 1619 г. дозорщика Григория Кузьминского, зафиксировавшая состояние Чаллынского городища в бассейне р. Шумбут в начале XVII в.

Дозорные книги являлись одной из разновидностей писцового делопроизводства в Русском государстве XVI — первой четверти XVII вв. В отличие от периодически проводившихся писцовых описаний земель и подворных переписей населения в общегосударственном масштабе, дозорные книги фиксировали промежуточные изменения в хозяйствовании, землевладении и землепользовании различных категорий населения.

В целом, дореволюционная историография изучала дозорные книги в общем массиве делопроизводственных документов. В конце XIX — начале XX вв., в связи с повышенным интересом к истории отдельных регионов материалы дозорных книг частично использовались местными историками-краеведами.

Историки XX — начала XXI вв. сумели расширить возможности использования документов писцового делопроизводства: они не останавливались на изучении традиционной для XIX в. проблематике — истории феодального землевладения и социально-экономического быта средневековой России. Данная тенденция особенно усилилась в 90-е гг. XX в. Материалы писцовых, дозорных

и переписных книг стали привлекаться в качестве источника по исторической географии и демографии, по проблемам генеалогии, эволюции типов поселений, развития рентных отношений, налогообложения, истории городов, ремесел и торговли и т. д.

Из дозорных книг земель бывшего Казанского ханства сохранилось несколько книг конца XVI — первой четверти XVII вв. (1599, 1617-1621 гг.). Помимо того, имеется целый ряд дозоров первой четверти XVII в., описывающих отдельно взятые селения и землевладения (вотчины, поместья и т. д.).

В архивной описи книги 153 Поместного фонда РГАДА дозорная книга 1619 г. Григория Кузьминского не обозначена в отдельности, а зафиксирована в старой описи бывшего Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ) (л. 1349-1354) под следующим заголовком: «7127 [1619] г. Подлинная дозорная книга поместных земель служилых татар Ишеи Хозяшева и Килея Монашева в пустоши, что было Чаллынское городище (по Зюрейской дороге), письма и дозора Григория Кузьминского».

Текст дозорной книги — полуустав XVII в., выполненный канцелярским почерком черными чернилами, хорошо поддающийся прочтению. Документ имеет скрепу по листам самого писца Григория Кузьминского («к сем книгам Григорей Кузьминской руку приложил»), что свидетельствует о его подлинности.

Первое упоминание документа содержится в труде исследователя XIX в. С. М. Шпилевского[1], позднее в работах историка-востоковеда Ш. Ф. Мухамедьярова[2].

Сведений о средневековом Чаллынском городище в бассейне р. Шумбут известно не много. Все они приведены в сборнике «Древние Чаллы»[3] и научно-популярных изданиях Н. Г. Гарифа[4].

Археологические раскопки разных лет позволили ученым прийти к выводу о существовании городища еще с XI-XII вв., т. е. с эпохи Волжской Болгарии. В период Казанского ханства Чаллынское городище, наряду с такими его крупными центрами, как Арск, Алат, Алабуга, — центр вассального княжества, сыгравшего заметную роль в политике средневекового государства. В частности, в летописных преданиях говорится о походе казанского хана на рубеже XVI в. на земли непокорного княжества, упоминаются некоторые его правители (Хаджи Гирей или Гази Гирей, Хафиз Гирей), которые, возможно, имели отношение к ханской династии Гиреев. По одной из гипотез, Чаллынское городище выступило последним укреплением восставшего местного населения против завоевателей в 1552 г. Во всяком случае, хронология существования городища, как жилого поселения, археологами прерывается в 1556 г.

Публикуемый документ является дозором земель по челобитью казанских служилых татар Ишея Хозяшева и Килея Монашева на имя государя с прошением, «чтоб государь их пожаловал двух оклады в поместье в Казанском уезде по Зюрейской дороге, что бывало изстари городисще Чаллынское на речке на Чаллынской вверх Мамы речки по обе стороны». По содержанию документа, последствия челобитья остаются нам неизвестными. Однако, учитывая, что подвергшиеся дозору властей земли в бассейне р. Шумбут (Чаллы) в конечном итоге оказались бесхозной пустошью, можно предположить их передачу в скором времени в поместное владение челобитчикам Ишею Хозяшеву и Килею Монашеву.

Документ интересен среди прочего и тем, что в нем, кроме пустоши, «что бывало Чаллынское городисще», фигурирует целый ряд татарских поселений округи — Чаллы, Шигизда (Шигазда), Пимер, Налгози, Мосляк (Машляк), Би-Юрт, Верхние Чаллы, Новые Чаллы Нижние (Нижние Чаллы), а также реки Чаллы (ныне р. Шумбут) и Мамит. Кроме того, зафиксированы имена более двадцати жителей окрестных деревень с обозначением их родовых тамг. Есть основание полагать, что некоторые из этих ясачно-татарских имен в дальнейшем нашли свое отражение в названиях некоторых населенных пунктов окру-

ги. В этой связи, можно предположить, что от имени упомянутого в источнике жителя д. Налгози Кучука Мамышева в дальнейшем произошло название д. Кучуковы Челны в бассейне р. Шумбут*.

Таким образом, дозорная книга Григория Кузьминского, датируемая 1619 г., является важнейшим источником изучения исторической географии, топонимии и антропонимии населенных пунктов Среднего Поволжья эпохи позднего средневековья.

* Ныне д. Биектау Рыбно-Слободского района Республики Татарстан.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии. – Казань, 1877. – 585 с.
2. Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.). – М., 1950. – 381 с.
3. Древние Чаллы = Борынгы Чаллы / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. – Казань, 2000. – 320 с.
4. Гариф Н. Г. Казан ханлыгы: оешу тарихы, идарә системасы һәм феодал вассаллык мөнәсәбәтләре. Чаллы олысы мисалында. – Казан, 2006. – 175 б.

1619 г. Подлинная дозорная книга пустоши, что было Чаллынское городище (по Зюрейской дороге), письма и дозора Григория Кузьминского

7127 г.* июня в 29 день подал в Григорьево место Кузьминского Лука Жолнырев да площадной подьячей Дмитрей Кривочуров пустоши, что бывала Чаллынское городище.

№ 539**

[…]*** Лета 7127 г. июня в 16 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказу боярина и воеводы, князя Ивана Михайловича Воротынского да диаков Федора Лихачева, Ивана Васильева ездил Григорий Кузьминской по Зюрейской дороге на пустошь, что бывало Чаллынское городисщо, блиско деревни Чаллов для того: в прошлом во 126-м году**** июня в 28 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте писано в Казань к боярину и воеводе, ко князю Володимеру Тимофеевичу Долгорукому с товарыщи. Били челом государю казанские // (л. 391 об.) служилые тотаровя Ишей Хозяшев да Килей Монашев, чтоб государь их пожаловал двих оклады в поместье в Казанском уезде по Зюрейской дороге, что бывало изстари городисще Чаллынское на речке на Чаллынской вверх Мамы речки по обе стороны. А та де пустошь тотарская изстари, от казанского взятья лежит впусте. В поместье и на ясак не отдана никому. А пашни де на ней будет на двести чети. А в ясачных хлебных книгах написано прошлого 121 году***** — дана грамота Зюрейские дороги деревни Чаллов чувашенину Сатышу Урузову. А велено ему жити по той же Зюрейской // (л. 392) дороге на пустоши, что конец деревни Чаллов, на целом ясаку. И служилые тотаровя Ишей Хозяшев да Килей Монашев сказали, что тот Сатыш живет на той же пустоши. А земли за ним порожние сверх де ево дачи много. А Григорей, приехав на ту пустошь, взяв с собою тутошних и сторонних всяких людей-старожильцов деревни Шигизды Сатлыгана Байгильдеева, Тлевберду Бегишова, деревни Пимер Тюнека Баксубина, деревни Налгози Теника Насырева, Кучука Мамышева, деревни Мосляк Кебеша Шикземалова, Биюргана Янгизигитова // (392 об.), Ишкильду Мамезерева, Байтемиря Псеева, Каипперду Качкенеева, деревни Би-Юрт Чураша Шихназимова, Емикея Кадышева, деревни Верхних Чаллов Тагая Тохтамышева, Бокаша Шихназимова, Янкшея Тевкелева, Тоная Тохташева, Урусая Нагайчурина, деревни Новые Чаллы Нижние Чютея Косарова, Чураша Сююндюкова, Бекбулата Бегишова, деревни Нижних Чаллов старосту Тавгеня Тлевлеева, Карабая Байсарина, Батмана Кадышева, Бурнаша Кулбакшандина, Тохтамыша Урузова, Досая // (л. 393) Кулбакшеева, Кунтугана Тлевшеева, Менглиша Баукеева, Аметейка Дылеева, Теребердея Уразлыева, Иштюлетя Девлезерова, Ишея Кулбакшина, и теми людьми про тое пустошь, что бывало изстари городищо Чаллынское на речке на Чаллынской вверх Мамит речки, изстари тотарское бывало и от казанского взятья впусте лежит, и к государевым дворцо-

* Дата приведена по летосчислению по эре от сотворения мира и в пересчете на время по эре от рождества Христова (от РХ) соответствует 1619 г. (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).
** По-видимому, канцелярский номер документа.
*** Л. 390 об. — текст отсутствует.
**** Дата соответствует 1618 г. от РХ.
***** Дата соответствует 1612/1613 г. от РХ.

вым селам и к монастырским вотчинам и к ясачным землям не приписана ли. И в с[к]аску сказали чуваша деревни Шизды // (л. 393 об.) Сатлыган с товарыщи, кои в сех книгах имяны написаны, по своей вере по шерти: исстари де то Чаллынское городисще лежит впусте, от казанского взятья, и не владеет им нихто. И к государевым дворцовым селам и к монастырским вотчинам и к ясачным землям не прилегла. Подошла блиско Нижних Чаллов деревни. К той деревне Нижней Чалле не приписана и на ясак не отдана никому. А пашут де тое пустошь Нижних Чаллов деревни чуваша — староста Тавгень с товарыщи. А грамоты на тое Чаллынскую пустошь у них нет. И Григорей // (л. 394) с тами ж сторонними людьми пустоши смечали накрепко — сколько на той пустоши по смете паш[ни] паханые и перелогу и дикого поля и сена и рыбных ловель и всяких угодей.

И по дозору и по смете на том Чаллынском городисще пашни паханые по дватцати чети в поле, а в дву потому ж, да перелогу на двести чети да зарослей и дубров пашенных на сто на пятьдесят чети во всех трех полях. Сена на речке на Чаллынской и вверх Мамит речки и по дубровам на пятьсот копен. А иных никаких угодей и рыбных ловель нет. Лесу непашенново по смете // (л. 394 об.) в длину на четыре версты, а поперег на две версты.

А чувашенин Сатыш Урузов живет на целом ясаке деревни Чаллов, не на той Чаллынской пустоши за речкою за Мамитом.

З[н]амена сторонних людей:

Знамя Сатлыганово.

Знамя Тлевбердино.

Знамя Кебешево.

Знамя Биюрганово.

Знамя Кошкельдино.

Знамя Байтемирево.

Знамя Каиппердыево.

Знамя Урусаево.

Знамя Тютеево.

Знамя Тогонаево.

Знамя Батманово.

Знамя Кунтуганово.

Знамя Атесево.

Знамя Кучуково // (л. 395).

Знамя Чурашево.

Знамя Емекеево.

Знамя Тогаево.

Знамя Бокашево.

Знамя Янкшеево // (л. 395 об.).

Знамя Бурнашево.

Знамя Ишеево.

Знамя Тохтамышево.

Знамя Досаево // (л. 396).

Знамя Аметеково.

РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 1, кн. 153, л. 390-396.

Публикацию подготовил
Рашид Галлям,
кандидат исторических наук

Материалы по истории татар-мусульман середины XIX в. в фондах Центрального государственного архива Крыма, Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Национального исторического архива Республики Беларусь

Татары-мусульмане поселились в Великом княжестве Литовском в конце XIV в. На протяжении нескольких столетий они сохраняли экономические, культурные и конфессиональные связи с Крымом и Турцией, признавая до конца XVIII в. над собой духовную власть турецкого султана как халифа всех мусульман.

Царское правительство Российской империи относилось к нехристианским конфессиям былой Речи Посполитой в зависимости от политических обстоятельств. 30 октября 1794 г. в именном указе Лифлянскому, Эстлянскому генерал-губернатору князю Репнину Екатерина II писала: «Не оставьте вы без замечания поселенных в литовских областях татарского племени войск, яко происходящих от народа храброго и прямодушного». Екатерина II в этом же документе пообещала татарам, «что не только оставляет их в свободе отправлять свое богослужение и при всем том, что в Литве они имеют, но желаем обеспечить их состояние»[1].

В фондах Национального архива Республики Беларусь хранятся различные документы, которые отражают историю татарской общности. Все материалы можно условно поделить на две группы: первая — документы канцелярии минского гражданского губернатора (ф. 295), Минского губернского правления (ф. 299) и Минского губернского дворянского собрания (ф. 319). Среди них указы Сената, постановления Губернского дворянского собрания об утверждении в дворянстве лиц татарского происхождения и алфавитные списки татарских дворянских родов за 1819-1875 гг.[2] Другая группа материалов касается непосредственно жизнедеятельности мусульманских об-

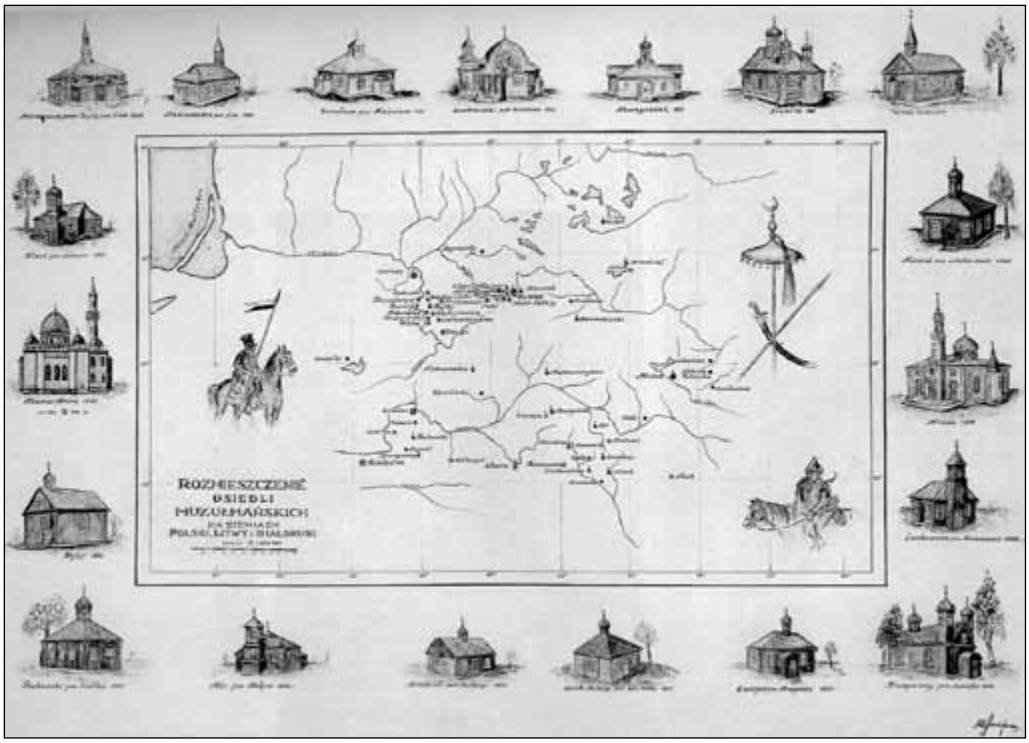
Вид мечети в Осмолове под Новогрудком до 1924 г.
Katalog zabytków tatarskich. – Warszawa, 1999. – T. II. – S. 62.

щин, абсолютное большинство которых составляли местные татары. Если первая группа документов более или менее изучена, то документы второй группы совсем не исследованы и только в последнее время историки обратили на них внимание. Архивные материалы свидетельствуют, что российские власти держали под своим контролем такие важные вопросы жизни верующих, как построение новых и ремонт старых мечетей, выборы имамов мечетей, конфликтные ситуации в общинах. Они должны были решаться с санкции государственных властей, иногда даже на самом высоком уровне.

К моменту третьего раздела Речи Посполитой (1795) на землях Беларуси и Литвы находилось 23 мечети и 65 молитвенных домов. Согласно списку, приведенному в монографии польского историка С. Кричинского, больше всего мечетей было в Трокском повете, который в прошлом был наиболее плотно заселен татарами[3]. Мечети были в основном в деревнях. К наиболее древним относились приходы в Некрашунцах под Лидой (1415), в Ловчицах под Новогрудком (1420).

В начале XIX в. количество мечетей, действовавших в былой Речи Посполитой, уменьшилось в сравнении с предыдущим периодом. В Трокском повете мечети оставались только в Рейжах, Сорока Татарах, Винкшупах и Прудянах; в Виленском повете — в Лукишках, Немеже; в Лидском — в Некрашунцах; Ошмянском — в Довбучках; в Новогрудском повете — в Новогрудке и Ловчицах; в Минском — в Минске; Гродненском — в Багониках и Крушинянах; в Брест-Литовском — в Студенцах. Все они, за исключением Прудянской (была разрушена французскими войсками в 1812 г.) и Студянской (сгорела в 1915 г.), сохранились до начала Второй мировой войны, а некоторые существуют и сегодня.

После присоединения Речи Посполитой к России строительство и ремонт мечетей находились под строгим контролем российских властей, о чем свидетельствуют документы Национального исторического архива РБ. К это-



Карта мусульманских поселений и мечетей (работы А. Смайкевич, г. Гданьск) на территории Беларуси, Литвы и Польши. Приблизительно 1960-е гг. Katalog zabytków tatarskich. – Warszawa, 1999. – T. II. – S. 25.

му времени уже сложился комплекс указов, регламентирующих строительство мечетей. В 1829 г. появляется циркулярный лист Департамента государственного хозяйства и общественных построений Министерства внутренних дел «О правилах постройки татарских мечетей»[4]. Позже все требования по поводу строительства мечетей были объединены в «Уставе строительном» (1857). В нем имеется отдельный раздел, который так и называется «О построении магометанских мечетей». Согласно статьям 260-265 устава, мечети разрешалось строить «не иначе, как по представлениям от приходов и приходских чинов магометанскому духовному начальству… и с утверждением начальства губернского» (ст. 260); построить мечеть могли только те общины, где было не менее чем 200 мужчин-мусульман, а мечеть и мулла находились на содержании у общины (ст. 261); проекты зданий должны были утверждаться местными губернскими правлениями (ст. 264).

В XIX в. существует уже сформировавшаяся мусульманская община Северо-Западного края. Ее права и статус определялись юридическими нормами былого Белорусско-Литовского государства, заимствованными Российской империей. На протяжении длительного периода своего существования община прилагала большие усилия в деле строительства новых и ремонта старых мечетей, так как именно они являлись центрами сохранения и развития немногочисленного татарского этноса. Результатом этих стараний стало появление мечетей (примерно в середине XIX в.) в двух местечках Игуменского повета — Узде и Смиловичах, а в конце XIX в. (1883-1884 гг.) получено разрешение на строительство приходов в Клецке и Копыле Слуцкого повета.

Чтобы всячески уменьшить влияние Османской империи на своих бывших подданных, на завоеванной Российским государством в 1783 г. территории Крымского ханства был учрежден муфтиат, которому подчиняют впо-

следствии мусульман былой Речи Посполитой. Вопрос о подчинении мусульман высшему конфессиональному органу рассматривался несколько раз. В 1803 г. татары западных губерний отказались подчиняться оренбургскому муфтию, мотивируя это особенностью своего положения в результате привилегий, которые были дарованы польскими королями, когда вопрос о конфессиональном подчинении вообще не поднимался. На некоторое время они были оставлены на самостоятельное управление[5]. С 1883 г. в связи с общими изменениями в крае, связанными с восстанием 1830-1831 гг., татары западных губерний были подчинены Таврическому магометанскому духовному правлению. Однако мусульмане западных губерний никогда не имели своих представителей в духовном правлении и обращались туда исключительно за подтверждением выписок их метрических книг, утверждением кандидатов на должности муллы и его помощников; иногда по вопросам брака. В 1891 г. началось преобразование Таврического магометанского духовного правления и было решено «изъять татар западных губерний по духовным делам из ведения означенного правления и подчинить их мулл общему гражданскому управлению»[6]. Но рассмотрев это дело, их оставили в Таврическом магометанском духовном правлении. Правление осуществляло свою деятельность вплоть до своего упразднения в 1925 г.[7]

Сведения, имеющиеся в материалах дела, сохранившегося в фондах Центрального государственного архива Крыма (ЦГАК), состоящего из 64 страниц, свидетельствуют о переписке Таврического магометанского духовного правления в середине XIX в. с правлениями белорусско-литовских губерний[8].

После окончания Крымской войны (1853-1856) возникла необходимость в сборе сведений о сохранившихся мечетях, количестве прихожан при них, мусульманском духовенстве и учебных заведениях. На заседании Таврического магометанского духовного правления от 6 июня 1856 г. было принято решение обратиться с этой просьбой не только к кадиям Крыма, но и в Минское, Гродненское, Виленское, Волынское, Подольское и Ковенское губернские правления[9].

Министерство внутренних дел Гродненского губернского правления от 6 ноября 1856 г., отвечая на запрос Таврического магометанского духовного правления сообщило, что «находятся мечети в следующих уездах: Гродненском — в имении Крушенянах, Сокольском — в Богомилах и в городе Слониме»[10].

10 декабря 1856 г. Гродненская полиция сообщает, что в г. Слониме действует одна мечеть, число прихожан при которой 306 человек. Мулла мечети утвержден указом Гродненского губернского правления от 29 февраля 1856 г., а муэдзин избран прихожанами Слонимской мечети[11].

Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий в Петербурге, Таврическое магометанское духовное правление, губернские правления на протяжении всего периода рассматривали, в основном, дела, связанные со строительством или ремонтом мечетей в белорусско-литовских губерниях, а также жалобы прихожан-мусульман, не согласных с выбором того или иного муллы или с деятельностью некоторых духовных лиц. Дела часто растягивались на долгое время из-за большого расстояния между Петербургом, Крымом, Минском, Вильно и Гродно. Так, 25 мая 1881 г. прихожане Слонимской мечети обратились за финансовой помощью к министру внутренних дел для отстройки после пожара здания мечети. В прошении они писали что «магометанское духовенство и мечети в Северо-Западном крае по силе закона существуют на исключительную лепту прихожан, которые, будучи обложены сбором на христианское духовенство и церкви», не имели достаточно денег и просили тысячу рублей. Министр отнесся сочувственно, и Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий 21 марта 1883 г. обратился в Таврическое магометанское ду-

Татары перед михрабом во время визита муфтия Шинкевича. Слоним. Łopalewski, T. Między Niemnem a Dźwiną. Ziemia Wileńska i Nowogródzka. – Poznań, 1990. – S. 33.

ховное правление, чтобы оно выделило деньги за счет вакуфов и денежных капиталов. Деньги для слонимских прихожан были выделены[12].

Сокольский уездный суд препровождает в Таврическое магометанское духовное правление донесение муллы Алиевича, Богомильского магометанского прихода, сообщающего численность прихожан, составившую 63 человека[13]. Поступили также сведения о мечети, находящейся в имении Крушиняны Гродненского уезда, прихожан при которой числилось 281 человек[14].

Министерство внутренних дел Ковенского губернского правления от 31 декабря сообщило, что «В городе Видза Новоалександровского уезда существует один молитвенный магометанский дом, при оном находятся духовные чины (имам и муэдзин) дворяне Яков и Амурад Якубовские»[15]. Число прихожан обоего пола составило 300 человек.

В другом донесении Министерства внутренних дел Ковенского губернского правления сказано, что «мечетей и духовенства магометанского вероисповедания в г. Ковно не имеется, а татары, проживающие в г. Ковне, для исполнения обрядов своей веры привозят муллу из Троцкого уезда деревни Рейт*, где они и числятся прихожанами»[16].

Подольское губернское правление сообщило о «нахождении магометанских мечетей в одном только Брацлавском уезде Подольской губернии» и о распоряжении уездному земскому суду предоставить сведения в Таврическое магометанское духовное правление, в котором, в частности, говорится, что в селе Хвастовцы имеется соборная мечеть, при которой числится 36 прихожан, а службу исполняет мулла Самуил Ловчицкий[17].

Вызывают интерес данные, полученные из Минского губернского правления. По рапортам полиции городов Речицы, Слуцка, Борисова, Мозыря и Бобруйска следует, что ни мечетей, ни мусульманского духовенства в этих городах в середине XIX в. не имелось. В нашем распоряжении имеется свидетельство Борисовской полиции «в г. Борисове магометанских мечетей, как равно прихожан и духовных лиц, вовсе не находится…»[18]

* Вероятно, имелась в виду деревня Рейжи, современная Рейжай Литовской Республики.

Группа татар с имамом Д. Мурзичем. Ляховичи.
Katalog zabytków tatarskich. – Warszawa, 1999. – T. II. – S. 66.

Соборная мечеть находилась лишь в одном уездном городе — Новогрудке, прихожан при которой числилось 256 человек. При мечети имелись мулла и муэдзин[19]. В Новогрудском уезде действовала еще одна соборная мечеть, прихожан при которой, как сообщает хатып мечети Якуб Якубовский, числилось 110 человек (вероятнее всего, имелась в виду мечеть в деревне Ловчицы)[20].

В рапорте имама Осмоловской соборной мечети Слуцкого уезда Минской губернии Иосифа Богдановича-Байрашевского от 8 февраля 1857 г. сообщается, что в селении Осмолово, местечках Клецк и Копыль имеется соборная мечеть, которую посещают 287 прихожан обоего пола[21].

1 марта 1857 г. Таврическое магометанское духовное правление получило рапорт хатыпа с. Ляховичи Слуцкого уезда Якуба Мурзича, в котором сообщается, что мечеть в селе является соборной и ее посещают 332 прихожанина[22].

И, наконец, Таврическим магометанским духовным правлением было получено сообщение из Игуменского уезда Минской губернии о действующих соборных мечетях в местечках Узда и Смиловичи. Хатыпом первой мечети состоял Сулейман Александров, муэдзином — Абрагам Сулейманов. При мечети числилось 153 прихожанина. Имам мечети местечка Смиловичи Асан Азиголов «сын Полторацкий» сообщил, что мечеть посещают 315 человек[23].

Таким образом, по сообщениям, полученным Таврическим магометанским духовным правлением в 1856-1857 гг. в Гродненской, Ковенской, Подольской и Минской губерниях действовало 11 мечетей, при которых числилось в общей сложности более 2 200 прихожан.

Анализ документов, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, Центральном государственном архиве Крыма, Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга свидетельствует о наличии разветвленной системы бюрократической опеки со стороны российских властей за деятельностью мусульманских общин, которые в тогдашних услови-

Мечеть в Мире. Вид с юго-запада. Приблизительно 1930-е гг. Kryczyński, S. Tatarzy litewscy. – Warszawa, 1938. – Ill. 17.

Мечеть в Мяделе. Приблизительно 1932 г. Katalog zabytków tatarskich. – Warszawa, 1999. – T. II. – S. 75.

ях общественно-политической жизни страны были едиными социальными органами, которые способствовали белорусским татарам в сохранении своего этноконфессионального единства. Ключевые вопросы жизни верующих должны были решаться с санкции государственных властей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии / Сост. С. Ф. Рубинштейн. – Вильно, 1894. – С. 165.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ), ф. 319, оп. 1, д. 91.
3. Там же, оп. 5, д. 85.
4. Там же.
5. Наш радавод. – Гродно, 1992. – С. 192-193.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 8, д. 686.
7. Hasbiewic S. Polonya musulmanlari // Emel. – 1992. – № 190. – С. 18-21.
8. Центральный государственный архив Крыма (ЦГАК), ф. 315, оп. 1, д. 972.
9. Там же, л. 1-2.
10. Там же, л. 5-6.
11. Там же, л. 17-18.
12. РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 686, л. 11, 12, 26.
13. ЦГАК, ф. 315, оп. 1, д. 972, л. 41-42.
14. Там же, л. 47.
15. Там же, л. 30.
16. Там же, л. 61.
17. Там же, л. 51-52.
18. Там же, л. 34.
19. Там же, л. 36.
20. Там же, л. 64.
21. Там же, л. 54-55.
22. Там же, л. 37-38.
23. Там же, л. 58-59.

Зорина Канапацкая,
кандидат исторических наук
(Республика Беларусь)

„Пресечь вредную деятельность по подаче прошений“

(Петиционная кампания мусульман Казанской губернии 1883 г.)*

Польское восстание 1863 г. и либеральные реформы 1860-1870-х гг. поставили перед российским правительством вопрос об ускорении интеграции этноконфессиональных меньшинств в общеимперское пространство. Поэтому школьная политика самодержавия в пореформенный период в отношении «инородцев» имела две составляющие: учреждение начальных учебных заведений, адаптированных к менталитету и особенностям традиционной культуры местных народов, и установление правительственного контроля над их этноконфессиональными учебными заведениями. В отношении мусульман Поволжья, Приуралья и Крыма первое из них регламентировалось «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. Правила предусматривали учреждение русских классов при медресе и мектебах, русско-татарских школ, татарских учительских школ.

О передаче автономных мусульманских конфессиональных школ Казанского учебного округа в ведение Министерства народного просвещения было заявлено в указе Александра II от 24 ноября 1874 г. Наблюдение за ними рекомендовалось начать после утверждения специальной инструкции о порядке осуществления контроля. Однако подготовленный в 1876 г. учебным ведомством проект инструкции не был поддержан большинством руководителей губерний Волго-Уральского региона и МВД. 5 февраля 1882 г. Александр II утвердил циркулярное предписание министра просвещения А. П. Николаи попечителям Казанского и вновь учрежденного Оренбургского учебных округов. Чиновникам учебного ведомства предлагалось соблюдать осторожность во время по-

* Исследование поддержано грантом Российского гуманитарного научного фонда (11-11-16010а/В).

сещений мектебов и медресе, собирать статистические сведения, давать словесные советы, не предъявляя никаких обязательных требований. По результатам осмотра школ чиновники обязывались составлять отчеты для попечителя округа. Посещение школ и дальнейшее с ними ознакомление предполагалось начинать с мест совместного проживания мусульман с русскими или крещеными «инородцами». Лишь затем разрешалось постепенное продвижение в районы со сплошным мусульманским населением[1].

Инспектор татарских, башкирских и киргизских школ в Казанском учебном округе В. Радлов циркуляром от 15 апреля сообщил заведующим медресе г. Казани о содержании указа императора от 5 февраля 1882 г. и запросил некоторые сведения о состоянии учебных заведений. В ответ большинство мулл запросило у В. Радлова копию указа, другие проигнорировали требование и только один предоставил запрошенные статистические данные. Послать муллам копию указа инспектор «счел неудобным», так как еще согласно закону от 24 ноября 1874 г. мектебы и медресе были подчинены ведению Министерства народного просвещения.

21 декабря 1882 г. инспектор В. Радлов предпринял вторую попытку установления контроля. Вместе с губернатором Л. И. Черкасовым он посетил все казанские медресе. Везде объявлялось, что мусульманские школы «подчинены надзору» Министерства народного просвещения, что вызывало громкие возгласы протеста со стороны шакирдов и собравшихся татар[2].

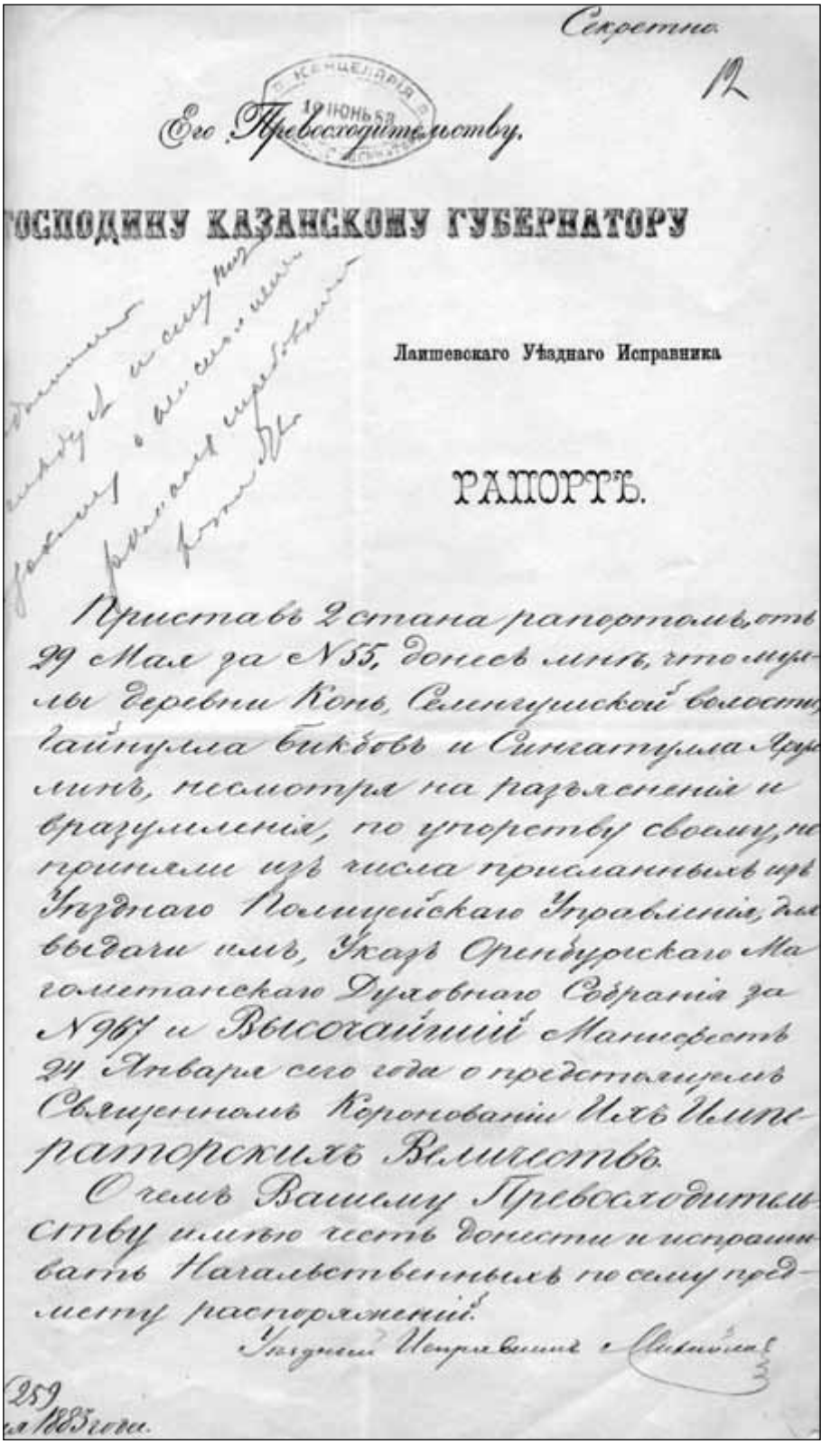
Таким образом, действия и высказывания В. Радлова получили широкий резонанс. Они были интерпретированы как посягательство власти на ислам и как разрушение исторически сложившихся в медресе традиций и государственно-исламских отношений[3]. Впоследствии инспектор Казанской татарской учительской школы Ш. Ахмеров отмечал, что «во всяком вмешательстве правительственных лиц в дела духовных мусульманских школ татары видят лишь первый шаг правительства к переустройству этих школ по образцу русских и к переустройству их религиозного быта путем изменения характера школьного преподавания и обучения»[4].

Декабрьские события 1882 г. вызвали различные слухи о предстоящем крещении мусульман. Негласные расследования полиции позволяют воссоздать общественную обстановку в уездах. В январе-марте 1883 г. в Мамадышском уезде распространились слухи о постройке школ для обучения татарских детей русской грамоте, об отбирании от мулл метрик и передаче их священникам для записи в них татарских требований. В результате сельские общества воздерживались выдавать приговоры и запрещали старостам прикладывать печать к какому-либо документу. Согласно сведениям Мамадышского уездного исправника, главный агитатор волнений находился в Казани, который распространял новые слухи о том, что вскоре от кандидатов в муллы начнут требовать знания русской грамоты, и о назначении инспектора для наблюдения за татарскими школами[5].

В Казанском уезде на настроение татарских крестьян негативно повлияло закрытие властями в 1883 г. в д. Мендели второго мектеба (был учрежден в 1882 г.) в ответ на нежелание прихожан обзавестись за свой счет русским классом[6].

Тревожной была обстановка в волостях Лаишевского уезда*. В Астраханском волостном правлении сельским старостам были проданы поступившие от столичных издателей 50 экземпляров литографированных портретов государя и государыни. Узнав о приобретении портретов старостой д. Татарский Кабан, который не знал что с ними делать (по шариату мусульманам не разрешалось держать дома изображения людей), местный мулла стал говорить о получении старостой православных картин-образов. В результате распространился слух о намерении правительства крестить татар

* Сараловская, Астраханская, Державинская волости.



Секретно.

12

Его Превосходительству.

ГОСПОДИНУ КАЗАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

Лаишевскаго Уѣзднаго Исправника

РАПОРТЪ.

Приставъ 2 стана рапортомъ, отъ 29 Мая за № 55, донесъ мнѣ, что муллы деревни Конь, Селенгушской волости, Гайнулла Бикбовъ и Сингатулла Ярулинъ, несмотря на разъясненія и вразумленія, по упорству своему, не приняли изъ числа присланныхъ изъ Уѣзднаго Полицейскаго Управленія, для выдачи имъ, Указъ Оренбургскаго Магометанскаго Духовнаго Собранія за № 967 и Высочайшій Манифестъ 24 Января сего года о предстоящемъ Священномъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

О чемъ Вашему Превосходительству имѣю честь донести и испрашивать Начальственныхъ по сему предмету распоряженій.

Уѣздный Исправникъ [illegible]

259

...я 1883 года.

Рапорт Лаишевского уездного исправника Казанскому губернатору. 7 июня 1883 г.
НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 5884, л. 12.

в русскую веру[7]. В июне 1883 г. муллы д. Конь отказались принять указ Оренбургского магометанского духовного собрания и царский манифест от 24 января о предстоящем короновании императорских величеств[8].

В марте 1883 г. в Спасском уезде на сельских сходах обсуждалось заявление инспектора В. Радлова о будущем правительственном распоряжении об обязательном обучении русскому языку «всех татар» и о запрете назначать муллами лиц, не знающих государственного языка[9].

В Тетюшском уезде волнения были вызваны заявлением инспектора В. Радлова о предстоящих разъездах для осмотра всех сельских медресе и мектебов, и якобы произошедшем в Казани «столкновении» между инспектором и татарами. Самое главное, инициативы инспектора интерпретировались муллами и населением как дальнейший шаг по реализации «Инструкции сельским обществам по выполнению возложенных на них законом обязанностей» 1878 г., предусматривавшей обязательный сбор «мирских» средств со всего сельского податного населения, в том числе мусульман, на нужды церквей и училищ и приведшей к массовым волнениям в 1878-1879 гг. Активно обсуждалась и новость о том, что четыре кандидата в муллы, выдвинутые по общественным приговорам, не были допущены губернским правлением к экзаменам в Духовном собрании из-за отсутствия у них свидетельства об окончании русского училища. Татарские сельские общества уезда, опасаясь негативных последствий, максимально ограничили общение с властями, сорвали проведение земством обследования экономического состояния крестьянских хозяйств[10].

Ответной реакцией на императорский указ от 5 февраля 1882 г. явилась массовая подача ходатайств в вышестоящие инстанции. Первое ходатайство в губернии было составлено муллами и татарами Казани сразу после посещения губернатором и В. Радловым городских медресе. В ходатайстве речь шла об отказе от введения в медресе обязательного обучения русской грамоте и «об изъятии» мусульманских школ из-под надзора правительства. В начале января 1883 г. оренбургский муфтий С. Тевкелев представил это прошение татарской общины Казани министру внутренних дел. Чтобы успокоить просителей, муфтий предлагал ознакомить мулл с содержанием указа от 5 февраля. Однако граф Д. Толстой посчитал эту просьбу не подлежащей удовлетворению[11].

Слухи и проводившиеся в уездах в марте — начале мая 1883 г. сельские сходы в значительной степени были спровоцированы полученными из Казани текстами «образцовых прошений», содержащих объяснение причин и требования мусульман. Практически во всех общественных приговорах, закрепленных подписями или «тамгами» глав семейств, содержатся, по сути, два варианта текста ходатайств.

Если исходить из текстов общественных приговоров и прошений, поступивших в адрес казанского губернатора, то получается, что инспектор В. Радлов заявлял о введении с 1883 г. требования, согласно которому муллы должны были владеть русским языком. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы, поскольку воспринималось сельским духовенством как намерение власти провести ревизию среди указных мулл на предмет знания русской грамоты, и на основании которой освободить их от духовной должности независимо от того, сколько десятилетий они ее занимали. В результате петиционная кампания была организована приходским духовенством, имевшим личный интерес в ее осуществлении.

Сельские сходы проводились тайно, местная полиция сообщала лишь о слухах и волнениях среди татар, не предполагая даже о существовании петиционной кампании. Изложенные в образцах текстов прошений требования интерпретировались жителями как намерения власти. Этот момент четко зафиксирован в рапорте тетюшского исправника, сообщавшего о распространении следующих слухов о крещении: «всех малолетних детей» — маль-

чиков и девочек — с 6-летнего возраста будут «насильно брать и учить русской грамоте»; «все медресе» будет посещать инспектор; указных мулл подчинят Министерству народного просвещения; муллами будут назначать только лиц, окончивших русское училище[12].

Кампания по подаче прошений одновременно велась в марте 1883 г. в Казанском, Тетюшском, Лаишевском, Мамадышском и Спасском уездах. В Казани действовала группа переписчиков, которые брали за каждое ходатайство от 5 до 15 рублей и выдавали их копии, засвидетельствованные городским нотариусом. Большинство прошений (197) адресовались казанскому губернатору и лишь частично императору (50)[13].

Выявить инициаторов полиция не имела возможности, за исключением редких случаев. В частности, в Тетюшском уезде акция по проведению сельского схода и составлению общественного приговора была организована по инициативе муллы д. Ясашное Барышево Хамидуллы Фаткуллина, который был привлечен полицией к ответственности[14].

Нами выявлено два варианта образцов текстов (они определены как № 1 и № 2). Форма текста № 1 со ссылкой на «Правила» 1870 г., в которых было предусмотрено распространение на мулл требования обязательного знания русского языка, будила опасение, что при выборе Министерством народного просвещения кандидатов на духовные должности могут быть назначены лица, хорошо знакомые с русской грамотой, но «не могущие точно и верно преподавать магометанское вероучение». На основе этого возникал вопрос о том, чтобы мусульманские школы были подведомственны Духовному собранию, без вмешательства Министерства народного просвещения, чтобы «как и прежде, никто не вмешивался в наши религиозные дела», чтобы выбор и определение мулл зависели исключительно от Духовного собрания, которое может «лучше понять годность» выбранных прихожанами лиц для занятия духовной должности и их способность преподавать в школе мусульманское вероучение. Решение этих проблем мусульман позволило бы избежать последствий, могущих вредно повлиять на «магометанское учение»[15].

Наиболее компетентно был составлен образец текста № 2 прошений. Причинами волнений в нем были названы действия В. Радлова: посещение казанских медресе, отказ выдавать муллам копию императорского указа от 5 февраля 1882 г., его заявление в стенах медресе о том, что если шакирды не желают учиться русской грамоте, то пусть выбывают из медресе в течение нескольких дней, в противном случае он будет просить полицию о закрытии учебного заведения.

Далее приводятся аргументы о неправомочности установления правительственного контроля, высказанные В. Радлову в письменном виде заведующим Апанаевским медресе С. Салиховым еще в 1873 г.[16], а именно: о содержании конфессиональных школ за счет самих обществ или отдельных мусульман, существовании у большинства из них вакуфов (что было характерно для Казани и отнюдь не для сельской местности), полученным от дарителей по их духовным завещаниям для преподавания исключительно религиозных дисциплин, а также предназначенность мектебов и медресе для изучения религиозных наук в течение 15 лет «не смешивая с другим языком»[17].

Требование русского образовательного ценза для мулл выводилось из «Правил» 1870 г., где об этом было заявлено как о планируемой правительством мере. При этом делалась ссылка на «Известия по Казанской епархии» (1870 г., № 18), где этот документ был опубликован. В данной связи выражалось опасение, что данная мера может привести к игнорированию мнения прихожан и назначению на духовные должности лиц без учета их религиозных знаний и преданности своим духовным обязанностям.

В прошении также указывалось на затрудненность изучения наряду

с арабским русского языка, могущую нежелательным образом сказаться на профессиональной подготовке будущих мулл, что воспринималось как стеснение исламского вероучения. Мусульмане, желающие изучать другие науки, имеют возможность обучаться в других российских учебных заведениях, поэтому «нет надобности учиться тому, чего они не желают, или тому, что запрещает наша религия».

На этом основании ставились вопросы о том, чтобы: изменить правительственное распоряжение о введении в мусульманских школах обязательного изучения русского языка, обременяющее их обучение и подготовку «в духовные должности»; признать необязательным обучение русскому языку; оставить в силе прежнюю систему обучения в мектебах и медресе; освободить мусульманские школы от наблюдения со стороны учебного ведомства и оставить их в ведении Оренбургского мусульманского духовного собрания; воспретить определять в муллы лиц, окончивших «народные школы», потому что они «не вполне могут знать понятия мусульманского исповедания»[18]. По сути, речь шла об отмене императорского указа от 24 ноября 1874 г. и ряда положений «Правил» 1870 г. (об открытии русских классов при медресе, о введении в будущем русского образовательного ценза для мулл).

С целью парализовать кампанию по подаче прошений губернатор Л. Черкасов стал вызывать в свою резиденцию кандидатов в муллы, чтобы провести с каждым из них собеседование и лично удостовериться в знании русской грамоты. В результате некоторые кандидаты в муллы не были допущены к экзаменам в Духовном собрании[19].

После получения «высочайших» прошений Министерство внутренних дел и Департамент полиции заинтересовались истинными причинами массового протеста татар Казанской губернии против правительственных распоряжений. Министерство 28 мая 1883 г. предписало «пресечь вредную деятельность по подаче прошений, поселяющих в неразвитых инородцах напрасные ожидания». Губернатор Л. Черкасов обвинил в «происшествии» инспектора В. Радлова и объяснил это подозрительностью татар, «ревниво охраняющих свою религию и смотрящих на каждое нововведение как на посягательство обратить их в православие»[20].

Завершающим аккордом петиционной кампании стало прошение, составленное в июне 1883 на имя российского императора представителями татарской элиты г. Казани — коммерческими советниками Исхаком и Ибрагимом Юнусовыми, купцом Муртазой Азимовым и другими об освобождении мусульманских школ от контроля Министерства народного просвещения и об освобождении утвержденных мулл от обязательного знания русского языка[21].

Товарищ министра внутренних дел И. Дурново 21 августа 1883 г., опровергая «опасения» просителей о том, что закон 5 февраля 1882 г. «стесняет религиозную свободу», просил оренбургского муфтия С. Тевкелева «разъяснить муллам Казанской губернии неосновательность вышеприведенных опасений татарского населения, а также необходимость подчиняться «законным требованиям начальства»[22].

Казанский губернатор Л. Черкасов и оренбургский муфтий С. Тевкелев были уверены в том, что кампания по подаче прошений была вызвана глубоким недоверием татар к любым нововведениям, в которых они видят желание правительства обратить их в православную веру. Л. Черкасов уведомил МВД о том, что в таких ситуациях, когда вопрос касается всего татарского населения, «татары единодушны, склонны оказать противодействие в резких формах»[23].

В отличие от петиционной кампании в период крестьянского движения 1878-1881 гг., когда просьбы татарской буржуазии и сельских обществ имели существенные различия, в 1882 г. произошло «объединение» требований различных социальных групп населения. Впервые во главу угла были поставлены общенациональные проблемы, поднятые предпринимательской эли-

той Казани, которые, в действительности, не отражали общественное мнение крестьянских общин. Под воздействием мулл, опасающихся лишения своих должностей, в прошениях появилась просьба о невведении русского образовательного ценза для мулл. Единым центром подачи прошений впервые стала Казань, тем самым была заложена традиция в этой сфере на ближайшие два десятилетия.

Неудачи инспекции по контролю системы мусульманского образования, после передачи в 1874 г. конфессиональных школ Министерству народного просвещения, укрепили уверенность татар в своих возможностях открыто выражать протест и нежелание подчиняться власти инспектора. «Мозговой центр» кампании находился в Казани, исполнителями его установок являлись муллы. Петиционная кампания была проведена по следующей схеме: образец текста прошения из Казани; составление общественного приговора и выборы уполномоченных в сельском обществе; составление уполномоченными прошений на имя губернатора или императора в Казани; подача казанскими купцами «завершающего» прошения, вобравшего в себя ключевые положения, зафиксированные в ходатайствах от «народа».

Акция национальной буржуазии и духовенства достигла своей цели. До сведения правительства была доведена четкая позиция мусульман, не согласных с нарушением автономии в сфере религиозного образования и подчинением мектебов и медресе правительственному надзору, принудительными мерами по открытию русских классов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1882. – № 4. – С. 72-74.
2. НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 6811, л. 6-8.
3. Там же, д. 5883, л. 3 об.-4.
4. Там же, д. 6811, л. 9 об.
5. Там же, д. 5516, л. 15-16.
6. Там же, ф. 119, оп. 1, д. 321, л. 3-3 об., 7, 11-12; ф. 1, оп. 3, д. 7798, л. 170-170 об.
7. Там же, ф. 1, оп. 3, д. 5516, л. 10-13.
8. Там же, д. 5884, л. 12.
9. Там же, л. 10-11.
10. Там же, л. 14-15, 17-17 об.
11. Там же, д. 5883, л. 1-1 об.
12. Там же, д. 5884, л. 14-15.
13. Там же, д. 5883, л. 4-4 об., 12, 15-16, 19, 21, 23.
14. Там же, д. 5884, л. 17-17 об.
15. Там же, д. 5881, л. 1-1 об.
16. Материалы по истории Татарии. – М.-Л., 1936. – Вып. 1. – С. 312-313.
17. НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 5881, л. 21-23.
18. Там же, л. 21-21 об.
19. Там же, д. 5883, л. 4-4 об.
20. Там же, л. 6-6 об., 21-22.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 171, д. 656, л. 1.
22. Цит. по: Фархшатов М. Н. Мектеб или школа: Прошения мусульман Волго-Уральского региона по вопросам образования за 1870-1890-е годы // Научный Татарстан. – 2010. – № 2. – С. 211.
23. НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 5883, л. 12 об.-13.

Ильдус Загидуллин,
доктор исторических наук

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА ТАТАР В XIX В.

К середине XIX в. некоторые из традиционных ремесел татар перерастают в мануфактурного типа производства, так называемые «кустарные промыслы». К ним, наряду с чисто хозяйственными (обработка дерева, растительных волокон и др.), относились и художественные промыслы, в которых изготовление необходимых в быту и трудовой деятельности предметов осуществлялось по критериям не только пользы, но и красоты.

Согласно документальным данным, предприятия художественных промыслов у татар появились в 40-е гг. XIX столетия с развитием товарно-денежных отношений, а также по причине малоземелья и расслоения крестьянства, как средство дополнительного заработка. Производство ремесленного характера возникало во всех регионах проживания татар — Поволжье и Приуралье, Западной Сибири, Крыму.

Художественные промыслы и ремесла, являясь синкретическим видом материальной и духовной культуры, сложились на базе народного искусства. Произведения этого искусства (к нему также применяли термины «бытовое искусство», «крестьянское искусство») создавались коллективным творчеством на основе преемственности традиции. Мастера-кустари производили в массовом количестве художественно оформленные предметы народного обихода, используя традиции как в технике исполнения, так и в орнаментации.

В середине XIX в. развитие традиционных ремесел достигло наиболее высокого уровня. Это относится к ювелирному искусству, золотому шитью, кожаной мозаике, вышивке, ткачеству, каллиграфии, резьбе по камню. В различных регионах проживания татар, преимущественно на селе, развитие получили также ковроделие, войлоковаляние (в создании ковров — киез, войлочной обуви и головных уборов), обработка металла, плетение из лыка и камыша, резьба и роспись по дереву и бересте, кожаное тиснение и аппликация.

В периодизации татарского искусства этап с середины XVIII до середины XIX в. отнесен к национально-классическому, а этап со второй половины XIX до начала XX в. — к общенациональному[1].

На первом этапе бурно развивалось ремесленничество в местах сельского и городского общинного проживания татар. Расцвету различных видов декоративного искусства способствовали со-

хранявшиеся с феодальной эпохи высокие ремесленные традиции, послужившие созданию образцовых, так называемых классических форм. Они сложились на базе городской культуры татар Поволжья и Приуралья, которая, в свою очередь, сформировалась на основе этнокультурных традиций казанских татар. В отличие от других этнических групп, казанские татары создали развитые формы ремесленного производства, что позволило выпускать массовую тиражируемую продукцию, обеспечивавшую нужды всех территориальных групп татар (Поволжья, Приуралья и Западной Сибири) и даже башкир, отчасти казахов. Центрами развития татарской классической культуры были Казань и крупные аулы Заказанья. В этот период складываются образцовые (для всех групп татар) костюм (комплекс традиционных компонентов одежды), ансамбль экстерьера и интерьера жилища, орнаментальный и колористический строй в художественном языке искусства[2].

На втором этапе (вторая половина XIX — начало XX вв.) ремесленная деятельность расширяется и охватывает почти все сферы материально-художественного производства, широко проникает как в городской, так и в сельский быт. Производство предметов быта постепенно становится одним из основных занятий населения татарских сел. Здесь оно развивалось в форме домашнего производства, ремесла и сезонного отхожего промысла. Сложилась даже специализация населения отдельных деревень в производстве тех или иных видов изделий, что нашло отражение в их названиях: Балтаси от «балтачы» (плотники), Тимерцы от «тимерче» (кузнецы), Бакырче от «бакырчы» (медники), Чулпычы (мастера по изготовлению чулп — накосников) и др. В ремесленных мастерских обучались подмастерья и создавались артели, в которых обычно объединялись близкие родственники, хотя были и мастера, работавшие одиночками по заказам. Секреты мастерства оберегались и передавались по наследству от отца к сыну или дочери (в ювелирном деле), как и инструментарий[3].

В отличие от ремесленного производства для художественных промыслов характерно массовое изготовление товаров для рынка в мастерских, цехах и артелях. Не выделяясь из общей массы кустарных производств, они развивались в форме мануфактурного производства с разделением труда по стадиям изготовления изделий. Это было связано с необходимостью повышения производительности труда. Однако мастер переставал создавать вещь целиком, и работа его ограничивалась выполнением одной или нескольких операций, что снижало художественный уровень изделий.

В Казани и близлежащих татарских деревнях наиболее крупным из художественных промыслов в XIX в. был ичижно-каляпушный промысел по производству декорированной мозаикой узорной кожаной обуви и золотошвейных головных уборов (калфаки и тюбетейки).

К мелким производствам в форме промысла относилось изготовление изделий художественного ткачества, войлочных (киез) и безворсовых (келэм) ковров.

В ичижно-каляпушном промысле были объединены ичижное (изготовление узорной обуви в технике кожаной мозаики) и золотошвейное (изготовление расшитых головных уборов — каляпушей, калфаков и обуви) производства. Такое объединение было связано с тем, что и тут и там в процессе производства использовался труд мастериц (преимущественно надомниц), сшивавших специальным вышивальным швом узорные заготовки кожаной обуви и украшавших в технике золотого и серебряного шитья головные уборы и обувь, в основном шитых из бархата. До конца XVIII в. шитьем ичигов занимались преимущественно на дому женщины-селянки, расшивая их себе в приданое. Шитье обуви было отделено от выделки кожи — сафьяна, юфти, которую покупали на рынках в готовом виде. Золотошвейные головные уборы также изготавливались на дому, иногда в школах при мечетях (мектебах) для девочек.

В основе ичижного промысла как массового производства изделий татар-

Ичиги: заготовка и образцы. Кожаная мозаика. XIX в. Фото из личного архива Ф. Х. Валеева.

ской узорной обуви из кожи — сапог (читек, ичиги) и туфель (башмак, чувэк) лежат традиции художественной обработки кожи в технике мозаики — каюлы кун, редко — тиснения. Обувь создается из узорных разноцветных кусочков кожи (сафьян, юфть), сшитых встык, с применением уникальной техники ручного шва, тачающего и одновременно украшающего изделие.

В мануфактурном производстве процессы труда были разделены между исполнителями. В ичижном промысле изготовляли полуфабрикат вещи и работали над ее отделкой. Труд был раздельным: мужчины кроили изделия, женщины сшивали кусочки раскроенной кожи, затем подошвы к готовому изделию опять пришивали мужчины. Мужской труд был направлен на подготовительные и завершающие этапы процесса создания обуви. Если в ремесленном производстве разделение труда происходило в пределах семьи или артели, то в промысле специализация углубилась: крой обуви и ее окончательную отделку стали осуществлять в Казани, в то время как сшивание кусочков узорной кожи — в деревнях Заказанья[4].

Раздельным был и труд в золотошвейном производстве головных уборов (мужских — тюбэтэй, каляпуш, женских — калфак, такыя) и бархатной (башмак) обуви. Сначала закройщики кроили отдельные конструктивные части изделия, затем вышивальщицы их украшали узором, и после этого заготовки сшивались в изделие[5].

Разделение процессов труда способствовало захвату производства фирмами, торгующими «азиатской» обувью и головными уборами. Они заготовляли сырье — кожи, бархат, нити и др., перебрасывали изделия от одного исполнителя к другому. В Казани работали заготовщики, закройщики, сапожники, в то время как вышивальщицы преимущественно трудились в деревнях, в основном Заказанья. Меньшее число их жило в слободах Казани[6]. В ичижном производстве, кроме сапожек, изготовлялись также кожаные и бархатные женские туфли, кожаные тапочки. Их выпускали как на мягкой, так и жесткой подошве.

Производство всех видов узорной обуви было сосредоточено в Казани и в крупных селах Заказанья (Арск, Дубъяз, Большие и Малые Ковали, Мемдель, Клачи, Кырлай, Мульма, Ср. Аты, Атня, Субаш, Инся, Ср. Серда, Тимерче, Ямашурма), а также в некоторых деревнях Чистопольского, Тетюшского, Мамадышского, Спасского, Лаишевского уездов Казанской губернии[7]. Локальные очаги производства татарской узорной обуви существовали в конце XVIII — начале XX вв. в Оренбурге (Сеитов посад), Касимове, Тобольске, Томске и Бухаре. Подобные татарским ичигам узорные сапожки изготавливались в Торжке Тверской губернии[8].

Г. М. Залкинд[9], опираясь на сведения о занятиях жителей Казани в 1840-1841 гг., приводит имена нескольких ремесленников — Апсалямов, Рахманкулов, Саитов, Гайсин, Габдрахманов, Семенов, занимавшихся производством ичигов. Наряду с мелкими ремесленными мастерскими, работали появившиеся в 1840-е гг. крупные мануфактуры (купцов М. Ю. Абдуллина и М. Ф. Файзуллина)[10], которые получили развитие в форме художественного промысла. Сре-

ди производителей золотошвейных головных уборов была 2-й гильдии купеческая жена Х. М. Апакова, представившая изделия на Первой мануфактурной выставке в Казани в 1837 г.[11]

По статистическим данным, в конце XIX в. в Казани работало до двух тысяч мастеров, до 10 тысяч — в окрестных аулах. Производство узорной обуви достигало до трех миллионов пар в год[12]. Заказы выполнялись как на внутренний, так и внешний рынок. Изделия отправлялись на крупные ярмарки в Западную Европу, города Поволжья, Урала и Сибири и особенно в Среднюю Азию, отчего этот вид обуви и получил название «азиатской».

К 1910 г. число торгующих лавок в Казани достигло 43, куда поставлялся ичижный товар от 34 фирм-производителей[13]. Наиболее крупным производителем и торговцем узорной обуви был казанский купец 2-й гильдии Мухаммадзян Галеев (Галиев)[14]. В 1869 г. он основал фирму по производству и продаже национальной обуви. Изделия его фабрики, выпускавшей обувь и головные уборы (около 100 моделей), продавались в Казани, Уфе, Троицке, Петербурге, Москве, в Оренбургской губернии, городах Сибири и Средней Азии, вывозились на Нижегородскую, Ирбитскую, Мензелинскую, Симбирскую и другие ярмарки. Они были удостоены российских и иностранных наград, в том числе Большой золотой (1883) и бронзовой (1886) медалей Европейского общества наук в Париже, серебряной медали Всемирной Парижской выставки (1889), международной выставки в Чикаго (1893), серебряной медали Всероссийской Нижегородской выставки-ярмарки (1898)[15]. Среди производителей и торговцев «азиатской обувью» в Казанском крае были также З. Ш. Хусаинов, А.-С. Губаев, М.-С. Дяминев, Х. Юсупов, С. и С. Каримовы, З. З. Усманов и др.

Наиболее крупной фирмой в конце XIX в., торговавшей произведенными на ее же фабриках тюбетейками, калапушами и калфаками, была фирма Гайнутдина Сабитова с сыновьями. Помимо основной торговли в Казани, филиалы фирмы имелись на Нижегородской,

В обувной лавке. Начало XX в.
НА РТ, оп. 13, д. 544.

Калфак из бархата, золотых нитей и канители. XIX в. Из собрания Государственного музея изобразительных искусств РТ.

Мензелинской, Бугульминской и других ярмарках. Изделия фирмы Г. Сабитова были признаны лучшими на всем общероссийском рынке и удостаивались наград на промышленных выставках в Рос-

сии и за рубежом[16]. Например, в XIX в. они были награждены золотой медалью в Лондоне (1884 г.), серебряными медалями в Амстердаме (1883 г.), Казани (1886 г. и 1890 г.), Париже (1888 г.), Нижнем Новгороде (1896 г.).

С конца XIX в. вовлечение ремесел в систему капиталистической экономики, разделение процесса изготовления изделий в ичижном и золотошвейном промыслах, привело к отрыву от традиций народного искусства, к обезличиванию творчества и к падению художественного качества изделий. К тому же, они не выдерживали конкуренции более дешевых фабричных товаров и начали постепенно угасать. Как о «забытой отрасли труда», в которой нещадно эксплуатируются мастера промысла, писал в 1886 г. М. А. Рылов.

Ичижный и золотошвейный промыслы были одними из крупнейших в России, другие художественные ремесла татар не сложились в столь крупные производства. Одни из них, например ювелирное, развивалось как получившее массовое распространение ремесло, другие, как художественное ткачество, повсеместно развиваясь в форме домашнего производства, оформились в небольшие мануфактуры, третьи — резьба по камню, домовая резьба по дереву — развивались в форме частного производства с работой на заказ.

Массовое распространение у татар получило ювелирное ремесло. Это было связано с высоким уровнем его развития, начиная еще с эпохи Средневековья, сохранением традиций как в технологии производства, так и в оформлении украшений. Ювелиры работали с золотом (алтын), серебром (комеш), медью (бакыр) и их сплавами. Основное производство ювелирных изделий было сосредоточено в Старой и Новой татарских слободах Казани и в деревнях Заказанья (Арский, Сабинский, Мамадышский, Лаишевский районы). Отдельные очаги ювелирного ремесла имелись также в татарских слободах Астрахани, Касимова, Уфы, Троицка, Бугуруслана, Тобольска, Томска и других городов, а также в деревнях Восточного Закамья, Самарской, Симбирской, Вятской, Пензенской, Пермской губерний. Широко известными центрами татарского ювелирного ремесла за пределами Поволжья были Сеитов посад Оренбурга, село Кырмыскалы в Башкирии и другие.

К середине XIX в. ювелирное ремесло достигло наибольшего подъема. Его развитию способствовал большой спрос на украшения, наделявшиеся не только декоративной, но и социально-престижной функцией (серьги, браслеты, накосники, ожерелья, коранницы, перстни), отдельные из них (хасите, яка чылбыры, поясные застежки) были составной частью одежды. Однако ювелирное производство не стало кустарным промыслом[17]. Это, по-видимому, связано с тем, что в нем основную роль играло зависимое от технологии индивидуальное мастерство, тонкое ручное исполнение изделий в таких сложных техниках, как скань, зернь, чернение, гравировка. Кроме того, мастерство было по-

Чулпа — накосник с коромысликом. Четыре ажурные бляхи и 10 монет. Серебро, позолота, сердолик, бирюза. XIX в. Сокровища музеев Татарстана. – Казань, 1999. – С. 33.

томственным, передавалось по наследству близким родственникам. Его секреты оберегались, особенно в уникальной технике бугорчатой филиграни, которой владели лишь ювелиры Казани и отдельных близлежащих аулов. Поэтому ювелиры работали одиночками или небольшими артелями, по заказам и на массовый рынок.

В селениях ювелирным ремеслом обычно занимались крестьяне в свободное от земледельческого труда время. Зимой мастера уходили на заработки в соседние и отдаленные области — Башкирию, Оренбургскую степь, Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, создавали украшения по частным заказам или продавали готовые изделия. В сельские артели объединялись близкие родственники, одни из них делали конструкцию изделия, другие его декорировали, третьи полировали и т. д. Мастера разделялись не только по способу изготовления изделий, но и по видам создаваемой продукции, что нашло отражение в названиях некоторых аулов, например, Чулпыч Сабинского района, жители которого занимались производством женских накосников — чулп[18].

Свои изделия ювелиры не клеймили, что отличает ювелирное дело татар от русского, определяя его народный характер. Ювелиры, мастерские и фирмы в России XIX в. были обязаны ставить свои клейма — именники. Причина отсутствия клейм на татарских украшениях заключалась в том, что мастера часто работали с низкопробным серебром, его примесями, и это не соответствовало требованиям Государственной пробирной палаты[19]. К тому же, производство украшений, особенно в деревнях, являлось дополнительным приработком.

Поскольку женские украшения, особенно у татар и других мусульманских народов, пользовались огромным спросом, то «под татарские» и «под восточные» (нередко копируя дорогие изделия татарских ювелиров) создавались изделия в русском селе Рыбная Слобода Лаишевского уезда Казанской губернии. Во второй половине XIX в. созданное здесь производство приобрело характер крупного кустарного промысла. Среди мастеров промысла были и татарские ювелиры, которых приглашали для создания образцов национальных украшений и для обучения местных мастеров техникам филиграни и черни. Продукция промысла отличалась относительной дешевизной и распространялась не только в Поволжье, но и в Приуралье, Сибири, Средней Азии, продавалась на Ирбитской и Мензелинской ярмарках. Ювелирные изделия отправляли также в Германию, Англию, Америку[20].

Коранница — футляр для миниатюрного Корана. Серебро, позолота, скань, зернь, бирюза. XIX в. Сокровища музеев Татарстана. – Казань, 1999. – С. 30.

С конца XIX в. традиционное ювелирное ремесло постепенно угасает. Этому способствовало разрушение сложившегося комплекса национального костюма и исчезновение связанных с ним видов украшений. Изысканные по форме и изготовлению изделия уступили место массовым фабричным.

Другим крупным ремеслом у татар было кузнечное. После завоевания Казани татарам, как и всем «инородцам», во избежание изготовления оружия, было запрещено производство изделий из металла горячим способом. Почти повсеместно в Казанской губернии прерва-

лась местная традиция кузнечного ремесла, которое перешло в руки переселившихся в Казанский край русских мастеров.

В XIX в. кузнечное ремесло продолжало возрождаться в татарских селах и городских слободах в Поволжье, Приуралье и Сибири. Образовались крупные центры. Например, в современном Арском районе РТ была известна д. Тимерче (Чемерцы), дословно «кузнецы»; в современном Зеленодольском, Апастовском и Тетюшском районах РТ д. Бакырче (Бакрче), дословно «медники». Потомственные мастера обычно работали семьями, в каждой деревне были однадве кузницы, находившиеся у реки на окраине деревни[21].

В XIX в. мастера — медники и кузнецы работали с медью, железом и его сплавами, латунью, производили предметы бытового назначения, посуду, украшения для конской сбруи и упряжи и другие изделия, которые украшали несложными узорами в технике чеканки, гравировки, тиснения и резьбы (тазы, самовары, чайники, подносы, ковши, ведра, кованые сундуки, щипцы для печных углей, воротные и дверные ручки). Массово изготовлялись кумганы, обычно медночеканенные (часто из латуни), характерной приземистой формы. Центрами их производства были Казань и деревни Заказанья (Б. Атня, Тимерче-Чемерцы и др.). Кумганы производили также в татарских слободах российских городов, почти в каждой татарской деревне. В конце XIX в. продукция мастеров по металлу создавалась преимущественно без орнаментации, в сугубо утилитарных по назначению формах[22].

В форме художественного ремесла, в котором мастера работали исключительно на заказ, развивалось искусство резьбы по камню в изготовлении татарских надгробий — каберташей. Сельские и городские резчики по камню часто совмещали свое ремесло с кузнечным и ювелирным, некоторые были резчиками по дереву; большинство владело каллиграфическим письмом. Иногда сложные надписи составляли имамы мечетей или каллиграфы — хаттаты. Например, имам Первой мечети Пороховой слободы г. Казани Габдельбари Муэминов в 1880-1920-е гг. изготовлял по заказам резные эпитафии из мрамора, гранита и известняка. Образцы исполненных им надгробий сохранились на татарских кладбищах Казани и окрестных деревень. Объявления имама о приеме заказов публиковались в газетах и журналах того времени[23].

Подавляющее число памятников безымянны, из оставивших на каберташах XIX в. свою подпись: Аюб бин Исмагил, Гайса бине Гыйзатулла, Даулатша мулла, Зайнульгабидин, Ибрагим ибн Мухаммед, Кальметов Фатхулькадир, Мухаммед Ханафи, Мухаметзакир ибн Шакир, Лотфулла бине Галиулла, Хайрулла бине Гиззатулла и другие. Имена их выявил М. И. Ахметзянов. Первые каталоги рисунков надгробий, находящихся на кладбищах Сеитовой слободы г. Оренбурга, знаменитого своим медресе г. Стерлибаша и близлежащих к нему татарских деревень (Карагыш, Эмир, Яшергэн, Хэлекэй и др.) в Башкортостане, опубликовал в книгах стерлибашский краевед В. М. Усманов.

Широкое распространение в татарских городах и деревнях в XIX в. получила художественная резьба по дереву. Традиционно ею занимались потомственные мастера, нередко сочетавшие плотницкое ремесло со столярным. Сложные узорные и точеные детали создавали мастера, специализировавшиеся в токарном ремесле. Обычно они работали на заказ для жителей своего села и ближайшей округи. У каждого столяра была своя мастерская, находившаяся во дворе в комплексе с хозяйственными постройками. Среди резчиков были краснодеревщики, производившие резную мебель (буфеты, шкафы, столы, детские колыбельки, арбы, конские дуги, сундуки и пр.), многие детали которой (ножки столов и стульев, дверцы и пр.) обрабатывались на станке. Были и мастера, вырезавшие утварь и посуду (маслобойки, ступы, кадки, коромысла, чаши, ложки, вальки для белья, доски для раскатки теста, прялки, ткацкие станки и др.), создававшие музыкальные инструменты (скрипки) и оформлявшие их простей-

шим узором выемчатой или ногтевидной резьбы.

Повсеместное распространение получила домовая резьба, богатые образцы которой относящиеся к XIX в. сохранились в оформлении домов городской (татарские слободы гг. Казани, Касимова, Томска, Тобольска, Уфы и др.) знати. Из наиболее ранних образцов домовой резьбы, относящихся к первой половине XIX в., до нас дошли уникальные постройки сельской знати Заказанья в селах Атня и Б. Менгеры. Это двух- и трехэтажные дома, украшенные резным накладным узором, архитектурными деталями в виде колонок с ордерами, пилястрами, стрельчатыми и килевидными фронтонными нишами, легкими верандами и галереями. В каждом селе были свои оригинальные узоры резьбы на наличниках окон, фронтонах фасадов, в оформлении ворот.

Традиционными у татар техниками были ногтевидная и глухая накладная резьба. С конца XIX в., с изобретением пилы, появляется пропильная техника резьбы. Из татарских деревень по богатству пропильной резьбы выделяются жилища правобережья Волги. В селах Поволжья, Предкамья и Закамья, а также в Приуралье и Сибири, в резном убранстве домов сочетаются накладная и пропильная техники.

К народному искусству, получившему развитие во всех формах ремесла (домашнее производство, кустарное ремесло и мануфактурного типа производство), надо отнести художественное ткачество. Оно традиционно развивалось у татар в виде домашнего ремесла, однако сложные по исполнению и богато орнаментированные изделия изготавливались на заказ и на рынок. Примерно с середины XIX в. в бывших Атнинской, Нурлатской и других волостях работали основанные на ручном труде мелкие ткацкие мануфактуры, в которых изготавливали узорные и кумачовые ткани, а также кумачовые головные платки[24].

Главным исходным материалом для ткачества татар Поволжья и Приуралья служило растительное (конопля, лён) и животное (овечья шерсть) сырье. Со второй половины XIX в. ткали фабричными хлопчатобумажными нитями. Надо отметить, что татарское городское и отчасти сельское (Заказанье) население перестало употреблять домотканину для одежды уже с середины XIX в., на смену ручным изделиям пришли покупные фабричные ткани.

С ткачеством тесно связано безворсовое ковроделие. В татарском ковроделии наибольшее распространение получили безворсовые ковры из шерсти, у сибирских татар популярны были ковры, ткавшиеся из крапивы (аламыч). У последних (особенно барабинских татар) бытовали и камышовые циновки, плетеные вручную и на станке. Циновки из камыша и рогозы производили до начала XX в. приуральские татары и татары юго-восточного региона Татарстана; тростниковые циновки (жикэн) — астраханские татары. Широко распространенным до конца XIX в. было войлочное ковроделие, применявшееся для изготовления одноцветных и узорных ковров — киез. Со второй половины XIX в. киез постепенно выходит из употребления, хотя их производство продолжалось в татарских деревнях Бугульминского, Мензелинского уездов Казанской губернии, в Самарской, Оренбургской областях, Западной Сибири до начала XX в. В основном изготавливались одноцветные ковры[25].

Традиционно ковроделием у татар, кроме войлочного, в котором использовался труд мужчины, занимались женщины. Оно носило форму домашнего ремесла, хотя были и ковровщицы, работавшие на заказ. Во второй половине XIX в. в татарских деревнях Мензелинского и Мамадышского уездов Казанской губернии были налажены мануфактурного типа производства по изготовлению безворсовых ковров, половиков-дорожек и ястыков (небольшие плоские подушки для сиденья)[26].

Не меньшее значение в быту татар получили вышивки, которые с распространением с 70-х гг. XIX в. европейской тамбурной машины приобретают характер ремесла, в основном среди городского населения. По заказам и на рынок создавались свадебные «казанские полотенца», скатерти, намазлыки, го-

ловные платки, которые через скупщиков вывозились в Башкирию, Среднюю Азию, Сибирь и другие районы России[27]. О кустарно-промысловом производстве шитых золотом головных уборов — калфаков и тюбетеек уже говорилось. Отметим лишь, что такой женский головной убор, как такыя, получивший распространение у приуральских татар и татар-мишарей, а также тюбетейки часто изготавливались и расшивались (бисером, жемчугом) местными сельскими мастерицами на дому по заказам и на рынок.

Изделия татарских ремесленников пользовались большим спросом у многонационального населения края и в отдаленных регионах. Среди продукции татарских мастеров особенно популярными были ювелирные украшения и узорная обувь, ставшие частью костюма не только этнотерриториальных групп татар, но и башкир, казахов, отдельных групп узбеков. Изделия татарских мастеров получили широкое признание и в качестве художественных произведений экспонировались на Всемирной Парижской выставке в 1900 г. (коллекция с выставки хранится в Российском этнографическом музее). Однако с конца XIX в., с распространением дешевой фабричной продукции, модернизацией бытовой культуры и влиянием европейской моды, многие традиционные ремесла и промыслы татар постепенно исчезали.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Национальная традиция в декоративном искусстве // Татары. – М., 2001. – С. 457.
2. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Народное декоративно-прикладное искусство // Татарика. Этнография. – Казань-М., 2008. – С. 583-584.
3. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Народные художественные промыслы // Татарская энциклопедия. – Казань, 2008. – Т. 4. – С. 362-363.
4. Воробьев Н. И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). – Казань, 1953. – С. 102-103.
5. Косолапов В. Н. Кустарные промыслы в Казанской губернии: в 9 вып. – Казань, 1904. – Вып. 8. – С. 29.
6. Воробьев Н. И. Указ. соч. – С. 103.
7. Косолапов В. Н. Указ. соч. – С. 28.
8. Давыдова С. А. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – СПб., 1886. – Вып. 15. – С. 101, 102.
9. Залкинд Г. М. Кустарная промышленность Татарстана. История и процесс производства обуви и головных уборов. – Казань, 1931. – С. 12.
10. Фукс К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань, 1844. – С. 138.
11. Хамитбаева Н. Первая мануфактурная выставка в Казани // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2008. – № 1. – С. 233-238.
12. Обзор кустарных занятий в Казанской губернии. – Казань, 1896. – С. 58.
13. Гулова Ф. Татарская национальная обувь (искусство кожаной мозаики). – Казань, 1983. – С. 12.
14. Залкинд Г. М. Указ. соч. – С. 12.
15. Рылов М. А. Забытая отрасль труда // Волжский вестник. – 1886. – № 279.
16. Девятых Л. Из истории казанского купечества. – Казань, 2005. – С. 75.
17. Валеев Ф. Х. Народное декоративное искусство Татарстана. – Казань, 1984. – С. 56.
18. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Народное декоративно-прикладное искусство… – С. 594.
19. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Татарская филигрань в контексте генезиса и развития ювелирного искусства // Из истории татарского народного искусства: Сб. статей. – Казань, 1995. – С. 74.
20. Обзор кустарных занятий… – С. 71.
21. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Народные художественные промыслы… – С. 142-144.
22. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Народное декоративно-прикладное искусство… – С. 589.
23. Ахметзянов М. И. Габдельбари // Татарская энциклопедия. – Т. 2. – Казань, 2005. – С. 6.
24. Воробьев Н. И., Бусыгин Е. П. Художественные промыслы Татарии в прошлом и настоящем. – Казань, 1957. – С. 27.
25. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Народное декоративно-прикладное искусство… – С. 615.
26. Валеев Ф. Х. Указ. соч. – С. 11.
27. Там же. – С. 20.

Гузель Валеева-Сулейманова,
доктор искусствоведения

Деятельность антибольшевистских правительств Поволжья и Сибири по собиранию и хранению архивных документов

В предлагаемой вниманию читателей статье раскрываются малоизвестные страницы истории отечественного архивного строительства и деятельности учреждений государственной библиографии на территории Поволжья и Сибири в годы Гражданской войны. До сих пор данные сюжеты изучались, в основном, по отношению к советской России. В серьезном научном исследовании Т. И. Хорхординой, посвященном отечественному архивоведению в новейшее время, рассматривается история архивного дела в годы Гражданской войны только на территории РСФСР, а в монографии Г. В. Михеевой по истории русской библиографии в 1917-1921 гг. деятельность библиографической службы белой Сибири рассматривается бегло и не полно[1].

В период Гражданской войны территория России была разорвана на фронты, объединяющим фактором была работа российской интеллигенции по собиранию и сохранению культурного наследия страны. Одним из результатов этой работы стала организация антибольшевистскими политическими режимами востока России книжных палат и архивов. В крайне тяжелых условиях кровавого политического противостояния того времени эти учреждения проделали огромную работу по собиранию документов и библиографированию произведений печати. Во многом благодаря труду их сотрудников были сохранены многие памятники книжной культуры и прессы.

К началу 1918 г. перед Петроградской книжной палатой* встала задача создания своих провинциальных отделений для получения и хранения печатных изданий на местах. Одна из первых попыток создания таких отделений была предпринята весной 1918 г. в Самаре. Для решения этой задачи руководство палатой использовало пребывание там филолога Н. В. Яковлева, который приехал туда в марте как

* Петроградская книжная палата была создана на основании постановления Временного правительства о печати от 27 апреля 1917 г. в составе Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати. В сентябре присоединена к учреждениям МВД. После победы большевиков, в декабре 1917 г., Книжная палата была переведена в ведение Наркомпроса. В 1919 г. она стала называться Российской книжной палатой. Летом 1920 г. в Москве была организована Центральная книжная палата, которой передавались все функции по государственному библиографированию печатных изданий. За Книжной палатой в Петрограде оставалась научно-библиографическая работа.

представитель центральных архивных учреждений для работы в комиссии по охране архивов.

После свержения советов на Волге и перехода власти к Комитету членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч) Яковлевым был сформирован отдел Книжной палаты. Одновременно с собиранием произведений печати Яковлевым и его сотрудниками велась большая работа по сохранению архивов.

Работе палаты существенно помогло подготовленное при участии Яковлева и члена Комуча, известного краеведа и библиографа Н. В. Здобнова, циркулярное обращение к уполномоченным Комуча об охране памятников старины и революции, которое 10 августа 1918 г. было издано в качестве постановления управляющих ведомствами внутренних дел и народного просвещения Комитета. В своей деятельности отделение опиралось на помощь местных научных и культурных сил. Так, в мае право на получение обязательных экземпляров для Книжной палаты по Казанской губернии было передано Казанскому обществу истории, археологии и этнографии[2].

3 октября Яковлев был командирован в Омск в распоряжение управления делами Всероссийского временного правительства* для организации там Книжной палаты. Сдав дела своему заместителю — профессору Самарского университета А. Багрия, Яковлев уехал в Омск. В белой Сибири регистрация и собирание печатной продукции начались летом 1918 г. сразу после свержения Советской власти. После ликвидации советов Сибирское временное правительство** восстановило правила о печати Временного правительства от 27 апреля 1917 г.

По прибытии в Сибирь Яковлев в служебных записках, адресованных управлению делами правительства, изложил свой план собирания печатного материала на территории, находящейся под контролем правительства. Дело собирания и сохранения печатных произведений должно быть децентрализовано, считал он. Территорию, подконтрольную Всероссийскому временному правительству, Яковлев предполагал разбить на пять крупных регионов, в которых необходимо было создать отделения Книжной палаты.

Яковлев считал, что к библиографической деятельности следовало привлечь научные, учебные, культурные учреждения Сибири и Дальнего Востока: музеи, университеты, ученые архивные комиссии, библиотеки, отделы Русского географического общества и т. п. От правительственных комиссаров и чиновников МВД требовался только контроль за передачей типографиями печатных изданий в региональные отделения палаты. Поручать государственным служащим всю работу по регистрации и собиранию печатных изданий он считал нецелесообразным: «К сожалению, возлагать обязанность получения обязательных экземпляров печатных произведений на комиссаров или уполномоченных Министерства внутренних дел, как это показал печальный опыт 1917 г., не приходится. По глубокому убеждению руководителей Книжной палаты, дело ее может делаться только любящими руками, не за страх, а за совесть»[3].

Активная деятельность Яковлева принесла свои плоды. 28 ноября товарищ министра внутренних дел Российского правительства*** Н. Я. Новомберг-ский подписал распоряжение о собирании правительственными комиссарами произведений печати для Книжной палаты. 13 декабря было дополнительно разъяснено, что отправке в Омск подлежат только газеты для Министерства внутренних дел и отдела печати при Совете министров.

* Временное всероссийское правительство (Уфимская директория) создано 23 сентября 1918 г. Уфимским государственным совещанием. Председатель Н. Д. Авксентьев. Было свергнуто в результате переворота, совершенного А. В. Колчаком 18 ноября 1918 г.

** Временное сибирское правительство было создано 23 июня 1918 г. в Томске на совещании Областной думы. Состояло из сибирских областников. Председатель П. В. Вологодский. 3 ноября 1918 г. передало власть Временному всероссийскому правительству (Уфимской директории).

*** Российское правительство (Омское правительство) создано после переворота А. В. Колчака 18 ноября 1918 г. из членов Совета министров Уфимской директории. Председателем Совета министров был П. В. Вологодский.

Книжная палата в Омске была создана в конце ноября 1918 г. первоначально в качестве отделения в составе департамента общих дел МВД правительства адмирала А. В. Колчака и при поддержке руководства министерства широко развернула свою деятельность. Главный упор делался на создание условий для хранения печатной продукции. 14 декабря на места было разослано циркулярное обращение Петроградской книжной палаты от 1 июня 1917 г. «Губернским и уездным комиссарам Временного правительства и заменяющим их должностным лицам и установлениям», подписанное организатором и первым директором палаты С. Я. Венгеровым. Обращение содержало развернутые правила регистрации и пересылки в палату произведений печати. В то время в Сибири и на Дальнем Востоке находились большие партии печатной продукции учреждений Временного правительства и Советской власти. Поэтому Яковлев 14 декабря направил министру внутренних дел Российского правительства А. Н. Гаттенбергеру записку, в которой подчеркивал необходимость проведения обследования этих печатных собраний для отправки их в Книжную палату.

Согласно отчету Яковлева Министерству внутренних дел, в начале 1919 г. отделение Книжной палаты получало печатный материал только из Акмолинской области. Управляющие остальными губерниями должны были временно хранить «получаемый ими для Книжной палаты материал при комиссариатах» до тех пор, пока не создадутся благоприятные условия для транспортировки этих материалов в Омск. Книжной палатой были получены «архивы печатных материалов» Сибирского информационного бюро, отдела печати при управлении делами Всероссийского временного правительства, канцелярии министра внутренних дел. Главным образом, это были газеты. Материалов было так много, что у Книжной палаты не хватало помещений. Яковлев был вынужден обратиться к музею Западно-Сибирского отдела Русского географического общества с просьбой принять на хранение часть из них. Отделение работало в условиях серьезных материальных затруднений. Не хватало шкафов, столов, стульев, пишущих машинок, канцелярских принадлежностей.

Создание отделения Книжной палаты значительно активизировало работу по библиографированию произведений печати в белой Сибири. На местах началось составление списков периодических изданий, издательств и типографий. Книжная палата собирала от управляющих губерниями сведения «о постановке у них дела собирания произведений печати для Книжной палаты». Не ограничиваясь одними официальными источниками для получения нужных сведений и печатных изданий, сотрудники Книжной палаты составили и разослали обращения к кооперативам, органам местного самоуправления и библиотекам с просьбой помочь палате в осуществлении ее культурных задач. Книжная палата просила доставлять ей сведения о типографиях, издательствах, изданиях и сами издания помимо того, что они обязаны предоставлять в комиссариаты. Сохранению изданий войск интервентов в Сибири способствовало обращение Омской книжной палаты к командованию интервенционистских сил, Чехословацкому национальному совету и Американскому бюро печати с призывом присылать их печатные издания. Этот призыв встретил понимание у союзников А. В. Колчака, и они начали доставку в палату своей литературы[4].

Идеи Яковлева получили воплощение в постановлении Совета министров Российского правительства от 15 мая 1919 г. «Об учреждении Временного бюро Книжной палаты и краевых ее отделений». Согласно его положениям, Книжная палата выделялась из МВД и реорганизовывалась во Временное бюро, которое входило в состав управления делами Верховного правителя и Совета министров. Региональные отделения-хранилища создавались во Владивостоке, Иркутске, Казани, Перми, Самаре, Саратове и Томске.

На управляющих губерниями и уездами возлагалась доставка печатных произведений в отделения.

Результативно работало Иркутское отделение. Его деятельность была тесно связана с именем известного отечественного краеведа и библиографа Г. И. Поршнева. Он еще летом 1917 г. организовал в Иркутске отделение Книжной палаты. За 1917-1919 гг. ему удалось собрать от 70 до 85 % местных изданий. Томское отделение бюро было открыто на базе местного университета. Издания Дальнего Востока собирало и регистрировало Владивостокское отделение, возглавляемое преподавателем Восточного университета, магистром истории Востока Н. В. Кюнером. О деятельности Пермского отделения нам ничего не известно. В Казани, Самаре и Саратове отделения не могли быть созданы, так как только осенью 1918 г. там была установлена Советская власть.

Сотрудники Книжной палаты понимали необходимость сохранения не только печатных, но и архивных документов, которые гибли в большом количестве. Для упорядочения руководства архивным делом отделение вошло в Совет министров российского правительства с предложением о создании Государственной архивной комиссии. 19 ноября 1918 г. Яковлевым был подан доклад в Совет министров об учреждении Государственной архивной комиссии, которая в контакте с другими научными и культурными учреждениями Сибири должна была заниматься сохранением документов и созданием архивов[5]. В докладе Яковлев предлагал использовать сотрудников Книжной палаты для помощи архивной комиссии. Он считал необходимым, чтобы Книжная палата взяла на себя «представительство… интересов в отношении архивов вообще». Сотрудники Книжной палаты на местах должны были обследовать не только хранение печатной продукции в местных комиссариатах, но и состояние архивов на местах[6].

Российское правительство и МВД, в ведении которого находились губернские, уездные и волостные архивы, содействовали работе по сохранению документальных богатств России и обязывали местные органы власти принимать меры к сохранению всех имеющихся в их распоряжении документов. В циркуляре Министерства внутренних дел Российского правительства от 18 июня 1919 г. говорилось, что в ведении губернских управлений находятся архивы бывших губернских правлений, где хранятся «дела канцелярий губернаторов, генерал-губернаторов, начальников края, губернского прокурора, разных губернских и уездных комитетов и комиссий».

Кроме того, отмечалось в циркуляре, ведению Министерства внутренних дел подлежат уездные и волостные архивы, где хранятся ценные документы, «сохранившиеся еще с допетровской Руси». Среди них: архивы бывшей «Низшей избы» и других учреждений, «где имеются и царские “указы”, и дипломатические документы, и много других актов, имеющих важное значение для исторической науки и для выяснения современного положения русского и иностранного населения»[7]. Все эти архивы в ходе революции и Гражданской войны сильно пострадали.

Министерство внутренних дел просило управляющих губерниями и областями «безотлагательно принять решительные меры» к охране архивов и «приведению их в порядок». Кроме того, министерство запрещало уничтожение дел, хранящихся в архивах. В циркуляре министерство просило сообщить, не потребуются ли работы по приведению в порядок архивов и нужны ли дополнительные средства для «усиления штата служащих в архивах». Для работы в архивах министерство рекомендовало приглашать лиц, способных «к выполнению этой трудной, ответственной обязанности» по рекомендациям местных учреждений по археологии и археографии[8].

К циркуляру прилагался анкетный лист для «предварительного выяснения положения архивов». Министерство просило «в ближайший срок» сообщить сведения о каждом архиве. Согласно анкете, необходимо было проинформировать, начиная с какого года

хранятся дела в архиве, перевозился ли архив в 1917 и 1918 гг. и где архив находится ныне. Необходимо было указать, не пострадал ли архив от пожаров и не были ли документы архива «подмочены», производились ли массовые «выемки из дел» архива, каково состояние помещения архива, отапливается ли помещение архива и др.[9]

Правительственные учреждения белой Сибири заботились о сохранении документальных памятников советского периода. В циркуляре Министерства внутренних дел от 7 августа 1919 г. временно управляющий министерством В. А. Ячевский просил управляющих губерний и областей принять меры к сохранению поступающей в канцелярии местных правительственных учреждений «документов, дел, переписки различных советских военных и гражданских организаций революционного периода» и пересылать эти документы в Омскую книжную палату[10].

В середине 1919 г. в Министерстве народного просвещения был подготовлен проект постановления Совета министров российского правительства об охране памятников истории, старины и искусства и архивов центральных и местных учреждений.

В отношении управляющего Министерством народного просвещения П. И. Преображенского к и. о. главноуправляющему делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутову от 19 июля 1919 г. отмечалось, что в настоящее время «неотложно встал на очередь вопрос о сохранении для исторической науки документов, хранящихся в архивах всех ведомств, а также и памятников старины». В условиях Гражданской войны государственные, частные, семейные архивы, фонды библиотек, представляющие «ценный материал для истории русской культуры» и имеющие «важное значение для науки», гибнут от сырости, пожаров, хищений и распродажи[11].

Общее руководство охраной памятников истории, старины и искусств, а также архивным делом возлагалось на Министерство народного просвещения впредь до восстановления «деятельности общегосударственных ученых учреждений». Для руководства архивами и для осуществления мер по охране памятников истории и старины при Министерстве народного просвещения создавалась историко-археологическая комиссия в составе председателя, двух членов, журналиста и секретаря (на правах члена), назначаемых министром народного просвещения. Управляющие центральными архивами могли участвовать в заседании комиссии. При историко-археологической комиссии состояли «сотрудники избранных ею лиц, могущих быть полезными ей своими специальными научными знаниями или исполнениями ее поручений». Историко-археологическая комиссия должна была следить за всеми «открытиями историко-археологических материалов, о которых вменяется в обязанность извещать ее местным начальствам и учреждениям»[12].

Историко-археологическая комиссия имела исключительное право производства археологических раскопок «на землях как казенных и общественных, так и частных». Все учреждения и лица, собирающиеся производить раскопки, должны были координировать свои действия с комиссией. Историко-археологическая комиссия имела право «делать предписания, касающиеся охраны архивных документов, начальникам архивов всех учреждений», а также заведующим церковными и монастырскими архивами. Если архивам частных лиц или отдельным памятникам истории, старины и искусств грозило уничтожение, историко-археологическая комиссия должна была принимать меры к спасению этих архивов[13].

При Министерстве народного просвещения учреждались краевые центральные архивы «для вечного хранения архивных документов». В эти хранилища должны были передаваться из архивов «всех ведомств и учреждений правительственных и общественных решенные дела за исключением последних 20-30 лет, а также… документы и

рукописи из собраний монастырских и церковных»[14].

В ведении Министерства народного просвещения создавались: «Западносибирский центральный архив», «Восточносибирский центральный архив» и «Центральный архив Степного края». Западносибирский архив создавался в Томске. В него передавались дела Алтайской, Енисейской и Тобольской губерний и Урянхайского края. Восточносибирский архив должен был функционировать в Иркутске. В него сдавались дела Иркутской губернии и Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской, Сахалинской и Камчатской областей. Центральный архив Степного края создавался в Омске. Он принимал дела из Акмолинской, Семиреченской и Тургайской областей. Министру народного просвещения было предоставлено право «в связи с расширением территории российского правительства» учреждать центральные архивы в других местностях. Согласно временному расписанию должностей трех центральных архивов азиатской части России, штат каждого архива состоял из управляющего архивом, редактора описательного отдела, помощника редактора, архивариуса, чиновника при архиве, делопроизводителя[15].

Архивам передались: «дела и описи правительственных учреждений всех ведомств, общественных учреждений, а также монастырских и церковных библиотек и архивов». При этом «дела и описи упраздненных учреждений» передавались полностью, дела действующих учреждений передавались до 1880 г. В дальнейшем ежегодно должны были передаваться «все решенные дела за один год», начиная с 1881 г. Кроме того, в архивы передавались дела «всех учреждений Советской власти», земств и городских органов самоуправления, общественно-политических организаций 1917-1918 гг., прекративших свое существование[16]. Продажа «и изъятие» памятников истории, старины и искусств, хранимых в архивах, библиотеках, музеях, монастырях и церквях, была запрещена. Также было запрещено уничтожение архивных дел «какой бы то ни было давности».

Государственные ведомства должны были выделить под архивы временные помещения «впредь до постройки специальных зданий». На правительственные учреждения, органы городского самоуправления, «имеющие дела, подлежащие передаче в архивы», возлагалась доставка данных дел до ближайших станций железной дороги и пароходных пристаней. Перевозка дел по железным дорогам должна была осуществляться бесплатно. Архивам предоставлялось право бесплатной пересылки и получения по почте корреспонденций и посылок весом до 16 кг[17].

Согласно проекту закона, на содержание личного состава историко-археологической комиссии в 1919 г. выделялось 23 200 руб., а всего на нужды комиссии ассигновывалось 129 200 руб. По смете на 2-е полугодие 1919 г. трех центральных архивов на оплату труда выделялось 69 000 руб., на приобретение книг по архивоведению, на перевозку и переплет архивных дел — 45 000 руб., на канцелярские и хозяйственные расходы — 19 200 руб. Всего: 133 200 руб., с внесением этих сумм в смету Министерства народного просвещения[18]. В условиях экономической разрухи и начавшегося наступления Красной армии провести в жизнь положения законопроекта не удалось.

Привлечение интеллигенции Сибири к работе по сохранению памятников истории и культуры облегчалось тем, что многие краевые научные и культурные центры края сами высказывали желание заняться этой чрезвычайно важной для культурной истории России деятельностью. Особенно большую работу в этом направлении проводил Западносибирский отдел Русского географического общества в Омске[19]. Собиранием письменных памятников занимались историко-археологическая комиссия отдела и «Комиссия “Архива войны” по сбору материалов, имеющих отношение к войне и революции и их последствиям в жизни народов» при отделе.

Историко-археологическая комиссия имела в своем составе архивную подкомиссию, которая и вела работу по собиранию документов. Благодаря ее стараниям, летом 1918 г. в распоряжение Западносибирского отдела были собраны «разрозненные архивные дела» канцелярий Акмолинского губернатора и Степного генерал-губернатора, Омского областного начальника, Пограничного управления, Областного правления сибирских киргиз и других учреждений[20]. Осенью 1918 г. историко-архивная комиссия Западно-Сибирского отдела общества возбудило ходатайство о передаче ей «различных дел и переписок правительственных учреждений, в том числе архив бывшего Омского жандармского управления». Эти документы находились на чердаке «Дома свободы»[21]. Разрешение было получено, и в распоряжение историко-архивной комиссии поступило восемь возов с документами, находившимися в «совершенно хаотическом состоянии». Их начали разбирать и систематизировать[22].

Комиссия «Архива войны» была создана в Омске 13 октября 1918 г. при Западносибирском отделе Русского географического общества. Председателем комиссии был выбран И. И. Ульянов, товарищем председателя — Я. Д. Гусев, а секретарем Г. А. Вяткин[23]. 19 октября создание комиссии было утверждено на заседании Западносибирского отдела, и комиссия начала свою деятельность. К 23 октября было разработано положение о комиссии. Комиссия считала себя единственной научной организацией, во всероссийском масштабе выполняющей программу комиссии «Архива войны» при Центральном географическом обществе в Петрограде и «Архива войны» при Академии наук[24]. Первоначально в состав комиссии входило 6 человек, позднее численность комиссии приблизилась к 60. Осенью 1918 г. в распоряжении комиссии на организационные расходы имелось всего 500 рублей, пожертвованные членом комиссии Ковлером. Сначала комиссия размещалась на частной квартире члена комиссии доктора Пассальского. Затем она переехала в помещение музея Русского географического общества[25].

Согласно программе, комиссия ставила целью своей деятельности «сбор, систематизацию и изучение материалов, имеющих… отношение к войне и ее последствиям в жизни народов». Комиссия собирала материалы по трем проблемам: а) «начало войны, война 1914-1917 гг., начало революции, переход к Советской власти, борьба за новую власть и освобождение»; б) «отражение войны на народной психике»; в) «быт и состояние войск,.. душевное состояние солдат на службе в тылу, в боевой обстановке на фронте, во время самих боев и т. д.»[26] Для изучения этих проблем комиссия собирала «материалы всякого рода по истории» Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Особое внимание обращалось на солдатские письма, деревенские народные песни, частушки, «записки очевидцев», обрядовые причитания, клятвенные обещания перед боем, фотографии и т. д.[27] Документы предполагалось собирать на фронте и в тылу, привлекая к работе государственные военные и гражданские учреждения, органы земского и городского самоуправления, персонал госпиталей, сотрудников Красного Креста и других организаций, «кои пожелают помочь Комиссии “Архива войны” в ее работе»[28].

Несмотря на значительные материальные трудности, работа комиссии активно разворачивалась. Весной 1919 г. комиссия находилась в «периоде особо интенсивной работы»[29]. Был открыт отдел комиссии в Семипалатинске, готовилось открытие отделения в Перми[30]. Руководство комиссии предполагало организовать военно-полевые отделения в армии.

Планировалось учредить должности особоуполномоченных «при каждой армии и в каждом военном округе»[31]. Многие «учреждения и лица», к которым обратилась комиссия, откликнулись на ее призыв и начали присылать ей документы. Правительственные учреждения были заинтересованы в работе этой комиссии по собира-

нию письменных памятников. Комиссия получала запросы о предоставлении документов от отдела печати Главного штаба и от Бюро книжной палаты.

Деятельность комиссии заинтересовала А. В. Колчака. Члены президиума временного центрального совета Русского географического общества*, куда входил и Ульянов, были приняты А. В. Колчаком. В ходе состоявшейся беседы Колчак интересовался деятельностью комиссии и заверил делегацию, что будет содействовать работе географического общества. Главный штаб армии поддерживал работу комиссии. На заседаниях комиссии присутствовал представитель отдела внешкольного образования при Главном штабе полковник Ловцевич. Работа комиссии вызывала общественный интерес и освещалась в прессе.

Профессура сибирских вузов и Томского университета активно поддерживала работу по сохранению письменных памятников. Преподаватели Томского университета принимали участие в подготовке законопроекта об охране памятников истории, старины и искусства и архивов. Общество этнографии, истории и археографии в г. Томске выступило с инициативой создания в Сибири двух публичных библиотек: Западносибирской в Томске и Восточносибирской в Иркутске. Сначала библиотеки должны были размещаться в зданиях Томского и Иркутского университетов. По мнению томских ученых, их надо было «устроить так, чтобы они, если не вполне, то во многом могли заменить для Сибири Публичную библиотеку в Петрограде и библиотеку… Румянцевского музея в Москве».

Библиотека Томского университета в течение 1918-1919 гг. занималась собиранием «разных сибирских изданий, журналов и газет» для будущей Западносибирской библиотеки. В библиотеку должно было поступать «все печатное и воспроизводимое всяким механическим способом в русском государстве как на русском, так и на остальных языках». По возможности библиотека должна была пополняться произведениями печати, изданными ранее, а также зарубежной литературой и рукописями[32]. В докладной записке председателя общества, профессора А. Д. Григорьева говорилось, что эти библиотеки имеют своей целью «не только подъем культуры, но также и развитие в государстве наук». По его мнению, Сибирь заслужила право создать такие библиотеки, «ввиду того громадного значения, какое она имеет для сущности всего народа, так и ввиду тех жертв, которые она принесла для избавления России и Европы от воинствующего германизма и его союзников»[33].

Сотрудники ученых архивных комиссий Сибири делали все от них зависящее, чтобы сохранить архивные документы и библиотечные собрания. Благодаря стараниям председателя Иркутской архивной комиссии М. П. Овчинникова, удалось избежать продажи с торгов архивных документов, которые хотели организовать советские власти в 1918 г. После падения советов Иркутская архивная комиссия, состоящая из местных профессоров, чиновников и духовенства, стремилась сделать все возможное, чтобы сохранить архивные богатства губернии. Летом 1919 г. комиссия намеревалась перевезти в Иркутск архивы из Верхоленска, Киренска и Усть-Удинска. Для их размещения необходимо было надстроить второй этаж в здании архива комиссии. В служебной записке управляющему Иркутской губернией Овчинников писал, что «Сибирь является непочатым углом всевозможных исторических и доисторических памятников». Архивная комиссия, подчеркивал он, «горячо желает осуществлять поставленные ей задачи, тем не менее, чувствует себя связанной безденежьем, а потому и бессильной». Комиссия существовала на членские взносы, которые составляли 5 рублей на человека в год. Это были мизерные

* Временный Центральный совет Русского географического общества создан 30 апреля 1919 г. на общем собрании членов (Центрального) Русского географического общества совместно с членами Западносибирского отдела общества, распорядительного комитета отдела и с членами комиссии «Архива войны». Председателем его был избран А. И. Осипов, членом совета — председатель комиссии «Архив войны» И. И. Ульянов.

средства. Овчинников просил выделить для комиссии 86 000 рублей при условии, что работа «лиц, входящих в состав комиссии, будет вполне бесплатной»[34].

После разгрома А. В. Колчака и установления в Сибири Советской власти деятельность учреждений белой Сибири по собиранию и хранению исторических памятников была в значительной степени свернута. Яковлев продолжал работу по собиранию и регистрации произведений печати. Он был назначен заведующим подотделом архива народного образования Сибревкома. При его участии было подготовлено обращение ревкома от 3 декабря 1919 г. об открытии Сибирского отделения Книжной палаты. Однако вскоре он уехал в Петроград, летом 1920 г. туда начали прибывать собранные им материалы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы. 1917-1980. – М., 1994. – 356 с.; Михеева Г. В. История русской библиографии. 1917-1921 гг.: Текущая библиография непериодических изданий. – СПб., 1992. – 393 с. и др.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 176, оп. 14, д. 18, л. 11.
3. Там же, л. 10 об.-11.
4. Там же, ф. 148, оп. 6, д. 83, л. 1 об.
5. «Принять решительные меры к охране архивов». Документы Омского правительства. 1918-1919 гг. // Исторический архив. – 1997. – № 3. – С. 161.
6. Там же. – С. 162.
7. Там же. – С. 165.
8. Там же. – С. 165-166.
9. Там же. – С. 166.
10. Там же. – С. 171.
11. Там же. – С. 166-167.
12. Там же. – С. 168.
13. Там же.
14. Там же. – С. 167.
15. Там же. – С. 170.
16. Там же. – С. 168.
17. Там же. – С. 169.
18. Там же. – С. 170.
19. Там же. – С. 11.
20. ГАРФ, ф. 320, оп. 2, д. 146, л. 60.
21. «Принять решительные меры к охране архивов». Документы Омского правительства. 1918-1919 гг. // Исторический архив. – 1997. – № 3. – С. 159.
22. ГАРФ, ф. 320, оп. 2, д. 129 а, л. 131 об.
23. Там же, л. 131.
24. Там же, д. 146, л. 8.
25. Там же, д. 129 а, л. 131-131 об.
26. Там же, д. 146, л. 8.
27. Там же, л. 52-53.
28. Там же, л. 53.
29. Там же, д. 129 а, л. 53.
30. Там же, л. 132.
31. Архив войны // Эхо (Владивосток). – 1919. – 24 апреля.
32. ГАРФ, ф. 320, оп. 2, д. 129 а, л. 165-165 об.
33. Там же, л. 164 об.
34. Там же, ф. 1700, оп. 5, д. 64, л. 15 об.

Леонид Молчанов,
доктор исторических наук (Москва)

Вестник архивиста. – 2009. – № 3 (107). – С. 144-159.

Мирсаид Султан-Галиев: "Признания"

Предлагаемое вниманию читателей журнала «Заявление» Мирсаида Султан-Галиева, написанное на имя народного комиссара внутренних дел ТАССР В. И. Михайлова, обозначенное им как дополнение к предыдущему показанию*, по своей сути является самостоятельным, своего рода итоговым документом. Чувствуется, что автор хорошо продумал каждое предложение.

Вчитываясь в каждую строку, порой вникая в смысл даже отдельного слова, убеждаешься, что это не документ о капитуляции. Это, скорее всего, правда и ложь в одной упаковке. Или ни что иное, как выражение своих жизненных принципов и убеждений в форме их отрицания и осуждения. У человека, который прошел в застенках НКВД все круги ада, и над которым висел топор палача, не было другого средства защиты своих идей, кроме использования эзопова языка. Это — своеобразная форма защиты «Тезисов об основах социально-политического развития тюркских народов Азии и Африки», которые были написаны в 1922-1924 гг.

Здесь правдой являются факты взаимодействия Султан-Галиева со многими политическими деятелями и участниками революционного движения и их несомненное влияние на его сознание, внесшее определенные коррективы в его представления о мире, роли и месте тюркских народов в революционном движении. Однако национальные чувства, впитанные им с молоком матери, дали ростки и окрепли, как он писал «в условиях тяжелого национального гнета» и лживых советских реалий. И потому вытравить их из него было в принципе невозможно. Он был самим собой и на свободе, и, как явствует из «Заявления», оставался таким и в застенках Черного озера.

Потому неправда, что его убеждения — лишь результат контактов с окружавшими его в разное время людьми. И самая главная неправда в том, что он разоружился.

Внимательное чтение этого документа дает возможность создать полное представление о настоящих взглядах и убеждениях этого, несомненно, выдающегося политика и политолога. В нем содержится его оценка национального движения татар в контексте всей истории революционных изменений XX столетия и, что немаловажно, взгляд в будущее мира. В полной силе остается критика основных постулатов марксизма-ленинизма, прежде все-

* Продолжение. Начало см.: № 3/4 за 2010 г. (с. 113-130); № 1/2 за 2011 г. (с. 24-34).

го, относительно мировой революции.

Султан-Галиев был убежден, что в мире произойдут изменения, не зависящие от воли и желания отдельных личностей, какими бы они выдающимися ни были. Эти изменения заключаются в том, что империалистическая система рухнет. Однако в данном случае, по понятным соображениям, не пишет, что империализм свойственен и социализму, и коммунизму, и что он также рухнет. Это само собой разумеется, и видно хотя бы из строк «Заявления» о несбывшейся возможности трансформации СССР в Союз независимых государств.

Ведь он еще в 1924 г. писал, что жизнь России, преобразованной в виде СССР, недолговечна. Причину этого он видел в империалистической политике большевистских руководителей, как он их назвал, панрусистов, стремившихся ликвидировать национальные республики. Эта его убежденность к 30-м годам, когда развернулись массовые репрессии по отношению к национальным кадрам, когда ожесточилась политика, направленная на губернизацию национальных республик, только лишь окрепла.

В «Заявлении» Султан-Галиев признал, что был националистом. Во-первых, потому, что считал себя борцом за свободу своего народа и вообще всех порабощенных империализмом народов мира. Однако в нем нет слов о том, что он отрекается от этого. Здесь нет покаяния.

Во-вторых, он не пишет о том, что политика Советской власти по отношению к тюркским народам верна. Наоборот, признание ее ошибочности просматривается чуть ли не через каждую строчку «Заявления». В нем представлена имевшая тогда место альтернатива этой политике, проявившаяся в действиях Троцкого, Каменева, Зиновьева и других видных большевиков. Правда, Султан-Галиев не выражает согласие с их представлениями по национальному вопросу. У него свой взгляд. Главное его отличие от них в том, что нации не исчезнут, и не будет никакого слияния народов в одном интернациональном котле. Наоборот, проснется до сих пор находившийся в спячке колониальный мир, который и продиктует свои условия западному империализму.

Султан-Галиев смог гениально предвосхитить нарождение третьего мира, движущегося не по социалистическому пути, а по пути национально-освободительных революций. Он отошел от той характеристики современного ему капитализма, которую дал В. И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» и вывел свою собственную теорию империализма. В показаниях, данных им на следствии в 1928 г., он сказал, что эта работа Ленина испещрена им, что в результате ее изучения он пришел к выводу, что у Ленина в этом вопросе «нет ясности», что империализм свойствен не каким-то определенным, а всем стадиям капитализма. «Из моей постановки вытекала возможность в теории и практике существования социалистического или коммунистического империализма»[1].

Татарские революционеры, примыкая к различным течениям российского социализма, в своем большинстве национальную идею подчиняли идее социализма и коммунизма, т. е. они были и националистами и коммунистами. Они полагали, что социализм принесет освобождение угнетенным народам. «Характерным моментом в моем политическом мировоззрении до вступления моего в коммунистическую партию, который и определил затем мое поведение в социалистической революции, является момент сочетания в моем сознании социализма с национализмом», — признавался Мирсаид Султан-Галиев. Он говорил, что ему и ему подобным людям более всего подходило определение, данное выдающимся ученым историком и общественным деятелем Хади Атласовым, — «полукоммунист», «полунационалист»[2]. Как показывает вся его деятельность, в том числе и, в качестве председателя Центральной мусульманской военной коллегии и заместителя народного комиссара по делам нацио-

нальностей, он сохранил верность идее национальной справедливости. Таким он оставался до конца своей жизни.

Султан-Галиев считал, что тюркско-татарские народы должны быть в центре борьбы колониального мира за свое освобождение от империалистического ига. И что главными условиями этого являются единство и сплоченность тюркских народов и правильно выстроенная тактика по отношению к западным странам. По его убеждению, в современных условиях заинтересованными сторонниками свободы колониальных народов могли быть только Соединенные Штаты Америки и Япония. Эта позиция также четко просматривается в «Заявлении».

Через все свои рассуждения Султан-Галиев вплотную подходит к оценке национальной политики Советского государства, основывавшейся на марксизме-ленинизме, на учении Ленина по национально-колониальному вопросу. Однако самой оценки нет, она находится между строк.

Он еще при жизни Ленина раскритиковал это учение. В заявлении нет какого-либо раскаяния по этому поводу. Наоборот, есть слова, дающие возможность считать, что он остался при своем мнении.

В отличие от руководителей Советского государства, в принципе отвергавших федерализм, предпочитавших вместо него централизм и лишь игравших в федерализм, Султан-Галиев вкладывал в это понятие реальное содержание. А это большевистскими вождями расценивалось как стремление к ревизии национальной политики Советского государства.

Последние десятилетия современной жизни всецело доказали правоту предвидения Султан-Галиева. Марксизм растерял своих сторонников. Не стало Советского Союза. Многие тюркские народы России обрели свободу и создали независимые государства. Некогда отсталый Восток наступает на пятки Западу, все больше и больше оттесняя его в мировом экономическом пространстве.

Большое место в освободительном движении будущего Мирсаид Султан-Галиев отводил Китаю, этому, как он выразился, «старейшему народу из всех старых народов мира», который «долго спал», «но, наконец, открыл глаза». Гражданские войны, охватившие Китай, он определил как фактор объединения разрозненных частей страны в единый кулак, «от которого едва ли поздоровится народам Запада». Так и происходит сегодня. «Сжатый китайский кулак» все больше дает знать миру о себе.

Япония также развивается по сценарию Султан-Галиева. Турция, о которой он писал, что она переживает процесс здорового национального развития, сегодня является одной из самых быстро развивающихся стран мира.

В «Заявлении» ложь и правда вплетены в одну ткань. Однако Султан-Галиев верил, что придет время, и ложь постепенно рассеется, как утренний туман. Останется лишь правда, заключающаяся в том, что его автор стал идеологом третьего мира. Так и случилось. Его идеи зазвучали в XX в. в полный голос. Они были развиты Мао Цзедуном, Дэн Сяопином, Хо Ши Мином и другими марксистами в Азии, Африке, Латинской Африке. О том, что Султан-Галиев был в числе первых людей, поставивших под сомнение многие постулаты марксизма-ленинизма, говорится и в докладе Баруна Де, сделанном на конференции, организованной ЮНЕСКО в 1999 г.[3] «Заявление», подлинный текст которого предлагается вниманию читателей журнала, — еще одно тому доказательство.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды / Сост. И. Г. Гиззатуллин, Д. Р. Шарафутдинов. – Казань, 1998. – С. 545.
2. Архив УФСБ РФ по РТ, ф. 109, оп. 5, д. 55, л. 276.
3. ЮНЕСКО. Всемирный доклад по социальным наукам. – М., 2002. – С. 53.

Из заявления подследственного М. Султан-Галиева народному комиссару внутренних дел ТАССР В. И. Михайлову (дополнительно к показаниям от 3 августа 1938 г.)

23 августа 1938 г.

1. Мой национализм, как результат взаимодействия ряда факторов внутреннего порядка*.

Мой национализм является результатом взаимодействия ряда факторов внутреннего порядка, действовавших на мои политические убеждения.

Первым таким фактором является сложившееся во мне неправильное представление о роли национального и национально-колониального вопроса в социалистической революции вообще из пролетарской революции в СССР, в частности.

Выросши[й] в условиях тяжелого национального гнета во время царизма и в обстановке физического и морального вырождения и культурного одичания тюрко-татарских народов царской России — татар, башкир, казахов, азербайджанцев, горцев Кавказа, узбеков и др[угих], я крайне болезненно реагировал во время социалистической революции на разрешение национального вопроса в СССР и национально-колониального вопроса в странах зарубежного Востока. Я не разделял постановления 2-го конгресса Коминтерна по вопросу о панисламизме и пантюркизме. Я считал, что пантюркизм в условиях Советской России не страшен. О панисламизме я думал, что это движение в современных его формах может быть использован[о] международным пролетариатом в борьбе его с империализмом.

Я считал ошибочным ленинский тезис о непосредственном переходе к социализму отсталых в промышленном развитии колониальных и полуколониальных стран при помощи СССР и стоял за буржуазно-демократическую революцию в этих странах, в частности в Китае и Индии.

Мне казалось, что развитие капитализма в зарубежных странах колониального Востока является необходимой предпосылкой для организации в них социалистических революций так же, как это произошло в России.

Я не разделял и борьбу партии с местным национализмом, т[ак] к[ак] считал, что национализм этот в условиях советской действительности является прогрессивным фактором и при умелом обращении с ним может перерасти в пролетарский интернационализм.

Я считал, что основным препятствием в деле установления подлинного единства и братства народов СССР является не местный национализм, а великодержавный шовинизм. Борьбу партии с великодержавным шовинизмом я считал недостаточно решительной и половинчатой. Отсюда мое недовольство национальной политикой партии и Сов[етской] власти и в результате — скат к местному национализму и буржуазно-националистической контрреволюции.

Второй фактор, это — мое неверие в интернационализм русских коммунистов и пролетарской революции.

Возникшее еще во время Февральской революции, когда у власти во временном правительстве находились социал-соглашатели, неверие это исчезло было у меня после прихода к власти в стране большевиков, и я с беззаветной преданностью поддерживал Советскую власть и партию в 1917-1918 гг., когда нужно было решительным образом разбить татарскую буржуазно-националистическую контрреволюцию, объединившуюся под лозунгом «Идель-Уральского штата». Удержаться на этой позиции я, однако, не сумел. Выступления в Казани «большевика» Карла Грасиса против объявления Татаро-Башкирской Соц[иалистической] Сов[етской] республики в 1918 г., противодействия [Е. А.] Преображенского, различных Зубаровых и друг[их] нормальному развитию Баш[кирской] республики в 1919 г. и в 1920 г., противодействия русских коммунистов образованию Тат[арской] республики в 1920 г., противодействия национальным работникам ряда центральных работников из плеяды русских «правых» типа тогдашнего Наркомзема [А. П.] Смирнова, тогдашнего пред[седателя] Совнаркома [А. И.] Рыкова и других, — все это постепенно вызвало во мне разочарование в интернационализме русских коммунистов.

Мне казалось, что интернационализм В. И. Ленина и И. В. Сталина является лишь исключением. Я был слеп и не замечал интернационализма там, где его надо было искать: в русском пролетариате и в русских подлинно пролетарских большевиках. Отсюда мое па-

* Выделение чертой автора вступительной статьи.

дение: я искал поддержки в борьбе с великодержавным шовинизмом и русским национализмом у буржуазных националистов.

Третий фактор — это мой отрыв от пролетарской среды и мелкобуржуазное мое окружение и воздействие на мое сознание в этих условиях националистически настроенных «коммунистов» из националов, в первую очередь татарских, являвшихся по существу или прямыми националистами в рядах партии, или же мелкобуржуазными социалистами.

Таково было воздействие на меня М. М. Вахитова, открыто называвшего себя «красным панисламистом» и убеждавшего меня незадолго до своей смерти в том, что нам, националам, необходимо будет ориентироваться в дальнейшем в национальном вопросе не на И. В. Сталина, а на Л. [Д.] Троцкого. Он же высказывал передо мной свое неверие в интернационализм русских коммунистов.

Таково было воздействие на меня крымского «коммуниста» Измаила Фирдевса, который так же, как и М. М. Вахитов, не верил в интернационализм русских коммунистов, и еще с конца 1918 г. стал убеждать меня в том, что нам «незачем думать о создании имени великих людей для Ленина или Троцкого» (Л. Троцкий тогда считался еще одним из руководителей пролетарской революции), а следует думать о другом: использовать социалистическую революцию в СССР для организации и создания национальной независимости тюрко-татарских народов.

Таково было воздействие на меня в начале 1919 г. в г. Уфе Шамиля Усманова, когда он, посетив меня, поставил предо мной вопрос: «А не ошиблись ли мы, так круто расправившись с татарскими националистами и с мусульманскими буржуазно-националистическими организациями в марте-апреле 1918 г., и не следует ли нам призвать вновь к жизни, в каких-то новых формах, тюрко-татарский буржуазный национализм, чтобы при его содействии и поддержке добиться осуществления национальной самостоятельности тюрко-татарских народов?»

Таково было воздействие на меня осенью 1919 г. «лидера» татаро-башкирских лев[ых] эсеров татарского писателя Галимджана Ибрагимова, тогда еще левого эсера, когда он так же, как и Ш. Усманов, поставил передо мной вопрос: не ошиблись ли мы, поспешив с ликвидацией мусульманских (читай: татарских) буржуазно-националистических организаций — «Харби Шуро», «Миллет Меджлес»и др[угих], и не следует ли нам толкнуть татарских националистов, какого-нибудь «нового Алкина», на путь вооруженной борьбы с Сов[етской] властью. Тот же Гал[имджан] Ибрагимов убеждал меня тогда в том, что разрешение национального вопроса при большевизме невозможно, т[ак] к[ак] идея национальной культуры несовместима с идеей диктатуры пролетариата.

Влияли на меня своим национализмом затем татарские «правые» — М. Б[у]рундуков, З. Булушев и, в особенности, Ю. Валидов. В 1924-1925 гг., после исключения его из партии, я нашел в Юн. Валидове человека, откликнувшегося на мою «ревизию» марксизма и ленинизма по линии нац[онально]-колониального вопроса и поддержавшего меня в моих контрреволюционно-националистических планах борьбы против Коминтерна и СССР.

Моментом психического воздействия на меня М. Б[у]рундукова был момент, когда он весною 1922 г. сообщил мне о том, что через его руки прошел доклад [М.] Литвинова на имя Политбюро ЦК партии с предложением об изменении внешней политики партии и Сов[етской] власти в отношении кемалистской Турции. М. Б[у]рундуков сообщил мне, что проект [М.] Литвинова является проектом отступления Сов[етской] власти перед английским империализмом и согласия Сов[етской] власти на то, чтобы кемалистская Турция стала колонией английского империализма.

М. Б[у]рундуков заявил, что если бы Политбюро ЦК партии встал в этом вопросе на точку зрения [М.] Литвинова, то это означало бы измену ком[мунистической] партии колониальным и полуколониальным народам зарубежного Востока и борьбе с международным империализмом за национальное освобождение.

М. Б[у]рундуков указал мне далее, что поддерживать такую политику партии мы, тюрко-татарские куммунисты, не должны и не можем, хотя и являемся членами этой партии. Поэтому он поставил предо мной вопрос, не следует ли нам предупредить кемалистов о проекте [М.] Литвинова еще до обсуждения его в Политбюро.

Мысли М. Б[у]рундукова я нашел правильными и выразил свое согласие предупредить турок по данному вопросу, что и было сделано мною на другой же день после моего разговора с М. Б[у]рундуковым.

С З. Булушевым я сговаривался о нашей тактике по национальному вопросу в социалистической революции еще летом 1917 года в Казани во время 2-го Всероссийского мусульманского съезда. Это было за 2-3 месяца до октябрьского переворота в России. Мы установили тогда солидарность наших взглядов по национальному вопросу, а именно:

а) что мы при всех условиях развития революции в России будем добиваться полной национальной независимости тюрко-татарских народов и колониальных и полуколониальных народов зарубежного Востока;

б) что мы в русском социалистическом движении будем ориентироваться на левое его крыло — на большевиков и лев[ых] эсеров-максималистов (З. Булушев был максималистом), и будем настаивать перед ними на превращении России в социалистическое государство, как государство союзного, состоящего из независимых и самостоятельных национальных социалистических республик;

в) что мы, тюрко-татарские социалисты, можем встретить на этом пути препятствия со стороны части русских социалистов: меньшевиков и эсеров (правых), в первую очередь, и со стороны части русских большевиков и лев[ых] эсеров, и на этой почве между нами и русскими социалистами возможно в будущем возникновение ряда острых конфликтов. […]

Кто на кого тут больше воздействовал: [З.] Булушев ли на меня, или же я на З. Булушева. Во всяком случае здесь было взаимодействие, я лично нашел в [З.] Булушеве живой отклик возникшим тогда в моем сознании контрреволюционно-националистическим мыслям, что лишь углубил[о] мой национализм.

2. Воздействие на мое сознание национал-уклонистов, других националов СССР.

Национализм мой усиливался, кроме того, воздействием на мое сознание националистически настроенных «коммунистов» других нац[иональных] республик и областей. Сюда относятся прежде всего «гумматисты» из Азербайджана: Таги Шахбазов, которого я знал по Баку еще с 1917 г. и с которым в 1922 г. или во время XII партсъезда в 1923 г. договорился в Москве о развертывании в Азербайджане пантюркистской работы в блоке с мусаватистами и в контакте с турецким консульством в Закавказье; Султан-Меджид Эфендиев, который еще на 2-м съезде коммунистов народов Востока в Москве в 1919 г. блокировался с татарскими «правыми», а в 1923 г. во время XII партсъезда договорился со мною, по примеру Таги Шахбазова, о пантюркистской работе в Азербайджане и в Закавказье вообще; Н. Нариманов, боровшийся со мной и с тат[арскими] «правыми» на 2-м съезде Комнарвостока, как с националистами, но заявивший в 1920 г. на нац[иональном] совещании при ЦК партии в присутствии членов ЦК партии И. В. Сталина и [Е. А.] Преображенского, что «позиция Султан-Галиева осторожного обращения с панисламизмом правильна». […]

Национализм мой укрепился затем моими общениями с башкирскими работниками: с Шарифом Манатовым, Заки Валидовым, Абд[уллой] Адигамовым, Бикшаевым, [А.] Бикбавовым, Сулейманом Мурзабулатовым, Мусой Муртазиным и друг[ими]. Помню, как в 1922 г. в Кремле (Москва) Шариф Манатов «обрабатывал» меня в духе националистической контрреволюции, со злобою говоря о неприемлемой для националов нац[иональной] политике И. В. Сталина.

Сильно влияло на меня и общение с крымскими «правыми»: с [О.] Дереном-Айрлы, Вели Ибрагимовым и Рашидом Ногаевым, а в 1920-1921 гг. с Мелитовым. Связи их с кемалистами, а у некоторых из них с белоэмигрантом Джафаром Сайдамет (у Вели Ибрагимова) и органическая связь их с «милли-фирковцами» Крыма лишь укрепляли во мне национализм.

Не прошло бесследно для меня и мое общение в 1923 г. во время XII партсъезда с грузинскими национал-уклонистами: с Махарадзе, Буду Мдавани и Коте Цинцадзе. Общение с ними не только усиливало и укрепило мой национализм, но и сближало меня с троцкистами, с которыми они уже тогда находились в блоке. Не случайно поэтому то, что после XII партсъезда в мае 1923 г. я пошел к Л. Троцкому договариваться с ним о блоке против ЦК партии. Из национал-уклонистов Ср[едней] Азии на меня сильно влиял Т. Рыскулов.

Влияло на меня и общение с членами Московского центра национального единства, являвшегося фактически первым центром пантюркизма и туранизма, построенным на основе национального блока между национал-коммунистами и националистами-сменовеховцами: с Губ[айдуллой] Ходжаевым, Валидханом Таначевым, Рашидом Капланом и Ильдарханом Мутиным.

Не без влияния прошли для меня и мои встречи в 1923 и в 1926 гг. с тат[арским] националистом Гади Атласовым, а также с подпольными группами молодых татарских националистов Казани (группа [С.] Бакиева — [Г.] Урманче) и Астрахани (группа [Б.] Бадамшина — Гафи).

3. Влияние на мое сознание выступлений оппозиции в рядах ком[мунистической] партии.

Влияли на оформление моего национализма, как контрреволюционного фактора, и выступления в рядах партии различных оппозиционных течений и групп. Я относился сочувственно к выступлению «рабочей оппозиции» [А. Г.] Шляпникова — [С. П.] Медведева. Я считал, что раз недовольны политикой ЦК партии коммунисты-рабочие, то имеется почва для моего недовольства политикой ЦК по нац[иональному] вопросу. Лозунг широкой пролетарской демократии, выброшенный тогда «рабочей оппозицией», привлекал к себе мое внимание.

Обрабатывала меня тогда при встрече на 9-м съезде Советов [А. М.] Коллонтай, с которой я сталкивался по работе среди женщин Востока. После II съезда партии я, однако, выступил на собрании парт[ийной] ячейки телефонно-телеграфного завода против «рабочей оппозиции» и с защитой линии ЦК и партсъезда. Но внутренне я продолжал сочувствовать «рабочей оппозиции». Таким образом, мое выступление против «рабочей оппозиции» являлось в данном случае ничем иным, как двурушничеством.

Некоторый отклик нашло во мне и выступление «группы демократического централизма». После X-го съезда партии меня в этом духе пытался обрабатывать [А. З.] Каменский, состоявший до этого заместителем И. В. Сталина по Наркомнацу. Однако, я не захотел примкнуть к этой группе, т[ак] к[ак] считал ее политические установки недозрелыми и сумбурными. Я считал, что рано ли, поздно ли — эта группа придет к троцкизму.

Резкий сдвиг в моем сознании, особенно в период созыва XII парт[ийного] съезда, произвело выступление Л. Троцкого. Я определенно сочувствовал Троцкому, хотя и не разделял всех его политических установок. Объединяющим элементом здесь являлось оппозиционное отношение Троцкого и его группы к линии ЦК партии. Дальнейшие выступления троцкистов вселяли во мне уверенность в моей правоте в борьбе против ЦК партии.

Сочувственно относился я и к выступлению в 1926-1927 гг. зиновьевско-каменевской группы и дал свое согласие (в 1927 г.) на связь тат[арских] «правых» с «оппозиционным блоком» и с самим [Г. Е.] Зиновьевым.

Выступление группы «правых» [Н. И.] Бухарина — [А. И.] Рыкова дало обратный отклик в моем сознании. Поскольку свою оппозицию к ЦК партии по линии нац[ионального] вопроса я объяснял в значительной степени моим отрицательным отношением к русским «правым», «запленившим», по моему мнению, ЦК партии. Я считал, что с момента выступления «правых» группы Бухарина-Рыкова открывается возможность для националов, в том числе для татарских и прочих национальных «правых», для сотрудничества и поддержки ЦК партии.

Я пытался тогда (октябрь-ноябрь 1928 г.) толкнуть тат[арских] «правых» на путь примирения с ЦК партии; однако, из этого ничего не вышло.

4. Воздействие на мое сознание извне.

Формирование моего национализма, как контрреволюционного фактора, происходило также извне, главным образом со стороны турок, в частности — кемалистов. Играл некоторую роль в формировании моего национализма, в более ранний период его развития, и турецкий коммунист Мустафа Субхи. Он относился отрицательно к «военному коммунизму» и выдвигал идею автономных сов[етских] соц[иалистических] нац[иональных] республик, как гарантию против «военного коммунизма» и его отрицательного влияния на сознание народных масс отсталых в промышленном развитии нац[иональных] республик и областей. Перед его отъездом из Москвы в 1919 г. (дальше он должен был поехать на подпольную работу в Турцию) мы с ним имели продолжительную беседу о работе в Турции. Мы стояли за советизацию Турции, но не на основе «военного коммунизма», а на основе «неполного социализма». Этот социализм М. Субхи представлял в том виде, в каком он представлялся затем В. И. Лениным в 1921 г. при введении НЭПа. Против ЦК партии М. Субхи не выступал и не агитировал. Наоборот, предвосхищая развитие революционных событий в будущем, М. Субхи указывал, что если бы революция потеряла В. И. Ленина, то вероятным кандидатом в вожди революции будет И. В. Сталин. Кропотливую работу

И. В. Сталина с националами М. Субхи объяснял тем, что И. В. Сталин внимательно изучает национальных работников, чтобы подобрать затем из их среды наиболее стойких и верных для развертывания в будущем революционного движения на колониальном Востоке.

Контрреволюционно-националистическое влияние не меня извне шло, главным образом, со стороны кемалистов и энверистов.

Впитанное в меня еще с детства чувство близости к туркам, особое положение Турции, как полуколониальной страны, в системе мирового империализма, поражение ее в империалистической войне, угроза потери ею ее государственной независимости и самостоятельности, героическая борьба турецкого народа против Антанты за сохранение своего национального существования уже после поражения в империалистической войне Германии и Австро-Венгрии — все это вызывало во мне сочувствие к кемалистам. Сочувствие это мое усилилось с того момента, как турки обратились за помощью в борьбе против Антанты к Советской России.

Отказывались ли кемалисты и энверисты, входя в политический контакт с Сов[етской] Россией, от пантюркистской работы в тюркских районах СССР? Конечно, нет. Во мне и в татарских «правых» они нашли ту группу национальных работников в СССР, опираясь на которых можно вести пантюркистскую работу в СССР. Обрабатывать им нас не приходилось. Мы сами искали сближения с ними и первые поставили перед ними вопросы организации пантюркистской контрреволюции. Первый раз этот вопрос был поставлен, по инициативе И. Фирдевса, перед Энвером. Я пост-фактум согласился с этим. Я этим вовсе не хочу взваливать вину в этом деле на плечи лишь И. Фирдевса. Если И. Фирдевс рискнул заговорить по этому вопросу с Энвером первым и не постеснялся сообщить затем об этом мне, то, значит, он знал уже достаточно хорошо мои взгляды по тому вопросу, о котором он собирался говорить с Энвером. А вопрос шел об активном вмешательстве турок и самого Энвера, в частности, в басмаческие дела. Вопрос шел о реорганизации басмаческого движения с тем, чтобы превратить его в организованное повстанческое движение средне-азиатских народных масс против Сов[етской] власти, преследующее цели создания независимого от СССР Туркестана, а во-вторых, демонстрации недовольства тюркских народов национальной политикой Сов[етской] власти и ком[мунистической] партии, чтобы тем самым заставить Сов[етскую] власть и партию пойти на определенные уступки тюрко-татарским народам по линии нац[ионального] вопроса.

Знали ли мы, разговаривая с Энвером, с кем мы имеем дело. Да, знали. Знали, что Энвер не является лишь бывшим главнокомандующим турецкой армией во время империалистической войны, а является крупным политическим деятелем, связанным экономическими и политическими узами с германским империализмом и с германским генеральным штабом. Мы знали так же, что Энверу не будет составлять особой трудности, если ему, при его согласии и решении пойти на средне-азиатскую авантюру, необходимо будет изменить его внешнеполитическую ориентацию от обессиленной Германии на империалистическую Англию или Францию, или же на ту и другую одновременно. Что это означало на конкретном политическом языке? Это означало, что мы с И. Фирдевсом и вместе со всей группой татарских «правых» согласны стать агентами германской, а если нужно, то и английской или французской разведок в деле борьбы против Советской власти и ком[мунистической] партии по линии нац[ионального] вопроса, т. е. стать орудием борьбы международного империализма против социалистической революции в СССР. Специальной вербовки нас агентами той или иной иностранной разведки тут не требовалось. Не требовалось и того, чтобы мы оформили эту нашу готовность стать агентами иностранного империализма каким-нибудь письменным документом. С другой стороны — не требовалось, чтобы Энвер тут же дал нам тот или иной ответ на выдвинутое с нашей стороны предложение. Энвер великолепно понимал это и не поспешил дать нам определенный ответ на наше предложение. С[о] своей стороны Энвер должен был понимать, что разговаривает с ним И. Фирдевс не только, как Фирдевс, а как ответственный представитель целой группы тюрко-татарских работников, вставших на путь националистической контрреволюции и контрреволюционного пантюркизма. Это положение он должен был учесть при решении вопроса о том, следует ли ему рискнуть пойти на средне-азиатскую авантюру. Энвер, видимо, изучал и настроение татарской мелкой буржуазии. Находясь довольно продолжительное время в Москве, он имел возможность изучить эти настроения через татарских националистов, в частности, через Захида Шамиль и Абдурахмана Шафеева. Изучал

он, как видно, и настроения башкир. В Москве он виделся с Заки Валидовым. Я полагаю, что Энвер еще в 1920 г. договорился с З. Валидовым о совместном выступлении на басмаческом фронте. Нужно полагать, что изучал он и настроения тюрок Закавказья и горцев Кавказа, дожидаясь в Батуме результата борьбы Мустафы Кемаля с греческими войсками Антанты. И если Энвер не дал нам прямого ответа в 1920 г. в Москве, то он ответил нам в 1922 г. своим переходом в лагерь басмачей.

Мой разговор с кемалистом Хадиль-Пашой (дядей Энвера) осенью 1920 г. перед его выездом в Персию явился по существу повторением того же предложения, которое было сделано И. Фирдевсом Энверу летом того же года. Бывший генерал турецкой армии, а не политик, Хадиль-Паша не стал играть со мною в прятки и тут же выразил свое согласие втянуть своих людей из турецких офицеров в басмаческое движение. Я считаю, что Хадиль-Паша тогда же информировал и Энвера, и кемалистов о своем разговоре со мной и достигнутом при этом соглашении.

Воздействие на мое сознание со стороны остальных посетивших тогда Москву энверистов и кемалистов — Юсуф бея, Бекир Сами-бея, Джемаль-Паши и друг[их] едва ли было значительным. […]

Я уже освещал в предыдущих моих показаниях обстоятельства моих встреч и разговоров во время III-го конгресса Коминтерна в 1922 г. в Москве с членом делегации турецкой компартии Сакаллы-Джелялом (или Кара-Сакал).

Здесь укажу лишь на то, что момент моей встречи с Сакаллы Джелял[ом] был моментом, когда во мне начали созревать планы организации националистического движения тюрко-татарских и прочих восточных народов СССР на новой, более широкой и организованной базе, чем это было до того времени. Основными элементами этого плана являлись, с одной стороны, идея создания единого для всех тюрко-татарских и соседних с ними различных мелких национальностей СССР независимого национального государства, а с другой стороны — идея усиления национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах зарубежного Востока: в Индии, Китае и арабских стран Азии и Африки, хотя бы на базе буржуазной революции в них. Развитие национально-освободительного движения в этих странах и их освобождение из-под ига империалистических стран, по моему тогдашнему плану, должно было содействовать успеху национально-освободительного движения тюрко-татарских народов СССР, гарантировать независимость их будущего национального государства. Для меня еще неясно было тогда, на какой социальной основе мы должны будем организовать это самое объединенное государство тюрко-татарских народов СССР и будем ли в своей борьбе с Сов[етской] властью за создание этого государства ориентироваться на ту или иную империалистическую страну или на какую-нибудь группу этих стран. Во всяком случае для меня было ясно одно: что ориентироваться в своей борьбе за самостоятельное тюрко-татарское государство на английский или французский империализм не сумеем, т[ак] к[ак] сама позиция наша по колониальному вопросу, т. е. поддержка нами национально-освободительного движения в Индии, Китае и арабских странах, исключала эту возможностъ. Сомневался я и насчет Германии, т[ак] к[ак] тогда Германия в своей внешней политике ориентировалась еще на СССР. Она могла поддерживать национально-освободительное движение в колониальных странах Востока, но могла воздержаться от поддержки сепаратистско-пантюркистского движения в СССР, поскольку это должно было привести к разрыву ее дружественных отношений с СССР: Германия не могла, по моему мнению, пожертвовать тогда своей дружбой с СССР из-за какого-то проблематичного еще тюрко-татарского государства на юго-востоке СССР. Оставались, таким образом, лишь две крупных империалистических страны, на поддержку которых мы могли бы рассчитывать при тогдашних условиях: Америка (Сев[еро]-Америк[анские] Соед[иненные] Штаты) и Япония. Оба эти государства настроены были враждебно к СССР. Оба эти государства, кроме того, были заинтересованы в национально-освободительном движении колониального Востока, поскольку это движение было направлено, в основном, против мировой гегемонии англо-французского империализма. Кроме того, оба эти государства в некоторой степени были информированы в это время посещавшими СССР своими агентами о национально-освободительном сепаратистско-пантюркистском движении среди тюрко-татарских народов СССР: Япония — старого татарского эмигранта Рашид-Казы Ибрагимова, посещавшего в 1919 г. СССР и связавшегося тогда лично со мною и с рядом других тюрко-татарских работников, в том числе буржуаз-

ных националистов; и Америка — через представителя «АРА» в Татреспублике Уоррена, связавшегося в 1921-1922 гг. в Казани с тат[арским] «правым» Юн. Валидовым (об этом мне стало известно в конце 1921 г. в Казани, куда я приезжал из Москвы на партконференцию, через самого Юн. Валидова, рассказавшего мне о своих разговорах с Уорреном по пути на охоту в одну из близлежащих от Казани деревень, куда мы выезжали тогда в составе пяти человек: Уоррена, Кашафа Мухтарова, тогдашнего пред[седателя] Совнаркома Татарии, Юн. Валидова, тогдашнего наркомзема Татреспублики, меня — Султан-Галиева и одного еврейского работника, работавшего тогда наркомздравом или зам[естителем] наркомздрава Татарии, фамилии которого сейчас уже не помню; возможно, что было еще одно лицо при этом — тогдашний пред[седатель] ТатЦИКа Рауф Сабиров. С Юн. Валидовым мы ехали вдвоем, и когда я ему рассказал о своих связях с турками, то он в свою очередь сообщил мне, что ему удалось побеседовать «при помощи одного верного нам человека» с Уорреном и он (Юн. Валидов) во время этой беседы информировал Уоррена о характере националистического движения среди татар и друг[их] тюркских народностей СССР. Принимали ли в этих делах участие в то время К. Мухтаров и Р. Сабиров или кто-нибудь еще из тат[арских] «правых», Юн. Валидов мне тогда не сообщил; но позднее, в 1925 г., в Москве, когда мы разрабатывали с ним планы контрреволюционно-националистической борьбы против Сов[етской] власти и Коминтерна, Юн. Валидов вспоминал о своих беседах с Уорреном в 1921-1922 гг., говоря, что «в Америке у нас имеются друзья, которые знают о нашем движении и всегда поддержат нас в нашей борьбе за самостоятельное тюрко-татарское государство». Юн. Валидов и на этот раз не сказал мне определенно, кто еще из татарских «правых» посвящен в эту его связь с Уорреном, но указывал, что «кое-кто из наших знает» о секретных его встречах и разговорах с Уорреном. По моему мнению, этими лицами могут быть двое: Кашаф Мухтаров и Рауф Сабиров; утверждать этого с полной уверенностью, однако, я не могу.

При беседах с Сакаллы-Джелял[ом] в эти неясные для меня до того времени вопросы была внесена полная ясность. Убеждая меня в правильности основного вопроса — об организации националистической контрреволюционной борьбы за создание самостоятельного тюрко-татарского государства на юго-востоке СССР, Сакаллы-Джелял приводил следующие аргументы за создание объединенного государства тюрко-татарских народов СССР:

1) На современной исторической сцене самостоятельную роль играют лишь крупные национальности, насчитывающие в своих рядах десятки миллионов. Это — немцы, которых насчитывается до 70 миллионов; англичане — до 50-60 млн, французы — до 40-45 млн, итальянцы — до 40-45 млн, русские — до 80-90 млн, японцы — до 60-65 млн и американцы Сев[ерной] Америки — до 80-100 млн, а из колониальных народов сюда могут войти, в случае внутренней их национальной консолидации, китайцы — до 400-500 млн, индусы — 300-350 млн, арабские народы — до 40 млн и негры — до 80-100 млн. Народы мира в своем развитии идут к постепенной ассимиляции между собой: отдельные национальности перестанут существовать в конце концов как таковые, и сольются между собой с государством какого-то одного международного языка. Но человечество придет к этому не скоро — лишь через сотни лет, а пока происходит и долго еще будет происходить острая борьба, и борьба не на жизнь, а на смерть, между различными народами мира за существование. Мировая социалистическая революция не снимет с порядка дня нац[ионального] вопроса так же, как это произошло в СССР. Она лишь сгладит остроту борьбы народов за их существование, но не ликвидирует окончательно и скоро эту борьбу народов между собой за физическое существование: менее культурные народы будут вести борьбу с более культурными народами за фактическое национальное равноправие. Но когда произойдет мировая соц[иалистическая] революция — мы еще не знаем. Пока что мы видим одно — страны капитализма очень туго идут к социализму. Пока что мы видим, как передовые капиталистические страны продолжают беспощадно эксплуатировать колониальные народы и жестоко грызутся между собой из-за права грабежа колоний. Можем ли мы, тюрко-татарские народности, при этих условиях отказаться от национализма? Нет, не можем. Мы откажемся от него лишь тогда, когда откажутся от него большие народы: немцы, англичане, французы, итальянцы, американцы, японцы, китайцы, индусы и русские. Пока что мы не видим этого и не скоро еще увидим. В этих условиях наш национализм, т. е. национализм тюркских и тюрко-татарских народов, является законным и имеет право на существование и развитие. Но тюрко-татарские народы могут существовать, как отдельная и самостоятель-

ная нация, лишь при том условии, если эти народы откажутся от племенного национализма — татарского, башкирского, казахского, узбекского, турецкого и т. д. — и пойдут на внутреннюю ассимиляцию и консолидацию между собой. […]

12. Заключение.

Мой национализм является местным национализмом, переросшим в националистическую контрреволюцию против националистической революции и СССР. Конкретными лозунгами стали: расчленение СССР на составные его национальные части и государственное отделение тюрко-татарских нац[иональных] республик и Сов[етского] Кавказа от СССР. С образованием «независимых» национальных государств: Туранской республики и Кавказской Федерации — на основе госкапитализма и «расширенной» частной собственности. Идеологией этого национализма являлись «идеи» панисламизма и пантюркизма — туранизма. Движущими силами контрреволюционного национализма внутри СССР являлась разбитая в боях с Сов[етской] властью тюрко-татарская буржуазия и тюрко-татарское кулачество и их агентура — пантюркистская националистическая интеллигенция в рядах ком[мунистической] партии и вне ее, работающая на основе классового блока и единого национального фронта всех контрреволюционно-националистических сил против соц[иалистической] революции и Сов[етской] власти. Движущими силами контрреволюционного пантюркизма и туранизма вне СССР являются национальная буржуазия сопредельных с СССР стран зарубежного мусульманского Востока — Турции, Ирана и Афганистана и международный империализм в лице «передовых» его отрядов сегодняшнего дня — фашистской Германии и японского империализма. «Султан-галиевщина» является, таким образом, не только концентрированной силой пантюркистско-националистической контрреволюции внутри СССР, но агентурой в СССР национальной буржуазии зарубежных стран Востока и стоящих за их спиной империалистических государств. Агентами международного империализма в его борьбе против социалистической революции в СССР являются поэтому не только буржуазные тюрко-татарские национальности, но и сблокировавшиеся с ним «правые» и «левые» «коммунисты» из националов.

Чем является мое разоружение и действительно ли я разоружился полностью и окончательно?

Да, я разоружился полностью и окончательно, и мне уже больше нечего сказать. Разоружение мое тянется уже с 1928 г. Но разоружиться целиком и полностью я тогда не сумел: у меня не хватало для этого, прежде всего, сознания необходимости полного разоружения, а во-вторых, твердой воли, мужества и решительности. Разоружение требует, если это действительно разоружение, а не подлое провокаторство или двурушничество, высшего напряжения моральных сил и воли, чтобы быть беспощадным не только к самому себе, но и ко всем тем, кого ты должен и обязан разоружать. На этот раз я [с]умел найти в себе и напряжение воли и напряжение моих моральных сил. И сумел я добиться этого потому, что пришел к убеждению, что «султан-галиевщина» в полном ее развитии и выражении действительно является огромным зловредным нарывом на теле тюрко-татарских народов СССР.

М. Султан-Галиев.

Верно: нач[альник] 4 отдела УГБ НКВД ТАССР ст[арший] лейтенант Госбезопасности (Марголин).

Архив УФСБ РФ по РТ, ф. 109, оп. 5, д. 56, л. 1-23, 128-130.

Публикацию подготовил
Индус Тагиров,
доктор исторических наук

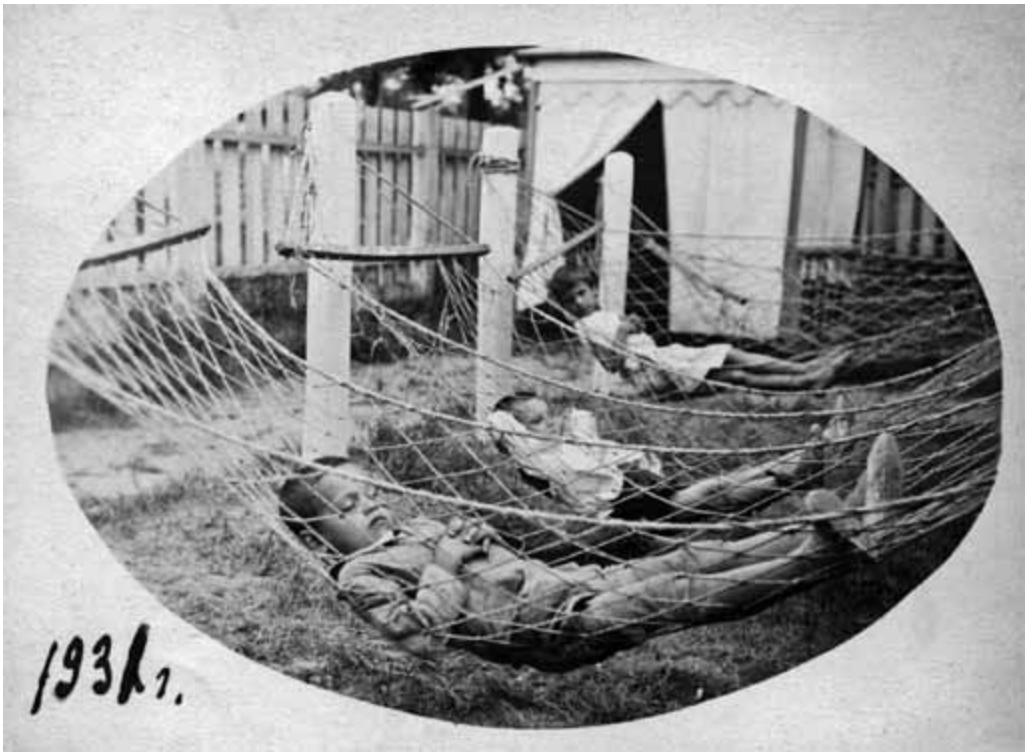
«Перед нами открылись широкие горизонты в дошкольном воспитании»

Уже в первые годы своего существования правительство Татарской республики одной из важных социальных задач ставило создание системы воспитания подрастающего поколения, в том числе детей дошкольного возраста.

В докладе Бугульминского кантонного дошкольного подотдела отмечалось: «Великая Российская революция одним мощным взмахом разорвала цепи, сковавшие всех по рукам и ногам: перед нами открылись широкие горизонты в области дошкольного воспитания. Но наше несчастье — у нас почти нет практического опыта в этой области. Всем известно, что первая важнейшая ступень образования личности ребенка — дошкольный возраст. В этом возрасте закладывается фундамент эмоций, чувств и представлений, формируется характер и проявляются индивидуальные наклонности ребенка. […] Для того, чтобы дать ребенку возможность правильного не только физического, но и духовного, психологического развития, мы должны себе ясно дать отчет об особенностях того возраста, задачах его развития»[1].

Создавая сеть детских дошкольных учреждений, Народный комиссариат просвещения ТАССР сталкивался со многими, в первую очередь экономическими проблемами. Детские сады и очаги испытывали нужду в мебели, инвентаре, достаточном питании, одежде и обуви для детей, инструментах и материалах для ручного труда. Но главное — не хватало помещений, многие детсады жаловались на перегруженность детьми[2].

27-29 марта 1921 г. в республике проходила Вторая кантональная дошкольная конференция. Ее участники предложили «ввиду массы пухнущих и умирающих от голода детей» открывать не детские дома, требующие большего оборудования, а детские сады или очаги. Конференция приняла резолюцию: ходатайствовать через исполком об организации чрезвычайной комиссии по защите детей и открывать дет-



Тихий час в летнем детском саду. 1931 г. ЦГА ИПД РТ, коллекция фотодокументов, инв. № 908.

ские сады, чтобы не оставлять без надзора голодных детей, тем более что приближалась пора страды[3].

Не менее важными были задачи обеспечения дошкольных учреждений квалифицированными работниками, педагогической литературой, методическими и практическими разработками. Так, в Бугульме с целью подготовки практиканток и неопытных руководительниц был организован кружок дошкольниц (т. е. воспитательниц. — *И. Х.*), где еженедельно происходил своеобразный обмен опытом: читались книги для дошколят, прорабатывались экскурсии и беседы, критически разбирались детские песенники, проводились детские игры, ритмическая гимнастика. Воспитательницы учились рассказывать сказки, собирали дидактический материал, игрушки, детскую литературу. При кружке издавался журнал «Дошкольница».

В начале 1920-х гг. в детсадах зачастую наблюдался недостаток и даже полное отсутствие игрушек и наглядных пособий. Вопрос об обеспечении детсадов дидактической и детской литературой, особенно на татарском, чувашском языках, пособиями и игрушками поднимался неоднократно[4]. Так, 22 ноября 1920 г. инструктор Арского кантона Пономарева* на заседании инструкторов дошкольного отдела Татнаркомпроса отметила необходимость приобретения игрушек и материалов для детских садов[5]. После доклада Е. С. Зяблицыной «Об играх и их воспитательном значении» педагогическим персоналом было вынесено пожелание «разработать вышеуказанную тему в сторону персонального описания каждой игры, а также подыскать описания игр, принятых в Сокоммоле** и других физических организациях»[6].

На просьбы с мест о снабжении кантонных и волостных детских учреждений играми и игрушками ответы, как правило, были однотипными: «справиться в отделе снабжения, что он может отпустить», «обратиться в отдел снабжения со списком игрушек с просьбой удовлетворить требование» и т. п.[7] Выход из сложившейся ситуации находили в использовании природного материала. Воспитателям предлагалось собирать дидактические материалы для развития внешних чувств во время весеннего и летнего сезона[8].

Немало внимания уделялось методике и системе воспитания в отдельно взятых детских садах. На заседании инструкторов дошкольного отдела Татнаркомпроса от 2 апреля 1921 г. было принято решение об организации трех типов детских садов: «свободное воспитание — московское направление»; «свободное воспитание — петроградское направление» и английская система «центральная идея на неделю». Дошкольный подотдел Бугульминского уездного отдела народного образования, характеризуя педагогическую работу за 1921 г., отмечал, что с детьми занимаются по смешанной системе, используя методику М. Монтессори, Ф. Фребеля и свободного воспитания[9]. В педагогической работе с младшей группой дома ребенка № 1 г. Казани для развития внешних чувств, например, зрения, использовались игры с дидактическим материалом, экскурсия по детсаду для выяснения цвета и форм предметов; для развития вкуса — испытание с закрытыми глазами на вкус фруктов, овощей, молока, творога, уксуса, сахара, белого и черного хлеба. Физическое развитие воспитанников велось через подвижные игры, маршировку, ходьбу с мешочками на голове. Социальные навыки предполагалось вырабатывать путем участия детей в общих детских собраниях, в общих комиссиях, уборках и праздниках. Для старшего возраста, например средней группы детсада № 41, предполагался труд — свободный и по заданию (вырезание, рисование, лепка), работа со строительным материалом, индивидуальные и коллективные игры[10].

На протяжении 1920-х гг. в работе дошкольных подотделов кантональных отделов народного образования неоднократно поднималась проблема изготовления игрушек. Так, в августе

* Имя, отчество не указано, так в документе.

** Так в документе, имеется в виду Союз коммунистической молодежи.

1920 г. в г. Чистополе был рассмотрен вопрос об организации мастерской для педагогических пособий. В докладе заведующей дошкольным подотделом Чистопольского кантонного отдела народного образования Н. Н. Липиной (август 1920 г.) отмечалось, что главная цель мастерской педагогической игрушки — заготовка образцов пособий и игрушек для детсадов, наработка тем занятий. Все воспитательницы города и уезда приглашались к участию в деятельности этой мастерской «хотя бы советами и предложениями, вызванными текущей работой»[11]. В сентябре 1920 г. мастерская была открыта[12].

На январь 1921 г. была запланирована организация дошкольной выставки со следующими отделами: детское творчество, образцы учебных пособий для детей дошкольного возраста; образцы самодельных игрушек, лучшие книги по дошкольному воспитанию, детские и художественные картины, образцы работ из доступного материала. К выставке предполагалось приурочить дошкольный съезд. Несмотря на недостаточность материалов и оборудования, было намечено расширение деятельности мастерской[13].

На заседании инструкторов дошкольного отдела Татнаркомпроса от 22 ноября 1920 г. было решено создать специальную мастерскую наглядных пособий для курсов воспитательниц, открываемых 1 мая 1921 г. Заслушав 5 февраля 1921 г. доклад «О мастерской наглядных пособий», инструктора дошкольного отдела пришли к выводу о необходимости создания объединенной мастерской дошкольного отдела Татнаркомпроса и дошкольного подотдела Казанского городского отдела народного образования[14].

Отсутствие необходимых пособий и предметов для ведения занятий воспитатели пытались восполнить за счет имеющегося инвентаря и оборудования либо делали пособия сами. Так, в доме ребенка № 1 г. Казани при изучении счета и знакомстве с цифрами использовались игры в числовое лото, сложение и вычитание изучалось при помощи палочек[15]. В старшей группе семилеток детского сада № 4 г. Чистополя для знакомства с формой и цветом использовалось геометрическое лото, изготовленное детьми, и лото счета[16]. В Казанском детском саде № 23 при прохождении темы «Число и форма» в средней группе воспитатели вынуждены были проводить «счет мебели в групповой комнате, [счет] детей, карандашей, досок для лепки и т. д.»[17]

В конце 1920-х гг. вопросы, связанные с производством игрушек, по-прежнему оставались актуальными. В отчете отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних Татнаркомпроса есть свидетельство об организации штамповочно-игрушечной мастерской с интернатом до 100 человек[18]. Однако, игрушек по-прежнему не хватало.

Сложно говорить о каком-либо изменении видового разнообразия игрушек в детских садах ТАССР в 1930-е гг. Хотя, например, в связи с празднованием дня Красной Армии, областной методический дошкольный кабинет ТАССР предлагал в младшие группы детских садов «ввести набор игрушек Красной Армии — кукол в красноармейской одежде, флажки, головы лошадок, шлемы, фигуры красноармейцев»[19].

В то же время в программах по производству игрушки середины 1930-х гг. определялось значение игрушки в коммунистическом воспитании детей и перечислялся широкий ассортимент детских игрушек — штампованных, металлических, токарных, полированных, а также изготавливаемых из папье-маше. В середине 30-х гг. игрушки из папье-маше делали в Загорске, Вятке, Горьковском крае, на Украине, штампованную игрушку производили в Московской области, Ленинградской области, в Ростове-на-Дону[20].

Тем не менее в резолюции по докладу Наркома просвещения ТАССР на областном совещании дошкольных работников 26-29 сентября 1936 г. отмечалось, что «Наркомпрос ТАССР не проявил в 1936 г. заботы о снабжении дошкольных учреждений высококачественной и доступной по цене игруш-

кой, предоставив дело снабжения игрушкой самотеку»[21].

Несмотря на улучшение качества работы детских садов, состояние педагогической работы с детьми попрежнему оставалось неудовлетворительным из-за плохого снабжения мебелью, игрушками, учебными пособиями, совершенно недостаточного обеспечения дошкольных учреждений детской литературой, особенно на татарском языке.

Публикуемые документы содержат интересные факты из истории создания новой системы дошкольного образования в ТАССР, а также характеризуют трудности в повседневной работе детских дошкольных учреждений в первые десятилетия существования республики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 47, л. 39-39 об.
2. Там же, д. 46, л. 21.
3. Там же, д. 47, л. 34 об.
4. Там же, д. 11, л. 61; д. 47, л. 8-8 об.; ф. Р-2029, оп. 1, д. 126, л. 14.
5. Там же, ф. Р-3682, оп. 1, д. 11, л. 58-58 об.
6. Там же, ф. Р-2029, оп. 1, д. 155, л. 8.
7. Там же, ф. Р-3682, оп. 1, д. 11, л. 61, 62 об.
8. Там же, ф. Р-2029, оп. 1, д. 130, л. 46-46 об.; ф. Р-3682, оп. 1, д. 756, л. 49 об.
9. Там же, ф. Р-3682, оп. 1, д. 47, л. 1.
10. Там же, д. 756, л. 18 об., 35-37 об., 61 об.
11. Там же, ф. Р-2029, оп. 1, д. 94, л. 36-37 об.
12. Там же, д. 99, л. 21.
13. Там же, ф. Р-3682, оп. 1, д. 10, л. 42 об., 48-49 об.
14. Там же, д. 11, л. 58-58 об., 68 об.
15. Там же, д. 756, л. 38.
16. Там же, ф. Р-2029, оп. 1, д. 137, л. 7.
17. Там же, ф. Р-3682, оп. 1, д. 756, л. 3 об.
18. Там же, д. 1958, л. 92.
19. Там же, д. 2159, л. 12.
20. Там же, л. 52-53, 70-93.
21. Там же, л. 37.

№ 1. Письмо инструктора Ольгинской трудовой школы М. Г. Крюковой заведующему дошкольным подотделом Казанского отдела народного образования об изготовлении учебных пособий

30 октября 1920 г.
г. Петроград.

Сообщаю Вам список изготовляемых мною предметов*. Задаток я беру в размере 3 000 руб., исполняю заказы в строгой очереди их поступления и работаю одна кустарным способом.

Заказы высылаются по почте в небольших ящиках, причем заказчик заранее предупреждается о том, сколько ему следует выслать денег. Пересылка, упаковка и доставка до почтового отделения на счет покупателя.

В настоящее время за отсутствием лесного материла я могу изготовлять только картонажные, выпиловочные, малярные и чертежные работы. От столярных пришлось отказаться. Я заменила их на инструкции с чертежами.

Инструктор по изготовлению уч[ебных] пособий Ольгинской трудовой школы Мария Григорьевна Крюкова, Петроград, Петроград[ская] сторона, [ул.] Церковная угол Провиантской, д. 4/4, кв. 43.

НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 46, л. 4-4 об.

№ 2. Список предметов и учебных пособий

I. Чертежи мебели для детских садов (стол, стул, индивидуальный шкаф, этажерка, раздевальный шкаф, модели некоторых частей из бумаги в натуральную величину). Цена 5 000 руб.

* См. документ № 2 (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

II. Картины разрезные на дереве для складывания.

III. Картины с выдвижными фигурами детей и животных. Цена за картину от 250 до 1 000 руб. за штуку.

IV. Лото-букварь — подвижная азбука с картинками. Цена за набор 5 000 руб.

V. Мозаика, цветные кубики для составления узоров. Цена за набор 5 000 руб.

VI. Энциклопедия дошкольника*. Пособие, подобранное в июне с. г.** Палатою экспертов — 100 раскрашенных и разрезанных дощечек разного размера для усвоения детьми условных представлений, для составления геометрического орнамента, для знакомства с цветами, для рисования и подготовки к письму. Цена с объяснительной запиской 15 000 руб.

VII. Геометрические вкладки с чертежами по системе М. Монтессори, применяемые в Риме в Домах ребенка. Цена за 36 рамок со вкладками, лотком и 96-ю чертежами 20 000 руб.

IX.*** Металлические и деревянные трафареты букв и цифр для самостоят[ельного] изготовления наждачных карт[онных] букв по системе М. Монтессори. Цена за 70 трафаретов 15 000 руб.

X. Инструкция для устройства на месте мастерской учебных пособий для дошкольников. К подробной инстр[укции] прилагаются: 1) 146 черт[ежей] и моделей для уч[ебных] пос[обий] по сист[еме] М. Монтессори, 2) 102 черт[ежа] для энциклопедии дошкольника, 3) чертежи для изготовления мозаик шаблоны животных и разрезных картин. Цена 50 000 руб.

НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 46, л. 5-5 об.

№ 3. Из протокола № 5 заседания коллегии подотдела единой трудовой школы при Мамадышском уездном отделе народного образования об открытии столярной мастерской

1 марта 1920 г.
г. Мамадыш.

[…] 15. Заслушивается заявление мастера игрушечных изделий Галанина о производстве его в инструктора по изготовлению игрушек для детских садов.

Постановлено: просьбу Галанина удовлетворить, произвести его в инструктора по изготовлению игрушек для детских садов с условием инструктирования посещающих мастерскую детей из детских домов. […]

17. Предложение т. Устинова об открытии при У[ездном] от[деле] нар[одного] об[разования] столярной мастерской для изготовления необходимой мебели для школы, учреждений дошкольного, внешкольного и социального воспитания г. Мамадыша и Красногорской волости. Постановлено: предложение тов. Устинова принять и просить коллегию отдела об организации при У[ездном] от[деле] нар[одного] об[разования] столярной мастерской с назначением в таковую мастерами-руководителями имеющихся при подотделе единой трудовой школы и дошкольной секции столяра Исаева и инструктора по изготовлению игрушек тов. Галанина. […]

НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 13, л. 26-27. Копия.

№ 4. Отчет о работе мастерской педагогических пособий при дошкольном подотделе Чистопольского отдела народного образования

Работы в мастерской начались в середине октября [1920 г.].

Педагогической стороной выполняемых работ руководит заведующая подотделом Н. Н. Липина и инструктор А. М. Аристов. Технической частью заведует руководительница Ю. М. Гутман.

Работницами являются исключительно дошкольницы, посвящающие мастерской вечерние часы.

Ввиду отсутствия освещения за неимением электрических ламп, к работе не может

* Выделение чертой соответствует выделению в документе.
** 1920 г., датируется по содержанию документа.
*** П. VIII опущен в документе.

быть привлечено большое число лиц, почему работа в мастерской идет не таким темпом, каким было бы желательно и возможно. Чувствуется также большой недостаток в инструментах и материалах, отчего многие задуманные работы не могут быть выполнены, и педагогическая последовательность работ иногда нарушена. Создание педагогического музея было поставлено в мастерской на первый план, для чего в настоящее время: 1) вырабатывается серия диаграмм и таблиц, характеризующих биологические и психологические особенности дошкольного возраста […]; 2) создаются педагогические пособия и игрушки по системам крупнейших представителей педагогической мысли по дошкольному воспитанию [Ф.] Фребель, [М.] Монтессори и др.; 3) приготавливаются педагогические пособия и игрушки по собственному замыслу мастерской и предметы для украшения детских садов, применительно к нуждам детских садов и современным экономическим и техническим условиям; 4) составление сборников избранных стихов, сказок, рассказов, песенок, детских пьес, систематизированных по содержанию применительно к возрастным группам детских садов.

Помимо того, по указаниям мастерской, специально приглашенным столяром приготовляется мебель для детских садов и специально приглашенной щеточницей — щетки и швабры. Производится руководительницами пошив туфель из бурочной материи, которые дети одевают по приходу в детский сад, во избежание пыли и грязи.

Все работы приготовляются, по возможности, в нескольких экземплярах, причем один экземпляр оставляется для Чистопольского музея, один отсылается в показательный детский сад в Билярске, а остальные распределяются по детским садам уезда. Городские руководительницы снимают образцы тех пособий, которые диктуются текущей практикой детских садов и воспроизводят их для своего детского сада обычно с помощью детей.

На районных собраниях мастерская делает периодический отчет о своей работе и демонстрирует все сделанные за истекшее время пособия, разъясняя психологический и педагогический смысл каждого.

За время с 12-го октября по 26-е ноября работало 23 человека. Число проработанных часов — 348.

Зав[едующая] дошк[ольным] под[отделом] Н. Н. Липина.

НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 10, л. 44-45 об.

№ 5. Из протокола заседания конференции дошкольных работников Лаишевского кантона в присутствии центральных инструкторов Народного комиссариата просвещения ТАССР

15 февраля 1921 г.

[…] 8) Об игрушках и пособиях детских садов Лаишевского кантона.

По наблюдениям руководительниц, детей больше всего интересуют следующие игрушки: строительный материал, мячи, скакалки, обручи, вожжи, крокет, животные, […] куклы, мягкие игрушки и пароходы.

Постановили: желательна организация общей для всей Тат[арской] республики мастерской, изготовляющей и снабжающей все кантоны игрушками и наглядными пособиями.

Председатель конференции.

Секретарь В. Никитин (подпись).

НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 46, л. 21-22. Копия.

№ 6. Из отчета о работе детского сада № 7 г. Чистополя с 19 февраля по 26 марта 1921 г.

30 марта 1921 г.

[…] Из-за недостатка топлива и слишком большой скученности детей в одной комнате групповые занятия приходилось оставлять и прибегать к общим. […]

Из работ детских, кроме лепки и рисования, могу указать […] на геометрическое лото

Детские ясли № 4. Казань, 1928 г.
ЦГА ИПД РТ, коллекция фотодокументов, инв. № 915.

и арабскую мозаику. Из игр можно отметить «Пастух и стадо», «Продавец птиц», игра в отыскивании вещи под музыку и пение, игра в тишину по Монтессори. Эта игра очень подействовала на детей и произвела самое хорошее впечатление. Из бесед более подействовавших на детей […] о чистоте и сохранении здоровья. […]

У. Гаврилова.

НА РТ, ф. Р-2029, оп. 1, д. 137, л. 31-31 об.

№ 7. Из отчета о поездке Н. Мазохиной на практику в показательный детский сад № 10 г. Казани

11 июня 1921 г.
г. Лаишево.

[…] Занятия провод[ятся] у них на площадке, куда детей водят после утреннего чая (10 часов утра) вплоть до обеда (13 часов 30 минут). Площадка от сада довольно далеко, притом приходится проходить через большой мост, но дети так хорошо приучены, что проходят это расстояние безо всяких приключений. Не разбегаясь, идут парами, чинно, спокойно. В особенности хорошо всегда идут передние пары, самые малыши. На площадке дети играют совершенно свободно, кто как хочет. Дети постарше собирают хворост, связывают его в вязанки и после занятий несут в сад, для того, чтобы на другой день, благодаря этому хворосту, детям приготовили обед. Делают они это с большим желанием, так как сознают, что приносят этим пользу саду. Девочки играют в камешки, а иногда соберутся две или три, сядут в сторонке и споют какую-нибудь песенку. Маленькие дети почти все играют в песок. Это занятие должно быть им очень нравится, так как они играют в песок ежедневно и с таким же удовольствием. Мальчики постарше принесут им сырого песку в фуражках, и они делают из него посредством деревянных формочек куличики, пироги и т. д. Мне очень понравилось то, что дети играют очень дружно. Они совсем почти не ссорятся и не дерутся между собой. […] Иногда дети просили руководительницу что-нибудь […] прочесть. Усаживались вокруг нее и она им читала заранее взятую книгу. Когда дети самостоятельно играли, руководительница передавала мне свои наблюдения из детской жизни. […]

Образцовые ясли Народного комиссариата просвещения ТАССР. Казань, 1931 г.
ЦГА ИПД РТ, коллекция фотодокументов, инв. № 1234.

Вот все что я могу сказать о занятиях в саду. Мне хотелось послушать какие-либо лекции по дошкольному воспитанию, но, к сожалению, на лето лекции […] прекратились. Ввиду этого да плюс скверное положение с квартирой, так как меня не могли устроить, и я жила […] у знакомой, мне пришлось обратно уехать в Лаишево. […]

А. Мазохина.

НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 46, л. 43-44 об.

№ 8. Из доклада заведующей дошкольным подотделом Е. Андриановой о постановке дошкольного дела в г. Бугульме

Не ранее апреля 1920 г.*

С 23 апреля открыто 6 дошкольных учреждений в городе, в т[ом] ч[исле] детский дом им. Льва Толстого. Детей в этом доме 50 чел[овек], хотя дом открыт только на 42 чел[овека], руководительниц три, четвертая заведующая домом. Дети принимаются или очень бедных родителей, или сироты. Отношение населения к детскому дому […] из слов посетителей — хорошее.

Работа с детьми проводится следующим образом: в семь или половине восьмого часов утра дети просыпаются и приступают к одеванию […], убирают свои кроватки, вытирают пыль и идут умываться […], после умывания дети идут в зал для осмотра: правильно ли одеты, обуты, как умыты и т. д. [В] половине десятого дети садятся пить чай, который длится с мытьем посуды до [11 часов 30 минут]. После чая начинаются занятия: игры в школу по методу [М.] Монтессори, гимнастика, вырезывание и наклеивание, недавно началось рисование, пение с подвижными играми, разучивание новых игр или песенок и повторение старых. Определенного порядка занятий нет, приходится сообразоваться с настроением детей. С 14 до 15 часов обед. С 15 до 17 часов свободные игры. С 17 до 18 ча-

* Дата установлена по содержанию документа.

сов чай. С 18 часов рассказывание сказок, рассматривание каких-нибудь книжек с картинками, заучивание стихотворений. С 19 до 20 часов ужин, а после ужина дети ложатся спать; причем за последнее время дети стали увлекаться гимнастикой и несколько мальчиков и девочек перед сном каждый вечер упражняются. Всю трудность занятий составляет отсутствие школьной литературы, пособий и подготовленных руководительниц. […]

В селе Альметеве в 1919 г. 1 июля открылся первый татарский детский сад. В это время в уезде было всего две руководительницы из татарок. На татарском языке дошкольного материала никакого не было. В первое время население к детскому саду относилось недружелюбно, но с течением же времени взгляд населения изменился в пользу дошкольного дела. Постепенно созданы трудом руководительниц и инструктора детские игры, детские родные сказки, шли работы по лепке, вырезыванию. Дети детский сад стали посещать с большим желанием. […]

Третий [татарский] детский сад в г. Бугульме открыт 21 июня площадкой, а потом переорганизован был в детский сад, за неимением помещения соединен с русским садом. Нужды детского сада: не имеется подготовленных работников, […] подходящих помещений под детские сады, нет дошкольной детской, педагогической литературы, нет учебных пособий, карандашей цветных, простых, нет мебели, инвентаря. […] Дети нуждаются в теплой одежде, обуви, нет стекол для ремонта. Для подготовки работников при дошкольном отделе организован кружок дошкольниц, который задался целью подготовить практиканток к работе, а для установления связи с населением и жен[ским] отделом организована дошкольная коллегия. Затем при общеобразовательных курсах открываем дошкольную секцию по подготовке дошкольных татарских детских руководителей. […]

Зав[едующая] дошкольным подотделом Е. Андрианова.

НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 47, л. 3-5 об.

№ 9. Из требований инспектора по дошкольному воспитанию к образцовому детскому саду

10 августа 1934 г.

[…] 5. Образцовый дет[ский] сад должен иметь в достаточном количестве игрушки для игры с песком, водой и т. п. Строительный материал разных форм и размеров, деревянные конструкторы, игрушки-двигатели (автомобили, платформы и т. д.), печатные настольные игры и т. п. Оборудование для занятий по дереву, инвентарь для занятий на огороде, для изо[бразительной] деятельности и т. д. Для старшей группы должен быть полный материал для работы по грамоте и счету. […]

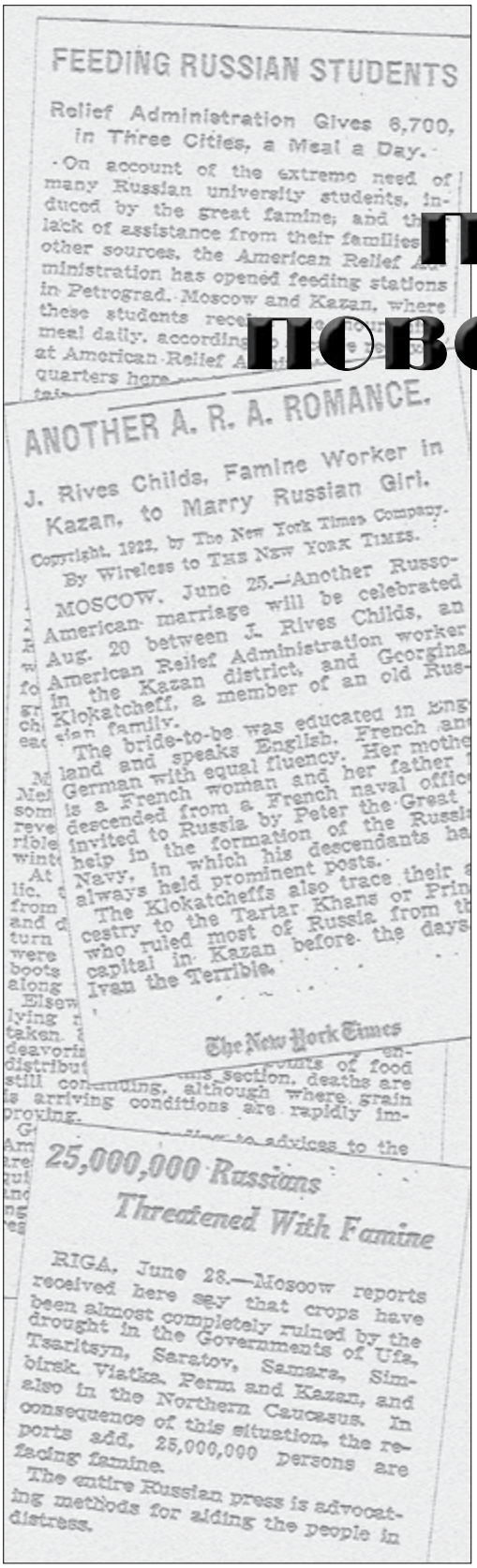
Резолюция: утверждено зам[естителем] Наркомпроса [РСФСР] [М. С.] Эпштейн, зав[едующей] дошк[ольным] отд[елом] [Е. Е.] Цырлиной.

Инспектор по дошкольному воспитанию.

НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 2159, л. 22 об. Копия.

Фото на с. 68: Детские сады и ясли Елабужского района. Приблизительно начало 1930-х гг. Из фондов Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Публикацию подготовила
Ильнара Ханипова,
кандидат исторических наук



FEEDING RUSSIAN STUDENTS

Relief Administration Gives 6,700, in Three Cities, a Meal a Day.

On account of the extreme need of many Russian university students, induced by the great famine, and the lack of assistance from their families other sources, the American Relief Administration has opened feeding stations in Petrograd, Moscow and Kazan, where these students rece[illegible] meal daily, according [illegible] at American Relief A[illegible] quarters here [illegible]

ANOTHER A. R. A. ROMANCE.

J. Rives Childs, Famine Worker in Kazan, to Marry Russian Girl.

Copyright, 1922, by The New York Times Company.

By Wireless to THE NEW YORK TIMES.

MOSCOW, June 25.—Another Russo-American marriage will be celebrated Aug. 20 between J. Rives Childs, an American Relief Administration worker in the Kazan district, and Georgina Klokatcheff, a member of an old Russian family.

The bride-to-be was educated in England and speaks English, French and German with equal fluency. Her mother is a French woman and her father descended from a French naval office invited to Russia by Peter the Great help in the formation of the Russian Navy, in which his descendants have always held prominent posts.

The Klokatcheffs also trace their ancestry to the Tartar Khans or Prince who ruled most of Russia from the capital in Kazan before the days Ivan the Terrible.

The New York Times

[illegible] points of food [illegible] section, deaths are still continuing, although where grain is arriving conditions are rapidly improving.

[illegible] to advices to the

25,000,000 Russians Threatened With Famine

RIGA, June 28.—Moscow reports received here say that crops have been almost completely ruined by the drought in the Governments of Ufa, Tsaritsyn, Saratov, Samara, Simbirsk, Viatka, Perm and Kazan, and also in the Northern Caucasus. In consequence of this situation, the reports add, 25,000,000 persons are facing famine.

The entire Russian press is advocating methods for aiding the people in distress.

«Мы победили поволжский голод»

В 1921-1923 гг. Советская Россия, только что вышедшая из Гражданской войны, пережила невиданный ранее голод. На помощь жителям пострадавших территорий пришли благотворительные организации из-за рубежа. Среди них наибольшим размахом деятельности отличалась Американская администрация помощи, более известная под аббревиатурой АРА (American Relief Administration). Возглавлял эту организацию Герберт Гувер. В августе 1921 г. Советское правительство заключило в Риге договор с АРА, предусматривавший помощь со стороны последней одному миллиону детей.

Согласно Рижскому договору, советская сторона обязалась «содействовать предоставлению американскому народу надежной и аполитичной информации о существующем положении и ходе работы по оказанию помощи»[1]. В связи с этим в РСФСР, которая не имела дипломатических отношений с США, был разрешен въезд корреспондентов ведущих американских информационных изданий. Особенно подробно и объективно тему голода в России и деятельность здесь соотечественников из благотворительной организации АРА освещала газета «Нью-Йорк таймс».

Среди наиболее пострадавших от голода территорий была Татарская автономная республика. Первые сведения о положении здесь голодающих были напечатаны в американской газете еще до начала работы иностранных благотворительных организаций в России. В одном из августовских номеров «Нью-Йорк таймс» за 1921 г., со ссылкой на телеграммы из Москвы, сообщалось, что в татарских деревнях были случаи, когда доведенные до отчаяния из-за отсутствия пищи голодные крестьяне целыми семьями добровольно лишали себя жизни[2].

Первые свидетельства самих американцев о сложной продовольственной ситуации в ТАССР стали появляться в газете в сентябре 1921 г. Тогда в республике побывали сотрудники АРА Джон Грегг и Уилл Шэфрос. Они на месте изучили положение детей и сообщали, что у многих из них наблюдаются признаки опухания из-за голода и некачественной пищи. По оценкам американцев, один миллион детей из примерно миллиона трехста тысяч нуждались в продовольствии[3]. Так как сотрудники АРА, обследовавшие территорию республики, нашли положение ее жителей особенно тяжелым, руководство московской штаб-квартиры этой организации решило первый поезд с американским продовольствием направить именно в Казань. Между тем, сообщала газета, сначала планировалось направление этого поезда в другой район Поволжья[4].

В Казани был создан один из окружных центров АРА (всего в стране их было 10). Сюда приехала группа американцев, которая при содействии местных властей занялась организацией продовольственной и медицинской помощи голодавшим жителям Татарской республики и некоторых прилегающих к ней территорий. Первоначально заокеанская помощь предназначалась только детям и некоторым категориям больных. Сотрудники Казанского отделения АРА информировали американских журналистов о тяжелом продовольственном положении в республике и о своей работе. Специальный корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве Уолтер Дюранти неоднократно писал репортажи о деятельности Казанского отделения АРА для своего издания. Позднее часть из них вошла в отдельную книгу[5].

Вскоре после прибытия первого поезда с американским продовольствием в столицу Татарской республики «Нью-Йорк таймс» поместила большой репортаж о начале деятельности Казанского отделения АРА. Как можно понять из этой публикации, первая детская столовая с американскими продуктами питания должна была открыться в городе 19 сентября 1921 г. в здании бывшей женской гимназии. Центральная контора местного отделения АРА располагалась на улице Ленина в здании, ранее принадлежавшем инженеру Амосову. Кроме Казани, как сообщала газета, американцы вместе с местными советскими руководителями приняли решение открыть продуктовые склады и детские столовые еще в Свияжске, Тетюшах, Чистополе и Мензелинске. Заголовок репортажа гласил: «Официальные лица Татарской республики активно сотрудничают с людьми Гувера»[6].

Всю осень 1921 г. американцы наращивали число столовых для голодающих детей, однако количество нуждающихся в продовольственной помощи было очень велико, и не все они могли получать необходимое питание. В связи с этим сотрудники АРА начали через прессу обращаться к своим соотечественникам с просьбой материально поддержать их организацию. В номере за 12 декабря редактор нью-йоркской газеты Джилберт Элиот поместил письмо, полученное от одного из руководителей миссии АРА в России. В нем говорилось о тяжелом положении детей в Татарии и, в частности, в Спасске. В первой половине ноября 1921 г. из 350 проживавших здесь детей 45 умерло от голода. Американцы же имели продовольственные запасы, достаточные для того, чтобы прокормить только 200 человек. В том же письме сотрудник АРА приводил сообщение из одного сельского района республики, расположенного восточнее Казани. Здесь голода-

ло около 8 тысяч детей, между тем как американцы могли прокормить не более 5 тысяч из них. Чиновник АРА через газету просил своих соотечественников выделить хотя бы по несколько долларов на помощь детям[7].

«Нью-Йорк таймс» достаточно подробно освещала работу столовых АРА на территории Татарии. Газета не упускала возможности показывать некоторые трудности и недостатки, которые мешали американской благотворительной организации осуществлять свою деятельность на местах. Так, отмечалось, что в Новоузенске детям разрешали брать продукты из столовой домой (правилами АРА это строго запрещалось). В Александровом Гае дети местных татар не попали в список нуждающихся в помощи, как предполагали американцы, по национальному признаку. В некоторых местах инспекторы АРА обнаружили продукты, предназначенные голодным детям, на рынках[8].

Зимой 1921-1922 гг. ситуация в Поволжье стала резко ухудшаться. Газета сообщала, что в Казани замороженные трупы погибших от голода людей складывали в штабеля, так как могильщики не успевали копать ямы для их захоронения[9]. В американской прессе, со ссылкой на свидетельства сотрудников АРА, стали помещать информацию о случаях каннибализма в местах голода. Так, в одном из февральских номеров нью-йоркской газеты сообщалось о поездке одного из инспекторов американской организации по центральной части Татарской республики. По его утверждению, им были зафиксированы более двенадцати свидетельств людоедства. Жизненные условия населения, сообщал он, настолько тяжелые, что такие случаи продолжают нарастать[10].

Подобные страшные примеры и просьбы со стороны местных властей заставили АРА расширить помощь бедствующим россиянам. В конце 1921 г. американский Конгресс проголосовал за выделение 20 млн долларов из бюджета страны для оказания дополнительной помощи голодающим России через организацию Гувера. АРА решила обеспечивать продовольствием не только детей, но и взрослых. В специально отведенных местах им выдавалось зерно кукурузы. В Татарской республике, как сообщала газета в феврале 1922 г., предполагалось выдавать до 1 040 000 пайков ежедневно. Это было больше, чем в остальных округах АРА[11].

Расширение помощи жителям Татарской республики было крайне необходимо. В начале весны 1922 г. ее посетил Бенджамин Робертсон, ранее много лет бывший губернатором одной из провинций в британской Индии. Во время своего пребывания в этой стране он был свидетелем нескольких случаев голода местного населения. Однако, как он заявил в интервью американскому журналисту, условия жизни в Поволжье были гораздо хуже, чем в Индии, которая, с точки зрения продовольственного обеспечения, считалась самым плохим местом в Азии. На сэра Робертсона особенно тяжелое впечатление произвело посещение детского дома в Бузулуке. В помещении, рассчитанном всего на 40 человек, содержалось около 400 детей. Три четверти из них, по утверждению англичанина, не знали своих имен. Дети не помнили, кто были их родители и откуда они сами[12].

Не меньше, чем от голода, население Татарской республики страдало от эпидемий. Сотрудники иностранных благотворительных организаций, контактируя с голодными и больными людьми, нередко сами заболевали, а некоторые даже погибали. Не избежал заражения и болезни руководитель Казанского отделения АРА Дж. Чайлдс. О его выздоровлении «Нью-Йорк таймс» сообщила в одном из февральских номеров за 1922 г.[13]

Возросшие весной 1922 г. финансовые и материальные возможности АРА позволили ей осуществлять специальные программы помощи. В частности, в университетских центрах России американцы организовывали раздачу горячего питания для студентов. Такая поддержка была оказана и 150 студентам Казани. Они ежедневно получали обе-

ды из американских продуктов энергетической ценностью в 1 500 калорий[14].

Летом 1922 г. благотворительная деятельность иностранных организаций в России достигла своего максимума. 10 июня руководитель миссии АРА Уильям Хаскелл заявил: «Мы победили поволжский голод». По его утверждению, теперь никому в Поволжье уже не грозила голодная смерть[15].

После того, как наиболее трагический и сложный период голода прошел, газета стала помещать на своих страницах более спокойные материалы, связанные с деятельностью организации АРА. Так, за время пребывания в России некоторые американцы женились на местных девушках, и пресса США не упускала возможности сообщать о таких случаях. В частности, «Нью-Йорк таймс» информировала своих читателей о браке руководителя Казанского отделения АРА с местной жительницей[16].

После сбора урожая 1922 г. острота голода в России спала, и масштабы благотворительной работы иностранных организаций заметно уменьшились. Тогда же американская пресса стала терять интерес к этой теме. Но время от времени на страницах газет появлялись материалы, касающиеся деятельности АРА в России. В апреле 1923 г. «Нью-Йорк таймс» поместила письмо из Казани, в котором школьные учителя и их ученики благодарили американцев за специальную помощь, оказанную им неизвестным благотворителем из США. Она позволила заново открыть несколько сельских школ[17].

После прекращения работы АРА в газете некоторое время помещались воспоминания сотрудников этой организации об их пребывании в России. Интересными наблюдениями, в частности, поделился Филипп Мэтьюз, некоторое время работавший в Казани. По его словам, в Татарии в последний месяц пребывания здесь отделения АРА (июнь 1923 г.) организация ежедневно обеспечивала питанием 650 000 человек[18].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Документы Внешней политики СССР. – М., 1960. – Т. IV. – С. 285.
2. New York Times. – 1921. – August, 24. – P. 3.
3. Ibid. – September, 10. – P. 3.
4. Ibid. – September, 13. – P. 17.
5. Duranty W. Duranty reports Russia. – N-Y., 1934. – 170 p.
6. New York Times. – 1921. – September, 24. – P. 8.
7. Ibid. – December, 12. – P. 14.
8. Ibid. – December, 15. – P. 22.
9. Ibid. – 1922. – January, 6. – P. 7.
10. Ibid. – February, 28. – P. 6.
11. Ibid. – February, 8. – P. 3.
12. Ibid. – April, 2. – P. 89.
13. Ibid. – February, 12. – P. 27.
14. Ibid. – May, 5. – P. 3.
15. Ibid. – June, 12. – P. 3.
16. Ibid. – 1922. – June, 28. – P. 14.
17. Ibid. – 1923. – April, 30. – P. 4.
18. Ibid. – August, 15. – P. 1.

Наиль Усманов,
кандидат исторических наук (Бирск)

Из истории развития профессионального образования в ТАССР в 1920-е гг.

Главное управление профессионального образования Народного комиссариата просвещения ТАССР (далее Главпрофобр) было реорганизовано из подотдела профессионального образования Казанского губернского отдела народного образования 19 декабря 1920 г. Во главе управления стояла коллегия из председателя — наркома по народному образованию Татарской республики и из членов коллегии — заведующего Татпрофобром, представителей Наркомзема, Совнархоза, Совета профсоюзов и Союза коммунистической молодежи[1].

Первыми мероприятиями коллегии Татарского профессионально-технического образования стало реформирование и передача в подотдел Главпрофобра ремесленных школ, курсов, учебно-показательных мастерских. Они были связаны с реализацией Декрета «О введении профессионально-технической повинности в стране». Обязательному профессионально-техническому обучению подлежали все рабочие от 18 до 40 лет (за исключением лиц, имеющих подготовку не ниже бывших ремесленных училищ или же обучающихся в технических учебных заведениях). На тех предприятиях, где не были организованы фабрично-заводские школы для подростков, курсы должны были пройти все рабочие с 14-летнего возраста[2]. На курсах обучали главным образом взрослых рабочих. Для молодежи организовывались специальные ученические бригады, а при некоторых крупных предприятиях — особые учебные мастерские. Ремесленные училища приобретали статус профессионально-технических школ, профессиональных училищ[3].

С сентября 1920 г. и по май 1921 г. количество профессиональных учебных заведений в республике увеличивается с 57 до 74, число учащихся — с 3 698 до 4 638 человек[4]. Все выпускники были направлены в совхозы и заводские комитеты республики.

Главпрофобр народного комиссариата просвещения ТАССР для повышения квалификации педагогов и руководителей проводит в 1921 г. следующие мероприятия:

1) показательные сельскохозяйственные курсы в г. Казани;

2) направляет слушателей в Московскую трудовую академию;

3) проводит трехмесячные курсы для повышения квалификации и опытного развития профессионального образования;

4) планирует открытие летних курсов по подготовке школьных работников по трудовым процессам с пропускной способностью 265 человек;

5) осенью 1921 г. предусматривает открытие курсов по подготовке учителей и руководителей из татар по профессионально-техническому образованию в Казани и Чистополе.

Однако действовавшие в то время

Здание Народного комиссариата просвещения ТАССР. Казань, 1925 г.
ЦГА ИПД РТ, коллекция фотодокументов, инв. № 3363.

школы рабочих подростков, школы-клубы, профтехнические краткосрочные курсы, индивидуальное ученичество в цехах заводов и фабрик, ученические бригады и т. д. не могли решить в полной мере проблемы образования рабочей молодежи. Требовались неординарные решения.

В 1923-1924 гг. разрабатываются правила организации школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), создаваемых на фабриках и заводах[5]. От профессионально-технических школ и ремесленных училищ фабрично-заводское ученичество отличалось тем, что оно готовило индустриального рабочего, а не специалиста для кустарно-ремесленной и мелкой промышленности. Главпрофобр республики разрабатывает «Правила приема в школы ФЗУ на 1926-1927 учебный год»[6]. В школу с 3-х годичным курсом принимались подростки, прошедшие подготовку в 4-х летней единой трудовой школе в возрасте от 15-16 лет или выпускники семилетки. Для татарской молодежи предусматривались льготы — подростки 14-15 лет принимались в подготовительную группу по согласованию с администрацией заводов и фабрик[7]. Другим источником комплектования учащимися ФЗУ были воспитанники детских домов, для них устанавливалась 15 % квота мест[8]. В 1926 г. ФЗУ обеспечивали квалифицированными рабочими кадрами промышленность республики на 25 %[9]. Но их не было на селе.

В районах республики население отдавало предпочтение вновь открывавшимся техникумам. В Татарстане к 1925 г. работали: Татарский сельскохозяйственный техникум на базе фермы № 2 г. Казани, Чистопольский сельскохозяйственный техникум, Мензелинский сельскохозяйственный техникум, Татарский садово-огородный техникум г. Казани, Лубянский лесной техникум в Мамадышском кантоне, землеустроительный техникум (г. Казань). Общее число студентов во всех техникумах сельскохозяйственного назначения составляло на 1925-1926 учебный год 843 человека, из которых татар было 59 %, русских 36 %, нацмен 5 %, по социальному составу — рабочих 8 %, крестьян 72 %, служащих 10 %[10].

Индустриальные техникумы повышенного типа решали задачу подготовки кадров для промышленности в республике. Это были — Казанский индустриальный техникум, химический техникум, кожевенный техникум. В систему индустриального профессионального образования входило 19 школ, из них по обработке металлов — три, паротехники — одна, школы сельхозмашиностроения — 11, обувные — две, деревообрабатывающая — одна.

Всего в школах обучалось 2 556 человек, из них татары составляли 8 %, русские — 72 %. Основной причиной малочисленности татар была сосредоточенность всего индустриального производства в Казани.

Социально-экономическое образование население республики получало в промышленно-экономической школе, торгово-промышленном отделении индустриального техникума, на областных юридических курсах, краткосрочных курсах бухгалтеров и стенографистов. Татары среди обучающихся студентов составляли — 34 %, русские — 53 %. Социально-экономическое образование являлось базовым для государственных служащих среднего звена.

Медицинское среднее специальное образование было представлено медицинским и фармацевтическим техникумами, акушерскими и фармацевтическими курсами. Более 50 % выпускников в 1925 г. выехали за пределы республики[11].

Педагогов в 1925 г. готовили: Казанское, Елабужское, Чистопольское, Казанское кряшенское, Спасское, Тетюшское училища. Всего в них обучалось 1 564 студента, татар было 58 %, русских — 30 %[12].

После принятия положения о Народном комиссариате просвещения ТАССР от 15 апреля 1923 г. в задачи Главпрофобра входило: создание сети учреждений по профессиональному и техническому образованию, руководство, идейное направление и контроль работы во всех видах высших, средних и низших учреждений по профессиональному и техническому образованию, разработка совместно с Академическим центром программ и планов преподавания, издание учебников и методической литературы, комплектование и учреждение профильных библиотек, введение специального обучения всех учащихся в заведениях Главпрофобра*, организация периодических сессий по профессиональному и техническому образованию, выставок, тематических экскурсий в своей области и т. д.

Согласно положению от 15 апреля 1923 г., Главпрофобр подразделялся на отдел массовых учреждений, отдел рабочего образования, управление по делам вузов и отдел обслуживания вузов совместно со стипендиальной комиссией.

К 1927 г. в Татарии продолжали работать 23 техникума, в том числе пять татарских, два нацменовских, один русский и 16 смешанных. Из 4 851 учащихся 48,2 % составляли татары, 39,9 % — русские[13]. Несколько иначе выглядел национальный состав учащихся в профшколах и школах фабрично-заводского ученичества[14]. Приведенные цифры являются средними показателями, которые по отдельным техникумам значительно колеблются. Так, в Казанском индустриальном техникуме татары составляли лишь 27 %, химическом техникуме — 27 %, фармацевтическом техникуме — 53 %, медицинском техникуме — 36 %. По социальному составу 64 % учащихся техникумов были детьми крестьян и рабочих, 16 % — дети служащих[15]. Это свидетельствует о доступности данных учебных заведений для малообеспеченных социальных слоев населения республики.

Следующей ступенью образования, отчасти подведомственного Наркомпросу ТАССР, являлись высшие учебные заведения. Существовало управление делами вузов этого Наркомата. Правда, в управлении имелся всего один штатный работник — секретарь. Для всестороннего обсуждения вопросов, касающихся вузов, периодически созывались совещания ректоров вузов республики.

В июне 1924 г. в Казани имелось шесть вузов и два рабфака. В вузах числилось 6 428 студентов, из них русских — 5 361, татар — 262 и прочих — 805. На рабфаках училось 812 человек, из них русских — 394, татар — 343 и прочих — 76. Среди студентов вузов доминировали выходцы из крестьян. Дети рабочих находились на пятом месте. На рабфаках преобладающую массу составляла рабочая молодежь[16].

* По-видимому, говорится об обеспечении студентов профессиональных учебных заведений стипендиями.

С начала 1920-х гг. по инициативе Наркомпроса на базе Казанского университета начали создавать новые высшие учебные заведения, но при этом в самом университете количество факультетов стремительно сокращалось. Это объясняется и тем, что в эти годы по всей стране стали тотально закрываться историко-филологические факультеты в университетах и педагогических институтах. Главная причина, по мнению властей, заключалась в «религиозно-монархическом» содержании дореволюционного исторического образования, поэтому систематические курсы отечественной и всеобщей истории заменялись другими обществоведческими дисциплинами.

В результате реструктуризации гуманитарных факультетов университета пострадали не только люди, но и книги, учебные кабинеты, музеи, словом все, что обеспечивало учебный процесс. Так, богатейший кабинет всеобщей истории, оказавшись в Восточно-педагогическом институте, утратил свое научное применение и значимость. Уникальный в своем роде учебный Музей изящных искусств, основанный в 1886 г., также ожидала печальная участь. Коллекция музея была частично утрачена, уцелевшая часть некогда уникального собрания — распределена по различным музеям города. В университете осталась лишь коллекция гравюр, книги из библиотеки музея и портреты российских императоров[17]. Пройдут долгих 18 лет, пока в Казанском университете осенью 1939 г. исторический факультет вновь распахнет свои двери для нового поколения студентов[18].

В составе Казанского университета с 1922 по 1928 г. оставались только два факультета: физико-математический и медицинский, а также рабфак. В 1923-1924 учебном году перед коллективом университета вновь встала угроза закрытия оставшихся факультетов. Наркомпрос РСФСР пытался перевести физико-математический факультет в состав Восточно-педагогического института. Профессорско-преподавательскому коллективу во главе с ректором В. В. Чирковским (находился на этом посту с декабря 1923 г. по январь 1926 г.) удалось отстоять физико-математический факультет.

Одним из важнейших преобразований в системе высшего профессионального образования стала организация рабочих факультетов. На совещании в Наркомпросе РСФСР 11 сентября 1919 г. было принято постановление «Об организации рабочих факультетов при университетах». 17 сентября 1920 г. СНК принял специальный декрет «О рабочих факультетах»[19]. С 1921 по 1926 г. заведующим рабфака КГУ являлся историк М. К. Корбут[20]. Первоначально на рабфаке было пять дневных (с отрывом от производства) и три вечерних (без отрыва от производства) групп, в среднем по 30 учащихся в каждой. Но уже 1 января 1920 г. добавились еще две группы — дневная и вечерняя, а к концу учебного года на рабфаке насчитывалось 12 групп со 410 студентами[21]. В июне 1920 г. открылись две подготовительные татарские группы по 30 человек в каждой. Началась подготовка кадров из чувашей, марийцев, удмуртов (работали специальные чувашские группы, в 1924 г. был организован марийско-вотский сектор) и представителей других народов. Так, уже в 1923 г. из 624 рабфаковцев татар было 146, чувашей — 51 человек. Ввиду отсутствия учебных пособий на национальных языках и нехватки преподавательского состава занятия проводились на русском языке[22].

В начале 1930-х гг. рабфак получил впервые в качестве преподавателей своих бывших воспитанников, в том числе и историка Р. Ш. Тагирова[23]. При подборе преподавательских кадров основное внимание обращалось на партийную принадлежность. Этот признак был определяющим даже при составлении отчетных статистических документов рабфака.

В истории высших учебных заведений социальное происхождение студенчества практически всегда являлось условием регулирования его состава — это перерегистрация студентов или «чистка» уже принятых студентов и введение социального отбора при приеме в вуз.

Средний возраст студентов-первокурсников Восточно-педагогического университета (ВПИ) в 1920-е гг. составлял 24-25 лет. По социальному составу среди студентов этого института преобладали выпускники из сельских школ республики — 54,2 %. В целом такие показатели отвечали основным требованиям государства на формирование рабоче-крестьянской интеллигенции. При этом упор делался на привлечение абитуриентов из беднейших слоев населения. Отмена разверстки в 1926 г., игравшей роль льготы при поступлении в вуз, привела к резкому снижению этого показателя до 28-30 %. Доля рабочих и их детей составляла в ВПИ не более 10 %. С 1926 г. и вплоть до конца исследуемого периода среди студентов преобладали дети служащих и интеллигенции[24].

В Казанском университете ситуация на 1923-1924 учебный год ничем не отличалась. Здесь 11,3 % студентов были представителями рабочей молодежи, 34,2 % — крестьянской[25]. В последующий год студенческий контингент также формировался из той же среды. Самую большую по численности группу студентов составляли дети крестьян — 42,3 %, затем — рабочих (20,9 %), на третьем месте находились служащие и их дети (19 %). Но если объединить показатели детей служащих и интеллигенции, то по совокупности (31,4 %) они окажутся на втором месте после крестьян. К 1928 г. среди поступивших в вузы преобладали дети рабочих 68,5 % и специалистов 52,8 %[26].

Так, вся система профессионального образования постепенно переводилась в плоскость программных задач строительства социализма, задач формирования советской интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Культурное строительство в Татарии. (1917-1940 гг.): Документы и материалы. – Казань, 1971. – С. 31.
2. Тутаев М. З. Октябрь и просвещение. – Казань, 1970. – С. 324.
3. Культурное строительство в Татарии… – С. 373-374.
4. Там же. – С. 159-160.
5. Чаплин А. Принципы единой трудовой школы, в основание свое кладущие производительный труд и из школы ремесленной превращающиеся в школу политехническую // Народное просвещение. – 1924. – № 1. – С. 24.
6. Сборник циркуляров и распоряжений Народного комиссариата просвещения ТССР. – 1926. – № 1. – С. 37.
7. Там же. – С. 38.
8. Там же.
9. Народное образование в Татарии за 1925-1926 гг. (К докладу Наркомпроса ТССР на VII Всетатарском съезде Советов). – Казань, 1927. – С. 28.
10. Там же. – С. 29
11. Там же. – С. 32.
12. Там же.
13. Габидуллин Х. Татарстан за 7 лет (1920-1927). – Казань, 1927. – С. 41.
14. Там же.
15. Там же. – С. 42.
16. НА РТ, ф. Р-990, оп. 1, д. 237, л. 31-32.
17. История Казанского университета. – Казань, 2004. – С. 286.
18. Там же. – С. 281.
19. Березовая Л. Г. История русской культуры: в 2 ч. – М., 2002. – Ч. 2. – С. 229.
20. НА РТ, ф. Р-1337, оп. 36 л, д. 14, л. 89 об.
21. Маслова Е. «Рабфак шаг за шагом продвигался вперед» (Рабочий факультет Казанского университета в 1919-1926 гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2004. – № 2. – С. 21.
22. Там же.
23. Тыринов В. В. Краеведческая деятельность Р. Ш. Тагирова // Историческое краеведение в Татарстане. Материалы республиканской научной конференции 20-21 декабря 2002 г. к 70-летию со дня рождения К. Р. Синицыной (1932-1997 гг.). – Казань, 2004. – С. 121.
24. Хайруллина А. И. Социально-экономическая и общественно-политическая характеристика студенчества Восточно-педагогического института г. Казани в 1920-е гг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2011. – С. 13.
25. История Казанского университета… – С. 289.
26. Там же.

Гульназ Латыпова,
соискатель Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

«Война между СССР и капиталистическими государствами становится неизбежной»

(По документам личного фонда Я. К. Берзина в Центральном московском архиве-музее личных собраний)

Судьбе Яна Карловича Берзина*, с именем которого связаны становление и успешная ра-

Я. К. Берзин. 1919 г. Из фондов Центрального московского архива-музея личных собраний. Вестник архивиста. – 2009. – № 4 (108). – С. 108.

* Берзин Ян Карлович (Павел Иванович) (Берзиньш Кюзис Петерис) (25.11.1889, по другим данным — 1890-29.07.1938) — армейский комиссар 2 ранга (1937). В РККА с 1919 г. Окончил Пролетарский университет, Академию общественных наук в Москве. Участник революций 1905-1907 гг., Февральской и Октябрьской 1917 г. В период Гражданской войны — в аппарате НКВД РСФСР (с декабря 1917 г.); заместитель наркома внутренних дел Советской Латвии (март-май 1919 г.); начальник политотдела 11-й Пролетарской стрелковой дивизии (с июня 1919 г.), особого отдела 15-й армии (с августа 1919 г.). В дальнейшем — начальник оперативного отдела Регистрационного управления полевого штаба РВСР (с декабря 1920 г.); помощник, затем заместитель начальника Разведывательного управления штаба РККА (с декабря 1921 г.); начальник агентурной части и помощник начальника Разведывательного отдела управления 1-го помощника начальника штаба РККА (с ноября 1922 г.); начальник Разведывательного отдела штаба РККА (с марта 1924 г.), Разведывательного управления штаба РККА (с апреля 1924 г.), IV управления штаба РККА (с сентября 1926 г.), Информационно-статистического управления РККА (с августа 1934 г.), Разведывательного управления РККА (с декабря 1934 г.); заместитель командующего войсками ОКДВА по политчасти (апрель 1935 — июнь 1936 г.); главный военный советник в республиканской армии в Испании (1936-1937 гг.); начальник Разведывательного управления РККА (июнь-август 1937 г.). Арестован 27 ноября 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г. Реабилитирован 28 июля 1956 г.

бота Разведывательного управления штаба РККА в 1920-1930-е гг., посвящено большое количество монографий и отдельных статей в периодической печати[1]. В Центральном московском архиве-музее личных собраний (ЦМАМЛС) хранится личный фонд Я. К. Берзина, в котором имеются дополнительные материалы к биографии разведчика (послужной список, мандат, удостоверения и др.), его портретные фотографии и фотографии его родителей, родственников, друзей и соратников[2]. В то же время о деятельности Я. К. Берзина на посту руководителя советской военной разведки до сих пор по-прежнему мало что известно.

Между тем, необходимо отметить, что в 1920-1930-е гг., будучи начальником IV (разведывательного. — *В. А.*) управления штаба РККА, Я. К. Берзин не только уделял большое внимание агентурной работе, но и сумел вывести на новый, более высокий уровень одну из самых важных служб военной разведки — информационно-аналитическую[3]. Именно 3-й (информационно-статистический. — *В. А.*) отдел, который с ноября 1924 г. возглавлял друг и соратник Берзина — Александр Матвеевич Никонов[*], в 1920-1930-е гг. считался и по составу, и по квалификации сотрудников наиболее подготовленным в профессиональном отношении подразделением центрального аппарата советской военной разведки. 3-й отдел являлся аналитическим центром разведуправления, который систематизировал, обобщал и анализировал всю поступающую информацию и давал свою оценку событиям, происходящим в Европе и мире[4].

В целях информационного обеспечения руководства страны, вооруженных сил, а также заинтересованных гражданских ведомств сотрудники 3-го отдела составляли различные справки, сводки, доклады, готовили к публикации справочные и обзорные издания по материалам агентурных и открытых источников за рубежом, занимались переводами на русский язык наиболее ценной иностранной военной литературы[5].

Примечательно, что и сам Я. К. Берзин, занимая ответственный пост начальника советской военной разведки, принимал активное участие в научно-исследовательской работе возглавляемого управления. Так, в частности, Берзин являлся одним из авторов фундаментального труда «Будущая война», который был подготовлен в штабе РККА в 1928 г. и предназначался в основном для высшего военно-политического руководства страны[6]. Кроме того, Берзин поощрял выступления своих сотрудников в открытой советской печати по актуальным вопросам военного дела в стране и за рубежом[7].

К примеру, в 1929 г. тиражом 5 000 экземпляров увидела свет книга «Подготовка войны против СССР», которая была написана сотрудниками 3-го отдела IV управления штаба РККА А. М. Никоновым и Я. М. Жигуром[**]

[*] Никонов Александр Матвеевич (31.08.1893-26.10.1937) — комдив (1935). В РККА с 1919 г. Окончил школу прапорщиков в Петергофе (1916), КУВНАС при Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе (1927). Участник Первой мировой войны, поручик. В период Гражданской войны — в отряде особого назначения Мурманского боевого участка, помощник начальника штаба оперативной группы, начальник штаба 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии (май 1919 — декабрь 1921 гг.). В дальнейшем — помощник начальника 6-го, затем начальник 4-го отделения 3-го отдела Разведывательного управления штаба РККА (декабрь 1921 — ноябрь 1922 г.); помощник начальника информационно-статистической части Разведывательного отдела управления 1-го помощника начальника штаба РККА (с ноября 1922 г.); начальник 3-го отдела и одновременно помощник начальника Разведывательного управления штаба РККА (с ноября 1924 г.); командир батальона, затем командир 127-го стрелкового полка (август 1929 — февраль 1931 гг.); начальник 3-го отдела и одновременно помощник начальника IV (разведывательного) управления штаба РККА (февраль 1931 — январь 1934 гг.); заместитель начальника (декабрь 1934 — август 1937 гг.), затем и. о. начальника (1-5 августа 1937 г.) Разведывательного управления РККА. Арестован 5 августа 1937 г., расстрелян 26 октября 1937 г. Реабилитирован 19 мая 1956 г.

[**] Жигур Ян Матисович (29.01.1895-22.08.1938) — комбриг (1935). В РККА с 1918 г. Окончил Военную академию РККА (1923). Участник Первой мировой войны, поручик. В период Гражданской войны — командир 40-й стрелковой дивизии (апрель-июнь 1919 г.). В дальнейшем — командир 12-го стрелкового полка (с августа 1923 г.); помощник (с 1924 г.), затем заместитель (с января 1926 г.) начальника 3-го отдела Разведывательного управления штаба РККА; командир и военком 96-го стрелкового полка; заместитель начальника Военно-химического управления РККА (с марта 1930 г.); начальник 1-го управления и заместитель начальника Военно-химического управления РККА (с августа 1932 г.); заместитель начальника Химического управления РККА (с января 1935 г.); помощник начальника кафедры тактики высших соединений Академии генштаба РККА. Арестован 14 декабря 1937 г.,

Я. К. Берзин. 1919 г. Из фондов Центрального московского архива-музея личных собраний. Вестник архивиста. – 2009. – № 4 (108). – С. 107.

под псевдонимами С. Дашиньский и Я. Радопольский*. На основе информации, добытой советской военной разведкой, авторы книги обстоятельно проанализировали характер возможной войны** между СССР и его потенциальными на международной арене противниками и довели до сведения читателей свои выводы о внешних угрозах безопасности Советского государства.

Вопрос о характере будущей войны против СССР рассматривался А. М. Никоновым и Я. М. Жигуром с двух сторон: политической и военно-технической. Давая политическую оценку предстоящей войны, сотрудники Разведуправления штаба РККА коснулись, прежде всего, вопросов о причинах и условиях возникновения войн против Советского Союза, а также о том, какие государства являются вероятными противниками СССР и какие политические цели они будут преследовать в случае начала военных действий. В свою очередь, политические данные служили исходными для рассмотрения военно-технических вопросов будущей войны, к числу которых авторы книги относили, прежде всего, численность армий в предстоящей войне, способы и формы ее развязывания и ведения, а также ее масштабы и продолжительность.

Анализируя причины возникновения войны против СССР, А. М. Никонов и Я. М. Жигур особо подчеркивали, что «опасность войны для Советского Союза вытекает из того основного факта, что он является единствен-

расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 7 июля 1956 г.

* Историк советской военной разведки В. Я. Кочик и составители сборника биографических очерков о руководителях ГРУ полагают, что «С. Дашиньский» — это псевдоним А. М. Никонова, а «Ян Радопольский» — самого Я. К. Берзина (см.: Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: Дела и люди. – СПб.-М., 2003. – С. 128; Кочик В. Я. Ян Берзин: По прозвищу Старик // Горчаков О. А. Ян Берзин — командарм ГРУ. – СПб., 2004. – С. 27-28; Они руководили ГРУ: Сб. биографических очерков. – М., 2005. – С. 105). Однако, скорее всего, псевдонимом «Я. Радопольский» пользовался Ян Матисович Жигур. Дело в том, что в 1936 г. в Москве были изданы две книги — «Химическое оружие в будущей войне» и «Химическое оружие в современной войне», тексты которых почти не отличаются друг от друга. Фамилия автора первой книги — Ян Радопольский, а второй — комбриг Я. Жигур.

** В военной науке под характером войны понимается совокупность определяющих черт, свойств и особенностей, подробно раскрывающих ее социально-политическую и стратегическую составляющие, как две взаимосвязанные стороны войны (см.: Горбунов В. Н., Богданов С. А. О характере вооруженной борьбы в XXI веке // Военная мысль. – 2009. – № 3. – С. 11).

ным в мире пролетарским государством, осуществляющим социалистическое строительство в условиях капиталистического окружения и играющим роль авангарда и оплота международного революционного движения». «В настоящее время, — отмечали авторы книги, — между этими двумя лагерями, на которые разделился современный мир, существует состояние известного неустойчивого равновесия, которое принято называть “мирной передышкой”. Полоса этой передышки, однако, не может продолжаться слишком долго; она сменится неизбежным военным столкновением капиталистического мира с СССР»[8].

В своей работе А. М. Никонов и Я. М. Жигур также подчеркивали, что «причины, толкающие империалистов к новому военному выступлению против СССР, в настоящее время лежат в области той же принципиальной социально-экономической непримиримости двух существующих в мире систем, той же бешеной классовой ненависти эксплуататоров к победившему пролетариату и боязни “революционной заразы”, которые являлись стимулами военной интервенции империалистов в период Гражданской войны»[9].

Авторы книги, кроме того, указывали, что в период Гражданской войны в России и еще долгое время после ее окончания проблема долгов и национализированных капиталов была «тем знаменем, под которым шла мобилизация всех антибольшевистских сил; еще до сих пор это обветшалое знамя продолжает красоваться в ряде европейских биржевых центров. Но теперь не эти требования являются движущей силой борьбы против СССР. Конечно, капиталисты не прочь снова получить и нефтяные промыслы, и угольные шахты, но не это является главным. В основном борьба империалистических стран против СССР ведется как борьба против системы»[10]. «К изложенной основной причине, толкающей империалистов к новому военному выступлению против СССР, — как писали А. М. Никонов и Я. М. Жигур, — присоединяются [и] частные интересы отдельных капиталистических государств, экономически и стратегически заинтересованных в ослаблении России»[11].

Касаясь общих политических условий будущей войны капиталистических стран против СССР, авторы книги отмечали, что эти условия «характеризуются: 1) крайним обострением классовых противоречий в эпоху империализма, в особенности же в период после мировой войны 1914-1918 гг.; 2) тем, что в результате мировой войны произошел прорыв империалистического фронта в России и образовался СССР — форпост мировой революции; 3) широким размахом национально-революционного движения в колониальных и полуколониальных странах, которое не может остаться без того или иного отклика со стороны повсюду угнетенных национальностей. В силу указанных черт современной эпохи война капиталистического мира против СССР неизбежно с самого начала примет ярко выраженный классовый характер»[12].

Таким образом, в своей книге сотрудники советской военной разведки обращали внимание читателей на то, что в ближайшем будущем война между СССР и капиталистическими государствами становится неизбежной в силу существования в мире двух в корне противоположных социально-экономических систем; война эта начнется, прежде всего, по экономическим причинам и с самого начала примет ярко выраженный революционно-классовый характер.

Определяя вероятных противников Советского Союза в будущей войне, А. М. Никонов и Я. М. Жигур условно делили все капиталистическое окружение СССР на 4 группы государств.

В первую группу сотрудники разведуправления включили явно враждебные по отношению к Советскому Союзу страны. К ним в конце 1920-х гг., по мнению авторов книги, принадлежали Англия, Франция и западные соседи СССР — Польша, Румыния, Финляндия, Эстония и Латвия; а также Япония и Италия, которые из соображений

своей общей политики готовы были поддержать антисоветские планы Англии[13].

Во вторую группу были включены государства, которые во второй половине 1920-х гг. в достаточной степени выявили свою принципиальную враждебность по отношению к СССР, но по целому ряду причин еще не примкнули открыто к антисоветскому фронту, но в будущем могли это сделать в качестве «сочувствующих». Такими странами авторы книги считали Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Югославию, Грецию, Бельгию, Данию и Швейцарию[14].

В третью группу сотрудники советской военной разведки включили все те государства, которые по географическим, политическим и экономическим причинам были мало заинтересованы в борьбе против СССР. Такими государствами авторы книги считали Турцию, Персию, Афганистан, Китай (за исключением северных китайских милитаристов), Австрию, Швецию, Норвегию и страны Латинской Америки[15].

В четвертую — особую группу А. М. Никонов и Я. М. Жигур включили Германию и Северо-Американские Соединенные Штаты, позиция которых в вопросе вооруженного выступления против СССР в тот момент была еще не достаточно выявлена, несмотря на то, что со стороны Англии предпринимались постоянные попытки к вовлечению этих государств в антисоветский блок[16].

В итоге, делали вывод авторы книги, «в силу разнообразия интересов и отношений различных капиталистических государств к СССР при осуществлении военного нападения на него выступит более или менее широкая коалиция буржуазных государств, в которой будет проведено своеобразное “разделение труда”: одни возьмут на себя задачу вдохновителей и банкиров, финансирующих это предприятие, другие составят военно-экономическую и военно-техническую базу для антисоветского вооруженного фронта, третьи явятся поставщиками живой силы, “пушечного мяса” для антисоветского лагеря, четвертые будут играть роль рассадника и распространителя враждебной для СССР политической пропаганды, пятые будут выполнять функции в области экономической блокады СССР, шестые совершенно не будут заинтересованы в борьбе и ограничатся нейтралитетом»[17].

Делая вывод о коалиционном характере будущей войны против Советского Союза, сотрудники Разведуправления штаба РККА отмечали, что у западных соседей СССР недостаточно ресурсов для самостоятельного ведения войны, поэтому они мыслят войну против Советского Союза только при широкой материальной поддержке одной или нескольких великих держав[18]. Западные соседи СССР, по мнению авторов книги, в ходе подготовки войны против Советского Союза «берут на себя обязательства выставить против него свои мобилизованные армии, а великие державы обязуются снабжать последние инструкторами, вооружением, военно-техническими материалами и прочими предметами военного снабжения, а также обеспечивать своими флотами морские коммуникации коалиции с западноевропейскими государствами»[19].

Таким образом, в своей книге сотрудники советской военной разведки обращали внимание читателей на то, что в грядущей войне Советскому Союзу будет противостоять достаточно сильная враждебная коалиция капиталистических стран, отдельные члены которой возьмут на себя выполнение различных задач в ходе общей вооруженной борьбы против СССР как первого в мире социалистического государства.

Касаясь вопроса о политических целях, которые будет преследовать враждебная Советскому Союзу коалиция в предстоящей войне, А. М. Никонов и Я. М. Жигур писали следующее: «Весь ход открытой и скрытой борьбы империалистов против СССР с момента Октябрьской революции показывает, что основной целью в этой борьбе является свержение Советской власти, уничтожение диктатуры пролетариа-

та, восстановление буржуазного режима на территории теперешнего СССР и включение России в систему колониальной эксплуатации империалистических государств. При этом империалисты для более легкого осуществления своих эксплуататорских замыслов мечтают о создании из теперешнего СССР целого ряда “самостоятельных” буржуазных государств (Украина, Белоруссия, Закавказье с нефтью, Туркестан с хлопковыми плантациями и т. д.). Идею раздела России особенно поддерживает Англия, так как сильная не только советская, но и буржуазная Россия не по вкусу английским империалистам»[20].

Анализируя в своей книге конкретные намерения и действия отдельных участников антисоветской коалиции в ходе подготовки войны против СССР, А. М. Никонов и Я. М. Жигур, в частности, отмечали, что между Англией и Россией существовало традиционное соперничество, в особенности на Среднем Востоке. Англия все время боялась русской угрозы в Индии, границу которой она считала наиболее уязвимой для военного выступления[21]. И в настоящий момент, как писали сотрудники советской военной разведки, «английский империализм, готовящий войну против СССР уже по мотивам иного порядка (как против первого пролетарского государства), не забывает напоминать об этой былой русской угрозе Индии и пользуется этой угрозой как поводом для антисоветской пропаганды и для идеологической подготовки нового выступления»[22]. Кроме того, указывали сотрудники Разведуправления штаба РККА, «руководимая консервативным правительством английская дипломатия в течение ряда последних лет ставила себе следующие задачи: 1) добиться изоляции СССР в Западной Европе путем создания достаточно мощного антисоветского блока; 2) добиться вытеснения влияния СССР из Китая, Турции, Персии, Афганистана и вообще полного поражения его на Востоке путем систематического подрыва советского престижа в этих странах; 3) добиться поражения СССР на фронте экономического строительства, организуя экономическую и финансовую блокаду против СССР и срыв его экспорта и 4) создать военный блок из западных сопредельных с СССР государств как реальную силу для осуществления новой вооруженной интервенции»[23].

В своей книге А. М. Никонов и Я. М. Жигур также указывали на то, что «к антисоветскому фронту все сильнее и сильнее начинают примыкать и другие государства Западной Европы, в первую очередь Франция. Немалую роль в этом присоединении Франции к организаторам нового выступления играют ее экономические интересы (имеются в виду русские долги Франции. — *В. А.*). Однако главное значение в данном случае имеют социально-политические мотивы. На Дальнем Востоке недвусмысленные притязания на советские территории и естественные богатства (рыбные промыслы, лес, нефть, уголь) обнаруживает японский империализм, выступающий как один из активных врагов СССР и союзник Англии в ее противосоветских комбинациях в Азии»[24].

Из всех западных соседей СССР, как подчеркивали в своей книге сотрудники советской военной разведки, «Польша является наиболее воинственным [соседом], стремящимся к внешней экспансии. Польские шовинисты, фашисты и милитаристы стремятся к восстановлению на Востоке “исторических” границ Польши 1772 г. А эти “исторические” границы, по мнению пилсудчиков*, включают теперешнюю Литву, Советскую Белоруссию, правобережную Украину с Киевом и Одессой. О планах создания “великого” Польского государства, раскинутого от Балтийского до Черного морей, мы неоднократно слышим из уст многих ответственных польских политических деятелей»[25].

«Яблоком раздора между Румыни-

* Конгломерат политических сторонников Ю. Пилсудского. Юзеф Клеменс Гиниятович Косьчеша Пилсудский (1867-1935) — польский государственный и политический деятель, первый глава возрожденного польского государства, основатель польской армии, маршал Польши.

ей и СССР, — отмечали авторы книги, — служит бессарабская проблема. Румыния, оккупировав Бессарабию в начале 1918 г., прилагает все усилия, чтобы ее удержать. Руководящие круги румынского правительства считают, что до тех пор, пока со стороны СССР не будет признано право на Бессарабию за Румынией, хорошие отношения между обеими сторонами невозможны»[26]. Таким образом, делали вывод сотрудники советской военной разведки, «Румыния является естественным противником СССР и союзником его главных врагов — Англии и Польши»[27].

Касаясь вопроса о роли в антисоветской коалиции таких государств, как Эстония и Латвия, сотрудники Разведуправления штаба РККА писали о том, что «буржуазия этих стран, обязанных русской революции своим самостоятельным существованием, старается однако использовать свое положение на путях СССР к Балтийскому побережью и его важнейшим гаваням во вред СССР, создавая препятствия экономическому развитию СССР. Правящие круги этих стран спекулируют также на том, что в военном отношении их существование в качестве антисоветски настроенных буржуазных государств представляет для СССР значительную опасность, так как позволяет его противникам, и прежде всего Англии, использовать Балтийское побережье как плацдарм для войны против СССР»[28].

Далее авторы книги высказывали мысль о том, что «с экономической точки зрения самостоятельное существование этих карликовых государств не оправдывается. Они представляют собой не самостоятельные и не жизнеспособные экономические организмы, а скорее буферные образования, вызванные к жизни политическими интересами послевоенных властителей Европы»[29]. По мнению А. М. Никонова и Я. М. Жигура, с начала 1920-х гг. «Латвия и Эстония в экономическом смысле стали в полную зависимость от иностранного капитала и не имеют никакой самостоятельности и во внешней политике. В настоящее время истинным хозяином этих государств является Великобритания, рассматривающая их, с одной стороны, как барьер против большевизма и препятствие к усилению СССР на Балтийском море, с другой стороны — как свои форпосты и военные базы в подготовляемой войне против СССР»[30]. Как отмечали в своей книге сотрудники советской военной разведки, «имеющиеся сведения о планах Англии на случай войны против СССР говорят о том, что английский Генеральный штаб рассматривает территорию Эстонии и, по-видимому, Латвии как исходную базу для действий против Ленинграда и вообще против СССР, из чего можно заключить, что в случае вооруженного конфликта между СССР и Англией эти государства отдадут себя в полное распоряжение английского командования»[31].

«Из всех западных соседей СССР Финляндия, — как считали А. М. Никонов и Я. М. Жигур, — является тем государством, которое имеет с ним меньше всего противоречий. И этнографически, и экономически, и исторически Финляндия имеет все права на самостоятельное существование, не оспариваемые ни в какой степени СССР. […] Но между Финляндией и СССР существуют некоторые территориальные разногласия из-за Восточной Карелии. Финские правые партии не могут примириться с существованием Советской Карелии и лелеют мечту о присоединении ее к Финляндии. В этих кругах популярна даже мысль о присоединении “Ингерманландии”, т. е. Ленинградского района, и создании таким образом Великой Финляндии»[32].

Анализируя политические цели, которые будет преследовать враждебная Советскому Союзу коалиция в предстоящей войне, авторы книги подчеркивали, что «во главе создаваемого буржуазного антисоветского блока стоит англо-французская Антанта, которая организует противосоветские силы и выжидает удобного момента для военного нападения на СССР с целью свержения Советской вла-

сти и превращения России в свою колонию»[33]. Сотрудники Разведуправления штаба РККА также указывали на то, что, «преследуя ту же основную политическую цель — свержение Советской власти, западные соседи СССР, непосредственные участники антисоветской войны, кроме того, имеют еще и другие экономические и территориальные цели войны»[34].

Таким образом, в своей книге сотрудники советской военной разведки обращали внимание читателей на то, что враждебная Советскому государству коалиция, исключая всякую возможность достижения каких-либо компромиссов, поставит в предстоящей войне крайне решительные политические цели по свержению в СССР Советской власти, по отторжению от Советского Союза не только отдельных территорий в пользу членов коалиции, но и в целом по созданию вместо такового государственного образования ряда независимых капиталистических стран, которые, по сути, представляли бы собой замаскированные колонии основных организаторов антисоветского блока.

Переходя к военно-техническим вопросам предстоящей войны капиталистических государств против СССР, авторы книги отмечали, что данные о военной и экономической подготовке этих государств к войне позволяют говорить о том, что численность армий военного времени будет довольно велика, так как в их ряды будут призваны миллионы трудящихся[35]. Вместе с тем, указывали А. М. Никонов и Я. М. Жигур, «на фоне ярко выраженной тенденции современных буржуазных государств к привлечению на поля сражения крупных вооруженных масс встречаются, конечно, и попытки замены массовых армий, представляющих большие неудобства для капиталистов, немногочисленными профессиональными войсками, мощь которых базируется на классовом подборе каждого бойца, на моторизации всех войсковых соединений, на снабжении их новыми чудовищными средствами истребления и на их необычайной подвижности»[36]. Сотрудники Разведуправления штаба РККА также подчеркивали, что в настоящее время «военно-научная мысль капиталистической Европы, прекрасно сознавая всю опасность для капитализма массовых мобилизаций, напряженно работает над разрешением проблемы “надежной армии”»[37].

Таким образом, в своей книге сотрудники советской военной разведки обращали внимание читателей на то, что, несмотря на стремление зарубежных военных теоретиков разработать концепцию создания небольших, хорошо вооруженных и надежных в классовом отношении армий, будущая война все же потребует применения массовых вооруженных сил, оснащенных современными техническими средствами вооруженной борьбы.

Касаясь способов и форм развязывания и ведения будущей войны, А. М. Никонов и Я. М. Жигур указывали, прежде всего, на то, что «опыт классовой борьбы на протяжении всей истории и ясные, недвусмысленные заявления буржуазных военных авторитетов о начальной стадии будущей войны против СССР заставляет придти к заключению, что военное нападение на СССР начнется, вероятнее всего, без формального объявления войны. Военная интервенция империалистов явится непосредственным продолжением той борьбы, которая уже сейчас происходит на политическом и экономическом фронтах между СССР и капиталистическим миром. Международно-правовые “нормы” менее всего могут найти применение в этой борьбе органически противоположных социально-экономических систем»[38]. В своей книге сотрудники Разведуправления штаба РККА подчеркивали, что «классовый характер войны империалистов против СССР, несомненно, приведет к большой ожесточенности и упорству борьбы и к использованию против СССР методов разложения тыла путем организации выступлений всех антисоветски настроенных элементов, осуществления диверсионных налетов, создания банд, совершения террористических актов,

проведения экономического вредительства и т. д.»[39]

А. М. Никонов и Я. М. Жигур также не исключали и того, что в будущей войне «вместе с вооруженными силами империалистов (а возможно и раньше их) выступят сохранившие боеспособность остатки русской белогвардейщины и эмиграции. Внутри СССР империалисты постараются использовать враждебные пролетарской диктатуре социальные слои (кулаков, нэпманов, контрреволюционно настроенные элементы буржуазной интеллигенции, духовенства и т. п.)»[40].

Сотрудники советской военной разведки были уверены в том, что «при осуществлении военного выступления против СССР империалисты, несомненно, прибегнут к использованию форм так наз[ываемой] "малой войны", то есть к организации нападений на наименее защищенные территории СССР при помощи отдельно действующих отрядов»[41]. В своей работе Никонов и Жигур также указывали, что «интервенция против СССР будет сопровождаться, очевидно, распространением разного рода ложных слухов, сеянием паники в тылу СССР, в надежде на неустойчивость советского обывателя»[42].

Рассуждая о том, примет ли будущая война маневренные или позиционные формы, сотрудники Разведуправления штаба РККА отмечали, что «в Гражданскую войну 1918-1921 гг. Красная Армия отличалась большой маневренностью и способностью к неотступным преследованиям на большие расстояния»[43]. «Однако в будущей войне, — указывали авторы книги, — Красной Армии и ее противникам придется действовать в совершенно других условиях. Насыщенность фронтов войсками в будущей антисоветской войне во много раз будет превосходить плотность фронтов в Гражданской войне и приближаться к плотности русского фронта в мировой войне. Вследствие большой насыщенности современных армий пулеметами плотность пехотного огня будущего фронта будет значительно больше, чем в мировую войну на русском фронте. Вследствие большой насыщенности фронта войсками и огневыми средствами бои и операции в будущей войне будут носить напряженный, затяжной характер, требовать большого расхода огнеприпасов и людских ресурсов. Снабжение армий должно будет базироваться почти исключительно на подвозе. Людские пополнения, наступающие армии должны будут регулярно получать из тыла. Все это потребует налаженной работы механизма тыла. Снабжение вследствие своей массовости должно будет базироваться главным образом на железнодорожном подвозе, в особенности, если учесть мало развитую сеть грунтовых дорог и недостаток автотранспорта. Поэтому темп наступления армий в будущую антисоветскую войну, при наличии прочих благоприятных условий, также будет в сильной степени зависеть от темпа восстановления железных дорог. В связи с этим размах маневренности всех воюющих армий в будущей войне будет, безусловно, меньше, чем в прошлую Гражданскую войну, а при неблагоприятных условиях (недостаток средств нападения — подавления: малочисленная артиллерия, недостаточное количество снарядов, танков, снабжения и т. д.) война грозит принять даже позиционный характер (по крайней мере, на некоторых участках и на некоторое время)»[44].

Таким образом, в своей книге сотрудники советской военной разведки обращали внимание читателей на то, что будущая война начнется, скорее всего, внезапно, без формального ее объявления; в этой войне будут применяться как вооруженные, так и невоенные (идеологические, экономические и т. д.) способы борьбы; при этом грядущая война при определенных условиях может принять как маневренные, так и позиционные формы.

Делая прогноз о масштабах предстоящей войны и ее продолжительности, А. М. Никонов и Я. М. Жигур писали, что «будущая война примет широкий материальный размах. Экономическое напряжение воюющих го-

сударств не будет уступать хозяйственной напряженности государств, активно участвовавших в прошлой империалистической войне. Коалиция западных соседей СССР по своей экономической слабости и промышленной отсталости не может материально обеспечить свои действующие армии необходимыми средствами борьбы. Значительная часть вооружения, огнеприпасов, технических средств и прочих предметов снабжения будет доставляться из западноевропейских государств, и в первую очередь из Франции, Чехословакии, Англии и Италии. Вследствие громадного количества снабжения, необходимого для действующих армий антисоветской коалиции, успехи последних на фронте будут находиться в тесной зависимости от регулярности боевого снабжения»[45].

Кроме того, в своей работе А. М. Никонов и Я. М. Жигур отмечали, что «покончить войну в современных условиях одним ударом, одним “генеральным сражением”, одной операцией не представляется возможным»[46]. Они считали, что в случае успешного наступления противника вглубь территории СССР, вследствие громадных размеров последней, война может принять крайне затяжной характер[47]. А. М. Никонов и Я. М. Жигур высказывали мысль о том, что быстрое окончание войны может быть достигнуто только в результате разгрома вероятных противников СССР. Теоретически минимальным сроком разгрома враждебных государств, непосредственно граничащих с СССР, сотрудники советской военной разведки считали время, необходимое для овладения жизненными центрами этих стран при наступлении армий со средней скоростью восстановления серьезно разрушенных железных дорог, то есть 5 км в сутки. Следовательно, минимальной продолжительностью войны сотрудники разведуправления считали при благоприятных условиях 10-12 месяцев, а с учетом плохих метеорологических условий восточноевропейского театра (зима, весенняя и осенняя распутица) — две летние кампании. Теоретически максимальной продолжительностью войны на западных границах СССР авторы книги считали примерно 3,5-4 года, то есть то время, за которое в ходе интенсивной войны людские ресурсы непосредственных противников Советского Союза могут полностью истощиться[48]. В том случае, если против СССР, указывали А. М. Никонов и Я. М. Жигур, будут направлены вооруженные силы некоторых западноевропейских великих держав, продолжительность войны может значительно возрасти[49].

СЕКЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ВОЙНЫ

Билет № 38/Л.

действительного члена

Фамилия Берзин

Имя Я

Отчество К.

Время приема 5/II 1932 г.

Удостоверение действительно по 31/XII 1932 г.

Подпись

Личность и подпись изображенного на снимке удостоверяется

Отв. секретарь ВСКА

Удостоверение Я. К. Берзина. 1932 г. Из фондов Центрального московского архива-музея личных собраний. Вестник архивиста. – 2009. – № 4 (108). – С. 113.

Таким образом, в своей книге сотрудники советской военной разведки обращали внимание читателей на то, что в современных условиях победить в войне с помощью одного молниеносного сокрушительного удара

Я. К. Берзин. 1935 г.
Из фондов Центрального московского архива-музея личных собраний. Вестник архивиста. – 2010. – № 1 (109). – С. 115.

по противнику не представляется возможным, поэтому будущая война, вероятнее всего, примет всеобъемлющий и затяжной характер, приведет к стиранию грани между фронтом и тылом и будет вестись с колоссальным напряжением не только одними вооруженными силами, но и всеми государственными силами и средствами противоборствующих сторон.

В целом книга «Подготовка войны против СССР», изданная сотрудниками 3-го информационно-статистического отдела IV управления штаба РККА в 1929 г., содержит не только богатый фактический материал, но и обстоятельный анализ военно-политической обстановки в Европе и мире во второй половине 1920-х гг., глубокий анализ характера возможной войны против СССР, выводы о внешних угрозах безопасности Советского Союза и прогнозы развития событий в будущем, с учетом которых советское военно-политическое руководство должно было принимать важнейшие решения в области подготовки страны и вооруженных сил к войне. И выход в свет подобной книги был отнюдь не случаен. Ибо недаром еще в середине 1920-х гг. один из видных советских военных теоретиков и историков А. А. Свечин в своем фундаментальном труде «Стратегия» писал, что «для разведки, прежде всего, нужны работники наивысшей квалификации в экономическом, политическом, историческом, стратегическом отношениях, настоящие утонченные ученые, погрузившиеся в изучение определенного государства. Все генеральные штабы перед мировой войной страдали недостаточно высоким уровнем таковых. Без них же разведочная работа по плану войны сводится к близкому пинкертоновщине* анекдоту»[50]. На начальном этапе становления ГРУ как одной из сильнейших спецслужб мира к воспитанию именно таких работников советской разведки имел непосредственное отношение и легендарный начальник IV управления штаба РККА Ян Карлович Берзин.

* Детективно-приключенческая литература первых десятилетий XX в., отрицательно оцененная критикой. Названа по имени главного героя — сыщика Ната Пинкертона.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Голяков С., Понизовский В. Начальник разведки // Комсомольская правда. – 1964. – 13 ноября; Крымов В. Человек, благословивший Зорге на подвиг // Красная звезда. – 1964. – 13 ноября; Колесникова М. В. Начальник разведки. – М., 1976; Сгибнев А., Кореневский М. Революцией призванный // Красная звезда. – 1979. – 25 ноября; Серебрянников В. Готовый быть рядовым // Коммунист. – 1979. – № 17. – С. 106-114; Солоницын Г. Начальник советской разведки // Военно-исторический журнал. – 1979. – № 11. – С. 92-94; Воробьев Е. З. «Старик» и его ученики. – М., 1982; Колесникова М. Дзержинский и Ян Берзин // Пограничник. – 1986. – № 12. – С. 13-18; Горчаков О. Ян Берзин: Судьба командарма невидимого фронта // Новая и новейшая история. – 1989. – № 2. – С. 131-159; № 3. – С. 122-136; Горчаков О. Командарм невидимого фронта // Неделя. – 1989. – № 6. – С. 10-11; Комиссар разведки // Советская Россия. – 1989. – 26 ноября; Степанов В. Судьба высокого накала // Пограничник. – 1989. – № 11. – С. 56-59; Горчаков О. А. Ян Берзин — командарм ГРУ. – СПб., 2004;

Они руководили ГРУ: Сб. биографических очерков. – М., 2005. – С. 97-117.
2. Центральный московский архив-музей личных собраний (ЦМАМЛС), ф. 11, оп. 1, д. 1-38; Центральный московский архив-музей личных собраний: Путеводитель / Сост. М. В. Добренькая. – М., 2008. – С. 43.
3. Они руководили ГРУ… – С. 104.
4. Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. – М., 2009. – С. 236.
5. Они руководили ГРУ… – С. 104.
6. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 33988, оп. 2, д. 682-688; Будущая война. – М., 1996; Дорохов Н. И. Советская военно-теоретическая мысль (1921-1941). Прогнозы будущей войны // Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой: Научные труды. – М., 1998. – Вып. 3. – С. 75-92.
7. Они руководили ГРУ… – С. 105.
8. Дашиньский С., Радопольский Я. Подготовка войны против СССР. – М.-Л., 1929. – С. 11.
9. Там же. – С. 12.
10. Там же. – С. 37.
11. Там же. – С. 40.
12. Там же. – С. 109.
13. Там же. – С. 48.
14. Там же. – С. 49.
15. Там же. – С. 49.
16. Там же.
17. Там же. – С. 50.
18. Там же. – С. 83.
19. Там же. – С. 96.
20. Там же. – С. 124-125.
21. Подробнее об этом см.: Снесарев А. Е. Значение Индии в среднеазиатском вопросе // Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева / Сост. А. Е. Савинкин. – М., 2003. – С. 43-70.
22. Дашиньский С., Радопольский Я. Указ. соч. – С. 40.
23. Там же. – С. 52.
24. Там же. – С. 47.
25. Там же. – С. 125.
26. Там же. – С. 44.
27. Там же. – С. 45.
28. Там же. – С. 46.
29. Там же. – С. 46-47.
30. Там же. – С. 47.
31. Там же.
32. Там же. – С. 45-46.
33. Там же. – С. 125.
34. Там же.
35. Там же. – С. 109.
36. Там же. – С. 112.
37. Там же.
38. Там же. – С. 129.
39. Там же. – С. 129-130.
40. Там же. – С. 130.
41. Там же.
42. Там же. – С. 131.
43. Там же. – С. 181.
44. Там же. – С. 183.
45. Там же. – С. 174-175.
46. Там же. – С. 183.
47. Там же.
48. Там же. – С. 184.
49. Там же. – С. 184-185.
50. Свечин А. А. Стратегия / Вступ. ст. И. С. Даниленко. – Жуковский-М., 2003. – С. 271.

Валерий Арцыбашев,
кандидат исторических наук (Москва)

Вестник архивиста. – 2009. – № 4 (108). – С. 106-116;
2010. – № 1 (109). – С. 114-123.

ПРИКАЗ НКВД № 00447

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В Г. КРАСНОКАМСКЕ В 1937–1938 ГГ.

1937 г. вошел в историю СССР в качестве особого символа жестоких сталинских репрессий. Одним из ключевых политических решений, инициировавших массовый террор в тридцатые годы, был оперативный приказ № 00447 Наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и другие антисоветских элементов». Этот документ определил идеологию и масштабы репрессивной кампании 1937-1938 гг. В качестве объекта репрессий были обозначены «бывшие кулаки», классовые враги Советской власти, собирающие вокруг

себя разрозненные группы контрреволюционных элементов: «В деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмеков, дашнаков, мусаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т. п.»[1]

Посредством приказа № 00447 репрессированное и ограбленное в 1929-1931 гг. крестьянство вновь превратилось в классового противника, собирая вокруг себя разрозненных противников советского строя. Идеологию «похода против кулаков» неоднократно воспроизводили в качестве естественного оправдания своих действий бывшие следователи НКВД, арестованные за «перегибы» в 1939 г. Один из них, М. И. Аристов, входивший в 1937-1938 гг. в одну из следственных бригад Пермского ГО НКВД, на допросе 15 апреля 1939 г. сообщал: «Пока речь шла о кулаках, белогвардейцах, карателях, я, как уже говорил на предыдущем допросе, не сомневался в правильности проводимых методов ведения следствия, т. е. в тех установках, которые давал нач[альник] отделения Королев и верил, что это действительно диктуется директивами вышестоящих органов, т[ак] к[ак] Королев и нач[альник] горотдела Левоцкий всегда ссылались, что на это есть специальные указания ЦК ВКП(б) и народного комиссара внутренних дел»[2]. Ссылаясь на кулацкий состав репрессированных, М. Аристов и другие работники НКВД воспроизводили общее мнение следователей, проводивших массовые аресты в 1937-1938 гг., что классовый враг — это естественный противник, против которого легитимными будут любые средства борьбы.

Приказ № 00447 предполагал организованное проведение арестов. Предписывалось составить списки выявленных врагов. Проводилась их классификация на 1-ю и 2-ю категории. Включенные в списки для ареста по 1-й категории, то есть люди, наиболее враждебно настроенные к Советской власти, подлежали расстрелу. Лица, подпадающие под 2-ю категорию, как менее опасные, должны были быть приговорены к заключению в лагеря на 8 или 10 лет. Для регионов вводились лимиты на арест по 1-й и 2-й категории. Для Свердловской области было запланировано к аресту 4 000 человек по первой категории и 6 000 человек по второй[3]. В приказе было указано, что утвержденные цифры являются ориентировочными. Для местных органов НКВД это замечание позволило проявить инициативу и увеличить число проведенных арестов. Уже 15 августа 1937 г., через 10 дней после официальной даты начала операции, начальник УНКВД по Омской области Г. Ф. Горбач шлет в Москву телеграмму с первыми отчетами о перевыполнении плановых цифр почти в два раза (планировалось 1 000 человек по первой категории и 2 500 человек по второй категории, а отчитывается о 5 444 арестованных) и просьбой об увеличении лимитов по первой категории до 8 000 человек[4]. В Прикамье, составлявшем лишь часть Свердловской области, с августа 1937 г. по октябрь 1938 г. (когда реально закончились аресты по этой массовой операции) было репрессировано 7 959 человек*.

Сроки и методы реализации приказа изначально были нацелены на ускорение следствия и быстрое вынесение приговоров. На операцию отводилось 4 месяца. Вряд ли московское руководство ожидало и планировало упомянутое перевыполнение плана, которое потом продемонстрировали областные и республиканские органы НКВД. Для со-

* Здесь необходимо отметить, что все количественные данные, использованные в исследовании, получены с помощью базы данных «Картотека репрессированных». База создана на основании архивно-следственных дел, находящихся на хранении в ПермГАНИ, и включает 36 721 запись на лиц, подвергшихся политическим репрессиям. Она существенно облегчает анализ следственных дел. В то же время неполное заполнение некоторых полей «Картотеки репрессированных» делает данный анализ ограниченным.

блюдения сроков, с учетом предшествующей практики арестов и ведения следствия по 3-6 месяцев для группы в несколько человек, приказом № 00447 предусмотрены были упрощенные процедуры ареста, ведения следствия и вынесения приговора.

Территория края, республики или области должна была быть поделена на оперативные сектора. Для работы в каждом секторе создавалась специальная оперативная группа, решавшая целевую задачу — выполнение приказа № 00447. Руководителем оперативной группы предполагалось назначать кого-то из регионального управления НКВД. Местные начальники районных и городских отделений могли возглавить оперативную группу лишь в качестве исключения. Оперативным группам могли быть приданы (подчинены) войсковые или милицейские подразделения. Для вынесения приговоров в регионах учреждались особые внесудебные органы — Тройки*.

Фонды Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ) сохранили следственные дела, заведенные сотрудниками НКВД на арестованных в 1937-1938 гг. В этих архивно-следственных делах содержится обширный пласт исторических документов, позволяющих реконструировать технологию репрессий в рамках кампании 1937-1938 гг. Отметим, что репрессии по приказу № 00447 в Пермском регионе уже были объектом изучения историков. Исследовательская группа под руководством профессора О. Л. Лейбовича в составе А. А. Колдушко, А. И. Казанкова, В. В. Шабалина, А. В. Чащухина, А. С. Кимерлинг, Г. Ф. Станковской, А. Н. Кабацкова, С. А. Шевырина проводила комплексный анализ массовой операции 1937-1938 гг. на территории Прикамья. Результаты этого исследования были опубликованы в коллективной монографии: «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. (М.: РОССПЭН, 2009. – 318 с.). В книге изложены результаты работы пермской группы по проекту, инициированному Германским историческим институтом в Москве в 2005-2007 гг.** Взгляд на массовые репрессии с опорой на документы архивно-следственных дел позволил пермским исследователям обратить внимание на технологию осуществления репрессий в регионе, на связь массовых репрессий и политических кампаний против партийного и хозяйственного аппарата, на идеологический контекст кампании против «кулаков», а также отметить, что аресту подвергались в основном рабочие и служащие советских предприятий.

Документальную базу данного исследования составляют материалы следственных дел, оформленных органами НКВД на жителей Краснокамска. В настоящий момент архивно-следственные дела находятся на хранении в ПермГАНИ. Помимо следственных документов (протоколы обыска, опись имущества арестованного, протоколы допроса, анкеты арестованных, различные справки с предприятий, от поселкового коменданта, из сельсовета и другие документы) в делах хранятся

* См. текст приказа № 00447 по документу: Записка М. И. Фриновского в Политбюро ЦК ВКП(б) с приложением оперативного приказа НКВД СССР № 00447 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти 1937-1938. – М., 2004. – С. 277-278.

** И хотя немецкие инициаторы проекта иногда ревниво «забывают» упомянуть о пермской монографии, перечисляя барнаульские и украинские книги, сам проект послужил началом к целой серии публикаций, посвященных исследованиям карательной политики органов НКВД в 1937-1938 гг. Поэтому, несмотря на методологические разногласия, пермские историки выражают огромную благодарность К. Юнге, Б. Бонвечу [Р. Биннеру], которые инициировали изучение массовых операций по приказу № 00447 в 2005 г. Сами инициаторы проекта подвели итоги работы в коллективном сборнике статей (Сталинизм в советской провинции: 1937-38 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. – М., 2009. – 927 с.; немецком издании: Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937-1938. Die Massenaktion aufgrund des operative Befehls № 00447. – Berlin, Akademie Verlag GmbH, 2010). Не все публикации пермских историков, работавших над проектом, были включены организаторами в эти сборники. Методологические расхождения послужили непреодолимым препятствием для включения статей А. И. Казанкова и Г. Ф. Станковской в обобщенный труд на русском языке. Из немецкого издания исчезли работы А. С. Кимерлинг и В. В. Шабалина. В то же время методологическое единство пермских исследователей воплотилось в монографии «"Включен в операцию". Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг.» (М., 2009. – 318 с.), представляющий собой целостный и согласованный коллективный труд по детальному анализу проведения органами НКВД операции согласно приказу № 00447 на территории Прикамья. Результаты исследований нашли своего читателя на страницах пермского историко-архивного журнала «Ретроспектива» (2007-2008 гг.).

материалы более поздней эпохи. Среди них можно выделить выписки из протоколов допроса в 1939 г. бывших оперуполномоченных НКВД, участвовавших в арестах и подготовке материалов для тройки в 1937-1938 гг. В групповых делах, как правило, имеется обширный свод бумаг 1950-х гг., касающихся реабилитации репрессированных.

В работе большое внимание уделено выпискам из протоколов допроса оперуполномоченных НКВД, так как, оправдываясь перед бывшими коллегами за вольности 1937-1938 гг., они пространно рассказывали о «кулацкой операции», стремясь вызвать сочувствие следователя и одновременно переложить ответственность за «нарушение социалистической законности» на начальство или коллег по чекистскому цеху.

Органы НКВД в Прикамье трудились ударными темпами и к началу зимы 1937-1938 гг. арестовали 5 097 человек. В декабре произошел очередной подъем репрессий. За декабрь-январь в Прикамье было арестовано 2 210 человек. Из них 1 662 человека по роду занятий, записанному в анкете арестованного, можно отнести к категории рабочих. Это 46,6 % от всего числа рабочих, репрессированных в рамках массовой операции по приказу № 00447 за 1937-1938 гг. на территории Прикамья*.

Краснокамские работники строек и промышленных предприятий составляют часть этих рабочих. В 1930-е гг. Краснокамск сложно было бы назвать городом в современном смысле этого слова. Город-спутник будущего областного, а затем и краевого центра г. Перми только формировался. В 1930 г. в сорока километрах от Перми началось строительство Камского целлюлозно-бумажного комбината. Постройка велась силами трудпоселенцев, высланных из разных регионов страны в ходе кампании по раскулачиванию. Среди трудпоселенцев заметную долю составляли уроженцы ТАССР. Рабочий поселок Бумстрой, в котором жили строители комбината, был переименован в 1933 г. в Краснокамск. В 1936 г. была запущена Закамская ТЭЦ-5, начался выпуск продукции на фабрике Гознак.

Обнаруженная в этом регионе нефть, определила еще одну промышленную специализацию региона — Краснокамск стал опорной базой для развития нефтяных месторождений района. Новые промышленные стройки вели к увеличению числа трудпоселков. Некоторые из новых поселений к 1937 г. обзавелись самоназванием — поселок Майский, Новый поселок, поселок Запальта, другие назывались по имени предприятия — поселок Гознакстроя или безлико — Рабочий поселок. В 1937 г. общего городского пространства, единой культурной среды в этих поселениях еще не было. Работники предприятий предпочитали определять свое место проживания согласно топонимике поселка.

Формально это поселение входило в состав Пермского района и контролировалось горотделом НКВД. В протоколах допроса место жительства арестованного, как правило, обозначалось: «г. Краснокамск, тр. пос. Гознака…»** В обвинительном заключении по следственному делу № 36358 по обвинению Тиунова Алексея Гавриловича и других жителей Краснокамска в количестве 67 человек поселение обозначается то как «пос. Краснокамск», то как «гор. Краснокамск», что свидетельствует о некоторой неопределенности статуса этой территории для пермских следователей НКВД[5]. Официальный статус города Краснокамску был присвоен 7 октября 1938 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР***.

На допросах в 1939 г. работавшие по краснокамской операции следователи НКВД упоминали о сотнях арестованных: «…по Краснокамску было арестовано около 750 чел.» — давал показания бывший оперуполномоченный НКВД М. И. Аристов[6]. Начальник следственной бригады, проводившей массовые аресты в Краснокамске, Павел Михайлович Королев указывал, что его

* См.: «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. – М., 2009. – С. 148.

** Пример приведен по записям в протоколе допроса Пестрякова Андрея Павловича // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 2, л. 23.

*** История основания и развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krasnokamsk.permkrai.ru/town/passport/history1/ – 17.02.2010.

бригадой было арестовано 535 человек[7]. Кроме этого, про 100 произведенных арестов упоминается в ходе допроса бывшего начальника 4 отдела Пермского ГО НКВД Михаила Александровича Тюрина[8]. Еще на 150 арестованных Особым отделом 82-й стрелковой дивизии НКВД во главе с Ф. П. Мозжереным указывает А. М. Аликин. Цифры, воспроизводившиеся бывшими следователями на допросах 1939 г., указывают на масштаб краснокамских репрессий и их целевой, организованный характер.

Районные следователи представляли собой низовую часть производственной цепочки НКВД, осуществлявшей репрессии. На оперативных совещаниях их устно информировали о плановых нормативах по аресту и сообщали «темы» обвинений, по которым надо было добиваться признания. Бывший оперуполномоченный ОО ГУГБ НКВД УралВО Н. П. Голдобеев узнал о целях осеннее-зимней кампании по разоблачению инобазы на оперсовещании работников Особого отдела 82-й стрелковой дивизии, как об очередной директиве из Свердловска. Его непосредственный начальник Ф. П. Мозжерин в качестве стимулирования активности подчиненных, дополнил директиву властным окриком: «…если обнаружится человек иной национальности — поляк, харбинец и т. п., будет отвечать оперуполномоченный, обслуживающий данную войсковую часть»[9].

Директива из Свердловска, объявленная местным руководством на оперативном совещании, заменяла районному следователю текст оригинального приказа Наркомата внутренних дел. Поэтому детали различных постановлений и указов, нацеленных на арест «белогвардейцев», «социалистов-революционеров» или «иностранных шпионов» для местного следователя превращались в пункты «признательных показаний арестованного».

Фактически в Краснокамске с августа 1937 г. по октябрь 1938 г. было арестовано 1 016 человек*.

Аресты краснокамских рабочих проводились Пермским горотделом НКВД (892 чел. — 87,8 % от всего массива арестованных краснокамцев), Особым отделом ГУГБ НКВД 82-й стрелковой ди-

* Здесь и далее подсчеты произведены автором по базе данных «Картотека репрессированных» ПермГАНИ.

Таблица № 1.

Динамика арестов жителей г. Краснокамска (август 1937 — октябрь 1938 гг.)

Месяц	Количество человек	В % к общему количеству арестованных краснокамцев
август 1937 г.	60	5,9
сентябрь 1937 г.	5	0,5
октябрь 1937 г.	30	3
ноябрь 1937 г.	12	0,2
декабрь 1937 г.	364	35,8
январь 1938 г.	438	43,1
февраль 1938 г.	81	8
март 1938 г.	21	2,1
апрель 1938 г.	2	0,2
май 1938 г.	—	—
июнь 1938 г.	1	0,1
июль 1938 г.	2	0,2
август 1938 г.	—	—
сентябрь 1938 г.	—	—
октябрь 1938 г.	—	—
Итого:	1016	100

визии (91 чел. — 9 % от всего массива арестованных краснокамцев), прокуратурой г. Перми (5 чел.)*, Пермским ОДТО ГУГБ НКВД железной дороги им. Кагановича (3 чел.)**, 1 человека арестовали милиционеры оперпункта железнодорожной станции Пермь-1 и на 24 человека в базе данных не содержится указания на орган, производивший арест***.

Если судить по оформлению документов архивно-следственных дел, то первый арест в Краснокамских поселках Особым отделом 82 дивизии был произведен 31 августа 1937 г., следующий — 2 октября 1937 г., потом уже только в декабре (23 декабря 1937 г.) и последний арест — 19 февраля 1938 г. 83 человека из арестованных ОО ГУГБ НКВД 82-й СД были арестованы 31 декабря 1937 г. 89 человек из арестованных Особым отделом — уроженцы ТАССР, 88 человек из них арестованы в декабре 1937 г. — январе 1938 г.****

Пермский горотдел НКВД основные аресты в Краснокамских поселках производил в декабре 1937 и январе 1938 гг.: 692 ареста (77,6 % от числа арестов этого органа НКВД в Краснокамске с августа 1937 по октябрь 1938 г.).

Всего за декабрь-январь репрессиям подверглось 802 жителя Краснокамска, что составляет 78,8 % от всего массива репрессированных на этой территории во время массовой операции по приказу № 00447, то есть с августа 1937 по октябрь 1938 г.

Таким образом, можно считать аресты краснокамских рабочих особой локальной операцией, проведенной Пермским горотделом НКВД совместно с Особым отделом ГУГБ НКВД 82 СД в период с декабря 1937 г. по январь 1938 г.

Материалы допросов бывших следователей позволяют реконструировать цели «краснокамской операции» и методы работы следственной бригады.

По воспоминаниям М. И. Аристова, «краснокамскую операцию» предваряла директива-шифровка из Свердловска: «…в которой будто бы предполагалось произвести арест 3 000 человек контрреволюционного элемента, в связи с этим Королев предложил готовиться к операции»[10]. Более подробно про директиву Дмитриева вспоминал следователь Особого отдела НКВД 82 стрелковой дивизии Н. П. Голдобеев: «Бывш[им] руководством УНКВД по С[вердловской] о[бласти] Дмитриевым в декабре 1937 года была спущена директива, проработанная на оперсовещании Особдива, где требовали усиления следственной работы, следователей клеймили, что они допускают показания обвиняемых, где они признаются в антисоветской агитации. В директиве ставится точка над И*****, утверждая, что это не просто антисоветские агитаторы, что татары и кулаки — это база иноразведок, это шпионы и диверсанты, поэтому нельзя ослаблять преступления.

На основании этой директивы проводились операции по татарам, эту операцию проводил и Особдив 82 в Краснокамской ссылке с 31.XII.37 г. на 1.I.1938 г.»[11]

В поселках Краснокамска заметную часть жителей составлял национальный контингент трудпоселенцев, выслан-

---

* Арестованные прокуратурой г. Перми все проходят по одному делу. Это руководство КЦБК (технический директор, заведующий лесобиржей, заведующий бумфабрикой, начальник отдела капитального строительства КЦБК, главный инженер конторы «Союзбумстроймонтаж» при КЦБК) арестованы по обвинению во вредительстве. Трое в 1940 г. осуждены Особым Совещанием НКВД СССР на 8 лет лишения свободы, один — на 3 года лишения свободы, у пятого обвинение переквалифицировано на ст. 109 УК РСФСР.

** Все арестованные Пермским ОДТО ГУГБ НКВД железной дороги им. Кагановича — железнодорожники ст. Краснокамск и Краснокамской железнодорожной ветки.

*** В некоторых случаях в базе данных «Картотека репрессированных» орган, который произвел арест, может быть указан неточно, так как в разных документах указывается разный орган. Например, постановление об избрании меры пресечения Абдулхаку Гибадуллину от 23 декабря 1937 г. подписано начальником Пермского ГО НКВД майором Г. Б. Левоцким. Ордер на арест А. Гибадуллина был выписан сотруднику Пермского ГО НКВД Бурылову. В анкете арестованного от 23 декабря 1937 г. значится, что арест произведен Пермским ГО НКВД. 26 декабря 1937 г. допрашивал обвиняемого оперуполномоченный ОО ГУГБ 82-й СД сержант Г. Б. Бурылов. В дальнейшем следствие вел Особый отдел ГУГБ 82-й СД. В обвинительном заключении по делу А. Гибадуллина указано: «23 декабря 1937 г. Особым отделом ГУГБ НКВД 82-й стрелковой дивизии был арестован...» (см.: ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 9656, л. 1-4, 45).

**** Кроме Краснокамска ОО ГУГБ НКВД 82-й СД в 1937-1938 гг. участвовал в арестах в Кунгуре (арестовано 10 чел.) и Перми (арестовано 37 чел.). Первый арест Особым отделом был произведен 29 апреля 1937 г., последний — 20 мая 1938 г.

***** Так в тексте.

ных в 1930-1931 гг. из ТАССР. Выговор от руководства заставил начальника Пермского горотдела НКВД Левоцкого сделать их объектом особой операции. Спешно была сформирована следственная бригада для выполнения нового задания. Руководить следственной бригадой было поручено начальнику 4-го отдела Пермского ГО НКВД П. М. Королеву*. Взбучка, заданная пермским чекистам, видимо, была серьезная, так как к операции против татар подключился Особый отдел 82-й стрелковой дивизии во главе с Мозжериным.

Оперуполномоченный М. Д. Аристов оказался вовлечен в «краснокамскую операцию» во многом случайно. Он «курировал» завод № 98 от Пермского ГО НКВД. Как и все оперативные работники был вызван на совещание в горотдел, где и узнал о новой операции. Видимо, Краснокамск был обозначен в качестве объекта для проведения арестов на этом же совещании, для чего туда, сразу после совещания, отправился заместитель начальника Пермского ГО НКВД Василий Иванович Былкин**. Завод № 98 находился по пути в Краснокамск, и, подвозя Аристова к месту работы, Былкин устно поручил ему «произвести срочный учет контрреволюционного элемента, который может служить базой для иностранных разведок». Тут же в разговоре были определены социальные параметры будущей «инобазы»: «В эту категорию относились: кулаки, белогвардейцы, каратели, лица, имеющие компрометирующий материал, и лица, исключенные из членов партии»[12]. Список, составленный Аристовым подверстали к «краснокамской операции», а ему поручили проводить допросы и оформлять дела на арестованных трудпоселенцев.

Показания, данные на допросе в 1939 г. бывшим сотрудником Пермского НКВД А. М. Аликиным, подтверждают целевой арест трудпоселенцев из ТАССР в качестве иностранных шпионов: «Из числа арестованных по так называемой базе иностранных разведок, в декабре месяце 1937 г. или январе 1938 г., Особый отдел во главе с Мозжериным арестовал более 150 человек татар, трудпоселенцев, а также несколько человек пермских татар, работающих в местном Военторге»[13].

Тот же В. И. Былкин раскрывает детали полученных ориентировок от начальства: «…По кулацким делам я был следующим образом ориентирован со стороны Левоцкого и Управления НКВД. Если кулаки прибыли на Урал с западных границ, то от них надо, главным образом, добиваться признаний о шпионаже в пользу Польши и Румынии. Если же кулаки прибыли на Урал из Татарии, то с них надо добиваться признаний о[б] их связях с японской разведкой. Помню, Управление НКВД ориентировало Горотделы протоколом, полученным у какого-то татарина (фамилию не помню). Из этого протокола было видно, что в Харбине под руководством быв[ших] уральских торговцев Тафуровых действует националистический татарский центр, который в Казань и в районы кулацких ссылок (татарских) засылают свою агентуру для организации повстанческих ячеек»[14].

Обязательным элементом проведения операции было составление списков. Обыденность ситуации, когда в автомобиле заместитель начальника горотдела поручает рядовому сотруднику составить список на арест, демонстрирует нам, что технология проведения таких кампаний в органах НКВД уже была отработана. Список на арест позволял рационализировать процесс изъятия контрреволюционного элемента. Включение человека в список было делом случая. В «краснокамской операции» при составлении списков были задействованы данные на трудпоселенцев,

* Королев Павел Михайлович, 1907 г. р., уроженец г. Добрянки Пермского края. К декабрю 1937 г. занимал должность начальника 3-го отдела Пермского ГО НКВД в звании сержанта госбезопасности. Арестован в 1939 г. вместе с рядом других работников Пермского горотдела НКВД. Виновным себя признал. 23 августа 1939 г. осужден Военным трибуналом войск Московского округа на 10 лет ИТЛ (справка по архивно-следственному делу № 796219. 31 мая 1957 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 12878, л. 69).

** Василий Иванович Былкин, 1909 г. р. Занимал должность заместителя начальника Пермского горотдела НКВД. Старший лейтенант госбезопасности. Арестован в 1939 г. Осужден 23 августа 1939 г. военным трибуналом войск Московского округа на 8 лет ИТЛ (справка по архивно-следственному делу № 796219. 31 мая 1957 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 12878, л. 69).

содержащиеся в комендатуре поселков: «Должен сказать, — сообщал на допросе в 1939 г. бывший оперуполномоченный Аликин, — что операция по татарам проведена Особым отделом явно вражеским способом, вызвавшим много недовольства среди населения. Чтобы арестовать этих татар, Мозжерин командировал в Краснокамск (место расположения трудссылки) Бурылова Д. А. Последний, так как в Особом отделе на указанных татар никаких компрометирующих материалов не было и даже не были известны их фамилии, прибыв в Краснокамск, обратился в комендатуру трудпоселка с тем, чтобы ему предоставили списки и личные дела находящихся в трудпоселке татар. Получив эти документы, Бурылов на "глазок" стал подбирать людей для предполагаемого ареста.

К этому времени в Краснокамск прибыли Мозжерин и Демченко и все вместе, подобрав таким способом необходимое количество людей для ареста, приступили к операции»[15].

Истинные критерии отбора «для ареста» невольно раскрылись в показаниях Аристова. Согласно указаниям Былкина, он подготовил список на 320 человек и в нескольких словах дал каждому краткую характеристику. Отбирая из них 110 фамилий для ареста, Королев заявлял: «Нам некогда сейчас возиться с грамотными людьми, нам важно количество»[16].

Грамотные арестанты действительно были не нужны, так как ускоренные методы следствия проще было реализовывать с теми, кто не мог прочитать протокол допроса и готов был подписать его со слов следователя. Все тот же сержант ГБ Окулов, перенимая опыт по ведению допросов от «опытных товарищей», познакомился с методом получения признаний Бурыловым: «Я сходил и посидел на допросе т. Бурылова, который допрашивал одного татарина. С обвиняемым т. Бурылов беседует об одном, о его соц[иальном] происхождении, а протокол пишет о наличии контрреволюционной организации, связи между собой, к[онтр]р[еволюционной] деятельности и шпионаже. Обвиняемый неграмотный, поверил ему, следователю, и подписал»[17]. Уроженцы ТАССР часто не могли читать и писать на русском языке, расписываясь на протоколе арабской вязью.

Списки позволяли бригаде НКВД организованно проводить аресты. Когда людей, запланированных к аресту, дома не оказывалось, то для выполнения плана по арестам оперативно проводились замены кандидатур для ареста за счет более обширных первоначальных списков. Оперуполномоченный М. А. Тюрин, докладывая о ходе «краснокамской операции» начальству, тут же получил фамилии и данные, кого следует арестовать взамен отсутствовавших дома рабочих[18].

Кроме подготовки списков на арест, Пермский горотдел НКВД должен был решить еще одну важную задачу по подготовке операции в Краснокамске. Надо было составить схему контрреволюционной организации с отделениями и взводами, руководителями и связными, в которую будут включены арестованные. Схема контрреволюционной организации обеспечивала согласование признательных и обличительных показаний, которые записывались следователями в протоколы допроса. Тем самым разрозненные группы рабочих, служащих, горожан, крестьян превращались в единый повстанческий взвод или отделение*.

Сержант госбезопасности С. Н. Окулов в рапорте о работе Пермского горотдела НКВД упоминал про эту схему: «Для направления следствия по этим делам в январе месяце Левоцким была спущена схема организационного построения этой организации. Я не знаю, кто являлся автором этой схемы и на основании каких материалов она была составлена, но знаю, что чертил ее Левоцкий и для этой цели он специально приглашал чертежника с завода № 10 или завода № 19. В общих чертах эта схема представлялась в следующем виде: во главе штаб белогвардейской эсеров-

* Варианты конструирования следователем из социальной амальгамы повстанческих групп описаны в книге «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. – М.: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – С. 140-141.

ской организации в составе: от правых Голышев — быв. 1 секретарь горкома ВКП(б), от троцкистов Дьячков — быв. 2-й секретарь горкома ВКП(б), от белогвардейцев Опутин — быв. преподаватель военного дела пединститута и Томский — быв. преподаватель Краснокамской средней школы, от эсеров Васильев — быв. мастер завода “Красный Бурлак”»[19].

Упоминаемая Окуловым схема, была составлена для г. Перми. От Краснокамска в нее записали одного лишь Томского, его и сделали вначале руководителем краснокамской повстанческой организации. По мере развития «краснокамской операции» и роста числа арестованных рабочих, модель повстанческой сети «краснокамских кулаков» разрасталась, и схема дополнялась новыми ячейками. В обвинительном заключении по следственному делу № 36358 на 67 человек руководителем краснокамской организации был записан бывший директор Камского целлюлозно-бумажного комбината Я. И. Горячев (первый директор Камского ЦБК, репрессирован в 1937 г.), то есть заметно более статусная фигура, чем преподаватель средней школы[20].

Схема выступала основой для составления протоколов допроса. Задачей следователя было получение подписи обвиняемого под заранее составленным протоколом. Процитируем одно из описаний этой процедуры в рапорте того же Окулова: «В качестве примера могу проиллюстрировать один факт с Варокиным. Один раз приходит в 31 ком[нату] тов. Былкин и говорит: что по 4-му отделению нет ведущих протоколов по эсерам и меньшевикам. Поручил мне написать протокол Варокина, а тов. Новикову протокол Огарышеву.

Я протокол написал, стараясь вписать факты вредительства тождественные с действительностью, используя наличие материала к тов. Каменских, который обслуживал совхоз. Передал протокол тов. Тюрину, он его переделал, некоторые факты извратил, затем передал тов. Былкину, тот в свою очередь протокол переписал до неузнаваемости, все факты извратил не только по форме, но и по содержанию, вписал новые не существующие факты (диверсия в с[ельском] х[озяйстве] путем порчи минеральных удобрений кислотой и др.), после чего протокол отпечатался, дали просмотреть Левоцкому, он одобрил, послали в г. Свердловск, затем передали мне для подписания.

Разговаривали с обвиняемым мы, с Тюриным, последний заявил Варокину, что подписать нужно, сопротивление неизбежно (!), этим ты сделаешь пользу нам. Варокин, не читая, подписал»[21].

Протоколы допроса арестованных рядовых краснокамских трудпоселенцев вряд ли редактировались Былкиным или Левоцким. Те уделяли внимание лишь ключевым фигурам, которые назначались на командные должности в схеме разоблачаемой контрреволюционной повстанческой организации: «Для объединения несуществующей диверсионно-шпионской группы, выбирали из числа арестованных более развитого человека, которому руководство бывшего Пермского горотдела в лице Левоцкого, Былкина, Королева и Лизунова писали развернутые протоколы как руководителям этой группы»[22].

Списки на арест и допрос «по схеме» обозначают собой два контрапункта цепочки мероприятий, реализуемых следователями НКВД для выполнения приказов начальства. Картина работы следственной бригады не будет полной, если оставить в стороне процедуру арестов, содержание арестованных под стражей и проведение допроса.

Благодаря выписке из протокола допроса Аликина, у нас есть возможность познакомиться с подробностями, как проводили аресты в Краснокамске особисты Мозжерина. Ордера на обыск, постановление об аресте выписывать было некогда, да и не считались важными эти бумаги в ситуации спешки, которая постоянно проглядывает во всех процедурах организации «краснокамской операции».

Ворвавшись в бараки, где проживали трудпоселенцы, они арестовывали людей, «группировали их на грузовых автомашинах и партиями в 50-60 человек направляли на вокзал, где их долж-

ны были ожидать направленные в Краснокамск по инициативе Левоцкого железнодорожные вагоны». Аресты были организованы в период новогодних праздников (31.12.1937-01.01.1938), что обеспечивало наличие людей в бараках. Не обошлось без неувязок. Предпраздничное массовое присутствие трудпоселенцев в бараках сыграло против опергруппы. Аресты пришлось проводить на глазах у всех. «Пока арестованные татары группировались на грузовых автомашинах, — продолжал описывать детали операции Аликин, — их семьи, родственники и знакомые толпами собирались у стоянки автомашин, женщины и дети плакали, а некоторые мужчины высказывали явное недовольство совершаемым произволом… Затем, когда автомашины с арестованными татарами направлялись к вокзалу, толпы их окружавшие двигались за ними в том же направлении, увлекая за собой других»[23].

Подобная организация операции, «изъятие» арестованного из семейной обстановки на глазах у родственников и соседей, фактически из-за праздничного стола — само по себе терроризировало людей. Переживших подобную встряску людей было легче заставить подписать нужные протоколы. Опытный Федор Павлович Мозжерин это учитывал, и поэтому арестованных трудпоселенцев (среди которых многие не умели читать по-русски) привезли в Пермь, согнали в одну большую комнату горотдела и стали по одному вызывать на допрос, заставляя подписывать фиктивные протоколы с признанием. «Признаю, что до момента моего ареста я действительно являлся участником контрреволюционной националистической повстанческой организации, в которую был завербован в 1936 году трудпоселенцем Насибулкиным», — «признавался» 2 января 1938 г. на таком допросе Ахметгареев Батыр, чернорабочий Бумкомбината, арестованный Особым отделом 82 дивизии 31 декабря и подписавший протокол допроса по-арабски. Арестованных, от которых были получены признательные показания, отправляли в городскую тюрьму.

Вернувшемуся 5 января из Свердловска Н. П. Голдобееву достались остатки от группы арестованных татар в количестве 8 человек, которых и поручили ему оформить. Для правильной работы Мозжерин его проинструктировал: «…руководитель этой диверсионной группы Ярмухаметов, все остальные рядовые диверсанты. Диверсии проводились на краснокамском промысле нефти. В соответствии с чем и нужно сочетать показания обвиняемых»[24].

Для усиления давления на арестованного следователями НКВД использовались различные методы допросов. Тот же Мозжерин использовал систему 2-3-дневных допросов без перерывов, так называемый «конвейер», когда добывалась подпись на заранее составленном протоколе от упорствующего обвиняемого. При этом угрозы сменялись уговорами, карцер перемежался с обедами, принесенными из буфета и обещанием свиданий с семьей.

Объектом террора были не только обвиняемые. Бывшие работники НКВД постоянно упоминали об угрозах в свой адрес со стороны начальства. Даже если предположить, что эти факты они использовали в 1939 г. в качестве самооправдания участия в массовых репрессиях, то подробности вспоминавшихся ими событий выглядят вполне правдоподобными и похожими на реальные ситуации.

Следователей, не способных выполнить план по получению признаний от 10-15 человек в сутки, стимулировали угрозами. Оправдываясь на допросах, Аристов вспоминал прежние конфликты и рассказывал, что за промедление с оформлением дел на группу арестованных татар, ему пришлось услышать не только начальственный окрик со стороны руководителя следственной бригады: «…Королев меня прямо предупредил: или делай, как я говорю, или подавай рапорт об увольнении», но и познакомиться с запугиванием со стороны коллег: «И в тот же вечер опер. уполн. Овсейчик, видимо тоже с целью запугать меня, как бы невзначай в разговоре со мной сказал: “Скоро аппарат НКВД чистить будут, кто плохо работает, того будут увольнять”»[25].

Окулов вспоминал как в ходе совещания тот «подбадривал» подчиненных: «Кто будет мало давать признавшихся, кто будет плохо работать с арестованным, кто будет мало сажать — тот пособник врагу, того будем оформлять на Тройку»[26]. Нечто подобное рассказывал и Голдобеев: «На оперативных совещаниях всегда были ссылки на “секретные” письма и директивы ЦК ВКП(б) и распоряжения Наркома, чем глушился частный разговор о непригодности этих методов следствия для чекистов. Имел место факт, когда оперсоставу на совещании заявил бывший начальник Пермского ГО НКВД Левоцкий (были вызваны и особисты), когда после индивидуального доклада каждым оперработником “кто и сколько раскололл” — было резюмировано как бы не попал на Тройку тот, кто за день ничего “не раскололл” — этим резюме пользовался и Мозжерин»[27].

Конечно, говорить о внутреннем терроре в органах НКВД будет преувеличением. Тем не менее, не стоит забывать, что чистки в НКВД после смены наркома Ягоды на Ежова в 1937 г. показали, что неприкосновенных лиц в НКВД нет. А волна политических арестов в местных партийных органах, аресты руководителей промышленных предприятий, происходившие параллельно с массовыми арестами рабочих этих же предприятий, четко и ясно демонстрировали, что неприкосновенных нет нигде, и никакая должность или заслуги не смогут послужить защитой.

Может быть поэтому тот же Королев так эмоционально обличал классовых врагов в ответ на сомнения подчиненных. Один из таких случаев описал любивший давать пространные и подробные показания Аристов: «И второй случай, когда мне было поручено вести следствие по группе арестованных татар в количестве 10 человек. В процессе разговоров с ними я выяснил, что они ничего общего с категорией лиц, которых в то время арестовывали, не имели, так как не являлись ни кулаками, ни белогвардейцами и в Краснокамск приехали всего 2-3 месяца назад, будучи завербованными для работы по строительству закамской электрической станции. Когда я рассказал Королеву, что эти татары арестованы неправильно, так как никаких компрометирующих материалов на них нет и что их нужно освободить, то Королев прочел мне целую лекцию о том, что в Башкирской республике вскрыта огромная контрреволюционная организация, руководимая японской разведкой, ставившая своей задачей образовать из Башреспублики самостоятельное мусульманское государство под протекторатом Японии»[28].

Следственная бригада Королева ударно выполнила директиву свердловского начальства. За 17-20 дней в Краснокамске было арестовано более пятисот человек, на них оформили следственные дела и подготовили обвинительное заключение для Тройки УНКВД по Свердловской области. О вскрытой Пермским горотделом НКВД в г. Краснокамске разветвленной контрреволюционной повстанческо-диверсионной организации кулаков трудпоселенцев, бывших участников контрреволюционных кулацких восстаний и белогвардейцев было доложено наверх.

В архивно-следственном деле № 11671 помимо материалов допроса на семь десятков человек, включенных в эту организацию, содержится и коллективное обвинительное заключение. Из него мы узнаем, что, как и предписывалось Левоцким по схеме, во главе «краснокамских повстанцев» был поставлен преподаватель математики средней школы г. Краснокамска Иван Андреевич Томский: «1. Являлся руководителем контрреволюционной повстанческой организации в г. Краснокамске, будучи вовлеченным в контрреволюционную организацию бывшим председателем Свердловского облисполкома Головиным. 2. Возглавлял повстанческий отряд, созданный при его непосредственном участии»[29]. Через Головина организацию краснокамских кулаков связали с Уральским областным повстанческим штабом. Так протянулась цепочка связей от бывших первых лиц Свердловской области к низовым ячейкам на оборонных предприятиях гор. Краснокамска. В упомя-

нутом обвинительном заключении говорится о том, что обвиняемые создали 4 ячейки (в числе 35 человек) на Камском бумажном комбинате, 2 ячейки (в числе 37 человек) на фабрике Гознак и 1 ячейку (в числе 6 человек) на заводе № 98. Их целью было «подготовить вооруженное восстание и свержение Советской власти в момент интервенции фашистских государств на СССР», а в мирный период вести организованную диверсионно-вредительскую деятельность на вышеперечисленных предприятиях[30].

В составе этой группы большинство арестованных составляют выходцы из ТАССР, но есть переселенцы из Украины, Белоруссии и коренные уральцы. Несмотря на исходную цель — арестовывать татар как базу иностранной разведки, пермские следователи немного переиначили указания свердловского начальства. План, спешка, неразбериха и постоянные окрики начальства заставляли «собирать» повстанческие взводы из тех, кого «взяли», кто признался и был готов подписать составленный следователем протокол допроса. Неграмотные и не всегда умеющие читать, поверившие уговорам следователя или обманутые им, рабочие краснокамских предприятий стали махровыми контрреволюционерами.

Уроженцев ТАССР записывали «участниками вилочного восстания» (1920 г.)*, обязательно отмечали кулацкое прошлое в графе о социальном происхождении, для правдоподобности расписывали подробнейшим образом состав семьи, а затем, как и всех остальных, принудили подписать фальшивые признательные показания в протоколе допроса. Не все из арестованных согласились подписать признания, те, кто поупрямее, или умел читать, не соглашались подписывать сочиненные следователем протоколы допроса. Но признаний от всех арестованных не требовалось. Их «изобличали» показания малограмотных товарищей по несчастью. В обвинительном заключении архивно-следственного дела № 11671 перечислено семьдесят восемь человек. На внесудебном заседании Тройки при УНКВД Свердловской области им были вынесены приговоры, большинству высшая мера наказания — расстрел.

Статистические подсчеты по базе данных «Картотеки репрессированных» позволяют реконструировать «портрет кулака», с которым боролись органы НКВД в декабре-январе 1937-1938 гг., проводя массовые репрессии в краснокамских рабочих поселках.

Среди 802 репрессированных в ходе целевой операции краснокамцев подавляющее большинство составляли рабочие (707 чел.) — 88,2 % от общего массива арестованных. Кроме того, репрессировано было 65 служащих — 8,1 %, четыре кустаря — 0,5 %, 26 человек (3,2 %) — чей вид занятий определить не удалось. Столь значимая доля рабочих не должна вызывать удивления, так как поселки Краснокамска создавались для персонала возводимых там промышленных предприятий. Большая часть строителей предприятия: Камского ЦБК, Гознака или Камской ТЭЦ-5, после запуска производства, становились рабочими на этих же предприятиях.

Конвейер арестов захватывает краснокамских рабочих без разбора, независимо от уровня квалификации и важности работы. В него попали и чернорабочие, и плотники, но также токари, машинисты или электромеханики. По общим данным, 26,7 % среди арестованных рабочих составляли люди, выполнявшие сложные трудовые операции при помощи техники или обслуживающие технику — токари, слесари, машинисты, электросварщики, электромеханики, элек-

* «Вилочное восстание» — восстание крестьян Закамья в 1920 г., направлено по преимуществу против продотрядов. Считается, что основным оружием крестьян были вилы и топоры — это обусловило одноименное название восстания. Охватило часть территории будущей ТАССР. Поэтому бывшим уроженцам ТАССР следователи вначале постоянно записывали участие в «вилочном восстании» в графе № 19 бланка протокола допроса, в которой полагалось указывать «Участие в бандах, в к.-р. организациях и восстаниях». При этом следователи частенько путали годы восстания, записывая и 1918, и 1919, и 1921, помимо 1920-го. Иногда следователь заполнял эту графу сокращенно: «участник кулацкого восстания», не уточняя названия. У Михаила Алексеевича Хохлова, чернорабочего бумкомбината, относительно его прошлого записали противоречивые сведения: сначала указано: с 1918 по 1922 г. сигнальщик на флоте, а ниже, что в 1919 г. — рядовой в армии Колчака, и в то же время активный участник «вилочного восстания» 1919 г. (см.: Протокол допроса // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 1, л. 182).

тромонтеры, бурильщики на нефтепромыслах и т. п.

Соответственно, около трех четвертей репрессированной группы рабочих — 73,3 %, составляли неквалифицированные работники: чернорабочие, плотники, каменщики, коновозчики, то есть выполняющие работу, где в основном были востребованы навыки ручной деятельности.

Краснокамские трудпоселки находились рядом с соответствующим предприятием района. В анкете арестованного или протоколе допроса, как правило, графы, указывающие на должность и место работы подследственного заполнялись со слов арестованного, поэтому точности этих данных, с некоторыми оговорками, можно доверять*. В любом случае, представленные профессии показывают, что среди арестованных органами НКВД люди рабочих профессий представляют ядро социальной группы, подвергшейся репрессиям в краснокамских поселках. Среди них есть высококвалифицированный персонал, есть и специалисты немеханизированного труда. Для включения их в социальную группу людей «девиантного поведения», как это предлагалось М. Юнге сделать в отношении рабочих Прикамья, нет никаких оснований**. В следственных делах арестованных крайне редко встречаются упоминания об их прошлых судимостях или иных социальных правонарушениях, которые можно было бы считать объективными свидетельствами совершения ими проступков, нарушающих социальные нормы поведения в обществе. Кулацкое прошлое, на взгляд авторов, никак нельзя считать признаком социальной девиантности, объясняющим причины репрессий.

Заметную массу арестованных краснокамцев составляли трудпоселенцы, принудительно переселенные в 1930-1931 гг. на территорию Прикамья. Среди них выделяется группа уроженцев ТАССР, которые выступали основной целевой группой, против которой были направлены репрессии в Краснокамске.

Из 314 татар 307 человек — уроженцы ТАССР, 4 — уроженцы Бардымского района Пермской области, 1 — уроженец Куйбышевской области, 1 — уроженец Крымской АССР и 1 — уроженец Челябинской области.

Конечно, среди репрессированных татар, поляков, украинцев и представителей других национальных групп, включая русскую, очень многие были «бывшими кулаками», то есть трудпоселенцами, высланными в 1929-1930 гг. на поселение в Прикамье. И в то же время следует отметить, что не все арестованные краснокамцы были из «раскулаченных» и имели статус трудпоселенца. Среди репрессированных были люди, которые приехали в г. Краснокамск добровольно. Так, Миргасы Марданшин на допросе 19 ноября 1938 г. заявлял, что «в 1935 г. добровольно приехал в Краснокамск на строительство бумкомбината». Он подчеркивал, что на момент раскулачивания его отца он уже жил отдельным хозяйством, что в 1934 г. получил паспорт[31].

Возраст арестованных также косвенно свидетельствует, что «кулацкое» прошлое не для всех из них определяло социальный опыт взаимодействия с Советской властью. Бывшие «кулаки» к 1937-1938 гг. должны были входить в возрастную когорту сорока и пятидесятилетних. Среди арестованных, как видно из нижеприведенной таблицы, весомую группу составляют возрастные когорты двадцатилетних и тридцатилет-

* Неточности в оформлении должности и места работы встречались в одиночных делах, сфабрикованных следователем в большой спешке, но при этом с отклонениями от общего «конвейера» подготовки материалов на группу подследственных. Этот случай описан в статье: Кабацков А. Н. Рабочие вредители // Ретроспектива. Пермский историко-архивный журнал. – 2008. – № 1. – С. 37-39.

** Идею о том, что рабочие, ставшие жертвами репрессий органов НКВД в ходе массовой операции, инициированной приказом № 00447, были нарушителями социальных норм, была высказана Марком Юнге в полемике с работой А. Н. Кабацкова «Репрессии 1937-1938 гг. против рабочих Прикамья Свердловской области в рамках приказа № 00447» (см.: Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвич, Р. Биннер. – М.: Российская политическая энциклопедия, Германский исторический институт в Москве, 2009. – С. 67). Следует отметить, что одним из ключевых тезисов М. Юнге в отношении причин массовых репрессий по приказу № 00447 является идея об экстремальном ужесточении критериев со стороны Советской власти в отношении норм девиантного поведения, в результате чего, к социальным девиациям стало относиться социальное происхождение, что и породило «кулацкую кампанию» 1937-1938 гг.

Таблица № 2.

Возраст репрессированных в декабре-январе 1937-1938 гг. жителей г. Краснокамска

Возраст	Количество человек	В % к общему кол-ву арестованных
до 20 лет	2	0,2
20-30 лет	164	20,4
31 год — 40 лет	231	28,8
41 год — 50 лет	158	19,7
51 год — 60 лет	163	20,3
61 год — 70 лет	79	9,9
старше 70 лет	5	0,6
Всего:	802	100

них жителей краснокамских трудпоселков. Конечно, они могли входить в состав «кулацких семей», но вряд ли они были членами «вилочных восстаний» 1919-1921 гг. и других контрреволюционных выступлений против Советской власти, которые им записывал следователь в протокол допроса в графе «Участие в бандах, в контрреволюционных организациях и восстаниях».

Столь значимая доля когорты двадцатилетних позволяет предполагать, что проводя аресты в Краснокамске в период новогодних праздников, при стечении окрестного народа, чекисты «забирали» любых мужчин, находившихся в доме, не разбираясь, кто из них входил в предварительный план по аресту.

Особо отметим, что среди арестованных в ходе «краснокамской операции» мало женщин. Всего 5 женщин попали в группу арестованных в период декабря-января.

Был ли получен на столь оперативно проведенную операцию в краснокамских поселках от свердловского начальства какой-то отклик, нам не известно. Если проследить последствия по архивно-следственным делам и обратиться к статистике, то видно, что аресты в Краснокамске после марта 1938 г. практически прекращаются. Впрочем, затухание репрессий, инициированных приказом № 00447, с марта 1938 г. происходит повсеместно.

Весной 1938 г. Пермский горотдел НКВД заканчивает оформление следственных дел на арестованных трудпоселенцев, соблюдая традиционную схему объединения арестованных в повстанческую контрреволюционную организацию. Уже не спеша, к марту, из краснокамцев сформировали еще одну повстанческую контрреволюционную организацию. Этих «шпионов и диверсантов» возглавил бывший директор Камского бумажного комбината, «член Пермского окружного повстанческого штаба» Яков Иванович Горячев. Под его руководством члены шпионско-диверсионной организации должны были совершать террористические акты над руководителями ВКП(б), готовить вооруженное восстание и установление фашистской диктатуры в СССР при помощи военного вмешательства иностранных государств, разрушать оборонную промышленность, проводить диверсии на железнодорожном и водном транспорте[32]. В отличие от прежних дел, при оформлении следственных документов на группу Горячева оперуполномоченные Пермского горотдела уделяли более пристальное внимание прописыванию в протоколах допроса сюжетов с конкретными диверсионными актами, подтверждая их справками с предприятий о сбоях в работе различного оборудования.

Архивные источники позволяют вполне определенно утверждать о целевом характере операции, проведенной пермскими чекистами в краснокамских поселках в период с декабря 1937 по январь 1938 г. В то же время следует отметить, что по механизму реализации, по методу подготовки ареста, по фальсифицированному проведению следствия

и осуждению посредством внесудебного заседания Тройки при УНКВД Свердловской области «краснокамская операция» воспроизводила типичную технологию организации репрессий, разворачивавшихся в Прикамье в 1937-1938 гг. по приказу № 00447. В этом отношении, аресты в рабочих поселках Краснокамска можно считать прямым продолжением «кулацкой операции».

Выполнения директивы от свердловского начальства чекистами Пермским ГО НКВД было организовано очень оперативно. Оперуполномоченные горотдела и Особого отдела 82 СД составили списки, провели аресты, сочинили протоколы допросов, добились подписи арестованных под признательными показаниями и «раскрыли» опасную сеть шпионов и диверсантов, состоящую из бывших белогвардейцев, кулаков и прочих антисоветских элементов, т. е. сделали все те шаги, что ожидало от них руководство.

Эта технология проведения следствия, организации арестов и репрессивной кампании в целом, не была запланирована в кремлевских кабинетах. Она создавалась оперуполномоченными следственных бригад под влиянием ситуации — плановых цифр на арест, сокращенных сроков оформления дел, постоянных окриков начальства и внутреннего страха за себя, из-за боязни оказаться на месте тех, кого «изъяли» и «протащили». Подчиненных, кто медлил с адаптацией к поменявшейся ситуации, всегда мог подбодрить начальственный окрик: «Пишите то, что я приказываю».

Особенностями «краснокамской операции» стало проведение ее особенно ударными темпами: в сжатые сроки, за несколько недель, было арестовано более тысячи человек фактически из одного поселения. Также быстро как арестовывали, на основную массу из них были подготовлены следственные дела и обвинительные заключения, а Тройка при УНКВД Свердловской области вынесла приговор.

«Краснокамская операция» выделялась среди иных подобных кампаний своим ярко выраженным этническим характером. Основным объектом репрессивных мероприятий пермских чекистов стали уроженцы Татарии. При этом в официальных приказах Наркомата внутренних дел об операции против «кулаков» или национальных операциях «по разгрому шпионско-диверсионных контингентов» из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, харбинцев, китайцев и других нет никаких упоминаний о национальном контингенте татар. Эту «специфику» можно считать заслугой областного начальства, стремящегося действовать на опережение официальных приказов столичного руководства и ведущего поиск новых социальных групп, на которые можно направить энергию подчиненных, чтобы «вскрыть» там очередную сеть «шпионов и диверсантов».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447 // Книга памяти жертв политических репрессий. – Ульяновск, 1996. – Т. 1. – С. 766.
2. Выписка из протокола допроса Аристова Михаила Ивановича от 15 апреля 1939 г. // Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ), ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 362.
3. Записка М. И. Фриновского в Политбюро ЦК ВКП(б) с приложением оперативного приказа НКВД СССР № 00447 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938: Документы. – М., 2004. – С. 276.
4. Шифрограмма Г. Ф. Горбача Н. И. Ежову об увеличении лимита по «кулацкой» операции для Омской области. 15 августа 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное… – С. 322.
5. Обвинительное заключение по следственному делу № 36358 по обвинению Тиунова Алексея Гавриловича и др. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 9108, л. 269-314.
6. Выписка из протокола допроса Аристова Михаила Ивановича от 28 марта 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 361.
7. Выписка из протокола допроса обвиняемого Королева Павла Михайловича от 22 мая 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 358.
8. Выписка из протокола допроса арестованного Тюрина Михаила Александровича от 4 мая 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 357.

9. Выписка из протокола допроса Голдобеева Николая Павловича от 6 марта 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 13864, л. 43.
10. Выписка из протокола допроса Аристова Михаила Ивановича от 28 марта 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 360.
11. Выписка из протокола допроса Голдобеева Николая Павловича от 6 марта 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 13864, л. 44.
12. Выписка из протокола допроса Аристова Михаила Ивановича от 28 марта 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 360.
13. Выписка из протокола допроса Аликина Аркадия Михайловича от 9 мая 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 14756, л. 72.
14. Выписка из протокола допроса Былкина Василия Ивановича от 5 апреля 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 10441, л. 58.
15. Выписка из допроса Аликина Аркадия Михайловича от 9 мая 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 14756, л. 72.
16. Выписка из протокола допроса Аристова Михаила Ивановича от 28 марта 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 360.
17. Рапорт вр. нач. 2 отд. 4 отд. УНКВД сержанта госбезопасности Окулова С. Н. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 369.
18. Выписка из протокола допроса Тюрина Михаила Александровича от 15 мая 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 357.
19. Справка по архивно-следственному делу № 796219 по обвинению Былкина В. И., Королева М. П. и др. в количестве 16 человек. Составлена 14 мая 1956 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11957, л. 104-105.
20. Обвинительное заключение по следственному делу № 36358 по обвинению Тиунова Алексея Гавриловича и др. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 9108, т. 2, л. 269-314.
21. Рапорт вр. нач. 2 отд. 4 отд. УНКВД сержанта госбезопасности Окулова С. Н. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 367.
22. Справка по архивно-следственному делу № 796219 по обвинению Былкина В. И., Королева М. П. и др. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11957, л. 102.
23. Выписка из протокола допроса Аликина Аркадия Михайловича от 9 мая 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 14756, л. 72-73.
24. Выписка из протокола допроса Голдобеева Николая Павловича от 6 марта 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 13864, л. 45.
25. Выписка из протокола допроса Аристова Михаила Ивановича от 28 марта 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 364.
26. Рапорт вр. нач. 2 отд. 4 отд. УНКВД сержанта госбезопасности Окулова С. Н. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 366.
27. Выписка из протокола допроса Голдобеева Николая Павловича от 6 марта 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 13864, л. 44.
28. Выписка из протокола допроса Аристова Михаила Ивановича от 28 марта 1939 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 3, л. 363.
29. Обвинительное заключение по следственному делу № 36358 по обвинению Тиунова Алексея Гавриловича и др. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 11671, т. 2, л. 246.
30. Там же, л. 244-245.
31. Протокол допроса Миргасы Марданшина от 19 ноября 1938 г. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 45, л. 6.
32. Обвинительное заключение по следственному делу № 36358 по обвинению Тиунова Алексея Гавриловича и др. // ПермГАНИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 9108, т. 2, л. 314.

Андрей Кабацков,
кандидат исторических наук (Пермь),
Инна Федотова,
главный специалист Пермского государственного
архива новейшей истории

Вестник архивиста. – 2010. – № 4 (112). – С. 161-174;
2011. – № 1 (113). – С. 150-163.

«Приостановить строительные работы на площадке Татарской АЭС»

В апреле 1990 г. строительство Татарской АЭС было прекращено. Вопрос о строительстве Татарской АЭС время от времени поднимается в средствах массовой информации до сегодняшнего дня. Есть сторонники как строительства, так и его прекращения. Нас пугают нехваткой энергии, но намного страшнее, когда происходят аварии на АЭС, вспомним про последнюю — на Фукусиме.

Считаем, что читателю будет интересно узнать из рассекреченных архивных документов Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан о выборе площадки и ходе строительства АЭС в Татарстане.

№ 1. Письмо министра энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожнего первому секретарю Татарского обкома КПСС Ф. А. Табееву о выборе площадки для строительства атомной электростанции в Татарии

22 мая 1979 г.
г. Москва.
№ 71-6107

Проектом программы ввода мощностей на АЭС до 1990 года предусматривается начать в XI пятилетке в Татарской АССР строительство новой атомной электростанции мощностью порядка 6 млн кВт.

В результате изучения территории и водных ресурсов Татарии были рассмотрены 15 пунктов возможного размещения АЭС. На основе предварительного анализа для дальнейшего изучения рекомендованы площадки, расположенные в четырех пунктах: у г. Куйбышева, у населенных пунктов Камские Поляны, Варзи и Бикбулово. При этом у населенных пунктов Камские Поляны и Варзи возможно создание АЭС в комплексе с гидроаккумулирующей электростанцией.

Летом 1978 года мною лично, при участии представителей Татарского обкома КПСС, были осмотрены конкурентные площадки для новой АЭС в Татарии.

Ориентировочное сопоставление основных переменных затрат по вышеназванным площадкам (на освоение территории, создание систем техводоснабжения, внешних транспортных коммуникаций, ЛЭП и т. д.) показало, что стоимость строительства АЭС у г. Куйбышева на 60-80 млн руб[лей] выше, чем на трех других площадках.

Это сопоставление проведено с использованием имеющихся фондовых материалов по геологии, геодезии и гидрологии, которые не являются достаточными для выполне-

ния полноценного технико-экономического обоснования сооружения АЭС в Татарской АССР.

Однако, в настоящее время имеется разрешение Совета министров Татарской АССР на производство проектно-изыскательских работ только по площадкам у г. Куйбышева.

Прошу Вас, уважаемый Фикрят Ахмеджанович, оказать содействие Минэнерго СССР в получении разрешения Совета министров Татарской АССР на производство изыскательских работ на площадках у населенных пунктов Камские Поляны, Варзи и Бикбулово.

Министр энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожний (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 8, д. 723, л. 101-102.

№ 2. Письмо секретаря Татарского обкома КПСС Ф. А. Табеева министру энергетики и электрификации СССР товарищу П. С. Непорожнему о проведении проектно-изыскательских работ по АЭС на территории Татарской АССР

7 июня 1979 г.
г. Казань.
№ 404

Согласно вашему письму, Татарский обком КПСС поручил Совету министров ТАССР совместно с заинтересованными организациями республики рассмотреть вопрос о возможности размещения АЭС на площадках у населенных пунктов Камские Поляны, Варзи и Бикбулово.

Исходя из заключения соответствующих служб, размещение атомной электростанции в районах Камские Поляны, Бикбулово и Варзи нецелесообразно по следующим причинам.

Все указанные площадки расположены на территории интенсивно развивающегося Набережно-Челнинского и Нижнекамского территориально-производственного комплексов, которые уже в настоящее время характеризуются чрезмерно высоким уровнем урбанизации и отсутствием свободных трудовых ресурсов.

В этом промышленном районе размещается комплекс заводов КамАЗа с ярко выраженной тенденцией к дальнейшему развитию, крупнейший Нижнекамский нефтехимический комбинат, два шинных завода, завод технического углерода, химзавод им. Карпова, Заинская ГРЭС, Нижнекамская ГЭС, высокоразвитая нефтедобывающая промышленность и ряд других крупных промышленных предприятий.

Предельная насыщенность промрайона промышленными и энергетическими предприятиями, многие из которых имеют высокий класс санитарной вредности, уже в настоящее время создает осложнения в сохранении экологии окружающей среды, решении проблем организации загородных зон отдыха для почти миллионного городского населения промрайона.

Размещение в этом промрайоне атомной электростанции с ее санитарно-защитной зоной еще более осложнит решение вопросов по охране окружающей среды и размещению загородных учреждений отдыха для жителей городов Набережные Челны, Нижнекамска, Заинска, Елабуги, Менделеевска, Мензелинска и других поселений промрайона.

Следует также иметь в виду, что по сравнению с площадкой в районе г. Куйбышева, площадки в районе Камские Поляны — Беляхча и Варзи расположены на значительно более маловодной Каме, а площадка в районе Бикбулово, вообще, на малой реке Ик, и в таких условиях устранение вредного воздействия АЭС на водный режим и метеорологическую обстановку будет гораздо сложнее.

Кроме того, в районе Камских Полян — Беляхча запроектировано размещение крупнейшего рыбно-прудового хозяйства, находится санаторий «Берсут», построены учреждения отдыха и пионерские лагеря КамАЗа и намечается их дальнейшее развитие. Район с. Варзи размещен на территории нефтяного месторождения и в непосредственной близости от него находится санаторий «Ижминводы» с богатейшими источниками подземных минеральных вод.

В связи с изложенным, обком КПСС подтверждает ранее принятое совместно с вами решение о целесообразности строительства АЭС в районе г. Куйбышева Татарской АССР.

Уважаемый Петр Степанович, просил бы вас согласиться с нашими предложениями

и ускорить работы по проектированию и началу строительства АЭС в указанном районе.

В целях проведения сравнения целесообразности размещения АЭС в районе г. Куйбышева и неконкурентности по сравнению с ним других площадок дано указание Совету министров ТАССР разрешить проведение изысканий в районах Камские Поляны и Варзи.

Секретарь Татарского обкома КПСС Ф. Табеев (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп .8, д. 723, л. 104-105.

№ 3. Письмо заместителя министра энергетики и электрификации СССР Ф. Я. Овчинникова секретарю Татарского обкома КПСС Ф. А. Табееву о проведении проектно-изыскательских работ по АЭС на территории Татарской АССР

25 августа 1979 г.
г. Москва.
№ ФО-10036

Минэнерго СССР рассмотрело ваше письмо и сообщает.

16 июля с. г. у министра т. Непорожнего П. С. состоялось совещание по выбору пунктов строительства трех новых АЭС (в Куйбышевской области, в Татарской АССР и Башкирской АССР).

После рассмотрения материалов ТЭО* по пунктам размещения АЭС и с учетом предложений Татарского обкома КПСС было принято решение разместить АЭС в Татарской АССР в районе населенного пункта Щербеть. При дальнейшей разработке ТЭО этот вариант будет сопоставлен с вариантом размещения АЭС в районе населенного пункта Камские Поляны (с проработкой варианта энергокомплекса в составе АЭС и ГАЭС).

Срок разработки ТЭО на сооружение Татарской АЭС определен в I квартале 1980 года.

Заместитель министра энергетики и электрификации Ф. Я. Овчинников (подпись).

Резолюция: Для ознакомления членам бюро и секретарям ОК КПСС. Табеев Ф. А. 7 сентября 1979 г.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 8, д. 723, л. 106.

№ 4. Из протокола № 47 заседания бюро Татарского обкома КПСС

Совершенно секретно
6 августа 1980 г.
г. Казань.

[…] 1. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 26 июня 1980 года «О развитии атомной энергетики СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года».

Принять постановление бюро обкома КПСС и Совета министров ТАССР по данному вопросу.

Секретарь обкома КПСС В. [С.] Дергунов (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 8, д. 898, л. 116, 117.

№ 5. Из приложения к постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР от 26 июня 1980 года «О развитии атомной энергетики СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года»

6 августа 1980 г.
г. Казань.
№ Б-47/I-242

«[…] В целях улучшения топливно-энергетического баланса страны на основе более широкого использования ядерного топлива для производства электрической и тепловой

* ТЭО — технико-экономическое обоснование (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

энергии […] Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР обязали Министерство энергетики и электрификации СССР и Министерство среднего машиностроения обеспечить в 1981-1990 годах ввод в действие на атомных электростанциях энергоблоков общей мощностью 66,9 млн кВт, в том числе на Татарской АЭС — 1 млн кВт, а также создание необходимого задела в строительстве этих электростанций, имея в виду довести к 1993 году общую мощность их до 100 млн кВт.

[…] Установили, что начиная [с] 1981 года строительно-монтажные организации Всесоюзного строительно-монтажного объединения «Союзатомэнергострой», производственного объединения «Камгэсэнергострой» и других подразделений Министерства энергетики и электрификации СССР, занятые на сооружении атомных электростанций, не должны привлекаться к строительству объектов, не связанных с развитием атомной энергетики и увеличением мощностей по производству оборудования для атомных электростанций.

Придавая особое значение осуществлению программы развития атомной энергетики на 1981-1985 годы и на период до 1990 года, Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР обязали ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии, Советы министров союзных и автономных республик, исполкомы Советов народных депутатов, министерства и ведомства СССР широко развернуть организаторскую и массово-политическую работу по мобилизации коллективов предприятий, проектных, научных, строительно-монтажных и других организаций на выполнение установленных заданий; по вводу в действие атомных электростанций и поставке оборудования для них; по вводу в действие мощностей на предприятиях по производству оборудования, приборов, изделий и материалов для электростанций и заданий; по вводу в эксплуатацию жилых домов, объектов культурно-бытового назначения, коммунального хозяйства, просвещения и здравоохранения для работников указанных организаций и предприятий; а также установить систематический контроль за выполнением предусмотренных настоящим постановлением заданий, использованием строго по назначению материально-технических и трудовых ресурсов, выделяемых для этих целей и оказывать предприятиям и организациям всемерное содействие в выполнении возложенных на них задач по обеспечению развития атомной энергетики.

Бюро обкома КПСС и Совет министров ТАССР постановляют*:

1. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 26 июня 1980 года принять к руководству и неуклонному исполнению.

2. Поручить Госплану ТАССР […] совместно с заинтересованными министерствами, ведомствами внести предложения по решению социально-экономических вопросов, связанных с размещением и строительством АЭС.

3. Министерству сельского хозяйства ТАССР […], Государственному комитету по делам строительства […] и исполкому Нижнекамского районного Совета народных депутатов в установленном порядке оформить отвод земельного участка под строительство атомной электростанции.

4. Обязать производственное объединение «Камгэсэнергострой» […] провести комплекс необходимых подготовительных мер, связанных со строительством Татарской АЭС.

5. Обязать горкомы и райкомы КПСС, исполкомы городских и районных Советов народных депутатов широко развернуть организаторскую и массово-политическую работу по мобилизации коллективов предприятий, проектных, научных, строительно-монтажных и других организаций на выполнение установленных заданий по строительству и вводу в действие Татарской АЭС.

Секретарь Татарского обкома КПСС В. С. Дергунов.

Председатель Совета министров ТАССР Г. И. Усманов.

Верно: зав[едующий] сектором общего отдела обкома КПСС Р. Муллаянов (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 8, д. 898, л. 142-145.

* Выделение чертой соответствует выделению чертой в документе.

№ 6. Из протокола № 40 заседания бюро Татарского обкома КПСС

Совершенно секретно
21 апреля 1982 г.
г. Казань.

[…] 1. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 21 января 1982 года № 48 «О дополнительных мерах по обеспечению строительства и ввода в действие атомных электростанций в 1982-1985 годах».

Принять постановление бюро обкома КПСС и Совета министров Татарской АССР по данному вопросу (прилагается).

Секретарь обкома КПСС Р. М. Мусин (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 8, д. 1366, л. 2.

№ 7. Из приложения к постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР от 21 января 1982 года № 48 «О дополнительных мерах по обеспечению строительства и ввода в действие атомных электростанций в 1982-1985 годах»

Совершенно секретно
21 апреля 1982 г.
г. Казань.
№ 279

[…] Учитывая исключительно важное значение своевременного ввода в действие атомных электростанций для обеспечения надежного электроснабжения народного хозяйства, Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР:

обязали Минэнерго СССР обеспечить в 1982-1985 годах в установленных объемах выделение капиталовложений для строительства атомных электростанций, в том числе на сооружение Татарской АЭС. […]

Минэнерго СССР поручено обеспечить строительство и ввод в эксплуатацию в 1982-1983 годах в установленных объемах жилых домов в поселках для работников атомных электростанций, в том числе для Татарской АЭС в 1982 году — 10 тыс. кв. м и в 1983 году — 20 тыс. кв. м общей площади […].

Бюро обкома КПСС и Совет министров ТАССР постановляют:

1. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 21 января 1982 г. № 48 «О дополнительных мерах по обеспечению строительства и ввода в действие атомных электростанций в 1982-1985 годах» принять к руководству и исполнению.

2. Считать строительство Татарской атомной электростанции одной из важнейших хозяйственно-политических задач текущего пятилетия всех партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных организаций республики.

3. Дирекции Татарской АЭС […], производственному объединению «Камгэсэнергострой» […] обеспечить безусловное выполнение установленных постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР мер […].

4. Принять к сведению заявление начальника Производственного объединения «Камгэсэнергострой» […], что для безусловного выполнения программы 1982 года по строительству Татарской АЭС объединением разработаны и осуществляются практические мероприятия, предусматривающие выполнение […] строительно-монтажных работ […] по промышленному строительству с вводом в действие:

автомобильных дорог с твердым покрытием на участках Заинск — Шереметьево протяженностью 11 км и Шереметьево — Камские Поляны протяженностью 12 км с открытием рабочего движения в октябре с. г.;

трех мостовых переходов на автодорогах;

временного водозабора технической воды на р. Кама — в сентябре с. г.;

временного водозабора питьевой воды на р. Кама — в октябре с. г.;

временных очистных сооружений мощностью 1 400 куб. м в сутки — в ноябре с. г.;

внутриплощадочных автодорог площадью 20,3 тыс. кв. м — в сентябре с. г.;

передвижной котельной производительностью 12 тонн пара в час — в сентябре с. г.;

инженерных сетей теплофикации, энергоснабжения, связи — в июне с. г.

5. Принять к сведению, что Министерством энергетики и электрификации СССР в ян-

варе 1982 года утвержден график разработки проектно-сметной документации на сооружение объектов подготовительного периода Татарской АЭС, предусматривающий выдачу рабочих чертежей на вынос строений, планировку территории, строительство объектов подсобного производственного назначения, энергетического, транспортного хозяйства и связи, инженерных коммуникаций, временных зданий и сооружений, расширение и реконструкцию предприятий стройиндустрии.

6. Принять к сведению заявление председателя Госстроя ТАССР […], что выбор площадки под строительство комплекса объектов атомной электростанции произведен. Совету министров ТАССР […], Госстрою ТАССР […], не позднее II квартала 1982 года обеспечить отвод земель под строительство объектов АЭС, ускорить выдачу исходных данных для разработки проекта переноса д. Беляхча и с. Камские Поляны.

7. Камгэсэнергострою […]:

приступить в 1982 году к работам по переносу жилых домов д. Беляхча и с. Камские Поляны;

развернуть работы по строительству комплекса объектов для размещения военно-строительного отряда, обеспечив его перебазирование на площадку строительства атомной электростанции не позднее декабря 1982 года;

в соответствии с приказом Минэнерго СССР организовать в первом полугодии 1982 года отдел рабочего снабжения […];

во втором полугодии 1982 года перебазировать управление строительства Татарской атомной электростанции из г. Заинска на площадку строительства АЭС в с. Камские Поляны.

8. Камгэсэнергострою […], производственному объединению «Камэнергостройпром» […], Управлению «Камснаб» […] в соответствии с разработанным графиком обеспечить первоочередную доставку материальных ресурсов на площадку строительства Татарской атомной электростанции.

9. Госкомитету ТАССР по материально-техническому снабжению […], Камгэсэнергострою […], Казанскому порту Волжского объединенного речного пароходства и Набережно-Челнинскому порту Камского речного пароходства […], Камскому подотделу Куйбышевской железной дороги […] реализовать и обеспечить прием на площадку строительства Татарской атомной электростанции в навигацию 1982-1983 годов и на предприятия стройиндустрии Набережных Челнов 200 тыс. м^3 щебня, предусмотренного постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР, из них в 1982 году — 50 тыс. м^3 и в 1983 году — 150 тыс. м^3 […].

12. Одобрить инициативу обкома ВЛКСМ об установлении шефства областной комсомольской организации над строительством Татарской атомной электростанции и направлении в 1982-1985 годах Камгэсэнергострою и субподрядным организациям на строительство этой станции по комсомольским путевкам 2 500 человек, из них в 1982 году — 150 человек.

13. […] Госкомитетом РСФСР по труду предусмотрено направить на строительство АЭС во II квартале 1982 года по организованному набору 1 500 человек рабочих, из них 250 человек из городов и районов ТАССР. […]

Секретарь Татарского обкома КПСС Р. М. Мусин.

Председатель Совета министров Татарской АССР Г. И. Усманов.

Верно: зав[едующий] протокольным сектором обкома КПСС З. Рахматуллин (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 8, д. 1366, л. 27-28, 31-34.

№ 8. Из протокола № 82 заседания бюро Татарского обкома КПСС о постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 7 апреля 1983 года «Об энергетической программе СССР на длительную перспективу»

Совершенно секретно
7 сентября 1983 г.
г. Казань.

[…] Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР в принятом постановлении утвердили разработанную Госпланом СССР, Государственным комитетом СССР по

науке и технике и Академией наук СССР Энергетическую программу СССР на длительную перспективу, предусматривающую на рубеже XX и XXI веков: […]

доведение годового производства электрической энергии до 2 700-3 000 млрд кВт-часов, в том числе на атомных электростанциях до 1 100-1 200 млрд кВт-часов и на гидроэлектростанциях до 350-375 млрд кВт-часов.

[…] Министерству энергетики и электрификации СССР разработать с участием заинтересованных министерств и ведомств и представить в 1984 году по согласованию с Госпланом СССР и Государственным комитетом СССР по науке и технике в Совет минист[ров] СССР программу развития ядерной энергетики на период до 2000 года и создания основ термоядерной энергетики […].

Секретарь обкома КПСС Г. [И.] Усманов (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 10, д. 51, л. 1, 5, 7, 40.

№ 9. Из протокола № 19 заседания бюро Татарского обкома КПСС о постановлении ЦК КПСС от 28 июня 1984 года «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР о развитии атомной энергетики»

Совершенно секретно
15 августа 1984 г.
г. Казань.

[…] Бюро обкома КПСС отмечает, что объединением «Камгэсэнергострой» проделана определенная работа по развороту строительства объектов Татарской атомной электростанции. Ведется строительство производственной базы, пуско-резервной котельной, жилого поселка Камские Поляны, временного причала, насосной водозабора, прокладываются инженерные коммуникации и автомобильные дороги.

С начала строительства план по Татарской АЭС выполнен на 109 процентов […].

Вместе с тем в текущем году допущено отставание в строительстве многих объектов. План строительно-монтажных работ за 7 месяцев в целом выполнен на 87 процентов, в том числе по жилищно-бытовому строительству 93 %. […]

Объединениями «Камгэсэнергострой», «Камэнергостройпром» и Камснабом в первом полугодии неудовлетворительно комплектовались объекты АЭС металлопрокатом и металлоконструкциями, сборным железобетоном, пиломатериалами и столярными изделиями. Камским речным пароходством с отставанием от графика осуществляется поставка гравия и других инертных материалов.

Дирекцией строящейся АЭС с большим опозданием открыто финансирование, неудовлетворительно решаются вопросы заказа проектно-сметной документации и своевременной выдачи ее подрядным организациям. […]

Секретарь обкома КПСС Г. [И.] Усманов (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 12, д. 60, л. 1, 19-23, 55.

№ 10. Из протокола № 3 заседания бюро Татарского обкома КПСС о ходе строительства объектов Татарской АЭС и мерах по выполнению программы 1986 г.

Совершенно секретно
11 марта 1986 г.
г. Казань.

[…] 6. Бюро обкома КПСС отмечает, что в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 26 июня 1980 года в 1981 году начато строительство Татарской атомной электростанции.

С начала строительства на объектах АЭС выполнено строительно-монтажных работ на сумму около 105 млн рублей, что составляет 102 процента к плану. За это время построен ряд объектов производственной базы, причал на реке Кама, временные водозаборные и очистные сооружения, реконструированы автодороги, соединяющие площадку АЭС с городами Нижнекамск и Заинск. Введено в эксплуатацию 60 тыс. кв. метров общей

площади жилых домов, общежитий на 480 мест, две столовые на 440 посадочных мест, два магазина. В жилых домах оборудованы помещения для бытового и медицинского обслуживания населения.

Вместе с тем производственным объединением «Камгэсэнергострой» […], дирекцией АЭС […], управлением строительства Татарской АЭС […] не обеспечено выполнение тематических задач подготовительного периода строительства станции. Со значительным отставанием ведется строительство жилых домов, общежитий, объектов социально-бытового назначения, что серьезно сдерживает наращивание коллективов строительно-монтажных организаций. Практически только начаты земляные работы по водохранилищу и реакторному отделению, по другим производственным объектам станции работы еще не развернуты. […]

Серьезным сдерживающим фактором в выполнении планов строительства и развертывания работ по АЭС является систематическая несвоевременная и некомплектная выдача проектно-сметной документации. До настоящего времени отсутствуют проект станции, сроки его утверждения, установленные Минэнерго СССР, сорваны. […]

Секретарь обкома КПСС Г. [И.] Усманов (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 14, д. 22, л. 1, 13-19, 58.

№ 11. Из протокола № 34 заседания бюро Татарского обкома КПСС о ходе выполнения заданий, предусмотренных постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 21 сентября 1984 г. № 999-233 по вводу в действие энергетических мощностей на Татарской АЭС

Совершенно секретно
26 мая 1987 г.
г. Казань.

[…] 6. Бюро обкома КПСС отмечает, что на строительстве Татарской атомной электростанции проделана определенная работа по формированию коллективов строителей и эксплуатационников, строительству производственных баз, жилых домов, объектов соцкультбыта. […]

Вместе с тем бюро обкома КПСС отмечает, что строительство комплекса объектов атомной электростанции осуществляется со значительным отставанием от директивных сроков […].

Неудовлетворительно велось строительство АЭС и в 1986 году. Не обеспечен ввод в эксплуатацию бетонного завода, баз металломонтажа и железобетонных конструкций, тепломонтажных и электромонтажных работ и других. […]

Серьезно влияет на ход строительства АЭС отставание в проектировании, особенно главных объектов атомной станции. Дирекцией Татарской АЭС […], Рижским отделением института «Атомтеплоэлектропроект» […] не принимались необходимые меры по своевременному обеспечению стройки проектно-сметной документацией. До сегодняшнего дня не утвержден проект первой очереди станции. […]

Бюро обкома КПСС отмечает, что Минэнерго СССР и его В[сесоюзное] с[троительно]-м[онтажное] о[бъединение] «Союзатомэнергопромстрой» еще не оказывают должной помощи в ускорении строительства атомной электростанции. […] Несмотря на неоднократные обращения областного комитета партии об увеличении поставок деталей крупнопанельного домостроения для строительства жилых домов и объектов соцкультбыта, положительных решений так и не было принято, что не позволяет нарастить численность коллективов строителей. […]

Все это может привести к срыву ввода в эксплуатацию мощностей АЭС в установленные сроки. […]

Секретарь обкома КПСС Г. [И.] Усманов (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 15, д. 32, л. 1, 12-22, 63.

№ 12. Из заключения комиссии Всесоюзного научно-исследовательского института геологии нерудных полезных ископаемых Мингео СССР (г. Казань) по геологическим условиям строительства Татарской АЭС

5 июня 1989 г.
г. Казань.

[…] Выводы: Татарская АЭС (д. Беляхча) расположена в области достаточно высокой сейсмической активности, связанной с мобильной системой разломов, в зоне мощного разлома глубинного заложения. Возможны землетрясения более 6 баллов. Гарантии сейсмической и тектонической стабильности здесь нет. Расположение пруда-охладителя на аллювиальных образованиях, отличающихся наиболее высокой проницаемостью, гарантирует неизбежность распространения любого радиоактивного загрязнения по всему бассейну Камы и Волги. В случае аварийных выбросов практически исключается возможность не только захоронения, но и надежной локализации радиоактивных отходов среди рыхлых водопроницаемых пород. Поэтому загрязнение Волго-Камского бассейна может принять катастрофический характер. Геологическая позиция д. Беляхча не позволяет строить здесь АЭС.

Председатель комиссии: доктор г[еолого]-м[инералогических] наук, профессор В. А. Копейкин (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 15, д. 1707, л. 7-8. Копия.

№ 13. Письмо секретаря Татарского обкома КПСС Г. И. Усманова и председателя Совета министров ТАССР М. Ш. Шаймиева председателю Совета министров СССР Н. И. Рыжкову

15 сентября 1989 г.
г. Казань.
№ 01-54/3774

Совет министров СССР в марте 1989 года поручил Академии наук СССР, Мингео СССР с участием Минатомэнерго СССР, Госатомэнергонадзора СССР, ученых Казанского гос[ударственного] университета им. В. И. Ульянова-Ленина в трехмесячный срок рассмотреть поставленные общественностью Татарской АССР вопросы о необоснованности строительства Татарской атомной электростанции, расположенной в Нижнекамском районе республики над активным тектоническим разломом.

Созданная по поручению Совета министров СССР комиссия АН СССР (ПП-7516), полностью подтвердив выводы ученых и специалистов Татарии, вопрос безопасности строящейся атомной электростанции оставила открытым.

При формировании выводов комиссия АН СССР не учла такое важнейшее обстоятельство, как размещение Татарской АЭС ниже плотины Нижнекамской ГЭС.

Между тем приведенные обстоятельства прямо противоречат требованиям к размещению атомных станций и нормам проектирования сейсмостойких АЭС (пп. 1.17.2 и 2.2.1).

Общественность республики обеспокоена также тем, что строительство Татарской АЭС продолжается вестись без утвержденного государственного проекта, льготное финансирование которого закончилось в июле 1989 года.

На основании изложенного обком КПСС и Совет министров Татарской АССР считают целесообразным приостановить строительные работы на площадке Татарской АЭС.

Капитальные вложения и материальные ресурсы можно было бы направить для перепрофилирования данного объекта на производство товаров народного потребления и реконструкцию других энергетических объектов республики.

Секретарь Татарского обкома КПСС Г. И. Усманов (подпись).

Председатель Совета министров ТАССР М. Ш. Шаймиев (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 15, д. 1707, л. 1.

Публикацию подготовила
Венера Хамидуллина,
директор ЦГА ИПД РТ

“Звание комсомольца, мягко выражаясь, потускнело и несколько утратило былое”

Молодое поколение 80-х гг. прошлого столетия стало свидетелем грандиозных перемен, вызванных попытками реформирования тогдашним руководством экономики и политической системы страны. Каждый его представитель проходил свой собственный путь взросления и нелегкого выбора новых духовно-нравственных ориентиров.

В Татарской АССР, кроме общих тенденций союзного масштаба, определенное влияние на ситуацию выбора оказывали и региональные факторы.

Долгие годы лидирующие позиции по авторитету и влиянию в молодежной среде занимал Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ). Он играл заметную роль в жизни и деятельности подрастающего поколения, значительная часть которого была охвачена обширной системой политической и комсомольской учебы.

Идейно-политическому воспитанию молодежи в условиях перестройки уделялось большое внимание. Ежегодно лекторами общества «Знание» в Татарии читались десятки тысяч лекций, проводилось множество школ и семинаров по различной тематике[2]. Только в систему комсомольской политучебы в 1988-1989 учебном году было вовлечено более 79 тысяч комсомольцев республики, в политических школах и семинарах занимались 27 тысяч комсомольцев[3].

Однако существовавшая долгие годы и, как казалось, отработанная до мелочей система начала давать сбои. Существовавшие формы учебы не отвечали возраставшим в условиях гласности общественным запросам, а массовый охват вступил в противоречие с дифференцированным подходом к интересам молодежи. Решения партии и комсомола о привлечении молодежи к активному участию в жизни государства и общества носили большей частью декларативный характер и часто оставались на бумаге.

Несмотря на появление новых форм политучебы, дискуссионных клубов, политбоев, встреч за «круглым столом», отход молодежи от формальных структур продолжался[4]. Некоторое исключение составляли лишь дискуссионные политклубы, позволявшие обсуждать волнующие молодежь проблемы в режиме диалога. Их численность в республике росла: если в 1986-м насчитывалось 58 политклубов, то через два года — 284[5]. Тематика была разнообразной — от социалистического об-

раза жизни и перестройки до вопросов искусства и религии. Большинство клубов находилось под контролем местных комитетов комсомола, но появлялись и независимые структуры.

Свою общественную активность молодежь реализовывала в разных формах, в том числе направляя письма в органы власти, в редакции газет. Анализ редакционной почты двух крупных молодежных газет республики того периода «Комсомолец Татарии» и «Татарстан яшьләре» («Молодежь Татарстана») показывает, что в конце 80-х — начале 90-х гг. читательская почта стремительно росла. Если в 1986 г. редакцией газеты «Татарстан яшьләре» было получено около 8 тысяч писем, то в 1988 г. — уже более 12 тысяч[6]. Почти четвертую часть корреспондентов волновали проблемы семьи, школы и нравственности, 20 % — плохая организация досуга молодежи[7].

По мере «пробуксовывания» перестройки начал ослабевать интерес молодежи к политике, комсомолу, в ее среде стал нарастать скепсис. Сама молодежь признавала, что комитеты ВЛКСМ больше не пользуются авторитетом, а на проводимых ими мероприятиях нет возможности сопоставить различные точки зрения, поспорить о жизненной позиции[8]. В результате начинается массовый, ежегодно растущий отток молодежи из рядов ВЛКСМ. С 1985 по 1991 г. численность областной комсомольской организации сократилась на 46,2 %[9].

Характерным является письмо студента Казанского университета Игоря Ильина в редакцию журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь», написанное им в 1985 г. Вот о чем он спрашивал редакцию журнала: «Как вы считаете, девальвировалось ли звание (марка что ли?) комсомольца? Скажем относительно тридцатых годов? Ну, пусть, пятидесятых? Я считаю, что да. Звание комсомольца, мягко выражаясь, потускнело и несколько утратило былое…»[10] Это письмо интересно еще и потому, что его автор не просто критикует существующее положение вещей, но предлагает меры по преодолению наиболее серьезных, на его взгляд, недостатков в деятельности комсомольских организаций. Он выступал за то, чтобы резко ограничить прием в члены ВЛКСМ; исключать из членов ВЛКСМ всех, кто не достоин этого звания; начать эффективную борьбу с бюрократизмом и волокитством; покончить с показухой»[11]. Как видим, автору присуща высокая идейная убежденность в правоте существующих идеалов, поскольку он предлагает повысить авторитет коммунистического союза молодежи, а не отказаться от него. Эту позицию разделяли очень многие.

Но довольно быстро ситуация меняется. На 1 января 1988 г. в республике действовали 3 894 любительских объединения и клуба по интересам, охватывающих 106 тысяч человек[12]. Состав этих клубов был разнообразным, но заметную роль в них играли учащаяся и студенческая молодежь, представители интеллигенции[13]. Причем большинство членов неформальных объединений не являлись комсомольцами и коммунистами. Среди мотивов своего участия в неформальном движении молодежь чаще всего выделяла возможность влиять на принимаемые решения в городе и республике (68,7 %), возможность свободно высказывать свои взгляды (56,2 %), конкретные дела, в которых участвуют члены объединений (56,2 %), возможность общаться по интересам (37,5 %), возможность самоутвердиться (34,4 %)[14].

В 1987 г. группа студентов физического факультета Казанского университета предприняла попытку выйти на ноябрьскую демонстрацию с неформальными лозунгами. В дни празднования 100-летия со дня сходки казанских студентов с участием В. И. Ульянова студенты университета провели альтернативную сходку, во время которой остро поставили проблемы студенческой жизни. Эти события получили широкий общественный резонанс. В результате сформировался дискуссионный клуб «Гласность» физического факультета КГУ. Он был популярен настолько, что стал своеобразным эпицентром политических дискуссий в го-

роде, а треть его состава даже не имела отношение к университету[15].

Наряду с этим к концу 80-х гг. в регионах начинаются процессы, связанные с ростом национального вопроса. Этот процесс коснулся и молодежи Татарской АССР.

К началу 90-х гг. в республике действовало множество организаций и объединений национальной направленности: клуб любителей булгарской истории «Булгар аль Джадид»[16], общество им. Ш. Марджани, культурно-просветительские общества: «Туган як» («Родной край»), «Туган тел» («Родной язык»), «Ватан» («Родина») и другие[17]. Их деятельность дополнялась действиями общественно-политических национальных организаций, прежде всего Татарского общественного центра (ТОЦ), комитета «Суверенитет», партии «Иттифак»[18]. Национальные движения были направлены не только на решение проблем языкового и культурного развития наций, но и пытались формировать определенные политические ценности и образцы поведения у молодежи. Наиболее активной молодежной организацией националистического толка был Союз татарской молодежи «Азатлык» («Свобода»), созданный в октябре 1990 г. Молодежь включается и в этнополитическую деятельность национальных движений.

В период борьбы за суверенитет Татарстана молодые люди часто становились мишенью пропагандистских действий самых разных политических и национальных групп. Часть из них нашла применение своей энергии в Союзе татарской молодежи «Азатлык». В условиях отхода от официальной идеологии, сопровождавшегося разрушением социальных связей, усилилась роль национальности как традиционно значимого инструмента социальной идентификации. Именно поэтому, по мнению Л. М. Дробижевой, в Татарстане в 1991-1993 гг. активно развивается национальное движение[19], а молодежь, будучи активной социальной группой, включилась в него.

Активное включение молодежи республики в растущее национальное движение во многом было связано с ее нереализованным протестным потенциалом политического сознания. Сказывались недостаток опыта и знаний, в силу чего многие молодые люди оказались попросту не готовы к меняющейся политической обстановке. Активная деятельность идеологов татарского национального движения в республике способствовала усвоению частью молодежи их идей и ее вовлечению в деятельность национальных организаций, некоторые из которых носили радикальный характер. Определенная часть молодежи становилась горючим материалом для этих радикальных движений, хотя другая ее часть участвовала в национальном движении вполне осознанно.

Однако призывы радикальных националов дезертировать из Советской Армии, бойкотировать выборы в федеральные органы власти, безальтернативные выборы Президента Татарстана в 1996 г. не встретили массовой поддержки населения республики. Тем более, что руководство республики, добившись суверенного статуса и принятия Конституции Татарстана в 1992 г., постепенно реализовывало большинство тех идей и лозунгов, которые выдвигало национальное движение. Поэтому закономерным стало снижение интереса и участия всего населения, в том числе молодежи в этих движениях, снижение их роли и влияния в политическом процессе в регионе.

Ситуация выбора, в которой оказалась молодежь республики в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., конечно, не в полной мере была использована ею. Но именно эта ситуация показала возможные варианты создания гражданского общества, превратив последнее в постоянный фактор общественно-политической жизни республики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Утвержден XX съездом ВЛКСМ. – М., 1989. – С. 5.
2. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 13, д. 156 а, л. 8.

3. Подсчитано по: ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 15, д. 1656, л. 1-183; д. 1657, л. 15; ф. 4034, оп. 49, д. 94, л. 80-80 об.
4. Там же, ф. 15, оп. 14, д. 386, л. 29; НА РТ, ф. Р-3610, оп. 1, д. 1703, л. 28.
5. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 15, д. 937, л. 8.
6. Там же, ф. 4034, оп. 49, д. 58, л. 62; д. 98, л. 181.
7. Там же.
8. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 15, д. 245, л. 46.
9. Подсчитано по: ЦГА ИПД РТ, ф. 4034, оп. 46, д. 26, л. 8-8 об.; оп. 49, д. 251, л. 4.
10. Там же, оп. 47, д. 21, л. 34.
11. Там же, л. 35.
12. Там же, ф. 15, оп. 15, д. 937, л. 3.
13. Там же, л. 64.
14. Там же, д. 1628, л. 22.
15. Там же, д. 2194, л. 80-81.
16. Rorlich, A.-A. History, collective memory and identity: the Tatars of sovereign Tatarstan // Communist and Post-Communist Studies. – 1999. – Vol. 32. – № 4. – P. 389.
17. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 15, д. 1571, л. 3-4.
18. Там же, д. 2016, л. 75-82.
19. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Отв. ред. Л. М. Дробижева. – М., 1996. – С. 77.

№ 1. Письмо студента Казанского государственного университета И. П. Ильина в редакцию журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь»

9 сентября 1985 г.

Здравствуйте, уважаемая редакция. Пишет вам студент Казанского гос[ударственного] университета Ильин Игорь Петрович. Вопрос, с которым к вам обращаюсь, сформулирую напрямую, без вступлений и пр[очего], дабы не занимать много времени (которого, кстати, перед сессией не хватает).

Как вы считаете, девальвировалось ли звание (марка что ли) комсомольца? Скажем относительно тридцатых годов? Ну, пусть, пятидесятых? Я считаю, что да*. Звание комсомольца, мягко выражаясь, потускнело и несколько утратило былое. Ну, спросите у первого встречного об этом. Конечно, и вполне естественно, он ответит, что комсомол — боевой орган, имеющий важное значение в… и для… и т. д. Я сам лично неоднократно встречался с такими комсомольцами (и не только), которые напрямую пренебрежительно и презрительно говорили о комсомоле. И доля правды в этом есть.

Предвижу вашу отрицательную реакцию на все это. Но не пора ли поставить ребром вопрос о дальнейшем повышении марки комсомольца? Так сказать, «заставить сиять заново» (как у Маяковского помните?).

Приведу (может быть не совсем адекватный) пример с падением престижности инженерного труда. По-моему, аналогия вполне подходящая.

Вы скажете: говорить и отвечать мы все умеем.

Предлагаю конкретные меры:

1) Резко ограничить прием в члены ВЛКСМ во многих случаях наблюдается чуть ли не насильственный прием в комсомол. А пренебрежение ко всему начинается именно с диалога:

— Ты что, рыжий что ли? Все вступают, а ты нет.

Вы скажете о добровольности. А между прочим, когда в первичной организации пройдет подобная «агитация», в райкомы ВЛКСМ пойдут сведения о великом желании вступать в члены ВЛКСМ всех желающих.

2) Исключать из членов ВЛКСМ всех, кто не достоин этого звания.

Вы скажете: перевоспитывать надо. Ну, о перевоспитании — вопрос особый. По-моему, перевоспитавшихся весьма малое количество по ср[авнению] с числом перевоспитуемых. И это хорошо, скажете вы. А, по-моему, все закладывается в довольно раннем возрасте, и упор нужно сделать [на] воспитание, а не [на] перевоспитывание. А у нас прямо скажем, недостаточно уделяется внимания подшефной организации. (Вы на время исключите и перевоспитайте на кр[айний] случай).

3) Предлагаю установить условия приема в члены ВЛКСМ. Ну, короче говоря, в 8-9 кл[ассах], по-моему, рановато (для многих) вступать в комсомол.

4) Пора начать эффективную борьбу с бюрократизмом и волокитством.

* Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе (прим. ред.).

5) Пора кончать с показухой во многих случаях.

На этом кончаю, с комсомольским приветом Ильин И[горь] П[етрович].

P. S. Прошу прощения за необычное письмо. Но если бы я его начал переписывать, то многое бы смягчил и приукрасил. А так выпалил [что] было на душе.

ЦГА ИПД РТ, ф. 4034, оп. 47, д. 21, л. 34-35.

№ 2. Из письма члена Союза татарской молодежи «Азатлык» А. И. Фатхутдинова в редакцию газеты «Суверенитет»

Январь 1992 г.
г. Нижнекамск.

Даже если Родина в пустыне, все равно ее прекрасней нет.
Не бывает родин несколько,
родина — одна на много лет.
(Р. Файзуллин)

«Национализм» в английском политическом словаре первоначально имело понятие, как национально-освободительное движение ирландцев. […]

1902 год, проект программы РСДРП гласит: «п. 7. Признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»; 1913 год «п. 5. Вопрос о праве наций на самоопределение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации».

И вот демократы решили вершить судьбу великой древней нации, которая на несколько веков раньше обрела свою культуру и письменность.

«Герб, флаг» захотели — получите у нас, есть вариант имперского покроя. «Независимость» надо — берите. Вот вам пустые вагоны, наместник нужен — пришлем. Парламент у вас плохо работает — пришлем вам […] Кащея, Змея Горыныча и Синюю Бороду. Много у вас земли — проведем референдум и разделим ее между «центром» и «империей». Хотите свободы — пришлем ОМОН. […]

Однако забыли демократы, любое унижение, ложь по отношению к другому — это слабость ума и неполноценность их голов, если они у них есть […].

Наш народ не позволит никому задушить и уничтожить татарский народ. Народ, который веками создавал свою культуру, язык и письменность, оказав свою роль в развитии мировой культуры; который […] жил дружно со всеми народами, голодал наравне с русскими, башкирами, украинцами.., сохранил тепло своего сердца ко всем, сейчас хотят представить человечеству как «изгой» «неполноценный народ».

Байрамова, Мулюков, Махмутов — вот идеалы морального единства и сплоченности народа, хранители рода великого.

Нам трудно бороться за суверенитет, но я уверен, что «империя» рухнет под чистотой идеалов татарского народа. […]

Народы Татарстана сплотимся в рядах защитников, [за] свободу независимого государства — Татарстан.

Сплотимся вокруг Татарского общественного центра, партии «Иттифак», С[оюз] т[атарской] м[олодежи] «Азатлык», и «Суверенитет». Бүленмәс** Россия — Җир йөзендәге соңгы империя**.

Фатхутдинов А. И., член С[оюза] т[атарской] м[олодежи] «Азатлык».

ЦГА ИПД РТ, ф. 8245, оп. 2, д. 6, л. 7-8 об.

Публикацию подготовил
Алексей Бушуев,
кандидат исторических наук

* «Бүленмәс» в переводе с татарского языка — «неделимая».
** «Җир йөзендәге соңгы империя» в переводе с татарского языка — «последняя империя на Земле».

Ренат Харис

ТАТАРСКИЙ «ТИТАНИК»

Публицистическая поэма

Не я ль зарекался — на взрывы, теракты, аварии
не тратить отныне в стихах ни единой строки?..
Но, мир содрогнув, захлебнулась волною «Булгария»
и клятву мою утащила в пучину реки.

Сегодня душа моя там — в бездне темного омута,
где, лежа на правом боку, лайнер в иле увяз.
Дрожит моя Муза, пугаясь смертельного опыта,
но льются слова на бумагу, как слезы из глаз.

Что проку от криков, повисших над волжскими кручами,
как будто людей здесь пытают на адском огне?
Я рта не открыл бы, одним состраданием мучимый,
но рвет мое сердце на части — не горе, а гнев.

Кому его высказать? Кто эти страшные новости
способен впустить в свои уши, как в душу — удар?
Найдется ль хоть капля за взятки не проданной совести
в стране, где витает не знающий чести базар?

Услышат ли те, кто, подкрасив гробы полусгнившие
их, как самолеты, пускают с людьми от земли,
иль те, кто винты прицепив под дырявыми днищами,
на воду речную спускают гробы-корабли?

Услышит ли тот, кто, бездумно гонясь за наживою,
обрек сотни душ в своем клубе сгореть, как в печи,
и тот, кто в Ижевске, прикрывшись служебной ошибкою,
тысячи снарядов пустил разрываться в ночи?

Прислушайтесь все — повара, доктора и водители,
все те, кто нас травит, калечит, фасует в гробы;
те руководители, что дело ведут, как вредители —
на ваших руках нет ли крови от чьей-то судьбы?..

Плывет над землею тяжелый кладбищенский запах,
какой персперант его может собой перебить?
Эпоха сплошных катастроф, прогибаясь на лапах,
бредет по стране, сладкой крови людской перепив.

Одно МЧС, выжигая бензина канистры,
спешит к пострадавшим и днем, и в чернильных ночах...
А вы, господа — депутаты, юристы, министры, —
спокойно ль сидеть вам гурьбой на народных плечах?

* * *

Под волжской водой, по фарватеру,
лежит теплоход на боку.
К закрытому иллюминатору
прижало девичью щеку.

В глазах, удивленно распахнутых,
сияет воды синева.
А, может, как в поле распаханном,
в них радость зачатья жива?

За нею — в колеблемой темени —
белеет мужской силуэт.
На самом счастливом мгновении
судьба погасила им свет…

* * *

В соседской каюте открыто окно —
там плавает пара седая устало.
Последним приютом холодное дно
сегодня на веки им вечные стало.

Во славу Всевышнего хадж совершив,
они захотели увидеть воочью
селенье Булгары — источник души,
не раз им в деталях являвшийся ночью.

Увидев места, где татарский народ
культуру растил, как детишек в ауле,
они возвратились на свой теплоход
и там, словно дети, в каюте уснули…

* * *

Где ваш голос, державные наши мужи,
почему ваше слово слабее, чем шепот?
Равнодушие прочно вошло в нашу жизнь
и трагедии не углубляют наш опыт.

Только горе способно нас вырвать из сна,
мы кричим, что отныне задача ясна
и все будет исправлено!.. Но самолеты —
снова падают вниз, и пылают леса,
рвутся шахты, и тянется бед полоса
нескончаемо, будто на марше пехота.

Нынче славен в стране не поэт, а бандит.
Даже днем без опаски не выйдешь на площадь!
Кто в милиции спал — тот в полиции спит,
не спеша, как и прежде, бежать нам на помощь.

И когда, набрав в трюмы тяжелой воды,
погружалась «Булгария» в волны покорно,
мимо плыли суда, от смертельной беды
отвернув свои взгляды позорно…
Равнодушие — сделалось нормой.

* * *

На «Булгарии» были десятки детей.
Чтобы им не скучать без веселых затей —
их собрали в одном помещении…
Тут и вырубилось освещение.

Водолазы, что в комнату эту вошли
и десятки детей утонувших нашли,
видя это, по их же признанию,
под водою теряли сознание.

Так поймем ли мы души и боль матерей,
тех, которым застыть суждено у дверей,
глядя, как средь игрушек и книжек
спят в пучине десятки детишек?

Мы обязаны это страданье понять,
если мы не хотим бесконечно склонять
в дни трагедий шелк нашего флага,
а беду упреждать на полшага.

Вы способны ли это услышать, друзья,
или вы лишь способны сидеть, как князья,

за бездонной заздравною чашей,
упиваясь известностью вашей?

Над Россией висит, как во мраке звезда,
эта неистребимая жизнью беда —
быть сильней всего мира и века,
но не видеть во мгле человека!

Устремляясь все время вперед и вперед,
мчит страна, как по волжской воде теплоход,
позабыв, что прогресс-то — не мода,
а возможность дать счастье народу.

Глупо думать, что деньги — источник всех сил,
что валюта весомее детских могил —
даже злато сиять перестанет,
если смерть его спутницей станет.

Что мы знаем о счастье, о нем говоря?
Разговоры — лишь время, пропавшее зря.
Смерть таится не в счастья нехватке,
а в беды удушающей хватке.

Не похоже пока, что крепчает страна.
И сегодня, как флюс, она воспалена.
Слабых трусость трясет, властных алчность печет.
Речка слез по России, как Волга, течет.

Не одна только ветхость сгубила корабль —
это алчность вцепилась в него, словно краб,
это те ей придали губительный крен,
кто забыл свою совесть в чаду перемен.

От тяжелых карманов богатых господ
накренилась страна, как речной теплоход,
над бездонным смертельным обрывом.
Наше счастье — что волны не выше горы
и что волжская удаль молчит до поры.
Ну а вдруг дунут ветра порывы?..

* * *

Мое сердце сегодня стучит на затопленном дне.
Я всплываю наверх, но меня, словно неводом, тянет
в черный омут, где струи колышут татарский «Титаник».
И сочатся мне в голову мысли о нашей стране.

Меня мучит неясная, но очевидная связь
между тем, что «Булгария», видимо, вовсе недаром
свой последний маршрут совершила к Великим Булгарам
и тем самым замкнула историю, что прервалась.

Небеса моих дум потемнели от тяжести туч.
И хотя я совсем не язычник и даже не мистик —
не могу отрешиться от мучащих тягостных мыслей
о причине того, что случилось среди этих круч.
Я не знаю, зачем и каким неизвестным богам
век принес эту жертву, о чем-то нас предупреждая.
Смотрит взгляд мой на воду, над местом крушенья блуждая,
а душа ищет землю — для точки опоры ногам.

Не хочу говорить о плохом и пророчить беду.
Сердцу хочется звать всех к любви и заветному счастью.
Все уйдем мы в тот край, из какого нельзя возвращаться.
Но пока я живу — я от жизни лишь радости жду.

И, вобрав в свою грудь все невзгоды, что веком даны,
погрузив себе в сердце погибших средь волжского моря,
я всплываю наверх из глубин поглотившего горя,
чтоб вдохнуть горький воздух моей катастрофной страны.
Я всплываю к живым. Вы сегодня мне очень нужны…

* * *

Татарский «Титаник» обрел свой покой,
закончив движенье сквозь дали и время.
Как ночь, стоит траур над русской рекой.
Я тоже рыдаю со всеми.

Я знаю: нет пользы от плача и слез,
но где найти силы, чтоб остановиться?
Пусть горе мое прогремит громче гроз,
добравшись до тех, кто в столице!

Жизнь катится, как по реке теплоход,
вода за бортом то светлей, то угрюмей.
Отчизна моя! Устремляясь вперед —
не думай о том, как велик твой доход,
а помни — о людях, что в трюме…

10-11 июля 2011 г.

Перевод с татарского языка
Николая Переяслова

«Не сопутствуемый ничьею любовью»

(Судьба М. Л. Магницкого)

В настоящей публикации мы решили обратиться к малоизвестным обстоятельствам жизни видного государственного деятеля времени царствования Александра I, попечителя Казанского учебного округа, поэта и публициста М. Л. Магницкого.

Михаил Леонтьевич Магницкий, происходивший из небогатой дворянской семьи, родился в Москве 23 апреля 1778 г. Будучи воспитанником благородного пансиона при Московском университете, он получил образование, которое «можно назвать блестящим, и при его дарованиях, увлекательном разговоре и видной красивой наружности много способствовало успехам его и по службе, и в большом свете»[1]. В 1795-1797 гг. М. Л. Магницкий служил в Преображенском полку, а затем перешел в Коллегию иностранных дел, в 1798 г. был причислен к российскому посольству в Вене, в 1799 г. прикомандирован в качестве сотрудника к фельдмаршалу А. В. Суворову во время походов в Италию и Швейцарию, в 1800-1802 гг. находился на дипломатической работе в Париже. Вернувшись на родину в 1803 г., был назначен начальником экспедиции департамента Министерства внутренних дел. Его поэтическое дарование отметил Н. М. Карамзин, который публиковал стихотворения Магницкого в альманахе «Аониды». На протяжении нескольких лет он являлся ближайшим сподвижником реформатора М. М. Сперанского и находился с ним в дружеских отношениях вплоть до 1818 г. В записке государю в ноябре 1808 г. Михаил Леонтьевич отмечал: «Общее мнение в России взяло с некоторого времени направление против правительства. Порицать все, что правительство делает, осуждать и даже осмеивать лица, его составляющие, сделались модою или родом обычая, от самого лучшего до самого низкого общества. Обычай или дух сей столь открыто усиливается и умами совершенно владеть стремится, что хвалить правительство, оправдывать поступки его — значит выставлять себя как бы его наемником»[2]. Так откликнулось дворянское сословие на заключение Тильзитского мира, и М. Л. Магницкий предупреждает Александра I о неизбежности новой войны с Наполеоном.

В 1810 г. Михаил Леонтьевич получил должность статс-секретаря только что учрежденного Государственного совета и чин действительного статско-

го советника. Теперь в качестве директора Комиссии составления уставов и уложений он имел личные доклады у императора. И. И. Лажечников вспоминал: «Я слыхал о Магницком, как о человеке острого, высокого ума, с необыкновенно увлекательным даром слова, изустным и письменным… Чарующая известность дружеского расположения к нему Сперанского придавала еще больше блеска его имени»[3].

Михаил Леонтьевич пострадал одним из первых после падения М. М. Сперанского. 17 марта 1812 г. одновременно с арестом и высылкой последнего в Нижний Новгород также оказался высланным в Вологду и М. Л. Магницкий. Когда 30 августа 1816 г. М. М. Сперанский вновь возвращен в коридоры власти, то и М. Л. Магницкий получил назначение на пост воронежского вице-губернатора. Встреча Михаила Леонтьевича с всесильным временщиком А. А. Аракчеевым привела к тому, что в 1817 г. он стал симбирским гражданским губернатором. Обстоятельства его деятельности в Симбирске неоднозначно представлены в отечественной историографии. Так, В. И. Панаев писал, что М. Л. Магницкий всеми средствами стремился угодить Александру I и князю А. Н. Голицыну, демонстрировал свою набожность, посещал тюрьмы и больницы, выходил из кареты, несмотря на грязь и холод, чтобы принять благословение… блаженного, в надежде, что об этом дойдет до государя[4]. В своих письмах он предлагал ввести в России цензуру и запретить масонскую деятельность. Симбирский губернатор одним из первых создал отделение Русского библейского общества, организовал несколько громких судебных процессов против взяточников-фальшивомонетчиков и помещиков-изуверов. Сам М. Л. Магницкий утверждал, как вспоминал П. Морозов, что застал в Симбирске процветание коррупции и беззакония. После того, как фальшивомонетчик А. Аксенов принес новому губернатору взятку в 20 тысяч рублей и обещал еще по 5 тысяч ежегодно, Михаил Леонтьевич вступил с ним в борьбу, конфисковал 300 тысяч фальшивых рублей и переписку преступника с влиятельными лицами в столицах. М. Л. Магницкий нажил себе страшных врагов, передав изъятые улики в Министерство внутренних дел. Окруженный всеобщей ненавистью, он подал в отставку и уехал в Петербург[5]. Взгляды и деятельность Михаила Леонтьевича, поддержанные министром А. Н. Голицыным, куратором Петербургского университета Д. П. Руничем и монахом-аскетом Фотием, были одобрены императором.

В начале 1819 г. М. Л. Магницкий назначен членом Главного правления училищ Министерства духовных дел и народного просвещения. В феврале-апреле того же года он провел ревизию Казанского университета и пришел в ужас от открывшихся обстоятельств: отсутствие должной отчетности, бездарность многих преподавателей, обучение студентов на иностранных языках и т. п. «Я открыл безнравственное невежество сего заведения, разврат, грабеж и беспорядки»[6], — писал он впоследствии. В донесении государю Михаил Леонтьевич оценивал деятельность университета крайне негативно, поскольку, «находясь в… расстроенном положении, в 14-й год его утверждения, пользы не принес никакой, денег издержал 2 млн рублей и вред в обширном управлении своем произвел немалый»[7].

Взамен предлагалось открыть Институт восточных языков в Астрахани. Разумеется, при дворе не нашла поддержки идея о публичном уничтожении единственного тогда форпоста науки и высшего образования на востоке империи. «Зачем разрушать, когда можно исправить», — оставил резолюцию на документе Александр I.

8 июля 1819 г. М. Л. Магницкий назначен попечителем Казанского учебного округа[8]. Местный университет он решил сделать образцом — полигоном для опробации новой системы образования и воспитания, построенной исключительно на фундаментальном богословии. Прежде всего, Михаил Леонтьевич добивается щедрого финансирования высшего учебного заве-

дения за счет оброчных статей, находящихся в ведении Казенной палаты. Затем им «сделано было много на увеличение зданий университета, на устройство церкви,.. библиотеки, физического кабинета, обсерватории, одним словом, все — что можно было сделать денежными средствами»[9]. В это время М. Л. Магницкий живет в Петербурге, изредка наезжает в Казань и внимательно следит за всем, что там происходит.

М. Л. Магницкий стремился к преобразованию просвещения всего края. Он намеревался наладить отношения с «учеными сословиями Индии»[10]. Попечитель пытался организовать сельские школы ланкастерского типа для инородцев Поволжского региона. В 1820-1823 гг. М. Л. Магницкий участвовал в гонении на преподавание естественного права, статистики, всеобщей истории и философии в Казанском и Петербургском университетах. Кроме того, он предвосхитил известную идеологическую формулу С. С. Уварова, предлагая уже в 1823 г. Александру I принять план «народного воспитания», построенный на началах православия и самодержавия. Последовательный противник западничества, один из первых «евразийцев», Михаил Леонтьевич считал, что татары спасли Россию от Европы и способствовали сохранению православной веры.

Будучи активным участником, так называемой русской партии при дворе, в 1824 г. М. Л. Магницкий способствовал отставке своего былого покровителя А. Н. Голицына и замене его на посту министра А. С. Шишковым. Михаил Леонтьевич неоднократно подавал докладные записки с жалобами даже на великого князя Николая Павловича и других членов царствующего дома Романовых, обвиняя их в потворстве «вредным» идеям. Однако после смерти Александра I и обнаружения доносов Николай распорядился выслать попечителя из Петербурга.

Вскоре в Казанский университет была назначена ревизия. Для ее проведения император избрал ревнителя «казенного интереса» генерал-майора П. Ф. Желтухина, которому вручил инструкцию из 80 пунктов. Ревизия продолжалась с 8 февраля по 8 марта 1826 г. и ее итоги оказались крайне неблагоприятными для М. Л. Магницкого, тем более со всех сторон на него посыпались различные обвинения от обиженных, уволенных, уязвленных им людей. Враги с радостью топтали поверженного попечителя и возводили на опального все мыслимые и немыслимые обвинения. Попытки Михаила Леонтьевича опровергнуть заключение комиссии и представить «Истинное изложение неприличностей, неправильностей, противозаконных и оскорбительных действий генерал-майора Желтухина при осмотре Казанского университета» результатов не дали.

Для проверки университетских счетов была создана еще одна комиссия под руководством гражданского губернатора О. Ф. Розена. На М. Л. Магницкого насчитывали то 90 тысяч, то 56 тысяч, то 24 тысячи рублей и держали его имения под арестом. В конце концов через семь лет с него взыскали 438 рублей, так что обвинения в растрате им казенных денег не подтвердились. По свидетельству современников, он «был человек беспокойный, рвавшийся из своего круга, чтобы иметь более значения, но уже, конечно, не был корыстолюбцем или мелким злоупотребителем»[11].

Высочайшим указом от 6 мая 1826 г. М. Л. Магницкий уволен с должности попечителя Казанского учебного округа и лишен звания члена Главного правления училищ[12]. В июне 1826 г. он решил добиться свидания с Николаем I и появился в Петербурге, чем вызвал гнев царя. Управляющий Министерством внутренних дел В. Ламсдорф писал, что «государь император к удивлению своему, получив донесение, что в Царское Село прибыл действительный статский советник Магницкий, изволит полагать, что по совершенному еще неокончанию следственного дела по Казанскому университету, г[осподин] Магницкий, конечно, не должен бы оттуда отлучаться; почему Его величество признал за благо повелеть г[осподину] министру просве-

щения, чтобы он немедленно принял должные меры, дабы г[осподин] Магницкий без промедления времени отправился в Казань и не отлучался, пока совершенно не кончится следствие»[13]. 29 июня 1826 г. генерал-губернатор А. Н. Бахметев довел до сведения казанского гражданского губернатора О. Ф. Розена «высочайшее повеление учредить секретный надзор за находящимся в Казани действительным статским советником Магницким, дабы он не мог иметь влияния на профессоров Казанского университета»[14].

Однако бывший попечитель не угомонился и продолжил борьбу, привлекая к ней даже руководителей политической полиции империи. Обеспокоенный этим обстоятельством, губернатор О. Ф. Розен 25 июля 1826 г. поспешил направить сообщение управляющему III отделением собственной Его императорского величества канцелярии М. М. фон Фоку: «Пользуясь представившимся случаем, чтобы поговорить с вами о Магницком, считаю себя обязанным сделать это ради того глубокого уважения, которое питаю я к особе генерала Бенкендорфа. Магницкий уверяет, что уехал из Петербурга только вследствие совета своего друга детства генерала Бенкендорфа, совета, мотивированного тем, что будто бы сторона, противная Магницкому, одержала верх; кроме того, он говорит, что получил недавно от Его превосходительства письмо, в котором, советуя ему быть совершенно спокойным, генерал обещается выхлопотать для него у Его величества пожизненную годовую пенсию в 6 000 рублей, а также в уплату расходов на три поездки его в Петербург — до 9 000 рублей. С этими ложными данными он не только удерживает около себя прежних своих сообщников, но еще приобретает и новых, что вовсе не соответствует моим желаниям… Враги Магницкого с негодованием смотрят на его счастье. Вообще, дело это мне ужасно не нравится. Потрудитесь передать эти подробности генералу и прибавьте, что я только что получил от генерал-губернатора Бахметева предписание, в котором выражено… высочайшее повеление: «чтобы наблюсти, дабы Магницкий не мог иметь влияния на профессоров Казанского университета»[15]. Наконец, 1 декабря фельдъегерь привез приказ об аресте бывшего попечителя и отправке его в г. Ревель «под присмотр тамошнего коменданта с тем, чтоб бумаги… Магницкого, по опечатании оных, доставлены были на имя Его императорского величества». В рескрипте подчеркивалось «непозволительное влияние» Михаила Леонтьевича на все дела университета «ч[е]рез вредные внушения, ложное распространение слухов о возложенном якобы на него правительством тайном поручении и, наконец, связи с людьми предосудительной нравственности и поведения... бывшим казанским прокурором Херувимовым, Губовым и Уманцем». А потому, удаление возмутителя спокойствия должно было «положить преграду тому безначалию и беспорядку, которые он своим пронырством мог вселить в управление университетскими делами»[16].

В Ревеле М. Л. Магницкий активно занимался литературно-публицистической деятельностью, руководил религиозно-нравственным журналом «Радуга» (1832-1833), по-прежнему выступал против философии, считая, что только вера предохраняет науки от «гниения», а также излагал свой взгляд на русскую историю и проблемы связи России с Европой. В 1831 г. он обратился к Николаю I с обширными письмами, в которых разоблачал масонский «заговор иллюминатов», приписывая в нем ведущую роль бывшему другу и единомышленнику М. М. Сперанскому. По ходатайству А. Н. Голицына Михаил Леонтьевич в 1834 г. перемещен в Одессу, где продолжил литературные занятия, участвовал в издании «Одесского альманаха» и «Одесского вестника». В 1835 г. он опубликовал «Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу», посвященное новому покровителю С. М. Воронцову. В этом сочинении М. Л. Магницкий проявил себя как источниковед, разработав классификацию источников

по истории России эпохи феодализма, которая сохраняет свое значение и в наши дни. Но и в Одессе Михаил Леонтьевич не ужился, был выслан в Херсон, затем вновь сюда вернулся уже незадолго до смерти, влача жизнь, «не сопутствуемый ничьею любовью, кроме родных, ничьим сожалением»[17]. Прекрасным, красноречивым словом проводил он прах М. М. Сперанского в 1839 г. «Лебединой песнью» назвал писатель И. И. Лажечников его «Думу при гробе Сперанского». А 21 октября 1844 г. М. Л. Магницкий скончался в Одессе, где и был похоронен на местном кладбище.

Так в судьбе одного человека отразилась блестящая и противоречивая эпоха первой половины XIX столетия, которую считают временем великих свершений, надежд и разочарований. Это было время расцвета либеральных идей и религиозных утопий, а накопленный опыт проведения масштабных преобразований использован последующими поколениями россиян.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. – 1867. – Т. 5. – Ч. 3. – С. 79.
2. Русская старина. – 1898. – Т. 96. – С. 508.
3. Лажечников И. И. Очерки-воспоминания. – М., 1989. – С. 477.
4. Панаев В. И. Указ. соч. – С. 74.
5. Морозов П. Мое знакомство с М. Л. Магницким. – М., 1877. – С. 16.
6. Девятнадцатый век: Исторический сборник. – М., 1872. – Кн. 1. – С. 241.
7. Феоктистов Е. М. Материалы для истории просвещения в России. Магницкий. – СПб., 1865. – С. 51.
8. НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 433, л. 2.
9. Лажечников И. И. Указ. соч. – С. 489.
10. Феоктистов Е. М. Указ. соч. – С. 128.
11. Девятнадцатый век: Исторический… – Кн. 1. – С. 252.
12. НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 1043, л. 3.
13. Там же, ф. 1, оп. 1, д. 94, л. 1-1 об.
14. Там же, л. 2.
15. Русская старина. – 1881. – Т. 32. – С. 177.
16. НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 94, л. 5-5 об.
17. Лажечников И. И. Указ. соч. – С. 498.

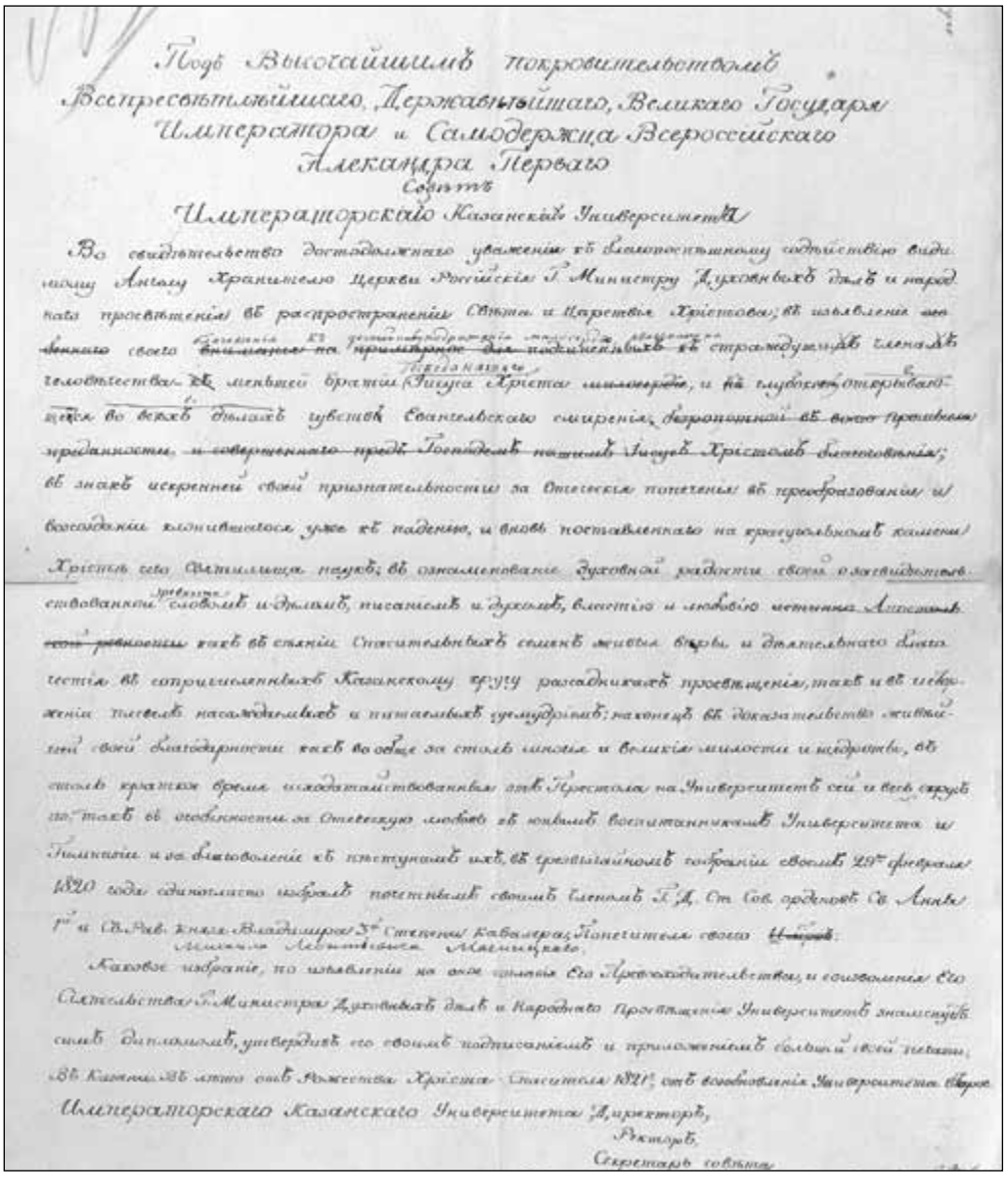
№ 1. Рукописная копия диплома М. Л. Магницкого об избрании почетным членом Казанского императорского университета

1821 г.

Под высочайшим покровительством всепресвятейшего, державнейшего, великого государя императора и самодержца всероссийского Александра Первого Совет Императорского Казанского университета.

Во свидетельство достодолжного уважения к благопоспешному содействию видимому ангелу-хранителю Церкви Российской г[осподину] министру духовных дел и народного просвещения в распространении света и царства Христова; в изъявление [особенного][*] своего [внимания на примерное для подчиненных к][**] [благовония к достойному подражания милосердию, являемому на][***] страждущих членах человечества меньшей братии Господа нашего Иисуса Христа [милосердие][****], и к глубокому во всех делах открывающемуся чувств евангельского смирения [безропотной в волю промысла преданности, и совершенного перед Господом нашим Иисусом Христом благоговения][*****]; в знак искренней своей признательности за отеческия попечения в преобразовании и воссоздании клонившегося уже к падению, и вновь поставленного на креугольном камени Христе сего святилища наук, в ознаменование духовной радости своей о засвидетельствованной древности словом и делом, писанием и духом, властию и любовию [истинно апостольской ревности][******] как в сеянии спасительных семен живыя веры и деятельного благочестия в со-

[*] Зачеркнуто (здесь и далее подстрочные примечания редакции).
[**] Зачеркнуто.
[***] Дописано поверх зачеркнутого.
[****] Зачеркнуто.
[*****] Зачеркнуто.
[******] Зачеркнуто.



Рукописная копия диплома М. Л. Магницкого об избрании почетным членом Казанского императорского университета. 1821 г. НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 501, л. 37 об.-38.

причисленных Казанскому кругу рассадниках просвещения, так и в исторжении плевел, насаждаемых и питаемых суемудрием; наконец, в доказательство живейшей своей благодарности как вообще за столь многий и великия милости и щедроты, в столь краткое время исходатайствованныя от престола на университет сей и весь округ его, так в особенности за отеческую любовь к юным воспитанникам университета и гимназии и за благословение к поступкам их, в чрезвычайном собрании своем 29-го февраля 1820 года единогласно избрал почетным своим членом действительного статского советника, орденов Св. Анны 1-й и Св. Рав. князя Владимира 3-й степени кавалера, попечителя своего Михаила Леонтьевича Магницкого.

Каковое избрание, по изъявлении на оное согласия Его превосходительства, и соизволения Его сиятельства г[осподина] министра духовных дел и народного просвещения университет знаменует сим дипломом, утвердив его своим подписанием и приложением

большой своей печати. В Казани. В лето от Рождества Христа Спасителя 1821-е, от возобновления университета второе.

Императорского Казанского университета директор, ректор, секретарь Совета.

НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 501, л. 37 об.-38.

№ 2. Из сообщения управляющего Министерством внутренних дел В. Ламсдорфа казанскому гражданскому губернатору барону О. Розену

Секретно
14 июня 1826 г.
№ 1230

[…] Государь император к удивлению своему, получив донесение, что в Царское Село прибыл действительный статский советник Магницкий, изволит полагать, что по совершенному еще неокончанию следственного дела по Казанскому университету, г[осподин] Магницкий, конечно, не должен бы оттуда отлучаться; почему Его величество признал за благо повелеть г[осподину] министру просвещения, чтобы он немедленно принял должные меры, дабы г[осподин] Магницкий без промедления времени отправился в Казань и не отлучался, пока совершенно не кончится следствие по тамошнему университету […]. Адмирал Шишков отнес к петербургскому генерал-губернатору о немедленном распоряжении объявить оную г[осподину] Магницкому и наблюсти за его выездом и отправлением в Казань […].

Управляющий Министерством внутренних дел В. Ламсдорф (подпись).

НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 94, л. 1-1 об.

№ 3. Из отношения генерал-губернатора А. Н. Бахметева казанскому гражданскому губернатору О. Ф. Розену

Секретно
29 ноября 1826 г.
г. Нижний Новгород.

[…] К Вашему превосходительству послан нарочный фельдъегерь для арестования […] находящегося в Казани действительного статского советника Магницкого и отправления его в г. Ревель под присмотр тамошнего коменданта с тем, чтобы бумаги его, Магницкого, по опечатании оных доставлены были на имя Его императорского величества. […] Непозволительное влияние Магницкого на все дела университета через вредные внушения, ложное распространение слухов о возложенном якобы на него правительством тайном поручении и, наконец, связи его с людьми предосудительной нравственности и поведения […] бывшим казанским прокурором Херувимовым, […] Губовым и Уманцем, побудили Его императорское величество к сей мере, дабы удалением […] Магницкого положить преграду тому безначалию и беспорядка, которые он своим пронырством мог вселить в управление университетскими делами. […]

Генерал-губернатор, генерал от инфантерии [А. Н.] Бахметев.

НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 94, л. 5-5 об.

Публикацию подготовил
Евгений Долгов,
кандидат исторических наук

«Он нужен для Казани»

(О научном наследии Н. Ф. Катанова)

Николай Фёдорович Катанов (1862-1922) — известный отечественный ученый-тюрколог и подвижник российской науки, образования и культуры рубежа XIX-XX вв. Его творческое наследие — свидетельство единства и многообразия истории и культур тюркоязычных народов Евразии, его судьба яркий, поучительный пример служения науке и народу.

Выходец из простой хакасской семьи, Николай Катанов в 1884 г. с золотой медалью окончил Красноярскую гимназию, а затем — Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Вскоре он — участник научной экспедиции в Сибири и Восточном Туркестане, организованной Русским географическим обществом, Петербургской академией наук и Министерством народного просвещения, где в 1889-1892 гг. изучает языки, фольклор, историю и этнографию тюркских народов. Это путешествие стало важным этапом его становления как ученого и просветителя. По ценности и значимости собранных им географических, лингвистических и историко-культурных материалов оно достойно быть названным в одном ряду со мно-

гими экспедициями в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и Восточный Туркестан, осуществленными в XVIII — начале XX вв.

В 1893 г. Н. Ф. Катанов был назначен экстраординарным профессором по кафедре турецко-татарских наречий Императорского Казанского университета. Период 1894-1922 гг. связан с его активной научной и педагогической деятельностью в Казани. В декабре 1903 г. на восточном факультете Санкт-Петербургского университета защищает магистерскую диссертацию «Опыт исследования урянхайского языка…». В 1907 г. историко-филологическим факультетом Казанского университета профессор Н. Ф. Катанов был удостоен степени доктора сравнительного языкознания.

Николай Фёдорович ведет обширную исследовательскую работу, выступает с докладами, печатает статьи и заметки. Также работая с 1911 г. в Казанской духовной академии, он преподает в ней татарский язык. Параллельно занимается общественной и просветительской деятельностью в различных обществах, музеях, библиотеках.

Исследования Н. Ф. Катанова, посвященные тюркскому языкознанию, фольклористике, музейному делу, нумизматике, библиографии, традиционным и новым формам экономической и социальной жизни, быту, фольклору и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяня, Поволжья и Приуралья, выдвинули его в ряд крупнейших востоковедов-тюркологов России и Европы. Его вклад в развитие тюркологии поистине неоценим.

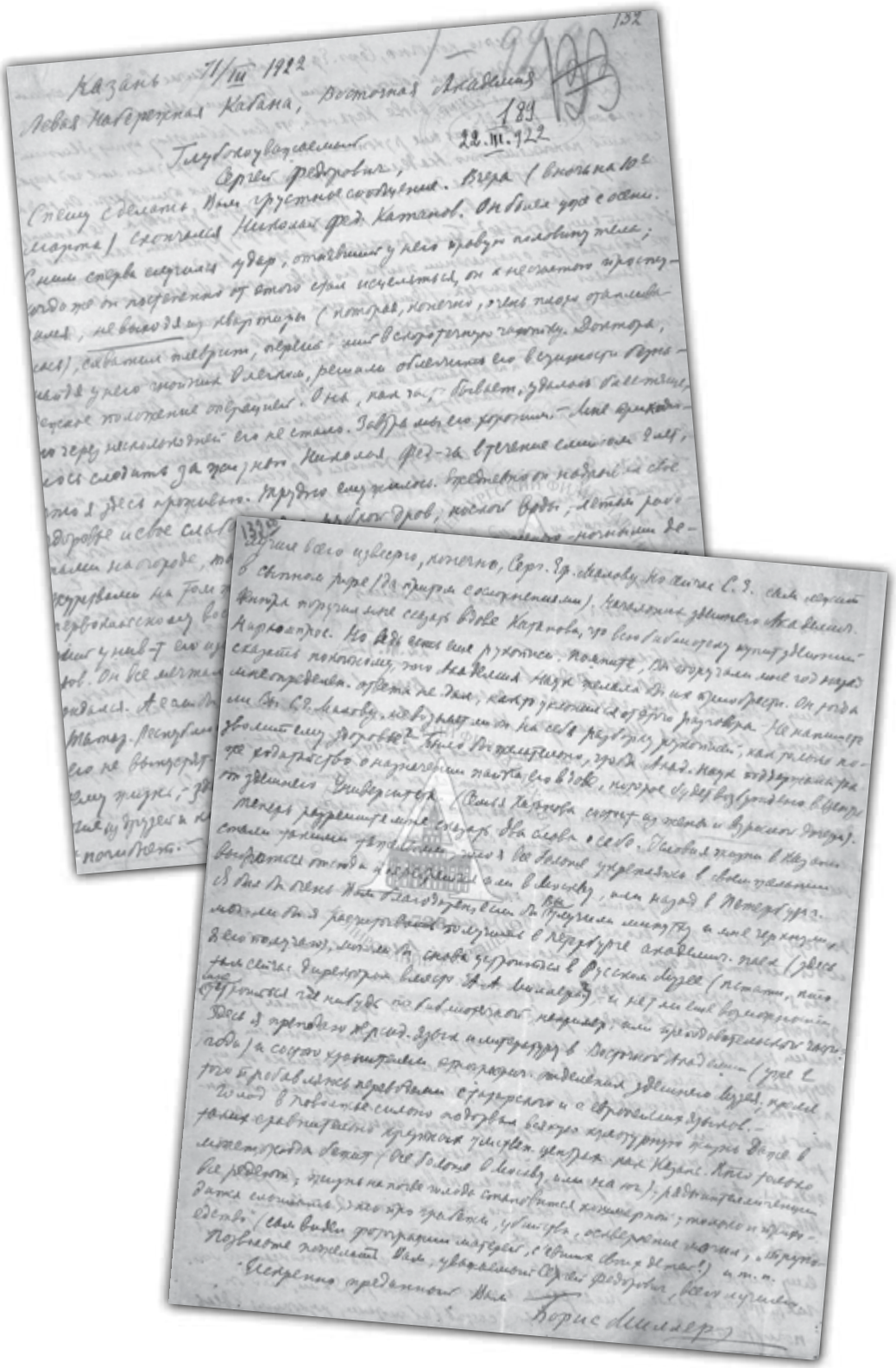
В российских востоковедческих центрах, в том числе Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории и Хакасском университете, названном именем Н. Ф. Катанова, ведутся разноплановые исследования наследия ученого, его научной биографии и роли в истории отечественной тюркологии и изучении культуры народов России. Внимание исследователей обращено на публикацию работ Н. Ф. Катанова и архивных документов, отражающих его научную и общественную деятельность.

Современные публикации позволяют более объективно и комплексно оценить место тюрколога в истории российской науки и культуры конца XIX — начала XX вв.[1]

В данной публикации мы хотим обратить внимание на неопубликованное письмо ираниста, профессора Московского университета Б. В. Миллера (1877-1956) индологу, академику С. Ф. Ольденбургу (1863-1834), которое он отправил из Казани 11 марта 1922 г. Основным поводом для этого письма стала кончина профессора Казанского университета Н. Ф. Катанова.

Миллер Борис Всеволодович — известный ученый-иранист, доктор филологических наук (1839), окончил юридический факультет Московского университета (1900) и Лазаревский институт восточных языков (1904). В 1904-1917 гг. работал в Министерстве иностранных дел, занимая различные дипломатические посты в странах Ближнего Востока (Иран, Турция, Марокко).

В 1919-1922 гг. Б. В. Миллер жил и работал в Казани, приехав с женой из Петрограда, спасаясь от голода осенью 1919 г. В 1954 г. в своих воспоминаниях о Н. Ф. Катанове он писал: «Продовольственное положение в Петрограде было ужасное. Я работал в Русском музее, у покойного С. Ф. Ольденбурга, который там директорствовал, работал еще в организуемой тогда же Н. Я. Марром Академии истории материальной культуры, участвовал во “Всемирной литературе” Горького и в других местах, но, увы, все мои многочисленные занятия не обеспечивали мне и жене куска хлеба в буквальном смысле этого слова. Мне грозило серьезное сердечное заболевание, а доктора предписали мне… “усиленное питание”. Тогда приняли во мне участие Марр и Ольденбург, младшие товарищи моего покойного отца по Академии наук и устроили мне командировку в более “сытую” Казань. Целью командировки было “изучение армянских надписей в Болгарах и в Казани”»[2].



Письмо Б. В. Миллера С. Ф. Ольденбургу. Казань, 11 марта 1922 г.
Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 132-132 об.

В этот период в Казани Б. В. Миллер работал научным сотрудником в музее и восточной библиотеке, а также преподавал персидский язык и литературу в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте (создан в 1917 г.), преобразованном в 1920 г. в Восточную академию.

После отъезда в Москву — профессор, заведующий кафедрой иранской филологии Московского государственного университета, научный сотрудник Института востоковедения и Института языкознания. Специалистам известны работы Б. В. Миллера в области изучения живых иранских языков, особенно талышского и татского, составленный им «Персидско-русский словарь» (1950) и, к сожалению, забытые статьи в области этнографии народов Кавказа.

Письмо Б. В. Миллера адресовано С. Ф. Ольденбургу[3], одному из ключевых фигур российского востоковедения, известному индологу, академику Петербургской АН и непременному секретарю Академии наук (1904-1929), автору научных трудов, посвященных религии, поэзии и искусству, древности и истории Индии, а также персидской и западной литературе.

Таким образом, особенно ценным остается выявление новых архивных материалов, посвященных биографии и рукописному наследию Н. Ф. Катанова. В связи с его смертью академик А. Н. Самойлович в журнале «Восток» в небольшом некрологе писал: «Хотелось бы надеяться, что давно ожидаемое ученым миром опубликование неизданных лингвистических и этнографических собраний Н. Ф. Катанова будет осуществлено после его смерти, а до издания материалы эти будут сохранены в надежном месте»[4]. К сожалению, многие рукописи из наследия Н. Ф. Катанова остаются не изданными.

Тем не менее в начале 30-х гг. XX в. важным достоянием европейской тюркологии при активном участии немецких востоковедов В. Банга и его ученика К. Менгеса стали опубликованные рукописные тексты Н. Ф. Катанова, связанные с его путешествиями в Сибирь и особенно в Восточный Туркестан (1889-1892). Эти рукописные материалы были переданы в 1926 г. А. И. Катановой, супругой Н. Ф. Катанова, для профессора Берлинского университета В. Банга. Их издания, осуществленные в Германии в 1933 и 1943 гг. К. Менгесом, были рецензированы С. Е. Маловым[5].

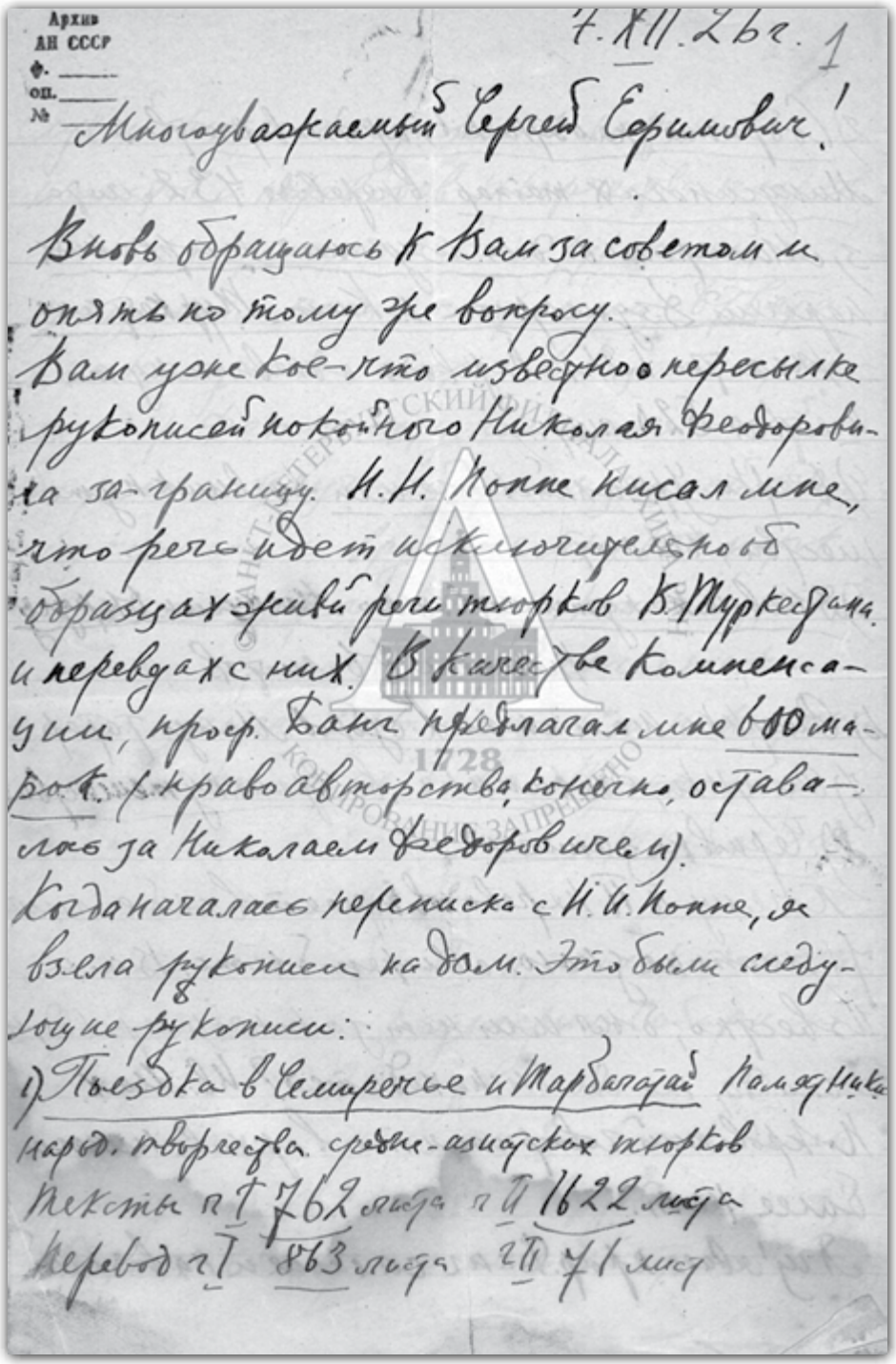
Вниманию читателей предлагается письмо жены Н. Ф. Катанова Александры Ивановны, адресованное академику и тюркологу С. Е. Малову в связи с отправкой в Берлин части этих рукописей.

Еще в период своего путешествия Н. Ф. Катанов из укрепления Бахты Семиреченской области направил прошение на имя ректора Санкт-Петербургского университета (от 11 февраля 1891 г.) о дозволении вступить в законный брак с А. И. Тихоновой и получил ответ ректора университета от 15 марта 1891 г. о том, «что вступлению его в законный брак препятствий… не встречается»[6]. Бракосочетание Н. Ф. Катанова с А. И. Тихоновой состоялось 14 октября 1892 г. в Аскызской Петропавловской церкви[7]. И они на всю жизнь сохранили тепло семейного очага и прекрасных супружеских отношений.

Содержание писем вновь свидетельствует о судьбах наших героев и огромном интересе к рукописному наследию Н. Ф. Катанова, особенно периода его научного путешествия, со стороны его российских и зарубежных коллег.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Халикова Р. Х., Шакурова Р. З. Еще одна страница из научного наследия Н. Ф. Катанова // Советская тюркология. – 1981. – № 3. – С. 36-38; Татаринцев Б. И. О научном наследии Н. Ф. Катанова и его месте в тюркской и тувинской филологии // Вопросы тувинской филологии. – Кызыл, 1983. – С. 101-109; Каримуллин А. Н. Ф. Катанов — библиограф и книговед // Книги и люди: Исследование. – Казань, 1985. – С. 220-243; Кокова И. Ф. Н. Ф. Катанов: Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – 128 с.; Катанов Н. Ф. Толкования снов, благословения, загадки, пословицы, поговорки / Сост. Г. Казачинова, В. Татарова. – Абакан, 1997. – 56 с.; Катанов Н. Ф. Сва-



Архив
АН СССР
ф. ____
оп. ____
№ ____

7.XII.26 г. 1

Многоуважаемый Сергей Ефимович!

Вновь обращаюсь к Вам за советом и опять по тому же вопросу.
Вам уже кое-что известно о пересылке рукописей покойного Николая Феодоровича за-границу. Н.Н. Поппе писал мне, что речь идет исключительно об образцах живой речи тюрков В. Туркестана и переводах с них. В качестве компенсации, проф. Банг предлагал мне 600 марок (право авторства, конечно, оставалось за Николаем Федоровичем).
Когда началась переписка с Н.Н. Поппе, я взяла рукописи на дом. Это были следующие рукописи:
1) Поездка в Семиречье и Тарбагатай Памятники народ. творчества средне-азиатских тюрков
Тексты т I 762 листа т II 1622 листа
Перевод т I 863 листа т II 71 лист

Письмо А. И. Катановой С. Е. Малову. 7 декабря 1926 г.
Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 1079, оп. 3, д. 121, л. 1.

дебный обряд / Сост. Г. Г. Казачинова, В. К. Татарова, В. В. Чезыбаева, Н. М. Дувакина. – Абакан, 1997. – 36 с.; Катановские чтения: Сб. ст. – Казань, 1998. – 192 с.; Катанов Н. Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии. – Абакан, 2000. – С. 355-544; Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография / Сост. И. Л. Кызласов. Изд. 2-е доп. – М.-Абакан, 2001. – 71 с.; Sertkaya, O. F., Alimov, R. Nikolay Fedorovic Katanov un Calismalari uzerine bir Bibliyografya Denemesi. – Istanbul, 2002. – 35 p.; Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение. Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова. – Абакан, 2003. – 272 с.; Фольклор Саянских тюрков XIX века. Из собрания Н. Ф. Катанова: в 2 т. – М., 2003; Материалы научно-практической конференции «Возвращение наследия Николая Федоровича Катанова на родину»: Сб. ст. – М., 2003. – 135 с.; Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / Сост. С. А. Угдыжеков. – Абакан, 2004. – 260 с.; Николай Федорович Катанов. Письма / Сост. А. Н. Гладышевский. – Абакан, 2006. – 44 с.; Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара, 30 июня — 1 июля 2005 г. – Казань, 2006. – 296 с.; Валеев Р. М., Тугужекова В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии. – Казань-Абакан, 2008-2009. – 354 с.

2. Миллер Б. В. Мои воспоминания о Катанове // Катановские чтения: Сб. ст. – Казань, 1998. – С. 174.

3. Сергей Федорович Ольденбург. – М., 1986. – 157 с.

4. Самойлович А. Памяти Н. Ф. Катанова // Восток. – 1922. – Кн. 1. – С. 105.

5. Советское востоковедение. – 1941. – Т. 2. – С. 305-306; Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. – 1951. – Т. X. – Вып. 2. – С. 206.

6. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 14, оп. 1, д. 8933, л. 33-34.

7. НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 8904, л. 7, 7 об.-8.

№ 1. Письмо Б. В. Миллера С. Ф. Ольденбургу*

11 марта 1922 г.
г. Казань.

Левая набережная Кабана, Восточная академия**.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович.

Спешу сделать Вам грустное сообщение. Вчера (в ночь на 10-е марта) скончался Николай Фед[орович] Катанов. Он болел уже с осени. С ним сперва случился удар, отнявший у него правую половину тела, когда же он постепенно от этого стал исцеляться, он, к несчастью, простудился, не выходя из квартиры (которая, конечно, очень плохо отапливалась), схватил плеврит, перетекший в скоротечную чахотку. Доктора, найдя у него гнойник в легких, решили облегчить его, в сущности, безнадежное положение операцией. Она, как часто бывает, удалась блестяще, но через несколько дней его не стало. Завтра мы его хороним. Мне приходилось следить за жизнью Николая Фед[орови]ча в течение слишком 2 лет, что я здесь проживаю. Трудно ему жилось. Ежедневно он надрывал свое здоровье и свое слабое сердце рубкой дров, ноской воды, летом работой на огороде, тасканием мешков с картошкой, осенью — ночными дежурствами на том же огороде в сырость и холод. Так-то жилось этому первоклассному востоковеду в столице Татарской республики. Бакинский универ[сите]т его избрал, просил скорее приехать, присылал за ним делегатов. Он все мечтал уехать туда, как только позволит здоровье, и не дождался. А если бы он и выздоровел, то его не выпустил[а] бы все равно Татар[ская] республика. Ему было сказано, что он нужен для Казани, и что его не выпустят. Сколько-нибудь же обеспечить материально, облегчить ему жизнь здешние заправилы не пожелали, хотя неоднократно многие из друзей и коллег Ник[олая] Фед[орови]ча им настойчиво твердили, что он погибнет. Его ученое наследство (состав библиотеки, рукописи) здесь лучше всего известно, конечно, Серг[ею] Еф[имовичу] Малову***. Но

* Ольденбург Сергей Федорович (1863-1834) — выдающийся индолог, преподаватель санскритского языка Санкт-Петербургского университета (1886-1900) (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

** Восточная академия — высшее учебное заведение г. Казани. Создана решением Наркомата просвещения ТАССР 30 декабря 1920 г. на базе Северо-Восточного археологического и этнографического института. В составе академии были сформированы историко-археологическое, этнографическое, словесное с разрядами турецко-татарской и финно-угорской словесности и социально-экономическое отделения. Курс обучения составлял три года. В 1922 г. академия вошла в состав Восточно-педагогического института.

*** Малов Сергей Ефимович (1880-1957) — известный тюрколог, языковед, член-корреспондент АН СССР (1939). В 1916-1922 гг. преподавал в Казанском университете, Восточной академии, Восточно-педагогическом институте. С 1922 г. в Ленинграде автор трудов по языку, фольклору и этнографии тюркских народов.

сейчас С[ергей] Е[фимович] сам лежит в сыпном тифе (да притом с осложнениями). Начальник здешнего Академич[еского] центра* поручил мне сказать вдове Катанова, что всю библиотеку купит здешний Наркомпрос. Но ведь есть еще рукописи. Помните, Вы поручали мне год назад сказать покойному, что Академия наук желала бы их приобрести. Он тогда мне определен[ного] ответа не дал, как-то уклонился от этого разговора. Не напишите ли Вы С[ергею] Е[фимовичу] Малову, не возьмет ли он на себя разборку рукописей, как только позволит ему здоровье. Было бы желательно, чтобы Акад[емия] наук поддержала также ходатайство о назначении пайка его вдове, которое будет возбуждено в центре от здешнего университета. (Семья Катанова состоит из жены и взрослой дочери).

Теперь разрешите мне сказать два слова о себе. Условия жизни в Казани стали такими тяжелыми, что я все больше укрепляюсь в своем желании выбраться отсюда и перебраться или в Москву, или назад в Петербург. Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы улучили минутку и мне черкнули, мог ли бы я рассчитывать получить в Петербурге академич[еский] паек (здесь я его получаю), мог ли бы снова устроиться в Русском музее (кстати, кто там сейчас директором вместо А[лександра] А[лександровича] Миллера**), и нет ли еще возможности мне устроиться где-нибудь по библиотечной, например, или преподавательской части? Здесь я преподаю персид[ский] язык и литературу в Восточной академии (уже два года) и состою хранителем этнографич[еского] отделения здешнего музея, кроме того, прибавляюсь переводами с татарского и с европейских языков.

Голод в Поволжье сильно подорвал всякую культурную жизнь. Даже в таких сравнительно крупных умствен[ных] центрах, как Казань. Кто только может, отсюда бежит (все больше в Москву, или на юг), ряды интеллигенции все редеют, жизнь на почве голода становится кошмарной; только и приходится слышать, что про грабежи, убийства, осквернение могил, «трупоедство» (сам видел фотографии матерей, съевших своих детей!) и т. п.

Позвольте пожелать Вам, уважаемый Сергей Федорович, всего лучшего.

Искренне преданный Вам Борис Миллер.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 132-132 об.

№ 2. Письмо А. И. Катановой С. Е. Малову

7 декабря 1926 г.

Многоуважаемый Сергей Ефимович!

Вновь обращаюсь к Вам за советом и опять по тому же вопросу.

Вам уже кое-что известно о пересылке рукописей покойного Николая Федоровича за границу. Н[иколай] Н[иколаевич] Поппе*** писал мне, что речь идет исключительно об образцах живой речи тюрков В[осточного] Туркестана и переводах с них. В качестве компенсации, проф[ессор] Банг предлагал мне 600 марок (право авторства, конечно, оставалось за Николаем Федоровичем).

Когда началась переписка с Н[иколаем] Н[иколаевичем] Поппе, я взяла рукописи на дом. Это были следующие рукописи:

1) Поездка в Семиречье и Тарбагатай****. Памятники народ[ного] творчества средне-

* Академический центр Наркомата просвещения ТАССР (1921-1933). Создан для организации научных исследований по истории, просвещению, культуре татарского народа. В состав центра входили Научное общество татароведения (1923-1929), Общество изучения Татарстана (1928-1931), Главархив (1919) и научно-политическая, научно-техническая, научно-педагогическая, художественная комиссии.

** Миллер Александр Александрович (1875-1935) — археолог, этнограф и музеевед. Сотрудничал и работал в этнографическом отделе Русского музея (с 1906). В 1919-1921 гг. директор Русского музея. Хранитель этнографического отдела Русского музея (1922), преподаватель, профессор Археологического института (1918-1922), факультета общественных наук Петроградского университета, читал курс этнографии Кавказа в Ленинградском институте восточных языков (1926) и др.

*** Поппе Николай Николаевич (1897-1991) — известный лингвист и этнограф. В 1920-1930-х работал в Ленинградском университете, Азиатском музее, Институте востоковедения АН СССР и др., с 1926 профессор, с 1932 г. член-корреспондент АН СССР. В 1926-1932 гг. принимал участие в лингвистических экспедициях в Монголию и Бурятию.

**** Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе.

азиатских тюрков. Тексты ч. I, 762 листа, ч. II, 1 622 листа. Перевод ч. I, 863 листа, ч. II, 71 лист;

2) Собрание памятников народ[ного] творчества минусинских татар в переводе 432 листа;

3) Материалы для изучения тюркских наречий Дзунгарии и Кит[айского] Туркестана. Тексты 191 л. Переводы и дневник путешествия 520 лист[ов];

5) Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия 461 л[истов];

6) Дневник путешествия по Минусин[скому] округу. Тексты 86 листов;

7) Рисунки шаманских бубнов минус[инских] татар;

8) Рисунки, сделанные во время путешествия;

9) Черновые записи.

Почему ч. II переводов имеет в себе лишь 71 лист, не знаю. Может быть, Вам известно, был или нет закончен перевод, и если да, то где он находится? Ив[ан] Мих[айлович] Покровский* говорит, что в архиве ничего более нет.

Я изъявила проф[ессору] Банг согласие и на всякий случай отослала ему список не только текстов и переводов творчества тюрков В[осточного] Туркестана, но и всех рукописей, с указанием числа страниц. Ответа я не получила, а летом в Казань приехал д[окто]р Феттих, уполномоченный Берлин[ской] научной организацией взять рукописи и вручить мне 600 марок. Точного перечня тех рукописей, какие именно нужны проф[ессору] Банг, я так и не получила. Феттиху были показаны все рукописи; он взял: 1) Поездка в Семиречье и Тарбагатай, тексты ч. I и II. 2) Переводы ч. I и II. И, сколько помню. 3). Путешествие по Дзунгарии, Сибири и Туркестану 520 листов.

Остального он не взял. От него в обмен я получила 268 р. (600 м[арок] в русском курсе). На днях я получила письмо от Н[иколая] Н[иколаевича] Поппе, где он передает мне, что проф[ессор] Банг весьма встревожен тем, что вместо 7 рукописей он получил 3, а также отсутствием переводов (хотя переводов было отослано более 900 листов). Я ответила Поппе, как было дело, предложила на всякий случай вернуть деньги, прислав обратно рукописи; приложила список оставшихся рукописей. Точно ни я, ни проф[ессор] Банг не договорились, и теперь получается недоразумение; видимо, проф[ессор] Банг претендует на все 7 рукописей.

Вот теперь я и обращаюсь к Вам, Сергей Ефимович за советом: как мне быть, если Банг попросит прислать все остальные рукописи, возможно ли это сделать за те 268 р.? Или лучше попросить вернуть взятые рукописи, отослав деньги? Как быть? Очень прошу вас ответить мне. А[лександра] Катанова.

Казань, Поперечно-Горшочная ул. Переулок б. 3 гимназ[ии], д. 3, кв. 4.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 1079, оп. 3, д. 121, л. 1-2 об.

Фото на с. 141: Н. Ф. Катанов. Из фондов Музея истории Казанского университета.

Публикацию подготовил
Рамиль Валеев,
доктор исторических наук

* Покровский Иван Михайлович (1865-1941) — историк, доктор церковной истории (1907), профессор (1908). Преподавал в Казанской духовной академии на кафедрах русской гражданской истории и русской церковной истории. В 1921-1941 гг. работал в архиве ТАССР (см.: Татарская энциклопедия. – Казань, 2008. – Т. 4. – С. 661).

Обзор переписки Е. П. и С. Д. Шереметевых (1894–1918 гг.) из фондов Центрального исторического архива Москвы

Имена Сергея Дмитриевича и Екатерины Павловны Шереметевых называют, когда речь заходит об истории культуры российского общества второй половины XIX — начала XX вв.

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев родился в 1848 г. и происходил из древнего знаменитого дворянского рода Шереметевых. Его прапрадед генерал-фельдмаршал граф Борис Петрович прославился своими военными подвигами, отец же его — граф Дмитрий Николаевич, гофмейстер, единственный сын сенатора, обер-камергера, графа Николая Петровича Шереметева от брака с крепостной актрисой Прасковьей Ивановной Ковалёвой (сценический псевдоним Жемчугова), был хорошо известен, благодаря своей широкой благотворительности.

С. Д. Шереметев получил блестящее домашнее образование. В 1863 г., окончив Пажеский корпус, вступил в службу корнетом в Ковалергардский полк. В 1874 г. был произведен в полковники; принимал участие в боях во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Состоял почетным мировым судьей Подольского и Звенигородского уездов Московской губернии. С 1885 по 1890 г. избирался московским губернским предводителем дворянства. В 1897 г. был назначен членом Особого совещания по делам дворянского сословия, с мая 1900 г. — член Государственного совета. В 1904 г. пожалован в обер-егермейстеры Высочайшего Двора.

Граф С. Д. Шереметев имел высокое положение при дворе, был близок к императору Александру III и его семье, являлся кавалером ряда высших российских орденов: Святого Станислава, Святой Анны, Святого Владимира 1-й степени, Святого Александра Невского и многих других. В 1914 г. московское дворянство отметило знаменательное событие — 50-летний юбилей государственной службы графа. Много времени он уделял работе в Дворянском собрании Московской губернии; был пожизненным попечителем, членом правления Института для девиц

Граф С. Д. Шереметев. 1868 г. Вестник архивиста. – 2009. – № 1 (105). – С. 268.

Графиня Е. П. Шереметева. 1868 г. Вестник архивиста. – 2009. – № 1 (105). – С. 269.

благородного звания имени императора Александра III в память императрицы Екатерины II. Для воспитанниц, остающихся на лето, граф предоставлял бесплатное помещение в историческом селе Остафьеве Подольского уезда. Такое положение вещей «выводило Правление из того затруднения, которое оно встречало ежегодно при разрешении вопроса об оставлении в институте тех воспитанниц, родители которых не в состоянии взять их на лето»[1].

С. Д. Шереметев был высокообразованным человеком. С юных лет питал любовь к истории Российского государства, много внимания уделял изучению усадебной культуры и быта. Автор более 200 научных и научно-популярных трудов: «Князь Павел Петрович Вяземский. Воспоминания. 1868-1888» (СПб., 1888); «Остафьево» (СПб., 1889); «Бородино» (СПб., 1891); «Просёлки» (М., 1897. – Вып. 1.); «Московские воспоминания шестидесятых годов» (М., 1900); «Михайловское» (М., 1906) и др.

Отмечая 35-летие жизни в своей любимой усадьбе Михайловское, Сергей Дмитриевич писал: «То чувство к родине, которое унаследовано от родителей и дедов, в частности в привязанностях к семье, сосредотачивается в том заветном гнезде, где протекала наша жизнь, где настоящее сливается с прошлым и освещает будущее. Много было таких семейных гнезд на Руси, но многих не стало, снесенных вихрем многих лет и недавних разгромов; но пока еще уцелели эти уголки и связанные с ними предания, еще жива наша Русь — самостоятельная, верная своему историческому прошлому»[2]. С. Д. Шереметев считал, что сельские дворянские усадьбы были сильны своими культурными традициями и связями, местом духовного становления человека и самореализации личности: «…Я каждой благоустроенной усадьбе (помимо ее семейного, воспитательного значения) придаю и значение государственное»[3]. Много путешествуя, Шереметев внимательно всматривался в окружающий усадебный мир. Анализируя его, описывал в своих путевых заметках.

Перечисленное выше никоим образом не исчерпывает все то, что сделал, написал и опубликовал за свою жизнь граф С. Д. Шереметев. Стоит лишь удивляться его работоспособности, подвижничеству, широте интересов, масштабности исследований.

Графиня Е. П. Шереметева родилась в 1848 г. и была старшей дочерью князя Павла Петровича Вяземского, внучкой поэта Петра Андреевича Вяземского — друга А. С. Пушкина. Уже в детстве проявились разнообразные дарования Екатерины Павловны. Будучи активным человеком, обладая огромной работоспособностью, она помогала отцу в работе Общества любителей древней письменности, где заведовала отделом «учебников и отдельных листов»[4]. В 1868 г. княжна Екатерина Павловна Вяземская выходит замуж за графа Дмитрия Сергеевича Шереметева и они венчаются в церкви села Останкино, родовом имении Шереметевых. Став женой графа С. Д. Шереметева, она была ему верным и главным помощником во всех его делах и начинаниях, связанных с его научно-общественной деятельностью и обустройством их усадеб.

Е. П. Шереметева была статс-дамой, фрейлиной Высочайшего Двора, обладательницей Почетного знака Красного Креста, членом Общества акклиматизации животных. Ее имя приобрело широкую известность в научных и общественных кругах как создательницы Естественно-исторического музея в своем подмосковном имении Михайловском Подольского уезда. С. Д. Шереметев писал: «…с 1895 года основался естественно-исторический музей трудами хозяйки дома»[5]. Более 20 лет своей жизни отдала Е. П. Шереметева музею, постоянно пополняя его новыми экспонатами, часть которых она собирала и обрабатывала сама. Своим трудом и изысканиями Е. П. Шереметева внесла заметный вклад в изучение природы и популяризации ее познания. Ф. В. Бухгольц, высоко ценивший ее деятельность на этом поприще, писал: «Естественно-исторические коллекции, хранящиеся в с. Михайловском Подольского уезда Московской губернии, собраны графиней Екатериной Павловной Шереметевой с целью составить небольшой местный музей. Они будут дополнены со временем и могут, таким образом, принести некоторую пользу при изучении нашей отечественной флоры и фауны. Именно то обстоятельство, что здесь будут собраны преимущественно представители местной флоры и местной фауны, придает этим частным коллекциям некоторый научный интерес. Поэтому можно считать весьма удачною мысль графини Екатерины Павловны устроить такого рода музей, и было бы только желательно, чтобы в России было больше любителей природы, готовых таким же образом принести свою долю пользы познанию природы своего отечества»[6].

Графиня Е. П. Шереметева много занималась благотворительностью и преобразованиями, во многом способствовала продвижению достижений науки и культуры из столицы в провинцию, являлась действительным членом Православного миссионерского общества, почетным председателем Общества развития кустарных промыслов в Подольском уезде Московской губернии, попечительницей: богадельни в с. Кускове, яслей, церковно-приходских школ в селах Плескове и Михайловском Московской губернии. Она была верным другом и помощником мужа.

В Центральном историческом архиве г. Москвы (далее ЦИАМ) в деле за № 1003 хранится подробный план Михайловского ботанического сада. Располагался он рядом с музеем и состоял из двух частей. В первой части располагались грядки, где в течение лета собирался живой материал[7]. Вторая, большая, часть состояла из клумб, где были высажены растения по семействам, например, под номером один — лютиковые, под четвертым номером — маковые, под девятым — семейство фиалковых, под тридцать вторым — камнеломки, под номером девяносто три — папоротники, для которых была сделана специальная горка[8]. На основании плана можно сделать вывод, что в саду произрастало 93 семейства травянистых растений. Кроме того, в нем находились прудик для водных растений, канавка для болотных и другие грядки и устройства. Помимо этого плана в фонде имеется пол-

ный список экспонатов (растений) Михайловского музея-фермы[9].

Предлагаемый в статье обзор переписки Е. П. и С. Д. Шереметевых с разными лицами и учреждениями, охватывающий значительный и насыщенный событиями временной период с 1894 по 1918 г., представляет большой интерес для исследования повседневной жизни, занятий, увлечений, общественной и благотворительной деятельности российского дворянства, яркими представителями которого являлись графы Шереметевы.

Документы, а это в основном письма, хранятся в ЦИАМ в фонде 379, который называется «Естественно-исторический музей имени Е. П. Шереметевой, село Михайловское Подольского уезда Московской губернии». Хотя о создании музея в Михайловском существует ряд исследований[10], но материалы 379 фонда ЦИАМ ранее практически не были введены в научный оборот. Между тем хранящиеся в этом фонде материалы не ограничиваются историей создания музея, а выходят далеко за его рамки. Фонд имеет одну опись, в которой числится 1006 единиц хранения. Эпистолярное наследие графов Шереметевых состоит из писем частного характера: известных ученых, общественных деятелей, представителей торговых фирм, друзей и знакомых. Шереметевы вели переписку с П. Аверкиным, Ф. Аконовым, С. Алмазовым, А. Андреевым, Н. Барсуковым, В. Бейкером, П. Белолюбовым, В. Бергманом, В. Богдановым, М. Болховитиновой, В. Бородиным, А. Варшелевским, Гагариной, Д. Кайгородовым, В. Киселевым, Г. Кожевниковым, С. Кристи, Н. Кузнецовым, Е. Линде, Ф. Лоренц, Н. Минцем, Платоновым, Рейтером, Д. Ростовцевым, О. Талыхиной, Ушаковым, Флёровым, с фон А. Мекк, Н. Шестуновым, Р. Шредером, Н. Штиманом, Т. Якобсоном и др.

Около половины фонда составляет переписка Е. П. Шереметевой с учеными-ботаниками, с преподавателями университетов (Московского, Санкт-Петербургского, Харьковского, Киевского и др.), членами общественных организаций и государственных учреждений (Санкт-Петербургский зоологический музей, Киевские женские курсы, Тульская энтомологическая станция, Минская земельная управа, Общество любителей естествознания при Московском сельскохозяйственном институте, Одесская библиотека и т.п.), изданиями, с сотрудниками Санкт-Петербургского императорского ботанического сада, а также с учеными Императорского Никитского ботанического сада в Крыму и прочее. Эти письма содержат научную информацию. Они дают представление об эпохе, помогают лучше понять масштабность личности графини Шереметевой.

Так, директор Петербургского ботанического сада в одном из писем к ней писал «Совет Императорского ботанического сада Петра Великого, осведомленный о принесении в дар саду Вашим Сиятельством ценного гербария в количестве 58 пачек, собранных преимущественно на Кавказе и отчасти в Приморской области Н. А. Шестуновым, в заседании 11 декабря 1915 года единогласно постановил выразить Вашему Сиятельству, от его имени, глубокую благодарность за такое пожертвование»[11].

В фонде хранится и интересная переписка Екатерины Павловны дружеского характера, но и она пронизана научными интересами хозяйки усадьбы Михайловское. К ней относится письмо А. М. Каткова, уездного предводителя дворянства Подольского уезда[12], владельца имения в д. Гавриковой*. Отвечая, на вопрос Е. П. Шереметевой по поводу борьбы с огородными вредителями, он давал также практические советы: «От улиток и слезней защищают растения так: посыпают землю вечером или в сырую погоду мелко истолченным железным купоросом с придачею песка… Землянику от (них) защищают еще еловыми иглами или, вообще, хвоей сосновой и еловой, но мелко нарубленной»[13].

* О нем хранятся материалы и в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в фонде 229.

Дела фонда 379 ЦИАМ разделены следующим образом: письма, адресованные Е. П. Шереметевой (д. 1-498) — всего 107 адресатов. Эта цифра интересна не только своим количественным, но и именным составом. Например, среди корреспондентов Шереметевых бывший управляющий в усадьбе Михайловском Я. К. Байков (д. 15-22). Вся его корреспонденция носила практический характер. Переехав жить в свое имение Новоторовского уезда Тверской губернии, он продолжал поддерживать научные связи с Е. П. Шереметевой. Так, в письме от 7 декабря 1899 г. он писал: «В здешнем уезде нет правильных почтовых сообщений, и поэтому простите, что растения посылаю с представившейся оказией… Мой гербарий заключает в себе образцы флоры нескольких губерний…»[14]

Интересны письма ботаника А. С. Бондарцева, преподавателя Стебутовских высших сельскохозяйственных курсов, старшего специалиста Департамента земледелия, миколога, заведующего Центральной фитопатологической станцией в Петроградском ботаническом саду. Высоко ценя научную деятельность Е. П. Шереметевой, А. С. Бондарцев ей писал: «Препровождая Вашему Сиятельству список дубликатов, которыми в текущем году Фитопатологическая станция обменивается с интересующимися лицами, станция высказывает надежду на Ваше ближайшее участие в этом обмене. Вместе с этим станция препровождает 1 и 2 выпуски “Материалов по микологическому обследованию России” и, предлагая высылать все дальнейшие выпуски этого издания для вашей библиотеки, обращается с покорнейшей просьбой прислать для станции два сочинения из ваших изданий: “Материалы к морфологии и систематике подземных грибов” и “Иллюстрированный определитель Средней России” две части»[15] (д. 23-26).

Одним из консультантов, помощником и составителем коллекций, в том числе по споровым растениям, который не одно лето работал в с. Михайловском, был профессор ботаники, декан сельскохозяйственного отделения Политехнического института, а впоследствии его директор, Ф. В. Бухгольц. Известно, что он составил гербарий семенных и высших споровых растений Подольского уезда Московской губернии, который собирал преимущественно в течение лета 1895 и 1896 гг.

Помимо гербария летом 1896 г. Ф. В. Бухгольцем был составлен список грибов Подольского уезда[16]. Его переписка с Е. П. Шереметевой относится к 1895-1916 гг. Она содержит более 120 писем (д. 61-189) по вопросам Михайловского музея и его коллекций: «Многоуважаемая Государыня графиня Екатерина Павловна! — писал он в одном из писем. — Окончив проверку гербария, я составил каталог его, который я при сем пересылаю. Надеюсь, что он Вам достаточно даст разъяснения относительно интересующей Вас коллекции, и что Вы с нисхождением посмотрите на его недостатки. Приложенная карта и краткая характеристика могут служить при дальнейших исследованиях. Еще раз я благодарю Ваше Сиятельство за редкий случай, предоставленный молодому естествоиспытателю заниматься исключительно своей наукой и остаюсь всегда готовый к услугам с искренним почтением»[17].

Из материалов того же 379 фонда ЦИАМ узнаем, что Е. П. Шереметева была знакома и с профессором зоологии Императорского Московского университета Н. Ю. Зографом (в фонде также представлены его письма; д. 215-216), перу которого принадлежит большое количество научных трудов и учебников по зоологии и антропологии, например, «Курс зоологии для студентов-естественников, медиков и сельских хозяев» (М., 1898), так и научно-популярных статей и лекций (Животные художники. Естественно-исторические очерки профессора Н. Ю. Зографа. – СПб., 1910; Питательная пища, доступная небогатому человеку. – М., 1909 и т. д.).

Так, из письма Н. Ю. Зографа от 12 ноября 1898 г. к Е. П. Шереметевой мы узнаем интересный факт: «Я имел

честь получить от Вашего сиятельства письмо, которым Вы извещаете меня о передаче в число моих собраний, которые служат для преподаваемого мною курса, весьма интересного экземпляра уродливо развитого теленка. Спешу принести Вашему сиятельству глубокую благодарность за этот интересный для университета дар, который по его получении будет включен в число собраний университетского зоологического музея»[18].

Многолетние творческие отношения связывали Е. П. Шереметеву с сотрудниками Санкт-Петербургского императорского ботанического сада: А. А. Еленкиным, кандидатом естественных наук, с 1906 г. заведующим Фитопатологической станцией и споровым гербарием (д. 217-272); Б. А. Федченко, магистром ботаники, главным ботаником Ботанического сада (д. 391-397, 400, 405, 406) (являясь научным консультантом, в одном из писем к гр. Шереметевой он писал: «Посылаю Вам сегодня несколько книг, которые могут быть Вам полезны. На днях надеюсь достать еще кое-что и заеду сам прочитать дальнейшие страницы Вашего перевода»[19]); Н. И. Кузнецовым, ботаником, младшим консерватором (д. 310-328); А. Ф. Флеровым, ботаником, младшим консерватором (д. 403-404), С. И. Ростовцевым, библиотекарем Ботанического сада (д. 373) и другими, а также с его директором А. А. Фишером фон Вальдгеймом, заслуженным ординарным профессором (д. 398-399).

Шереметева состояла в переписке и со многими другими отечественными учеными и специалистами-естественниками, например, с членом-корреспондентом Императорской академии наук, членом Парижского географического общества О. А. Федченко (д. 401-402); Р. Г. Шмидтом, помощником директора кавказского музея (д. 461-463); Д. К. Кайгородовым, членом ученого комитета Главного управления землеустройства и земледелия (д. 281-300); А. Н. Петунниковым, известным ботаником, неоднократно работавшим в Михайловском. Он внес ценные поправки при определении растений Михайловского гербария. Из писем профессора Императорского Московского университета Р. С. Магницкого (д. 342-343) известно не только об исследованиях его по орнитологии, но и об интересе к этой области знаний Шереметевой. Так, летом 1901 г. он писал ей: «Я не в состоянии приехать к Вам в середине августа… Могу коллектировать птиц лишь 7-14 числа»[20].

Особый раздел в фонде принадлежит переписке Е. П. Шереметевой с Н. А. Мосоловым, русским ученым зоологом и орнитологом (д. 782-834). Этот обширный блок документов подтверждает мнение исследователей о том, что Н. А. Мосолов много лет занимался сбором и обработкой собраний Михайловского музея, став не только близким помощником и другом Е. П. Шереметевой во всех ее начинаниях, но и ее «наставником в науке» и добросовестным «исполнителем» ее пожеланий. Вот, например, письмо от 10 сентября 1900 г. из Москвы: «Сейчас был у А. Н. Петунникова и передал ему растения… Вчера собрал в саду для Вашего ботанического сада семена 1. Campanula… 4. Aconitum… Можно еще будет собрать много других растений…»[21]

Или письмо от 6 ноября 1902 г. из Михайловского: «Выписывал Flaceidus, собранный в окрестностях Михайловского нынешним летом, несмотря на плачевные экземпляры, оказался очень интересным, хотя до сих пор еще не получил названия»[22]. Представляя Шереметевой план и условия сбора растений для гербария, Н. А. Мосолов как ученый давал рекомендации как надо составлять гербарий какой-либо местности: «…Следует собирать растения во всей окрестности, но особый интерес представляют берега рек и сопровождающие их заливные луга…»[23]

Ему же принадлежит интересная информация относительно климатических условий Подольского уезда, которая любопытна и для нас, живущих в XXI в. Она содержит «Краткий обзор осени 1902 г. в селе Михайловском».

Так, например, он писал: «Осень наступила в Подольском уезде 27 августа (первый мороз) и окончилась 23 октября, так как в ночь на 24 октября minimum был -12° С и днем термометр не поднялся выше -8° С. Местная река Пахра замерзла — наступила зима. Таким образом, осень продолжалась всего 57 дней… Дней с осадками было 23. Первый снег в виде отдельных снежинок был 8 сентября. Листопад, начавшийся во второй трети августа, шел до 13 сентября очень медленно. Пятиградусный ночной мороз с 12 на 13 сентября усилил опадание листьев, особенно на ясене, клене и рябине, которые после 13 сентября стали почти голые… Листопад же других деревьев, до дуба включительно, окончился между 10 и 15 октября, после чего лес совершенно оголился… Что касается прилета зимних птиц, то первыми у нас появились снегири — 9 октября. (В Москве первых снегирей осеннего лова продавали на Трубной площади 5 октября)»[24].

О масштабах научной работы Михайловского естественно-исторического музея дают представления ежегодные отчеты, составлявшиеся Мосоловым для Е. П. Шереметевой. Так, 7 января 1905 г. из Михайловского он писал: «Глубокоуважаемая графиня Екатерина Павловна! Посылаю Вам одновременно обзор того, что сделано в музее за прошлый год. Из него Вы увидите, что коллекция перепончатокрылых вернулась от Frise. Вчера и сегодня удалось приблизительно определить число новых видов — их около 150, так как теперь всего в музее определено 400 с чем-нибудь видов… Я бы позволил Вам предложить издать список этих насекомых. В отчете я пишу почему было бы интересно напечатать такую работу. Подготовить ее к печати я надеюсь к первому февраля и даже ранее, так что если бы Вы нашли удобным печатать предлагаемый список, то к первому марта он может выйти из типографии»[25].

На всем протяжении существования музея продолжалась его научная деятельность. 10 февраля 1908 г. из Михайловского Н. А. Мосолов писал: «…Так как граф Сергей Дмитриевич собирается на Масленицу в Михайловское, то будьте так добры прислать с камердинером Петром “Терминологию” А. Н. Петунникова, если только она Вам больше не нужна. Здесь небывалое количество снега и если весна будет, согласно предсказаниям Демчинского, дружная — можно ожидать очень сильный разлив рек»[26].

Переписка свидетельствует не только о большой напряженной научной работе, которая велась в с. Михайловском, но и о многочисленных связях музея с другими научными центрами. 21 декабря 1908 г., с. Плесково. «…Получил на днях письмо от студенческого кружка Московского сельскохозяйственного института, который просит Вас прислать для библиотеки кружка некоторые издания Михайловского музея. Я думаю, Вы ничего не имеете против удовлетворения этой просьбы, так как приобрести определители, написанные Еланским и Бухгольцем, кружок не имеет средств, а между тем возможно, что среди его членов и найдется кто-нибудь, кто займется лишайниками или грибами Средней России. А. Н. Петунников прислал мне просьбу такого же рода от вновь формирующегося Донского политехникума, где приступили к составлению естественно-исторической библиотеки. Здесь Вам на Ваши издания предлагают в обмен работы русского ботаника Арциховского. Большинство из них касаются бактериологии, и я позволил бы себе рекомендовать выбрать работы, касающиеся флоры Южной России как наиболее подходящую библиотеке Михайловского музея»[27].

Письма Н. А. Мосолова к графине Шереметевой свидетельствуют, что он ведал не только делами Естественно-исторического музея в с. Михайловском, но и помогал Екатерине Павловне в ее благотворительной деятельности. Так, в письме из с. Кусково на ее имя от 28 марта 1916 г. Н. А. Мосолов сообщал: «Прошение о помещении в богадельню Анны, присланное для справки, я получил. Проживает она в Старой Слободе у Кондорева. Ей 70 лет

и никого у нее нет, так как сын пропал без вести уже несколько лет. Ее родители были крепостными графа Шереметева в Кускове. В настоящее время есть одна вакансия… Жена кланяется и просит еще раз передать Вам свою благодарность за любезную рекомендацию Тихомирову об ее брате»[28]. И в тяжелые годы войны в кусковской богадельне по-прежнему содержались одинокие, пожилые люди на средства Шереметевых, как, впрочем, и многие другие больницы, приюты, школы, библиотеки. Екатерина Павловна постоянно их опекала и оказывала внимание и поддержку.

К ценным документам фонда относятся письма, деловые записки, распоряжения графа С. Д. Шереметева, адресованные, главным образом, Н. А. Мосолову (д. 732-771). Письма позволяют узнать о том, как протекала повседневная жизнь большого Михайловского поместья, как развивалось усадебное хозяйство, какие отношения были между бывшими крепостными и их господами, кто и по каким вопросам приезжал в имение, а также о новых приобретениях для музея и о его работе: «Многоуважаемый Николай Александрович! Посылаю Вам несколько брошюр, записок и писем. Надеюсь в конце пятой недели обязательно приехать в Михайловское для осмотра нового помещения и приспособления к нему»[29]. И следующее письмо к Н. А. Мосолову, в котором сообщается о важном приобретении графа С. Д. Шереметева: «… Посылаю в архив Михайловского музея письма Гончаровых»[30] (говорится, вероятно, о письмах, имеющих отношение к А. С. Пушкину. — *Г. Н.*).

Развивая сельскую экономию в Михайловском, Шереметевы использовали передовую технику, улучшенный семенной фонд, последние достижения в области животноводства и птицеводства, занимались выведением новых отечественных пород. В письмах также затрагиваются вопросы селекции.

В одном из писем Хозяйственному комитету Российского общества сельскохозяйственного птицеводства С. Д. Шереметев писал: «Препровождая при сем тридцать два рубля, прошу комитет выслать по одному десятку яиц следующих пород: доркинг, бентамок, сибрайт золотистых и серебристых по десятку, уток руанских, всего шесть десятков. Яйца следует доставить на имя Николая Александровича Мосолова. Адрес следующий: ...железнодорожный: Подольск Курской ж. д., с. Михайловское»[31]. Продолжение этой темы находим в последующих письмах С. Д. Шереметева к Н. А. Мосолову. Вот несколько выдержек из них: «Вместе с несколькими изданиями посылаю Вам купленные для птичника: 1. Машинку для дробления костей; 2. Весы для взвешивания птиц»[32]. И в следующем граф писал: «Искусственная наседка указанного размера Прэри приобретена и отправляется в Михайловское прямо от магазина и на Ваше имя. Видел я также новый аппарат для прикормки металлический, стоящий 50 рублей, но пока воздержался его купить. Сегодня весь город занят политикой; в магазинах ничего не добьешься…»[33]

Благодаря усилиям графа С. Д. Шереметева, заботам Н. А. Мосолова и работников экономии, были достигнуты определенные успехи и достижения: «Ваше Сиятельство, граф Сергей Дмитриевич! Позвольте выразить Вам от имени Серпуховского отдела усердную признательность за Ваше сочувствие к отделу, выразившееся присылкой на шестую очередную выставку птицеводства птицы из Вашего Михайловского имения. Выставленная птица как по выбору пород, так и по представленным превосходно воспитанным экземплярам оказалась наилучшей на выставке. Особенно поучительным примером для посетителей являлось гнездо гусей-метисов от французских тулузских и русских тульских бойцовых, признанных на выставке лучшими, чем кровные тулузские. Вообще это гнездо было весьма поучительное, а по размерам — до селе невиданное. Экспертизой также был отмечен тот показательный характер, который имел весь состав выставленной из Михайловского птицы, то есть исключительно сельскохозяйственного

направления, а представленные типичные образцы лучших столовых пород, как лангшаны и доркинг утки руанские — давали право делать заключение, что Михайловское хозяйство поставило задачей иметь русскую высокого качества столовую птицу, равную французской, то есть о возможном сокращении ввоза иностранных, оплачиваемых по высокой цене пулярдок и о замене этих пулярд русской, равной кулинарного качества птиц… Заведующий птичником в Михайловском Василий Занозин, представивший птицу в замечательном порядке и безукоризненно выращенную, удостоен первого приза…»[34] Это письмо О. Г. Гончаровой, председательницы Серпуховского отдела Российского общества сельскохозяйственного птицеводства подчеркивает и обобщает ту большую селекционную, научную работу, которая непрерывно велась в Михайловском имении.

Шереметевы владели родовыми землями в 11 губерниях и постепенно приобретали и новые владения. Так, из письма А. Новикова к графу С. Д. Шереметеву мы узнаем о покупке имения «Кучук Дере» близ г. Сочи Черноморской губернии в 1907 г.: «Участок выбран очень удачно, чудное место для дачи, на горе против Царского охотничьего дворца. Местность Красной поляны начинает понемногу оживать. Нынешним летом произведено несколько построек для дач, а также было много приезжающих для осмотра Красной поляны. В Кучук-Дере все, слава Богу, благополучно, в настоящее время произвожу постройки, необходимые для садоводства, строю небольшую оранжерею и парники»[35].

К Н. А. Мосолову, который вместе со своей женой часто и подолгу жил в имении Михайловском, где занимался научными наблюдениями, исследованиями[36], организационными вопросами, связанными с функционированием Естественно-исторического музея, стекался большой поток корреспонденции от многих ученых, специалистов, владельцев фирм и т. п. Как пример, приведем отрывки из письма А. Н. Петунникова, известного российского ботаника, написанного им Н. А. Мосолову в «революционное лето» 1906 г.: «Меня очень обрадовало известие от Вас… Теперь я знаю, что Вы проводите лето в Михайловском и спешу ответить Вам, что очень буду рад заняться определителем. Интересно было бы знать также, что за эти последние годы найдено было нового и неожиданного в Михайловском… Как поживают милые, добрые и гостеприимные владельцы Михайловского, о которых я сохраняю наилучшие воспоминания и которым прошу передать мой искренний привет. Судя по газетам, они немного пострадали от погромов и от аграрных беспорядков…»[37] Н. А. Мосолов состоял в переписке по делам Михайловского музея с А. Еленкиным, Г. Кожевниковым, И. Кудрявцевым, Лейстом, Д. Золотаревым, А. Киршем, И. Рычковым, Л. Хитрово, П. Сюзевым, Б. Федченко, А. Флеровым, Х. Фризе, С. Четвериковым, А. Поповым и многими другими (д. 547-731).

В 379 фонде сохранился небольшой блок документов, состоящий из писем, телеграмм, извещений, присланных в адрес Е. П. Шереметевой из разного рода учреждений, а также из-за границы, например, из Ботанического музея г. Парижа (д. 772); из Киевского общества естествоиспытателей (д. 773); из Тифлисского естественно-исторического музея (д. 992), из Туркестанской библиотеки (д. 996) и т. д.

В 1914 г. Е. П. Шереметева приобрела для Михайловского музея книги из библиотеки Н. Я. Шестунова (д. 998). В списке числится 167 названий трудов известных российских и зарубежных ученых, таких как: А. А. Ячевский (Определитель грибов. – М., 1897; Мучнистая роса дуба. – М., 1911), А. С. Бондарцев (Знакомство с грибными болезнями растений. – СПб., 1907), А. Артари (Очерки земных водорослей Московской губернии. – М., 1885), Н. Кауфман (Московская флора. – 1889) и других авторов.

Обширные материалы и документы 379 фонда ЦИАМ являются ценнейшими источниками по изучению зна-

менитого рода Шереметевых, который оставил заметный след в отечественной истории и культуре. Они дополнят большую группу документов по данной теме и могут быть полезны не только историкам-краеведам, но и ученым ботаникам, зоологам и других естественных наук. Любопытные и познавательные сведения, содержащиеся в эпистолярном наследии С. Д. и Е. П. Шереметевых, будут интересны также и широкому кругу исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Доклады собраний гг. предводителей и депутатов дворянства Московской губернии. Журналы губернского собрания. – М., 1914. – С. 144 об.
2. Шереметев С. Д. Михайловское. – М., 1906. – С. 41-42.
3. Там же.
4. Ковалёва М. Д. Старая Москва графа Сергея Шереметева. – М., 2003. – С. 75.
5. Шереметев С. Д. Михайловское: Сб. / Сост. и ред. Р. Лазарев. – Подольск, 1994. – С. 94.
6. Бухгольц Ф. В. Список семенных и высших споровых растений // Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губ. I. Гербарий. Изд. 2-е, доп. и испр. – М., 1900. – С. 3.
7. Линде Е. Р. Список семенных и высших споровых растений // Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой в с. Михайловском, Московской губ. I. Гербарий. Изд. 3-е, испр. и доп. – Рига, 1917. – С. 5.
8. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 379, оп. 1, д. 1003.
9. Там же, д. 1004.
10. Карнишина Л. М. Ботанический сад Е. П. Шереметевой в селе Михайловском // Остафьевский сборник. – М., 1994. – Вып. 2. – С. 22-24; Шевелёва О. И., Савельев Ю. Р. Михайловское // Дворянские гнёзда России. История, культура, архитектура. Очерки. – М., 2000. – С. 122-141; Ковалёва М. Д. Указ. соч. и др.
11. ЦИАМ, ф. 379, оп. 1, д. 399.
12. Поцелуев В. А., Петряев И. В. Подольск и окрестности. – М., 1999. – С. 465.
13. ЦИАМ, ф. 379, оп. 1, д. 302.
14. Там же, д. 15.
15. Там же, д. 24.
16. Бухгольц Ф. В. Грибы. Список грибов, найденных летом 1896 года. – М., 1897.
17. ЦИАМ, ф. 379, оп. 1, д. 61.
18. Там же, д. 215.
19. Там же, д. 400.
20. Там же, д. 343.
21. Там же, д. 782.
22. Там же, д. 800, л. 2 об.
23. Там же, л. 3.
24. Там же, л. 5-6.
25. Там же, д. 935, л. 1-1 об.
26. Там же, д. 961, л. 2.
27. Там же, д. 970, л. 1 об.-2.
28. Там же, д. 983, л. 1, 2.
29. Там же, д. 733.
30. Там же, д. 735.
31. Там же, д. 761.
32. Там же, д. 759.
33. Там же, д. 762, л. 1-1 об.
34. Там же, д. 512, л. 1-1 об.
35. Там же, д. 527, л. 1-1 об.
36. Мосолов Н. А. Из жизни птиц Московской губернии. Дрозды // Естествознание и география. – 1904. – № 6. – С. 57-69; К вопросу о зимнем прикармливании птиц. – М., 1904; Каталог коллекции Естественно-исторического музея в с. Михайловском Подольского уезда Московской губернии. Жуки. – М., 1902; Каталог коллекции Естественно-исторического музея в с. Михайловском Подольского уезда Московской губернии. Перепончатокрылые. – М., 1905 и др.
37. ЦИАМ, ф. 379, оп. 1, д. 674, л. 1-2 об.

Галина Наумова,
кандидат исторических наук (Москва)

Вестник архивиста. – 2009. – № 1 (105). – С. 267-284.

ПЛАТНЫЕ ОСВЕДОМИТЕЛИ И СЕКРЕТНЫЕ СОТРУДНИКИ ОХРАНКИ В РЯДАХ САМАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. 1911-1913 ГГ.

Совершенно случайно мне в руки попала книга о судебном отчете по делу антисоветского так называемого право-троцкистского блока. Перелистывая страницы, натолкнулась на упоминание о Самаре. Начала читать. Речь шла о допросе И. А. Зеленского*, обвиняемого в антисоветской деятельности.

«Председательствующий: “Подсудимый Зеленский, вы подтверждаете показания, которые вы давали на предварительном следствии?”

Зеленский: “Да, подтверждаю. Я должен коснуться в первую очередь самого тяжелого для меня преступления — это о своей работе в царской охранке. Я состоял агентом самарской охранки с 1911 по 1913 г.

Летом 1911 г. у меня был произведен обыск. У меня были найдены кое-какие документы, изобличающие меня в принадлежности к социал-демократической организации. Я был доставлен в жандармское управление, допрошен полковником Бетипажем, который заявил мне следующее: либо они создадут для меня каторжный процесс, либо я должен стать информатором охранного отделения. Я смалодушничал и дал согласие на то, чтобы стать осведомителем. При вербовке мне была дана кличка “Очкастый”.

Мне было предложено информировать о работе местной социал-демократической группы. В дальнейшем я регулярно получал деньги за эту предательскую работу — 25, 40, 50 и даже 100 рублей… В феврале 1912 г. я был арестован вместе с теми людьми, которых я выдал: Буянов, Благодарова, Левин, Вульфсон, Кучменко”»[1].

Вряд ли И. А. Зеленский в действительности был предателем. Ведь в чем только не признавались обвиняемые на таких процессах! Но в

* Зеленский Исаак Абрамович (1890-1938) — советский партийный и государственный деятель.

данном случае у меня, как у сотрудника самарского архива, была возможность проверить его показания.

Как оказалось, в фонде жандармского управления имелись материалы по делу «социал-демократической группы», члены которой были арестованы вместе с И. А. Зеленским. История такова.

«Произведенной в апреле 1908 г. ликвидацией Самарской социал-демократической организации, таковая была приведена к полной дезорганизации, остались лишь некоторые отдельные лица, сочувствующие идеям РСДРП и не принимавшие активной деятельности в ликвидированной организации.

У этих лиц и возвратившихся некоторых из ссылки, в конце 1910 г. зародилась мысль открыть в Самаре кооперативное общество, преследующее, согласно его уставу, чисто экономические цели, и на этом построить базу революционной деятельности, что им и удалось. С разрешения губернатора было открыто "2-е потребительское общество".

К этому времени на жительство в Самару прибыл под гласный надзор полиции высланный из Оренбурга за принадлежность к местной социал-демократической организации Исаак Аврумович (Абрамович. — *Г. Г.*) Зеленский, который не замедлил примкнуть к означенному обществу в качестве его члена. Таким образом, названное общество стало пополняться партийными лицами и начало свою деятельность.

Сначала собрания имели чисто экономический характер, а затем, пользуясь отсутствием иногда полицейского надзора, перешли к обсуждению партийных вопросов. Когда назрела необходимость в литературе, И. А. Зеленский, по поступившим в Управление совершенно точным агентурным сведениям, выписал из-за границы социал-демократическую газету "Правда", и для сношений за границей стал запасаться адресами. В первых числах сентября агентура сообщила, что при названном обществе образовалась социал-демократическая группа, в организации которой главным образом принимал участие И. А. Зеленский. От имени группы И. А. Зеленский написал статью об отношении рабочих к голоду в деревне, каковая была напечатана в социал-демократической газете "Звезда" 20 ноября 1911 г. Действия названного кооператива с возникновения его с достаточной полнотой освещались агентурой.

28 января агентура указала появление в Самаре неизвестного по имени "Леонид", прибывшего с общепартийной конференции, куда он ездил в качестве делегата от какой-то губернии, и там центральным комитетом был уполномочен объехать те города, из которых не были посланы делегаты, и прочесть рефераты о конференции, а в Самаре, кроме того, и о постановке здесь революционной работы.

Для чтения реферата неизвестный ждал печатной резолюции конференции, каковая должна получиться в нескольких экземплярах по двум самарским адресам: на имя Владимира Михайловича Дуберштейна и служащего в типографии Жданова Алексея Евстропиевича Цуканова.

С целью предупреждения дальнейшего развития преступной деятельности организации по телеграфному предложению департамента полиции таковая в ночь на 10 сего февраля ликвидирована. Полковник Критский»[2].

Были арестованы Зеленский, Фрезе, Буянов, Егоров, Вульфсон, Левин, Благодарова, Цуканов, Петров, Серебряковы Иван и Леонид, Дуберштейн и Лозинская.

Продолжая рассказ о своем сотрудничестве с охранкой, Зеленский заявляет: «Должен сказать, что кроме непосредственной связи с жандармским офицером, охранка связала меня с другим агентом — провокатором Полонко, который доставлял часть той информации, которую я давал, то есть служил связующим звеном»[3].

Документы подтверждают, что в списках членов организации, за которыми было установлено наружное наблюдение, значится А. А. Полонко[4]. Зе-

ленский квартировал у него. Опять загадка: действительно ли этот А. А. Полонко провокатор или?..

Ответ на этот вопрос обнаружился в письме Якова Зеленского, брата судимого в 1938 г. И. А. Зеленского: «А провокатора нашли — это у кого мы с Исаем квартировали,.. хозяин нашей комнаты Полонко, все то, что было, все улики падают на него, но его, конечно, не арестовали, но его уволили из управления и он собирается уезжать…»[5]

Итак, А. А. Полонко действительно провокатор. Вероятно, генеральному прокурору Вышинскому было это известно, и он считал, что связь с А. А. Полонко послужит доказательством виновности подсудимого.

Вернемся к допросу И. А. Зеленского.

«Зеленский: “Будучи арестован и заключен в самарскую тюрьму, я обратился к Бетипажу с заявлением о вызове меня на допрос, так как я желал узнать мотивы моего ареста. Бетипаж меня вызвал и заявил, что это сделано для того, чтобы предохранить меня – “для вас же лучше, что мы вас арестовали”.

Вышинский: “Вы не обращались ли к “его высокоблагородию господину начальнику…”

Зеленский: “Я подал заявление с просьбой вызвать меня для допроса и выяснить мотивы ареста”.

Вышинский: “А я думаю, что вы не так писали. Разрешите огласить ваше заявление, потом можете спорить. “Его высокородию, господину начальнику Самарского жандармского управления. Прошение. Имею честь покорнейше просить вас вызвать меня в управление, или пожаловать в Самарскую губернскую тюрьму для выяснения вопросов, связанных с моим арестом, а также разрешить мне свидание с моим братом Яковом Абрамовичем Зеленским”»[6].

Да, письмо действительно настораживает, просьба о встрече настойчива и многообещающа. Понятно, почему Вышинский не поленился зачитать документ. Кстати, какой документ! Ведь он датирован 1912 годом! Как попал он в руки «правосудия»? Может, это фальшивка? В материалах дела это письмо мы обнаружили[7]. Похоже на то, что подлинник был изъят для процесса, а в дело подшит документ, воспроизводящий содержание.

Вышинский приводит письмо как доказательство особых отношений И. А. Зеленского с руководством охранки. Однако в деле мы находим несколько подобных писем-просьб. Например, А. Левина, в котором он пишет, что обстоятельства «заставляют меня покорнейше просить Вас, Ваше Превосходительство, о снятии с меня второго допроса», причем просит допросить его как можно скорее[8].

Обращение В. Дуберштейна: «Покорнейше прошу вызвать меня для допроса. Я имею честь дать Вам некоторые сведения, известные мне относ[ительно] моего ареста»[9].

Письмо Вульфсона: «Сознание моей полной невиновности побуждает меня обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: ускорить расследование обстоятельств, приведших к моему аресту»[10].

Просьба Э. Лозинской: «Честь имею просить Ваше Высокоблагородие не отказать в моей просьбе — допросить меня как можно скорее»[11].

Что же, они тоже все предатели? Полно, да были ли они вообще, кроме помянутого А. Полонко?

Из донесения на имя начальника Департамента полиции мы узнаем, что при повторных допросах двое из привлеченных по этому делу согласились дать откровенные показания[12]. Однако, кто именно — не ясно. Фамилии зашифрованы.

Итак, из 13 арестованных — два предателя. Подозревать мы можем только тех четверых, что обращались с письмом к «господину начальнику Самарского жандармского управления»: Зеленский, Лозинская, Вульфсон и Левин, других зацепок у нас пока нет.

Но вот, наконец, и первая удача. В докладной записке на имя директора департамента полиции нашлись сведения, которые могут помочь в поисках ответа: «Означенные два лица в даль-

нейшем подполковником Битепажем… склонены оказывать Управлению агентурные услуги, приняты… полковником Критским под кличками: первый — “Посредник”, второй — “Случайный” и уже проявили себя сообщением полезных сведений... По поводу нахождения по обыску у одного из них типографского шрифта в количестве 25 фунтов даны объяснения, указывающие, что шрифт собирался им небольшими частями в типографии, в которой он работал, по поручению Зеленского, для передачи последнему»[13].

Итак, у одного из предателей обнаружен при обыске типографский шрифт. Это уже кое-что. И еще факт немаловажный для поисков: указывается, что «эти два лица, казалось бы, изобличенные в участии в деятельности организации, не включены в число лиц, предназначенных к административной высылке».

Значит, нужно исключить из списка подозреваемых тех, кто был приговорен к высылке. Из приговора: «... Буянова, Л. Серебрякова, Зеленского, Кучменко, Левина, Вульфсона, Благодарову, Воеводина, Шмелева, изобличенных в принадлежности к самарской организации РСДРП, министр внутренних дел постановил: выслать в пределы Нарымского края Томской губернии под гласный надзор полиции на три года каждого»[14]. Таким образом, на свободе остались Фрезе, Егоров, Цуканов, Петров, Серебряков, Дуберштейн и Лозинская.

Теперь следует просмотреть протоколы обысков. «Обыски существенных результатов не дали, обнаружены у Цуканова фунтов 20-25 типографского шрифта, у остальных лишь в единичных экземплярах явочная литература и большая переписка»[15].

Появляется некто Цуканов. В общем списке лиц, прошедших по наблюдению за социал-демократической группой о нем говорится следующее: «По адресу Цуканова на типографию Жданова должна получиться печатная резолюция общепартийной конференции, и он дал приют приезжему нелегальному “Леониду”[16]; “…занятие: гравер, обнаружено 25 фунтов типографского шрифта”»[17].

Итак, у Цуканова найден шрифт. Его нет среди высланных. И он работает в типографии. Все сходится. А вот и еще штрих. Из письма Якова, брата И. А. Зеленского: «…было 13 человек, из которых 7 освободили, даже освободили того, у кого нашли шрифт и резолюцию конференции…»[18] А резолюция, как мы помним из донесения полковника Критского, должна была прибыть по двум адресам — Дуберштейна и Цуканова. Итак, один найден.

А кто второй? В материалах дела больше нет никаких улик. Остается только интуиция. Резолюцию конференции должен был получить и Дуберштейн. И его письмо на имя начальника жандармского управления: «имею честь дать вам некоторые сведения, известные мне относ[ительно] моего ареста». Подозрительно… Он? Опять вопросы… Да и возможен ли точный ответ, ведь прошло более 95 лет!

Оказалось, все просто. Существуют «Списки на секретных и вспомогательных сотрудников, осведомителей и заявителей Самарского городского жандармского управления (ГЖУ), выявленных по материалам Секретного исторического архива Куйбышевской области (по фонду ГЖУ. — *Г. Г.*)». Вот где ответы на все наши вопросы! Здесь названы те, кто проходил по «делу И. А. Зеленского».

Полонко Александр, «Новиков». Служащий в Управлении железной дороги. Сотрудник Самарского ГЖУ. Служит с августа 1910 г. по партии социал-демократов. Вознаграждение получает 25 рублей в месяц. Выдал крупную социал-демократическую организацию, во главе которой стоял И. А. Зеленский.

Дуберштейн Вольф Хаимович (Владимир Михайлович. — *Г. Г.)*, «Посредник».

Секретный сотрудник Самарского ГЖУ. Секретный сотрудник охранного отделения, кличка по наблюдению «Шустрый». Был завербован при аресте. Освещал партию социал-демократов и дал ценные сведения.

Служит с апреля 1912 г. по апрель 1916 г. Получал от 15 рублей в месяц. В охранном отделении получал 100 рублей в месяц.

«Случайный». Секретный сотрудник Самарского отделения Самарского жандармского полицейского управления железной дороги. Был завербован при аресте, освещал партию социал-демократов, дал ценные сведения.

И это все. Отсутствует самое главное — фамилия «Случайного»!

Как выяснилось, нам вряд ли удастся узнать, кто скрывался под этой кличкой. Оказалось, в 1960-е гг. с целью проверки правильности этих списков посылался запрос в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР). 8 декабря 1966 г. из ЦГАОР пришел ответ директору Государственного архива Куйбышевской области Э. С. Шариковой: «Все указанные клички мы расшифровали, кроме клички “Случайный”. Под этой кличкой у нас значится 8 человек, но ни один из них не работал в Самаре».

Загадка так и осталась загадкой. Что касается И. А. Зеленского, то его невиновность, как нам кажется, очевидна.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренный военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2-13 марта 1938 года по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоды Г. Г., Крестинского Н. Н., Раковского Х. Г., Розенгольца А. П., Иванова В. И., Чернова М. А., Гринько Г. Ф., Зеленского И. А., Бессонова С. А., Икрамова А., Ходжаева Ф., Шаранговича В. Ф., Зубарева П. Т., Буланова П. П., Левина Л. Г., Плетнева Д. Д., Казакова И. Н., Максимова-Диковского В. А. и Крючкова П. П. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58.1 а; 58.2; 58.7; 58.8; 58.9 и 59.11 УК РСФСР, а Иванова, Зеленского и Зубарева, кроме того, в преступлениях, предусмотренных ст. 58.13 УК РСФСР. – М., 1938. – С. 291.
2. Государственный архив Самарской области (ГАСО), ф. 468, оп. 1, д. 1621, л. 67-70.
3. Судебный отчет по делу… – С. 291.
4. ГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2517, л. 6.
5. Там же, д. 1621, л. 441 об.
6. Судебный отчет по делу… – С. 300.
7. ГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 1621, л. 230.
8. Там же, л. 362.
9. Там же, л. 193.
10. Там же, л. 315.
11. Там же, л. 151.
12. Там же, д. 1605, л. 47.
13. Там же, л. 47 об.
14. Там же, д. 1621, л. 547 об.
15. Там же, л. 71.
16. Там же, д. 1594, л. 8.
17. Там же, д. 1621, л. 386.
18. Там же, л. 440.

Галина Галыгина,
главный специалист отдела использования архивных документов Государственного архива Самарской области

Вестник архивиста. – 2009. – № 1 (105). – С. 142-150.

«Создать новое, светлое будущее народов России»

И. С. Алкин. 1914 г.
ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 157, л. 37.

(Слово об Илиасе Алкине)

Несмотря на ряд публикаций, в том числе посвященного ему сборника документов, и генеалогии его рода, личность Илиаса Алкина все еще остается недооцененной. Между тем в истории национального движения татар и других родственных им народов он сыграл не меньшую роль, чем М. Вахитов или даже М. Султан-Галиев.

Его многогранный талант, унаследованный от древнего рода Алка, упоминавшегося М. Кашгари, мог проявиться в различных областях деятельности. К сожалению, он едва успел раскрыться, правда, очень ярко высветив политический небосвод своего времени.

Судьба распорядилась так, что он, родившийся в Казани в благородной дворянской семье, стал одним из выдающихся деятелей национального движения татар и башкир в 1917-1920-е гг.

Мог он стать и железнодорожником, ибо, окончив Первое реальное училище, в 1915 г. стал студентом Института путей сообщения в Петербурге. Будучи одним из лидеров мусульманских студентов столицы, принял активное участие в создании кружка «Татар учагы» («Татарский очаг») во главе с Г. Шарафом, где обсуждались многие вопросы истории и культуры татар.

Илиаса с малых лет волновала судьба татарского народа. Зная свой родной татарский, в совершенстве владея русским и немецким, а частично и французским языками, он читал все, что было связано с историей татар.

Возможно, здесь, в столице многоголосой империи, в нем и его сорат-

никах по-настоящему проснулись чувства национальной гордости и стремление к воссозданию национальной государственности. Жандармский агент по кличке «Кук» доносил, что среди студентов существуют мусульманские организации в виде землячеств, стремящихся в последнее время объединиться.

Начало Первой мировой войны резко изменило судьбу молодого человека. Не суждено было ему стать железнодорожником. Он был призван на военную службу, окончил Константиновское артиллерийское училище и продолжил службу во 2-й Артиллерийской бригаде в Казани. Революцию встретил в родном городе, с первых дней окунулся в ее гущу. Был участником ареста командующего военным округом генерала Сандецкого и близких к нему генералов Язвина, Файдыша, Комарова. Именно в эти дни он становится активным борцом за демократическую Россию, превращение ее в подлинное содружество народов.

Алкин был убежденным социалистом. Однако не состоял ни в большевистской, ни в меньшевистской организациях. Хорошо знал Маркса и очень интересовался перспективами революции в России. Ссылаясь на переписку Михайловского с Марксом о перспективах социализма в России, полагал, что она, хотя сегодня еще и не готова к социализму, в будущем может встать на этот путь, минуя стадию капиталистического развития.

В марте 1917 г. Илиас одним из первых вступает в Мусульманский социалистический комитет, созданный в Казани М. Вахитовым. Здесь он тесно сотрудничает с М. Султан-Галиевым, Ф. Туктаровым и другими видными деятелями национального движения татар.

Мусульманский социалистический комитет был самостоятельной организацией. Он вобрал в себя социалистов различных взглядов, объединенных стремлением к достижению национальной и социальной справедливости для угнетенных народов Востока.

Основатель этого комитета М. Вахитов считал себя красным панисламистом. Илиас Алкин хотя во многом придерживался основных взглядов М. Вахитова, в отличие от него никогда не называл себя панисламистом. Он считал невозможным объединить всех мусульман под единым, тем более красным знаменем. Не был он и пантюркистом, поскольку полагал, что тюркские народы являются самостоятельными общностями и вправе выбирать для себя приемлемую форму самоопределения. Он никогда не выступал за распад России, хотел, чтобы она стала свободной демократической федерацией. Татар не мыслил вне России, и только в ее составе видел национальную государственность своего народа.

В годы революции эта идея всецело овладевает им, что впервые в общероссийском масштабе проявилось в активном участии И. Алкина в работе I Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося в мае 1917 г. в Москве. Он председательствует на некоторых его заседаниях, сплачивает вокруг себя военных делегатов.

По предложению И. Алкина, съезд единогласно принял постановление о мусульманских войсковых частях. Под его руководством состоялось Всероссийское мусульманское военное совещание, на котором было решено немедленно приступить к созданию таких частей. Создается Временный мусульманский военный совет — Харби шуро из 12 человек. И. Алкин становится его председателем.

После окончания съезда Временный мусульманский военный совет выехал в Казань и развернул работу по созданию мусульманских воинских формирований как в тыловых гарнизонах, так и в Действующей армии. Ход этой работы как жизнь воинов-мусульман освещался в газете «Безнең тавыш» («Наш голос») и в «Известиях Всероссийского мусульманского военного шуро», которые редактировал И. Алкин.

Большую помощь ему оказывал брат — Джангир Алкин. Вокруг газеты и Вошуро сплачивались не только военные мусульмане, но и многие татарские интеллектуалы. Писали отовсюду и более всего солдаты, в том числе и с фронтов. Газеты отличались своей выдержанностью и призывали солдат к активному

участию в общественной жизни. Можно без всяких сомнений говорить, что эти газеты стали мощным фактором для сплочения воинов-мусульман. В результате были созданы солдатские мусульманские комитеты в воинских частях. Появились армейские и фронтовые комитеты. Вошуро становится признанным лидером воинов-мусульман, решения и приказы которого подлежали неукоснительному исполнению.

В литературе много писалось о летних мусульманских съездах в Казани, провозгласивших в июле 1917 г. национально-культурную автономию мусульман Внутренней России и Сибири. В данном материале нет необходимости останавливаться на их работе. Однако невозможно обойтись без оценки I Всероссийского мусульманского военного съезда, ибо это был звездный час Илиаса Алкина. В эти дни в полной силе проявились его смелость и решительность в преодолении запрета съезда, наложенного военным министром Керенским. Он не согнулся, а стал еще более упорным и настойчивым. Узнав о запрете, срочно провел заседание Временного бюро мусульманского военного совета, где было решено провести съезд явочным путем.

На имя Керенского за подписью И. Алкина отправляется телеграмма, в которой содержалась угроза разрыва с Временным правительством. В ней были такие строки: «Мусульмане всегда шли рука об руку с русским народом, и ответственность за разрыв ляжет на военного министра». Об этом конфликте сообщили многие газеты. Киевская газета «Голос социал-демократа» писала, что национальная политика Временного правительства «трещит по швам», ибо она «провозгласив на словах формулу “права наций на самоопределение”, на деле вступило на путь угнетения наций». Далее сообщалось, что, несмотря на запрет, состоялся украинский съезд, несмотря на притеснения, растет финское движение. В газете подчеркивалось, что такого рода запрещения лишь способствуют росту шовинистических настроений. Был приведен полный текст телеграммы Вошуро Временному правительству и сделан вывод: «И здесь повторяется вновь то же самое: съезд запрещен, но он все же созывается».

И он, действительно, был созван. 17 июля его своим вступительным словом открыл И. Алкин. Съезд избрал постоянно действующий совет — Всероссийское мусульманское Харби шуро во главе с И. Алкиным. Было решено сосредоточиться на создании в тылу и на фронтах мусульманских войсковых формирований. «Нам нужны национальные полки для того, чтобы на наши национальные завоевания никто не покушался, нам нужны эти полки, чтобы дать возможность нашей нации осуществить свои национальные чаяния», — говорил Алкин в одном из своих выступлений.

В советской историографии Харби шуро оценивалось как контрреволюционная националистическая организация. До сих пор умалчивается и его роль в ликвидации корниловского мятежа. Между тем Вошуро уже 28 августа объявило выступление Корнилова контрреволюционным и преступным. Была принята резолюция, в которой говорилось: «Воины-мусульмане должны быть отправлены на поддержку Временного правительства… Привести мусульманские роты в боевую готовность». С мест на имя Вошуро шли телеграммы с требованием принять решительные меры для пресечения генеральской авантюры. Отражая чаяния воинов-мусульман, была принята телеграмма: «Действующая армия. Туземная дивизия. Татарский полк. Полковнику Арацхану Хаджи Мурату: “Вошуро приказывает всем мусульманским войскам туземной дивизии встать в ряды революционной армии в защиту Временного правительства от контрреволюционеров. Если с получением этого приказа воины-мусульмане останутся в рядах бунтовщиков, они будут изменниками Родины, и против них шуро примет всевозможные меры вплоть до столкновения мусульман с мусульманами”».

В документах, принятых в эти дни и подписанных И. Алкиным, чувствовалась твердость и решимость пойти на самые решительные меры для ликвидации любой авантюры, направленной против революции.

Навстречу «Дикой дивизии», двигавшейся на Петроград, вышла мусульманская делегация. Она проникла в расположение частей дивизии и смогла убедить обманутых воинов — ингушей и чеченцев не идти на Петроград. Описывая эти события, американский журналист Альберт Рис Вильямс, отмечал, что делегация, держа в одной руке «Капитал» Маркса, в другой — Коран во имя Маркса и Магомеда, призвала ее не выступать против революции. Их призывы и доводы возобладали. Силы диктатора растаяли, и «диктатор» был взят без единого выстрела. Возглавлявший «Дикую дивизию» генерал Крымов вынужден был застрелиться.

Керенский понял огромную и возрастающую роль мусульманской военной организации и устроил торжественный прием мусульманской делегации.

Октябрьский переворот в Казани И. Алкин не признал. И прежде всего потому, что восстание в казанском гарнизоне 25-26 октября было спровоцировано авантюрными действиями Николая Ершова. И. Алкину тогда, как и многим другим, не были известны подробности событий в Петрограде и в других городах страны. Он полагал, что вопрос о власти можно было решить мирным путем, без всякого военного вмешательства. Поэтому неприятие октябрьского переворота в Казани не означало, что он отверг Октябрьскую революцию. Он признал ее де факто и считал, что ее саботирование может привести к возврату Николая II.

В вопросах формирования мусульманских воинских частей И. Алкин стремился к сотрудничеству с Советской властью. Однако с ее стороны не находил должного понимания. Народный комиссар по военным делам Н. В. Крыленко считал шаги Вошуро по созданию мусульманских войсковых формирований контрреволюционными. Однако в последующем разрешил формирование мусульманского корпуса в составе двух дивизий на Румынском фронте. В то же время запретил формирование мусульманской дивизии на Северном фронте. В ответ на это 26 декабря 1917 г. Алкин отправил на имя Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко телеграмму, в которой говорилось, что этот отказ может привести к уходу с фронта солдат-мусульман и что вся ответственность за это ляжет на ставку[1]. В Казани и Уфе были мусульманизированы 95-й и 144-й запасные полки, ставшие опорой в ликвидации мятежа атамана Дутова в Оренбурге. Кроме того, несколько мусульманских рот было создано в других гарнизонах Казанского военного округа. Хотя документы свидетельствуют, что 22-летнему Илиасу Алкину доверяли такие видные военачальники, как командующий 37-м корпусом генерал-лейтенант Сулейман Сулькевич, командующий 12-й армией генерал-лейтенант Якуб Юзефович, и активно сотрудничали с ним[2], — так уж случилось, что создать крупные мусульманские военные формирования в действующей армии не удалось. Эта армия расползалась, солдаты расходились по домам. Советской власти с большим трудом удавалось удерживать германское наступление. Возникла острая необходимость идти на переговоры с немцами. Опираясь на собственные возможности, призванный И. Алкиным для создания мусульманского корпуса на Румынском фронте генерал Сулейман Сулькевич добился некоторых успехов в этом направлении. Однако это уже было далеко от интересов возрождения национальной государственности татарского народа.

И. Алкин упорно ищет пути для достижения этой цели. И приходит к выводу о том, что ее нужно реализовать, предварительно обсудив на Милли меджлисе. В целях подготовки такого обсуждения 22 декабря Вошуро предлагает «в скорейшем времени создать Приволжский и Южно-Уральский штаты», взяв за основу программу социалистов-революционеров. Известно, что социалисты-революционеры выступали за федеративное устройство России на основе создания областных республик. Предполагалось, что штат станет одной из таких республик.

Исходя из этого, Вошуро выходит в Милли меджлис с инициативой о возможности обсуждения вопроса на его сессии. Перед поездкой на сессию Мил-

ли меджлиса в Уфу И. Алкин окончательно утвердился в необходимости возрождения национальной государственности татар в составе федеративной России.

На Милли меджлисе, по предложению И. Алкина, было решено создать Средне-Уральский и Южно-Уральский штаты. Под его председательством была создана коллегия по его осуществлению, которая перебралась в Казань. Секретарем коллегии стал Г. Шараф.

Об обсуждении вопроса о создании штата на меджлисе Алкин рассказал в статье «Среди поволжских татар», опубликованной 24 декабря в «Известиях Всероссийского мусульманского военного шуро». В ней он употребил для обозначения еще не возрожденной государственности татарского народа такие понятия, как «Татария», «Татарстан». Обосновывая необходимость создания штата, он писал: «Каждая нация в данное время занимается строительством своей внутренней жизни. Период съездов, период бумажных резолюций прошел — надо на развалинах старого создать новое, светлое будущее народов России». Охарактеризовав возможные формы этой государственности для своего народа, высказанные на Милли меджлисе, он писал о возможности «образовать Татарстан» и обозначил в качестве наиболее приемлемой его формы особый штат для поволжских татар.

Однако дули и враждебные ветры. По Казани распространялись провокационные слухи о стремлении татар возродить Казанское ханство. В связи с этим в «Известиях Всероссийского мусульманского военного шуро» от 19 ноября 1917 г. появилась статья И. Алкина «Клеветникам». В ней говорилось: «Но произошла Октябрьская революция, и опять воскресла вновь, казалось, забытая уже легенда “о Казанском ханстве”. Опять за кулисами политической сцены появились какие-то темные лица и занялись фабрикацией среди населения слухов о якобы готовящемся провозглашении татарами своего ханства. И опять перед запуганным обывателем встает кровавый призрак “татарского нашествия”… Уж не приняли ли второпях близорукие ревнители реакции за “объявление татарского ханства” избрание в первые дни переворота председателем революционного штаба мусульманина? Возможно… Но ведь председателем-то был избран чистейший социалист*. Остается сказать одно. Видно, мало еще врагам революции той крови, которою оросили они поля и нивы России».

Авторитет Алкина рос неуклонно, о чем свидетельствовало и то, что он по мусульманскому социалистическому списку был выбран делегатом Учредительного собрания. В этом списке, кроме него, были М. Вахитов и М. Султан-Галиев[3]. Они все шли на это избрание в надежде на осуществление государственности своего народа. 12 декабря 1917 г. орган Шуро писал: «Честный созыв Учредительного собрания… Ведь оно — вся наша надежда, наш маяк в бурном море, в бушующих волнах революции, превратившейся неведомыми судьбами в анархию. Да, мы всей душой за это». Однако надеждам этим не суждено было сбыться. Собрание было разогнано большевиками.

Запланированный штат было решено провозгласить на Втором всероссийском мусульманском военном съезде, который открылся в Казани 8 января 1918 г. вступительным словом И. Алкина. Пятым пунктом его повестки стоял вопрос об образовании штата. Докладчиком по нему был определен Юсуф Музаффаров.

7 января, накануне открытия съезда, в газете Вошуро за 7 января 1918 г. появилась статья, посвященная этому событию. В ней были такие строки: «Завтра открывается наш съезд. Много значения придают этому съезду и много ждут от него все политические партии края, начиная от самых левых и кончая самыми архиправыми. Мы, мусульмане, ждем от него окончательного достижения всех наших притязаний и положения прочного основания государственному строю края, который, как мы мыслим, может быть только федеративным… Мы стремимся, прежде всего, к

* Первым председателем революционного штаба был избран М. Вахитов. Однако в перипетиях борьбы он уступил этот пост Н. Ершову.

созданию тех условий нормальной жизни, когда все народы, долженствующие войти в штат, могли бы наилучшим способом достигнуть всех заповедных своих желаний и в тесном единении друг с другом положить начало государственному устроительству края. Мы стремимся к проведению в жизнь безболезненно для народа всех социальных реформ и, безусловно, в этом направлении будем работать до конца. Думаем, что в этой работе мешать нам не будут, а, наоборот, своим благожелательным отношением и воздержанием от скороспелых заключений, а тем более выступлений, пойдут навстречу и тем самым помогут нам в начатом нами деле устроения края».

Казалось бы, что действительно съезд встретит благожелательное отношение со стороны органов Советской власти. Обнадеживали слова председателя Казанского Совета солдатских и рабочих депутатов Я. С. Шейнкмана, произнесенные им в его приветственном слове: «Совет никогда не пойдет против самоопределения народов». Большевики приняли участие в обсуждении вопроса о создании Урало-Волжского штата[4]. По предложению Алкина принимается соответствующая резолюция, в которой говорилось, что власть в штате должна быть в руках Советов и сконструирована на национально-пропорциональном представительстве. В ней также говорилось, что «мусульмане-воины должны стремиться к закреплению завоеваний великой российской революции для демократии своих наций», и что они «должны идти рука об руку с крестьянами и рабочими своих наций и быть опорой в осуществлении их экономических требований»[5].

Однако обещания Совета о том, что он не пойдет против самоопределения наций, оказались обманом. В ночь на 28 февраля 1918 г., когда должен был быть провозглашен штат, группа вооруженных красноармейцев во главе с С. Саид-Галиевым арестовала И. Алкина и других руководителей съезда. Видимо, прав был З. Валиди, писавший, что в те дни для татарских коммунистов стало обычным делом вылавливать из своей среды инакомыслящих и выдавать их властям. В данном случае так и произошло. Татары были арестованы и выданы властям руками самих татар. В противовес штату Советы выдвинули проект Татаро-Башкирской республики. Он, как совершенно справедливо отметила газета «Алтай», сделал невозможным осуществление штата.

И. Алкину после этого ничего не оставалось, как принять участие в борьбе за утверждение в стране власти Учредительного собрания. С созданием Комуча И. Алкин становится одним из его активных членов. Его назначают помощником особоуполномоченного по Казанской губернии.

После военного переворота Колчака его назначают командующим войсками Комуча для борьбы против диктатора. Однако он не успел развернуть свою деятельность. Члены Комуча, в том числе И. Алкин, были арестованы Колчаком.

После своего освобождения И. Алкин становится на путь сотрудничества с башкирским национальным движением, принимает активное участие в создании башкирского войска и в их переводе на сторону Красной Армии.

Первым командующим башкирского войска был татарский генерал Ишмуратов. С началом военных действий против Колчака командование принимает на себя сам З. Валиди. Ему как человеку, не имеющему ни военного образования, ни военного опыта, нужны были опытные офицеры. И. Алкин, знавший многих офицеров из татар и башкир, становится начальником штаба и заместителем командующего.

До решения вопроса о переходе на сторону Советов башкирам приходилось вести бои как с Колчаком, так и с частями Красной Армии. В них, писал в своих воспоминаниях З. Валиди, И. Алкин «сражался… как солдат, не жалея жизни»[6].

Одновременно с начавшимися переговорами в целях политической поддержки акции перехода на сторону Советов ведется работа по созданию независимой тюркской социалистической партии «ЭРК», которую возглавил И. Алкин.

Переговоры были трудными. К тому же приходилось держать их в тайне, в том числе и от солдат, и от чиновников. Предстояло осуществить переход быстро, в течение одного дня.

Велика роль в этом переходе М. Султан-Галиева, которого ЦК большевистской партии направил в Уфу для его обеспечения. Не найдя взаимопонимания с губкомом, он доверяет решение командованию Восточного фронта, находившемуся тогда в Симбирске. 9 января доверенный человек Султан-Галиева Галимджан Аминев передает Валидову его совет: «Пусть не переходят, не завершив переговоров. Пусть не торопятся, а если нет возможности ждать, пусть переходят не в 5-ую, а в 1-ую армию, штаб которой находится в Оренбурге». Это был с его стороны рискованный шаг. И это ему напомнили, когда началось преследование.

Временем перехода было определено 10 часов утра 18 февраля 1919 г., о чем через Г. Аминева было передано командованию 1-ой и 5-ой армий[7].

Несмотря на всю скрытность подготовки к переходу, сведения об этом дошли до стана Колчака, а через него — до солдат-башкир. Их обвиняли в измене, угрозами и уговорами призывали остаться в рядах армии Колчака. Создавалась опасность срыва перехода.

В связи с этим командование башкирского войска выходит с воззванием к солдатам-башкирам, подписанным И. Алкином. В нем говорилось: «Вы перешли на сторону Советской власти, на сторону той власти, которая стоит на стороне интересов рабочих, крестьян и всех угнетенных народов, и вы, славные герои свободной Башкирии, подняли знамя борьбы… против врагов народа — ставленников помещиков, фабрикантов, толстопузых купцов и генералов». В этом замечательном документе отметалось обвинение башкир в измене: «Это ложь! Башкиры никогда, господа Дутов и Колчак, толстокожие генералы, толстокарманные буржуи, вашими сообщниками не были… Нет! Мы, башкиры, союза с вами не заключали, мы заключили союз с народом — с рабочими и крестьянами Сибири и с трудовым казачеством, и мы им не изменили». Это пафосное и проникновенное воззвание, в которое И. Алкин вложил всю душу, заканчивалось призывом «Да здравствует Российская Социалистическая Федеративная Республика!»

И. Алкиным же, как временно исполняющим обязанности командующего башкирским корпусом, был подписан приказ № 5 о переходе башкирских войск на сторону Красной Армии и начале военных действий против А. Колчака и А. Дутова[8].

Переход оказался удачным, и 19 февраля З. Валидов и И. Алкин прибыли в Оренбург, где командующий 1 армией армянин Гай устроил им прием. После этого они вместе с казахской делегацией выезжают в Москву, где встречаются со Сталиным. В Москве И. Алкин выработал программу независимой национальной социалистической партии, состоящую из 12 пунктов. Нацелена была она на непосредственное вступление этой партии в III Интернационал. Однако ЦК РКП(б) в грубой форме отверг проект[9].

В марте 1919 г. был заключен предварительный договор советского командования и башкирского правительства, подписанный командующим войсками З. Валидовым и начальником штаба И. Алкиным. Была и подпись заместителя председателя военного Башревкома Барамышева[10].

21 февраля 1919 г. в с. Темес под председательством И. Алкина открылся Всебашкирский военный съезд. На нем Алкин сделал доклады о текущем моменте, о мирных переговорах с Советской властью и создании Временного революционного комитета. Съезд избрал ревком из шести человек, к которому перешла вся полнота власти в Башкирии. На его заседании 23 февраля для управления республикой было создано 15 комиссариатов. Комиссаром труда, а также заместителем командующего войсками и военного комиссара был избран И. Алкин. Он возглавил также Башсовнархоз, Кооперативный совет Башкирии и стал активным членом республиканского совета профсоюзов.

Большую работу провел И. Алкин по переформированию башкирской армии

как составной части советских вооруженных сил. Этот вопрос по его докладу специально обсуждался 4 мая на заседании Башревкома. Было решено «создать боеспособную, сильную своим революционным духом башкирскую революционную армию» и «немедленно заняться агитационно-организационной деятельностью среди башкирского населения, находящегося как у нас в тылу, так в тылу и у Колчака». Решение по этому вопросу принимается так же по изложенным им тезисам.

В промежутке между напряженной работой по созданию башкирской автономии И. Алкин на некоторое время уезжает в Казань проведать родных. Однако его, исполнявшего тогда обязанности командующего башкирскими войсками в составе Красной Армии, 25 июня 1919 г. арестовывают по подозрению в участии в восстании татарского полка. Разумеется, это было недоразумением, тем не менее, свидетельствовавшим о недоверии к Алкину.

Недоверие набирало темпы, особенно в связи с делом так называемой «комиссии Башкирпомощи». Создание дела, по словам З. Валидова, было «проявлением неискренней и лживой политики Советов по отношению к башкирам».

Дело в том, что за четыре месяца 1919 г. красноармейские части совершили серию больших грабежей и погромов в центральных и южных кантонах Башкирии. В результате было разрушено 5 377 домов, 50 тысяч человек были обречены на голод, отобрано 13 354 лошади, 6 242 коровы, 20 тысяч овец, 100 тысяч пудов зерна, 20 тысяч пудов мяса и масла, 400 тысяч пудов корма для скота. Кроме того, у населения были изъяты одежда, ковры, войлок, одеяла, обувь, женские украшения. Башревком составил список всего этого, и З. Валидов вручил его Ленину. 6 октября по распоряжению Ленина принимается решение о выделении 150 млн рублей для компенсации ущерба, нанесенного Красной Армией башкирам[11].

Однако помощь стали распределять не через Башревком, членом которого был и Алкин, а через специально учрежденную комиссию, названную «Башкирпомощь». В ней не было ни одного представителя от башкир. Она же вместо того, чтобы использовать деньги напрямую, начала тратить их на создание комитетов бедноты и коммунистических ячеек. Тогда Башревком потребовал ликвидировать комиссию или подчинить себе. В д. Ток-Чуран, «пресловутый» И. Алкин, как его назвал представитель комиссии А. Г. Даугэ, сделав анализ работы «Башкирпомощи», предложил резолюцию, в которой говорилось, что деятельность комиссии противоречит конституции, соглашению и даже программе РКП(б). Резолюция с требованием отказа от такой «помощи» была принята единогласно.

10 марта на съезде «Башкирпомощи» З. Валидов, Ф. Тухватуллин и И. Алкин выступили с речами на башкирском языке, оценив деятельность комиссии, как направленную на отмену башкирской автономии.

В июле члены Башревкома, в том числе И. Алкин, были арестованы и отправлены в Москву. В тезисах Башкирского обкома РКП(б) «Национальный вопрос и очередные задачи советского строительства в Башкирии» говорилось об обязанности «каждого преданного Советской власти гражданина осведомлять органы власти о деяниях контрреволюции». Подчеркивалось, что «только при таком порядке мы сумеем в интересах самих трудовых масс Башкирии обезвредить всех тех сознательных и несознательных контрреволюционеров, которые подобно З. Валидову и И. Алкину и части нахлынувшей в Башкирию русской интеллигенции попытаются использовать националистические заблуждения в целях противосоветской заговорческой работы»[12].

По освобождении из-под ареста И. Алкин остается в Москве и работает юристом-консультантом московской конторы Башторга, сотрудничает с Наркомнацем.

После Гражданской войны И. Алкин окончил экономический факультет Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова и всю свою дальнейшую жизнь посвятил научной и преподава-

тельской деятельности. Особенно знаменателен период его работы в Коммунистическом университете народов Востока. За короткий промежуток времени, не будучи коммунистом, он прошел путь от ассистента до профессора. Написал ряд получивших высокую оценку в научных кругах исследований по экономической географии Средней Азии. Мог он оказаться в ряду самых выдающихся ученых-экономистов, будь реализован его всесторонний талант. Однако этому не суждено было сбыться.

Военная коллегия Верховного суда СССР 27 октября 1937 г. приговорила Илиаса Алкина к расстрелу. Ему инкриминировалось активное участие в пантюркистской антисоветской организации, проведение националистической контрреволюционной работы среди среднеазиатского студенчества в Коммунистическом университете народов Востока. Разумеется, как было установлено в последующем, ничего подобного не было. Это было хорошо известно тем, кто под невыносимыми пытками заставлял его признаваться в несовершенных грехах. Беспощадная сталинская машина смерти жаждала крови. Не только Алкина, но и сотен тысяч талантливейших людей, объявленных врагами народа.

Илиас Алкин ушел из жизни на 43 году жизни, будучи полон сил и энергии, не успев совершить многое из того, что было намечено им во благо Отчизны. Однако даже то, что он успел сделать за прожитые годы, позволяет видеть его в ряду выдающихся людей нашего народа.

Илиас Алкин — общественный деятель, военачальник, ученый. Документы и материалы / Сост. Тагиров И. Р., Шарафутдинов Д. Р. – Казань: Издательство «Гасыр». Приложение к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков», 2002. – 352 с.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Илиас Алкин — общественный деятель, военачальник, ученый. Документы и материалы / Сост. Тагиров И. Р., Шарафутдинов Д. Р. – Казань: Издательство «Гасыр». Приложение к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков», 2002. – С. 86.
2. Известия Всероссийского мусульманского военного шуро. – 1917. – № 2. – 23 ноября; Безнең тавыш. – 1917. – № 5. – 22 декабрь; Известия Всероссийского мусульманского военного шуро. – 1917. – № 8. – 31 декабря; Гришин Я. Я., Шарафутдинов Д. Р. Отчизны верные сыны // О военачальниках — выходцах из древних татарских родов. – Казань: Издательство «Гасыр». Приложение к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков», 2001. – С. 92-105, 120-137.
3. ЦГА ИПД РТ, ф. 36, оп. 1, д. 100, л. 3.
4. Илиас Алкин — общественный деятель… – С. 90.
5. Там же. – С. 125.
6. Валиди Тоган З. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – М., 1997. – С. 191.
7. Там же. – С. 194.
8. Образование БАССР. – Уфа: Баш. книж. изд-во, 1959. – С. 203-204.
9. Валиди Тоган З. Указ. соч. – С. 253.
10. Известия Башкирского обкома РКП(б). – 1922. – № 1. – 2 апреля.
11. Валиди Тоган З. Указ. соч. – С. 241.
12. Илиас Алкин — общественный деятель… – С. 200.

Индус Тагиров,
доктор исторических наук

«Волевой командир с твердым характером»

(Х. Б. Мавлютов)

Хусаин Багаутдинович Мавлютов родился в августе 1893 г. в г. Чистополе Казанской губернии[1] в бедной семье[2]. Учился в медресе, а затем в городской русской школе[*] в Перми, которую окончил в 1911 г.[3] Далее одаренный юноша обучается за счет мусульманского культурно-экономического благотворительного общества «Джамгияти хайрия» в Казанской татарской учительской школе, готовившей учителей русского языка для татарских школ[4]. Весной 1915 г. он получает диплом народного учителя и направляется на работу в школу д. Башкиро-Култаево Пермской земской управы[5].

После отмены льгот народным учителям, которые раньше освобождались от воинской службы, Х. Мавлютов осенью 1915 г., пройдя врачебную комиссию, определяется «годным к строевой службе»[6] и отправляется в Уфу[7] в 144-й запасной батальон[8]. В начале 1916 г. командируется в Чугуевское военное училище, где в течение шести месяцев учится на офицерских курсах[9]. В ходе учебы Х. Б. Мавлютов получил звание унтер-офицера[10], а во время выпуска был производен в прапорщики[11]. В этом звании он направляется в 295-й Свирский пехотный полк 74-й дивизии Юго-Западного фронта[12], где вскоре становится командиром роты и получает погоны подпоручика[13]. За смелость и отвагу он был награжден Георгиевским крестом[14]. Участвуя во мно-

[*] Сам Мавлютов Х. Б. при заполнении анкет писал, что он окончил начальное училище (см.: ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817, л. 13 об.).

гих кровопролитных сражениях, Мавлютов получил контузию, был четырежды ранен[15].

После Февральской революции избирается председателем ротного суда и ротного комитета*. В мае 1917 г. участвует в качестве делегата от солдат-татар 41-го армейского корпуса во Всероссийском съезде**. Летом 1917 г. Х. Мавлютов в одном из тяжелых боев был тяжело ранен и отправлен в Пермский окружной госпиталь[16]. Вскоре он получает годичный отпуск по состоянию здоровья[17]. В начале апреля 1918 г. вступает в ряды РКП(б)[18]. Работает временно при Пермской земской управе инспектором по просвещению среди татаро-башкирского населения[19]. Одновременно становится одним из организаторов губернского съезда представителей татаро-башкирского пролетариата, где избирается председателем Пермского окружного комиссариата по делам мусульман, редактирует газету «Кызыл Урал» («Красный Урал»)[20].

В ноябре-декабре 1918 г. Мавлютов участвует в Пермской губернской конференции, на ней избирается членом губкома и заведующим его татаро-башкирской секцией[21], руководит созданием татаро-башкирских национальных частей Красной Армии при отделе формирования 3-й армии в Перми[22].

После эвакуации из Перми прибывает в Вятку, где находится по май 1919 г. в качестве члена губисполкома и комиссара по делам национальностей[23]. Издает газету «Коммунист» на татарском языке[24].

В мае 1919 г. Х. Мавлютов поступил добровольно на службу в Красную Армию[25] и был назначен агитатором-организатором политотдела Центрального военного мусульманского комиссариата при Наркомвоене РСФСР[26]. В это время идет формирование Приволжской татарской стрелковой бригады, куда его назначают заместителем политического комиссара[27]. Через месяц он переводится на службу в 3-й татарский полк на должность командира[28]. Штаб полка формируется в Казани, а сама часть — в Алатыре. Именно туда Х. Мавлютов и отправляется, чтобы со своей частью отбыть на Оренбургский фронт[29].

Со своим полком он активно участвует в ликвидации «Оренбургской пробки», форсировании реки Урал и соединении с войсками Советского Туркестана, взятии Уила, разгроме Илецкого и Иртецкого казачьих полков[30]. За умелое руководство боями, за личную храбрость и отвагу в борьбе с белоказаками Илецкого корпуса под Уильском осенью 1919 г. Х. Мавлютова приказом по 1-й армии награждают орденом Красного Знамени[31].

С 29 августа по 2 сентября 1920 г. Х. Мавлютов участвует в Бухарской операции. Реввоенсовет фронта назначает его начальником правой колонны Каганской группы войск в составе 10-го и 12-го (бывший 3-й) стрелковых, 1-го и 4-го кавалерийских полков, бронепоезда № 28, 53-го автоброневого отряда и взвода тяжелой артиллерии[32]. В боях за овладение Бухарой полк Мавлютова показал себя с лучшей стороны, да и командир оказался не робкого десятка. Реввоенсовет Туркестанского фронта 16 сентября 1920 г. награждает Х. Мавлютова вторым орденом Красного Знамени, а его часть — почетным революционным Красным знаменем[33].

С 16 сентября 1920 г. по 6 февраля 1921 г. Х. Мавлютов — участник боев и походов в Ферганской долине[34]. С декабря 1920 г. — временно исполняет должность командира отдельной татарской бригады[35].

В мае 1921 г. направляется в распоряжение ЦК ВКП(б). Отсюда его командируют в командное управление РККА в резерв комсостава, где он находился три месяца[36]. В сентябре 1921 г. Х. Мавлютова откомандировывают на учебу в Военную академию РККА, зачисляют слушателем младшего курса. В мае 1922 г. Мавлютов был приведен к красной присяге, в сентябре переведен на старший курс, а в августе 1923-го — на дополнительный курс[37]. Будучи слу-

* В книге «Борцы за счастье народное», в статье о Х. Б. Мавлютове сообщается, что он также являлся членом полкового солдатского комитета (с. 220).

** Так в документе. Вероятно, имеется в виду I Всероссийский мусульманский съезд, который проходил с 1 по 11 мая 1917 г. в Москве // ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817, л. 13.

шателем академии, он поступает в распоряжение начальника штаба РККА для замещения штатной должности с совмещением одновременно работ по академии[38]. В соответствии с приказом являлся помощником начальника VI отдела оргуправления штаба.

Пробыв в академии почти три года, Х. Мавлютов заканчивает ее с правами лиц, имеющих высшее военное образование, с оценкой «хорошо». Но на этом его учеба не прерывается, так как выпускник намечен к приему на Восточное отделение академии. С 19 августа 1924 г. он вновь слушатель. Двухгодичная учеба прошла быстро и окончилась с оценкой «хорошо»[39].

Как указывается в аттестации за подписью начальника Военной академии Р. Эйдемана, Х. Мавлютов был «подготовлен для работы на Востоке». Управление же по комсоставу видело его на должности начальника штаба дивизии[40].

После окончания академии находился в двухмесячном отпуске. 15 сентября 1926 г. приказом РВС СССР направлен в распоряжение Разведуправления штаба РККА, которым командируется к начальнику разведотдела штаба Кавказской Краснознаменной армии[41].

Далее, с 23 ноября 1926 г. по 1 февраля 1931 г., в послужном списке Х. Мавлютова — пробел. Его восполняют в какой-то мере сведения В. Исхакова, который отмечал, что Мавлютов был направлен в Наркоминдел и около четырех лет находился на дипломатической работе в Иране[42].

В личном деле Х. Мавлютова имеется аттестация за 16 января 1931 г. Приведем ее полностью: «Товарищ Мавлютов Хусаин Багаутдинович — развитый и способный работник с большой инициативой и эрудицией. Волевой командир с твердым характером, очень трудолюбив и аккуратен в работе, исполнителен. В обстановке ориентируется быстро, способен быстро анализировать и принять решения. Во взаимоотношениях с товарищами держится ровно и спокойно, не склочник. Политически развит, политической жизнью интересуется. Активно участвует в партийной и общественной работе. Читает много и много работает над собой. Имеет склонность к научно-исследовательской работе и является знатоком Среднего Востока. Свободно владеет персидским (фарси) и турецким языками. Для строевой службы годен, но вследствие длительной командировки от строя оторвался. После стажировки в строю будет соответствовать должности начштабдива, комполка или начальник[а] IV отдела округа. Берзин»[43].

Из документа можно сделать вывод, что Х. Мавлютов в Иране был в качестве военного атташе.

1 февраля 1931 г. его назначают помощником начальника III отдела IV управления штаба РККА[44]. Через год начальник отдела Никонов пишет о своем подчиненном следующее: «Весьма толковый, исполнительный и твердый командир. Имеет большой опыт в работе по Востоку и четко разбирается во всех военных и военно-политических проблемах изучаемых стран»[45].

9 октября 1932 г. Х. Мавлютова назначают начальником 4-го отдела штаба Краснознаменной армии[46]. В этом же году у него родился сын Теймур[47].

В сентябре 1933 г. Высшая аттестационная комиссия при РВС СССР постановила: «согласиться с аттестацией, данной тов. Мавлютову начальником IV управления штаба РККА; занимаемой должности вполне соответствует; в должности начальника 4-го отдела штаба армии аттестовать в 1934 г.»[48]

3 марта 1934 г. Х. Мавлютов подает начальнику штаба РККА рапорт о разрешении «съездить в Москву с 16 по 29 марта за семьей, которая ввиду болезни ребенка осталась в Москве. В настоящее время семья дальше оставаться в Москве не может»[49].

В декабре 1935 г. ему было присвоено звание полковника. 28 июля 1937 г. уволен в запас. Через три дня его арестовали, затем приговорили к высшей мере наказания[50].

Военной коллегией Верховного суда СССР от 1 июня 1957 г. Х. Б. Мавлютов реабилитирован.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817, л. 12 об.
2. Гизаттуллин И. Мавлютов Хусаин Багаутдинович // Борцы за счастье народное. – Казань, 1988. – Кн. 3. – С. 219.
3. Там же; Исхаков В. Хусаин Мавлютов. – Казань, 1971. – С. 7-8.
4. Гизаттуллин И. Указ. соч. – С. 219; Исхаков В. Указ. соч. – С. 9.
5. Исхаков В. Указ. соч. – С. 12.
6. Там же.
7. Гизаттуллин И. Указ. соч. – С. 220.
8. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1818.
9. Исхаков В. Указ. соч. – С. 14.
10. Там же.
11. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817.
12. Гизаттуллин И. Указ. соч. – С. 220.
13. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817; Исхаков В. Указ. соч. – С. 15.
14. Исхаков В. Указ. соч. – С. 15.
15. Гизаттуллин И. Указ. соч. – С. 220.
16. Исхаков В. Указ. соч. – С. 15.
17. Там же. – С. 16; Гизаттуллин И. Указ. соч. – С. 220.
18. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817, л. 13.
19. Исхаков В. Указ. соч. – С. 16.
20. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817; Исхаков В. Указ. соч. – С. 22.
21. Гизаттуллин И. Указ. соч. – С. 221.
22. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817, л. 13 об.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Гизаттуллин И. Указ. соч. – С. 221.
27. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817, л. 13 об; Исхаков В. Указ. соч. – С. 32.
28. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817, л. 13 об.
29. Там же.
30. Гизаттуллин И. Указ. соч. – С. 222-223; Исхаков В. Указ. соч. – С. 32-35.
31. Исхаков В. Указ. соч. – С. 35.
32. Гизаттуллин И. Указ. соч. – С. 224; ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817.
33. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817; Исхаков В. Указ. соч. – С. 48-50.
34. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817; Исхаков В. Указ. соч. – С. 49-50.
35. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817, л. 13 об.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же, л. 13 об., 14.
40. Там же, д. 1818, л. 5.
41. Там же, л. 14.
42. Исхаков В. Указ. соч. – С. 51.
43. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1817, л. 49.
44. Там же, л. 14.
45. Там же, л. 10.
46. Там же, л. 14.
47. Там же, л. 13.
48. Там же, л. 9.
49. Там же, л. 11.
50. Там же, л. 14.

Фото на с. 173: Х. Б. Мавлютов. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1820, л. 1.

Яков Гришин,
доктор исторических наук,
Сайфутдин Мэнди,
историк-архивист

О гибели комбрига Анатолия Серова и майора Полины Осипенко в авиационной катастрофе

Прошло более 70 лет со дня трагической гибели в авиационной катастрофе выдающихся летчиков своего времени Анатолия Константиновича Серова* и Полины Денисовны Осипенко**. Трагедия двух человек оказалась соотнесенной с большой проблемой развития отечественной авиации и роста мастерства ее кадров, вписанной в череду летных происшествий, тяжелых катастроф, произошедших в конце 1938 — начале 1939 гг., в которых погибли четыре опытнейших летчика — Герои Советского Союза

* Серов Анатолий Константинович (7 (20) марта 1910 г. — 11 мая 1939 г.) — летчик-испытатель, комбриг (1939). В РККА с 1929 г. Член ВКП(б) с 1931 г. В 1931 г. окончил военную школу летчиков и летнабов, после чего служил в истребительной авиации, командиром звена летчиков-испытателей НИИ ВВС. В 1937-1938 гг. добровольцем воевал в Испании во время Национально-революционной войны испанского народа 1936-1939 гг., где командовал авиаотрядом и авиаэскадрильей. Участвовал в 40 воздушных боях, лично сбил 8 самолетов противника. Отличился в воздушных боях за Мадрид и другие города. Герой Советского Союза (2 марта 1938 г.). Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени. С 1938 г. — начальник Главной летной инспекции ВВС РККА. В 1939 г. окончил курсы усовершенствования командного состава при Военной академии Генерального штаба.

** Осипенко Полина Денисовна (26 сентября (8 октября) 1907 г. — 11 мая 1939 г.) — летчик-испытатель, майор (1939). В 1932 г. окончила Качинскую авиационную школу, служила в истребительной авиации летчиком и командиром авиационного звена. Установила 5 международных женских рекордов. Член ВКП(б) с 1932 г. В 1938 г. совершила беспосадочный перелет по маршруту Севастополь — Архангельск, а также в составе экипажа вместе с В. С. Гризодубовой и М. М. Расковой беспосадочный перелет по маршруту Москва — район Комсомольска-на-Амуре на самолете «Родина». Герой Советского Союза (2 ноября 1938 г.).

комбриг В. П. Чкалов; заместитель командующего ВВС Белорусского особого военного округа (БОВО) полковник А. А. Губенко; комбриг А. К. Серов и майор П. Д. Осипенко[1]. Их гибель ярко высветила общую крайне неблагоприятную ситуацию, которую характеризуют следующие данные: только с января по 15 мая 1939 г. произошли 34 авиакатастрофы, в которых погибло 70 человек личного состава, а также 125 аварий, в которых был разбит 91 самолет[2].

Причины создавшегося в ВВС положения и меры выхода из него были обсуждены 16-17 мая 1939 г. на расширенном заседании Главного военного совета (ГВС) РККА[3], по итогам которого был издан приказ наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова[4]. Основными причинами были признаны следующие: преступное нарушение специальных приказов, положений, летных наставлений и инструкций; плохая работа командно-политического состава по воспитанию летно-технических кадров; плохая организация учебно-боевой подготовки авиационных частей; неумение командно-политического состава наладить летно-техническую подготовку с учетом уровня специальных знаний и подготовленности каждого обучающегося, его индивидуальности и способностей; неудовлетворительное знание личным составом материальной части и ее плохая эксплуатация; «недопустимое ослабление воинской дисциплины» в частях ВВС, «расхлябанность», допускавшаяся даже лучшими летчиками, была отмечена как главная причина[5].

Эти выводы относились прежде всего к летчикам средней квалификации, но в известной мере они оказались справедливыми и в отношении опытных летчиков. В приказе наркома обороны СССР, в частности, было отмечено, что В. П. Чкалов погиб только потому, что новый истребитель, который он испытывал, «был выпущен в полет в совершенно неудовлетворительном состоянии, о чем Чкалов был полностью осведомлен. Больше того, узнав от работников НКВД о состоянии этого самолета, тов. Сталин* лично дал указание о запрещении тов. Чкалову полетов впредь до полного устранения недостатков самолета, тем не менее комбриг Чкалов на этом самолете с неустраненными полностью дефектами через три дня не только вылетел, но начал совершать свой первый полет на новом самолете и новом моторе вне аэродрома, в результате чего, вследствие вынужденной посадки на неподходящей захламленной местности, самолет разбился и комбриг Чкалов погиб»[6].

А. А. Губенко погиб потому, что, несмотря на прямой запрет командующего БОВО командарма 2 ранга М. П. Ковалева производить ему «полеты высшего пилотажа с использованием взлетных полос». В нарушение всех приказов и наставлений по полетам на самолете «И-16», проявляя «недисциплинированность, граничащую с преступлением», он начал «высший пилотаж на недопустимо низкой высоте (над самой землей**)»[7].

Причиной гибели А. К. Серова и П. Д. Осипенко стало, видимо, то, что Серов пилотировал самолет «вслепую» («под колпаком») «на высоте всего лишь 500-600 метров, вместо установленной для этого упражнения высоты не ниже 1 000 метров», что было расценено, как «безобразное, больше того, преступное нарушение элементарных правил полетов, обязательных для каждого летчика и начальников в первую голову»[8].

В приказе наркома обороны СССР, как и в ходе обсуждения на ГВС РККА вопроса о причинах летных происшествий и катастроф, в отношении Чка-

* И. В. Сталин на заседании ГВС 16 мая 1939 г. отметил: «Случай с Чкаловым. Тут тоже недисциплинированность одна из причин. Он взялся испытать серьезный скоростной самолет. В ЦК поступили сведения, что самолет не готов, было сделано предупреждение через Н[ародный] к[омиссариат] о[бороны] не давать согласия на вылет, не разрешили вылетать. Несмотря на такое предупреждение, самолет не испытан, мотор тоже, Чкалов вылетает, сначала кружит над аэродромом, затем уходит дальше, там мотор и самолет начинают финтить, он снижается на случайный двор, задевает за дрова и гибнет» // Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. – М., 2004. – С. 206.

** В скобках слова, вычеркнутые К. Е. Ворошиловым при редактировании проекта приказа.

лова, Губенко и Серова были использованы жесткие, нелицеприятные оценки, за которыми скрывались и человеческое сочувствие*, и огромная досада, в какой-то мере разочарование и раздражение. И это понятно, кому многое дано, с тех много и спрашивается!

Как известно, без дисциплины, порядка и хорошей организации не может быть ни хорошей подготовки бойцов, ни победы в боях. У нас нет достаточных оснований оспаривать справедливость высказанных оценок и упреков**. Но историкам, возможно, следует учесть то, чему не могло найтись места в приказе наркома. Речь идет о более полном учете личного фактора летчика в этих катастрофах. Впрочем, возможно полно и надежно его могут оценить только те, кто сам испытывал авиационную технику и искал новые возможности ее боевого использования.

Думается, в данном случае необходимо учесть, то, что проверенное временем хорошее знание авиационной техники и умение владеть ею, а также сопутствовавшая им прежде удача понижали чувство опасности и повышали чувство самоуверенности, активизировали стремление их, как боевых летчиков, летчиков-испытателей, искать и опробовать новое, на грани возможного и, казалось бы, невозможного.

Серьезные причины этих катастроф, очевидно, лежали в самих летчиках — своего рода «баловнях судьбы», людях быстро и высоко вознесенных, обласканных и находящихся в ореоле славы. Со всеми плюсами и минусами этого положения… В смелых людях, не боявшихся принимать рискованные решения и нести за них ответственность. Людях отважных, обладавших сильной волей, напористым характером, привыкшими и умевшими рисковать.

К тому же, их прежние успехи были во многом связаны как раз с нарушением общепринятых правил летной дисциплины, приказов, инструкций и т. д. и т. п., что, конечно, не могло не повышать степени риска в их, и без того, опасной работе. При стечении неблагоприятных условий и факторов профессиональный риск, как выяснялось слишком поздно, оказывался чрезмерным и необоснованным. В итоге — катастрофы, человеческие трагедии.

Как летчики В. П. Чкалов и А. К. Серов, нарушая приказы, инструкции, были неправы. Но как советские патриоты, жившие в условиях приближающейся войны, готовившиеся к ней и заботящиеся о будущей победе в боях тех, для которых они прокладывали путь к мастерству и превосходству в воздушных боях возможной войны, к победам и выживанию в них, они были правы.

Во всяком случае, объективно они постоянно рисковали и жертвовали собой во имя будущей победы. Отсюда, думается, и кажущееся противоречие в оценках их действий во время роковых полетов: нелицеприятная критика и признание их жертвенного подвига, выразившаяся в чести быть похороненными в Москве на Красной площади у Кремлевской стены***. Отсюда и добрая слава и светлая память, живущая в народе уже несколько поколений.

Авиакатастрофа, в которой погибли А. К. Серов и П. Д. Осипенко, произошла утром 11 мая 1939 г. Руководство страны было сразу же извещено о трагедии, и в тот же день во-

* К. Е. Ворошилов на заседании ГВС РККА 17 мая 1939 г., в частности, сказал: «У нас в авиации притупилось чувство жалости за потерянного человека. Вот посмотрите, тут выступал сегодня тов. Шевченко, а не так давно он выступал на Красной площади, держал специальную правительственную речь над гробом его товарищей и больших друзей — Героев Советского Союза Серова и Осипенко — и не чувствовалось в ней человеческой боли по поводу потери наших больших советских людей» // Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. – М., 2004. – С. 227.

** История гибели Чкалова, Серова и Осипенко до сих пор приковывает к себе внимание не только историков, но и широкой общественности. Смерть унесла с собой многие тайны истории этих катастроф, что создает простор для разного рода домыслов, версий… Хорошо известны политизированные версии гибели В. П. Чкалова, в которых обвиняется кто угодно, но наш летчик выводится из «зоны критики» и не рассматривается как фактор катастрофы.

*** Вопрос о захоронении и об увековечении памяти В. П. Чкалова был рассмотрен на Политбюро 17 и 26 декабря 1938 г. и 26 января 1939 г., а о захоронении и об увековечении памяти А. К. Серова и П. Д. Осипенко — 4 апреля 1940 г. (см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог / Т. П. 1930-1939. – М., 2001. – С. 1011, 1012, 1021, 1054).

прос о гибели и похоронах героев обсуждался в Политбюро ЦК ВКП(б)[9]. Ниже публикуется документ, проливающий свет на историю гибели А. К. Серова и П. Д. Осипенко — политдонесение военкома центральных сборов по слепым полетам истребителей авиации при Рязанских авиационных курсах усовершенствования полкового комиссара С. Першина о гибели Серова и Осипенко, направленное начальнику Политуправления РККА армейскому комиссару 1 ранга Л. З. Мехлису. Документ датирован 13 мая 1939 г., в Политуправление РККА поступил 15 мая 1939 г. В тот же день Л. З. Мехлис направил секретарям ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, А. А. Андрееву, А. А. Жданову, Г. М. Маленкову, наркому обороны СССР, маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову и председателю СНК СССР В. М. Молотову копии «политдонесения» с сопроводительным письмом следующего содержания: «Представляю копию донесения полкового комиссара Першина об обстоятельствах катастрофы самолета УТИ-4, во время которой погибли Герои Советского Союза комбриг [Анатолий] Серов и Полина Осипенко»[10].

Политбюро ЦК ВКП(б) было извещено об их гибели сразу же после установления факта катастрофы и в тот же день, 11 мая 1939 г., был рассмотрен вопрос «О похоронах тт. Серова и Осипенко» и решено «организовать Правительственную комиссию по похоронам тт. Серова и Осипенко в составе тт. Булганина (председатель), Буденного, Мехлиса, Щербакова, Лактионова, Смушкевича, Гризодубовой и Расковой», похороны «принять на счет государства», захоронить «на Красной площади у Кремлевской стены».

Публикуемое «политдонесение» датировано 13 мая и включает в себя результаты заключения Центральной аварийной комиссии ВВС РККА. Есть достаточно оснований предполагать, что по каналам НКВД СССР и НКО СССР выводы этого заключения были доведены до руководства ВКП(б) и государства в тот же день еще до рассмотрения на Политбюро вопроса о времени и ритуале: похороны и траурный митинг были назначены на 17 часов 14 мая, а в качестве выступающих на траурном митинге утверждены: от правительства и ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлис, от МК ВКП(б) и Моссовета А. С. Щербаков, от летчиков и Героев Советского Союза Г. М. Шевченко[11].

Поступившая в Политбюро информация об обстоятельствах и причинах гибели Серова и Осипенко, отразившаяся в «политдонесении», представляет версию событий. Смерть участников полета скрыла все обстоятельства и детали полета и управления самолетом. Мы не знаем, был ли рискованный режим их полета на заведомо низкой высоте результатом ошибки летчика или выполнением преднамеренного решения (как и А. А. Губенко), осуществляемого по договоренности между Серовым и Осипенко. Не исключено, что это понимали и руководители страны.

Тем не менее, судя по всему, именно их гибель послужила «последней каплей», непосредственной причиной срочного рассмотрения на расширенном заседании ГВС РККА 16-17 мая 1939 г. вопроса о причинах летных происшествий и катастроф в ВВС РККА, сопровождавшихся тяжелыми потерями личного состава и авиационной техники, и принятия мер, направленных на их устранение. 4 июня 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило вопрос об увековечении памяти Серова и Осипенко*.

«Политдонесение» хранится в Рос-

* В честь А. К. Серова решено переименовать Надеждинский район Свердловской области в Серовский район, г. Надеждинск — в г. Серовск и воздвигнуть памятник Серову в нем; присвоить имя Серова Надеждинскому металлургическому заводу; предложить Моссовету переименовать Лубянский проезд в г. Москве в проезд имени Серова; выдать единовременное пособие по 5 тыс. рублей жене, а также родителям (отец и мать) А. К. Серова. В честь П. Д. Осипенко решено переименовать г. Бердянск Запорожской области в г. Осипенко, село Новоспасовка Бердянского района, где она родилась, — в село Осипенко, воздвигнуть памятник П. Д. Осипенко; присвоить ее имя Бердянскому учительскому институту, организовать в г. Бердянске авиационный клуб им. Осипенко, предложить Моссовету переименовать Садовническую ул. в г. Москве в ул. имени Осипенко; выдать единовременное пособие в 5 тыс. рублей ее матери и 3 тыс. рублей ее сестре, у которой она воспитывалась и, сверх того, назначить пожизненную пенсию матери (300 руб. в месяц) и сестре (200 руб. в месяц) (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1010, л. 26).

сийском государственном военном архиве в фонде «Политуправление Красной Армии» среди дел «Секретариат начальника Политуправления РККА» в виде подлинного письма (ф. 9, оп. 29, д. 410, л. 65-67) и копии с него (ф. 9, оп. 29, д. 410, л. 68-72). Подлинник — на бланке политотдела Рязанских авиационных курсов усовершенствования (угловой штамп типографского исполнения), в котором указаны дата отправления (13 мая 1939 г.) и исходящий номер (№ 164). В центре верхней части листа имеется штамп в форме верхней половины круга диаметром примерно равным 1/4 ширины листа формата «А-4», по внутреннему обводу верхней части которого имеется надпись: «Секретариат Политуправления Р.К.К.А.» В середине штампа: «Вх. № 2325 с» и дата — «15.V.1939 г.»[12]

Текст «политдонесения» публикуется по подлиннику с сохранением его характерных особенностей. Опечатки исправлены без оговорок. В необходимых случаях пояснения по тексту даны в примечаниях, а сокращения раскрыты в квадратных скобках.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. – М., 2004. – С. 237.
2. Там же.
3. Там же. – С. 202-237.
4. Там же. – С. 237-249.
5. Там же. – С. 237-238.
6. Там же. – С. 238-239.
7. Там же. – С. 239.
8. Там же.
9. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог / Т. П. 1930-1939. – М., 2001. – С. 1049.
10. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 9, оп. 29, д. 410, л. 63, 64, 73.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 3, д. 1009, л. 34, 35.
12. РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 410, л. 65.

№ 1. Политдонесение начальнику Политуправления РККА Л. З. Мехлису, члену военного совета Московского военного округа А. И. Запорожецу, члену военного совета Военно-воздушных сил РККА Ф. А. Агальцову, начальнику Политуправления МВО Лобачеву

13 мая 1939 г.
г. Рязань.
№ 164

О катастрофе самолета УТИ-4, пилотируемого начальником Центрального сбора по слепым полетам при Рязанских авиационных курсах усовершенствования Героем Советского Союза, комбригом тов. Серовым и слушателем сбора, Героем Советского Союза, майором тов. Осипенко.

Доношу, что сегодня 11 мая произошло большое несчастье, погибли при катастрофе УТИ-4 во время выполнения учебного полета лучшие люди нашей Родины — начальник сбора, Герой Советского Союза, комбриг тов. Серов и участник сбора, Герой Советского Союза, майор тов. Осипенко.

Катастрофа произошла при следующих обстоятельствах.

На основании приказа Военного совета ВВС РККА от 9 мая с[его] [года] при Рязанских авиационных курсах усовершенствования начали работать Центральные сборы по слепым полетам истребителей авиации со своими самолетами и обслуживающим составом — инженеры, авиатехники, мотористы.

9 мая с[его] [года] на центральные сборы прибыли начальник сбора, Герой Советского Союза, комбриг тов. Серов и участник сбора, Герой Советского Союза, майор тов.

Осипенко. Для обслуживания комбрига тов. Серова из войсковой части № 5205 прибыл самолет типа УТИ-4 № 1521544 выпуска 24.06.1938 года завода № 21 с ресурсом до 1-го ремонта 350 часов. Имеет налет 49 часов. Сделал фигур 210, посадок 193. В ремонте не был. С мотором М-25-А № 198639 от 21.05.1938 г. завода № 19. Мотор наработал на земле 15 часов 50 минут и в воздухе 33 часа 10 минут. Самолет готовили и обслуживали инженер истребительного отряда войсковой части № 5205 воентехник 1-го ранга тов. Ладохин Дмитрий Азарович, 1907 года рождения, из крестьян, крестьянин, член ВКП(б), уроженец БССР, Витебской области, Дубровинского района, деревни Вечерино. В РККА с 1929 года. Авиатехник воентехник II-го ранга Воронов Сергей Алексеевич, 1915 года рождения, из рабочих, рабочий, член ВЛКСМ с 1931 года, уроженец города Батуми (Грузия), в РККА с 1935 года. Окончил Вольскую школу авиатехников в 1933 году. Войсковая часть № 5205.

Моторист Русак Леонид Васильевич, рождения 1914 года, из крестьян, рабочий, член ВЛКСМ с 1937 года, украинец, образование низшее, уроженец УССР, Винницкой области, Ямпольского района, села Михайловка, в РККА с 1936 года. Сверхсрочник по первому году. Войсковая часть № 5205. Работает на этом самолете 4 дня, до этого работал на другой машине.

11 мая в 8 часов 02 минуты вылетели с Дягилевского аэродрома на самолете УТИ-4 для выполнения учебного задания, задачи третьей — организационно-методических указаний по обучению слепым полетам летчиков–истребителей, упражнение № 3 «виражи и змейки в горизонтальной плоскости и развороты на заданный курс под колпаком» на высоте 1 000 метров. Экипаж самолета в составе инструктора в передней кабине Героя Советского Союза, комбрига тов. Серова и летчика в задней закрытой кабине под колпаком Героя Советского Союза, майора тов. Осипенко. Полет происходил по маршруту — Дягилевский аэродром — отведенная зона № 1, район Рыбное, дер. Высоково. Самолет возвратился с полета на Дягилевский аэродром в 8 часов 40 минут и после осмотра и зарядки* самолета горючим вылетел вторично в 8 часов 49 минут с тем же заданием и по тому же маршруту. Экипаж самолета обменялся местами, где инструктором в передней открытой кабине была Герой Советского Союза, майор тов. Осипенко и в задней закрытой кабине под колпаком — Герой Советского Союза, комбриг тов. Серов. Так как через 51 минуту самолет на аэродром не вернулся, по приказанию пом[ощника] начальника сбора майора тов. Абрамычева в 9 часов 45 минут послан самолет УТИ-4 с летчиком — слушателем сбора майором тов. Литвиновым на розыски не вернувшегося самолета. Через 15 минут, вернувшись с полета, майор тов. Литвинов доложил, что обнаружил разбитый самолет в районе деревни Высоково и около него толпу людей. Немедленно в этот район была выслана санитарная машина и руководящий состав сбора. На месте установлено следующее:

С самолетом УТИ-4 произошла катастрофа, погиб экипаж — Герои Советского Союза, комбриг тов. Серов и майор тов. Осипенко. Самолет врезался в землю и разбит между деревнями Фурсово и Высоково, что [в] 25 километр[ах] северо-западнее Рязани, в 17 километрах от Дягилевского аэродрома. По нашим предположениям наиболее вероятной причиной катастрофы является следующее: имея богатейший практический опыт в технике пилотирования в любых условиях, Герой Советского Союза, комбриг тов. Серов и майор тов. Осипенко безгранично доверяли друг другу в технике пилотирования под колпаком. Во всех предыдущих полетах действительно летчик, находившийся под колпаком, выходил из любого положения и выводил самолет в нормальный режим полета. В данном полете, в котором произошла катастрофа, комбриг тов. Серов, выполняя полет по прямой, допускал крен и снижение самолета, в результате чего, подходя к зоне, самолет имел [высоту]** от 500 до 300 метров. По показаниям очевидцев на этой высоте тов. Серов приступил к выполнению виражей под колпаком. Первый вираж был выполнен правильно, но при переходе в другой вираж сильно задрал самолет***,

* Так в документе. Вероятно, имеется в виду «заправки» (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

** Слово вписано в машинописный текст рукой.

*** Так в документе. В копии политдонесения данный фрагмент текста подвергся редактированию, но при печа-

вследствие чего самолет потерял скорость и свалился в штопор. Майор тов. Осипенко, допуская раньше комбригу тов. Серову ошибки, с которыми он справлялся, не ожидала штопорного положения и ждала, что тов. Серов выведет самолет в нормальное положение. Комбриг тов. Серов, не поняв из показания приборов, что самолет находится в штопорном положении, пытался поставить его в нормальное положение сам и поэтому первое движение со стороны майора тов. Осипенко он парировал своими движениями. Тов. Осипенко, видя угрожающее положение самолета на малой высоте решительными движениями прекращает вращение на штопоре, но вследствие потери высоты и без того малой, не успела вывести самолет из пикирования, в положении начального пикирования самолет врезался в землю.

Центральная аварийная комиссия ВВС РККА под председательством бриг[адного] инженера тов. Репина дает заключение, что самолет врезался в землю под углом 55 градусов с работающим мотором на малых оборотах (700-900 оборотов в минуту) с показанием приборов: техническая скорость 210 километров в час, зажигания обоих магнето включены, пожарный кран открыт. Все органы управления самолетом комиссией признаны исправно работающими до последнего момента катастрофы.

При разборке мотора также каких-либо дефектов не обнаружено, следовательно, наиболее вероятной причиной катастрофы является:

1). Потеря высоты до 500-300 метров вместо заданной не ниже 1 000 метров.

2). Совершая полет под колпаком, Герой Советского Союза, комбриг тов. Серов допустил пилотажную ошибку на малой высоте, потеряв скорость, свалился в штопор.

Инструктор-контролер Герой Советского Союза, майор тов. Осипенко не успела своевременно вмешаться в управление самолетом и скорректировать допущенную ошибку, вследствие чего самолет, прекратив штопорное вращение с пикирующего положения, врезался в землю.

Военком сбора за полковой комиссар С. Першин (подпись).

РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 410, л. 65-67.

Фото на с. 177: Слева — А. К. Серов. Вестник архивиста. – 2009. – № 2 (106). – С. 263; справа — П. Д. Осипенко. Вестник архивиста. – 2009. – № 2 (106). – С. 263.

Публикацию подготовил
Валентин Сахаров,
доктор исторических наук (Москва)

Вестник архивиста. – 2009. – № 2 (106). – С. 262-275.

ти, очевидно, была допущена ошибка: «сильно задрал нос самолет». Вероятно, имеется в виду: «сильно задрал нос самолета».

Оценка полководческой деятельности Г. К. Жукова в документах ЦК КПСС

В блистательной плеяде выдающихся советских военачальников Георгий Константинович Жуков — звезда первой величины. В Великой Отечественной войне не было ни одного полководца, который бы превзошел его в искусстве организации и ведения фронтовых и стратегических операций.

Много заслуженно добрых слов сказано о Г. К. Жукове в нашем Отечестве, а также за рубежом. Имя Жукова неразрывно связано с серией побед в эпохальных битвах, изменивших ход Второй мировой войны, — отмечают иностранные ученые, справедливо подчеркивая, что Жуков — воплощение чести и мужества русского народа, символ великих побед и национальной независимости.

Казалось бы, все ясно. Какие могут существовать сомнения в отношении национального гения, маршала Победы и величайшего из военных авторитетов? Но в жизни все сложнее и трагичнее. Вокруг личности и деяний Жукова много противоречивых суждений и оценок: объективных, субъективных, хвалебных и критических, справедливых и лживых, добрых и злобных. Более того, в течение четверти века его имя практически не упоминалось.

Все эти долгие годы на публикации о маршале накладывалось вето, а в угоду политической конъюнктуре из памяти народа хотели стереть имя великого полководца.

В годы Великой Отечественной войны Г. К. Жуков в разное время командовал войсками пяти фронтов, а как член Ставки и заместитель Верховного Главнокомандующего координировал боевые действия войск 19 фронтов. Планируя и осуществляя стратегические замыслы, он побывал в 53 армиях, причем в некоторых по 3-4 раза. Это позволяло ему хорошо знать положение дел в войсках; в своей памяти он держал сведения о сотнях воинских формирований, тысячах фамилий конкретных лиц, готовых выполнить его приказ.

Только с середины 1980-х гг. появились научные статьи и документальные публикации, освещающие военную, полководческую и политическую деятельность маршала Г. К. Жукова.

На наш взгляд, весомым вкладом в объективное и правдивое освещение деятельности Жукова как полководца, так и политика явился подготовленный коллективом составителей из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) (Н. Г. Томилиной, М. Ю. Прозуменщиковым и И. Н. Шевчуком) совместно с коллегами из АПРФ* и Комиссии при Президенте по реабилитации жертв политических репрессий к изданию сборник документов и материалов «Георгий Жуков»**.

В сборник включено около 200 документов и материалов: две трети которых — документы из РГАНИ, находящиеся в фондах Пленумов, Политбюро, Секретариата и отделов ЦК КПСС. Значительная их часть публикуется впервые, так как на многих до недавних пор стоял гриф «Секретно». Остальные взяты из фондов АПРФ и личного фонда Г. К. Жукова, хранящегося в РГВИА***. Сборник включает в себя документы за период с марта 1946 г. по сентябрь 1999 г. (решение Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий. — *И. Ш.*).

В рамках статьи коротко остановимся на ряде документов, иллюстрирующих оценку полководческой деятельности маршала Г. К. Жукова в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, когда у руководства страной стояли И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев. Следует отметить, что только собранные воедино документы ЦК КПСС позволяют создать довольно полную картину.

Фактически сразу же после победных салютов 9 мая 1945 г. и Парада Победы И. В. Сталин при помощи своих подручных — Л. П. Берии и В. С. Абакумова (СМЕРШ****) начал «охоту» и гонения на маршала Жукова. Об этом красноречиво свидетельствует подготовленный Сталиным совместно с Н. А. Булганиным и А. М. Василевским на основании донесений МГБ***** оскорбительный и унизительный для Г. К. Жукова «Приказ министра Вооруженных сил СССР от 9 июня 1945 г.» с грифом «Совершенно секретно».

«Маршал Жуков, — сообщалось в нем, — утеряв всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая себе при этом в разговорах с подчиненными разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения». Его обвинили в том, что Жуков не имел отношения к плану ликвидации сталинградской группы немецких войск и проведению этого плана, которые он приписывает себе. Дальше было указано, что маршал Жуков не имел также отношения к плану ликвидации крымской группы немецких войск, равно как и к проведению этого плана, хотя он и приписывает их себе в разговорах с подчиненными. Отмечалось, что ликвидация корсунь-шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, *как он заявлял об этом*******, а маршалом И. С. Коневым. Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя [умалчивать]******** *отрицать, как это делает маршал Жуков*, что без удара с юга войск маршала И. С. Конева и удара с севера войск маршала К. К. Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в те сроки, в которые это произошло».

В соответствии с этим приказом, по предложению Высшего военного совета и Совета министров СССР Г. К. Жуков был освобожден от должностей главнокомандующего сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных сил СССР и назначен командующим войсками Одесского военного округа.

Однако этим не закончилось. На Пленуме ЦК ВКП(б) в феврале 1947 г. маршал Жуков был выведен из числа канди-

---

* Архив Президента Российской Федерации (здесь и далее примечания автора).

** Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, М. Прозуменщиков, Ю. Сигачев, Н. Томилина, И. Шевчук; под ред. акад. А. Н. Яковлева. – М., 2001. – 820 с.

*** Российский государственный военно-исторический архив.

**** Лозунг «Смерть шпионам!» дал в 1943 г. название Главному управлению контрразведки «СМЕРШ», созданному при Народном комиссариате обороны СССР.

***** Министерство государственной безопасности.

****** Здесь и далее курсивом отмечен текст, вписанный И. В. Сталиным.

******* Слово, вычеркнутое Сталиным.

датов в члены ЦК ВКП(б). После очередной проверки Одесского военного округа, которым командовал ссыльный маршал, ЦК ВКП(б) своим постановлением от 20 января 1948 г. «вынес тов. Жукову последнее предупреждение, предоставив ему в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания. Одновременно ЦК ВКП(б) освободил тов. Жукова с поста командующего войсками Одесского военного округа и назначил командовать одним из меньших военных округов — Уральским».

Г. К. Жуков не был согласен с такими оценками его деятельности. Но при жизни Сталина он не смог опровергнуть эти нападки и ложь. Сделать это он попытался уже будучи на посту министра обороны СССР, на который был назначен в феврале 1955 г.

После XX съезда в партии возникла потребность уточнить, в чем заключался культ личности Сталина, какую роль он сыграл в истории СССР. По этому поводу велась подготовка к специальному Пленуму ЦК. Центральное место на нем отводилось докладу маршала Жукова, содержащему обстоятельнейшую критику Сталина по вопросу, который после 1945 г. традиционно оценивался как сильная сторона генералиссимуса, — его роль в Великой Отечественной войне. В подготовленном Жуковым выступлении содержалась развернутая критика культа личности Сталина. Доклад занимает более 10 страниц, приведем здесь лишь некоторые его фрагменты, касающиеся первого дня войны.

Отмечая неготовность Красной Армии к нападению Германии, Жуков писал: «Знали ли Сталин и председатель Совнаркома В. М. Молотов о концентрации гитлеровских войск у нашей границы? — Да, знали». Вслед за этим утверждением Жуков цитировал многочисленные разведдонесения, адресованные Сталину и Молотову и свидетельствовавшие о подготовке Германии к нападению на Советский Союз.

Далее Жуков сообщал сенсационные сведения: «22 июня 1941 г. в 3 ч. 25 м[ин.] Сталин был мною разбужен и ему было доложено о том, что немцы начали войну, бомбят наши аэродромы, города и открыли огонь по нашим войскам. Мы с тов. С. К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: “Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий”. До 6 часов 30 мин он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня, а фашистские войска тем временем, уничтожая героически сражавшиеся части пограничной охраны, вклинились в нашу территорию, ввели в дело свои танковые войска и начали стремительно развивать удары своих группировок».

Однако аргументированная и резкая критика маршала Жукова оказалась уже ненужной. Пленум не состоялся. Проект доклада Жукова оказался спрятанным на 40 лет в архиве Политбюро. В полном объеме он был включен в представляемый здесь сборник.

Казалось, что в период «хрущевской оттепели» гонениям и опале пришел конец, но увы, в адрес маршала полетели те же обвинения, но теперь уже из уст Н. С. Хрущева.

Учитывая темпы и масштабы роста авторитета Жукова и укрепление его позиций в армии и в обществе, Хрущев после разоблачений на июньском 1957 г. Пленуме ЦК КПСС антипартийной группы уже не мог откладывать решение вопроса о Жукове. Учитывая авторитет Г. К. Жукова в армии и народе, его надо было не просто «убрать» с политической арены, но унизить и раздавить. Единственно верным способом расправиться с таким политическим противником можно было только путем его полной дискредитации перед партией и народом.

И это было сделано на Октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1957 г. «Операция» против Жукова была проведена в его отсутствие: министра обороны 4 октября 1957 г. отправили с государственным визитом в Албанию и Югославию. Едва министр обороны отплыл из Севастополя на крейсере, как в Москве развернулись

действия по тайной расправе над полководцем. Нарушив устав партии, Хрущев созвал в отсутствие Жукова срочное заседание Президиума ЦК, на котором было принято решение провести по всей стране собрания партийного актива, на которых развенчать Жукова как отступника от партийных норм и даже заговорщика.

26 октября 1957 г. после завершения официального визита, Жуков сразу же по возвращении в Москву прямо с аэродрома был приглашен на заседание Президиума ЦК, на котором был освобожден от должности министра обороны СССР. 28 октября состоялся Пленум ЦК КПСС по вопросу «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». С докладом выступил секретарь ЦК КПСС по идеологии М. А. Суслов, который обвинил Жукова в избиении командных и политических кадров, игнорировании ЦК, в «бонапартизме», то есть заботе о возвеличивании своей роли в период Великой Отечественной войны и многих других грехах. Фактически на Пленуме вновь разбиралось «дело» Г. К. Жукова.

При чтении материалов этого Пленума приходит мысль, что расправа над Жуковым шла по «прописям» Сталина: на Пленуме фактически «озвучивался» секретный сталинский приказ 1946 г. об отстранении маршала Жукова от должности главкома сухопутных войск. Разница лишь в том, что тогда, в 1946 г., Жукова отправили командовать округом, теперь же, в 1957 г., ему была уготована участь опального пенсионера...

Стенограмма этого Пленума ЦК свидетельствует, что отдельные военные — участники Пленума пытались развенчать Жукова как талантливого полководца. Наиболее враждебными в отношении Жукова были выступления тех маршалов, которые получили это звание уже после войны из рук Хрущева, или тех, кто был вместе с ним под Сталинградом. Особенно развязной и беспардонной была речь маршала А. И. Еременко. Он более других старался развенчать Жукова как полководца и военного деятеля, например, что он повинен в поражениях, которые понесла Красная Армия в начальный период войны.

Как видно из стенограммы, значительная часть его речи была посвящена доказательству того, что план разгрома немецких войск под Сталинградом был разработан командованием Сталинградского фронта, а Жуков и Василевский присвоили себе всю славу. Особенно Еременко подчеркивал, что Жуков не был в Сталинграде, однако его вынужден был поправить Хрущев, который сказал, что Жуков один раз приезжал. В это время раздался голос с места: «Во время осады он был». После этого Хрущев признал, что когда приезжал Жуков, то он вмешивался и помогал. Хрущев понимал, что в зале были люди, которые знали, как обстояло дело в Сталинграде. Но во время правки стенограммы этот обмен мнений исказили, придав ему прямо противоположный смысл. В исправленной стенограмме и в стенографическом отчете это звучит так: «Во время осады он не был в Сталинграде». Тон речи Еременко подталкивал и других к таким выступлениям. Это не только не осуждалось, но даже поощрялось. Нападки такого рода поддержали В. И. Чуйков, Р. Я. Малиновский, И. С. Конев и другие.

Но основные обвинения на Пленуме выдвинул Н. С. Хрущев — в то время первый секретарь ЦК КПСС. В своей заключительной речи на Пленуме он более часа всячески принижал и искажал роль и заслуги Г. К. Жукова в Великой Отечественной войне. В частности: «Но не могу не сказать и о следующем. Сам я не слышал, но мне говорят, что тов. Жуков не раз заявлял: “Я за время войны не имел ни одного поражения”. Ну, товарищи, а кто же имел поражения, как же мог быть без поражения маршал, который был начальником Генерального штаба всей нашей армии, когда началась война и наша армия откатывалась к Москве, к Сталинграду? А тов. Жуков говорит, что поражений он не имел. Кто же тогда их имел?»

Принижая роль Жукова в разработке плана разгрома фашистов под Сталинградом, он сказал: «Вот сейчас говорят, что тов. Василевский совместно с тов. Жуковым разработали Сталинградскую операцию. Так ли это? Это не соответствует действительности. В это время

Сталинградским фронтом командовал тов. Еременко, я был, как известно, членом Военного совета этого фронта.

Мы с тов. Еременко написали И. В. Сталину записку, в которой изложили свое мнение.

Тов. Малиновский, который тогда командовал армией, входившей в состав Донского фронта, также написал тов. Сталину свои соображения о возможности окружения немецких войск под Сталинградом.

В результате обобщения этих предложений был разработан план Сталинградской операции по окружению и разгрому немецких войск, которыми командовал фельдмаршал Паулюс.

Теперь тов. Жуков приписывает все себе, утверждает, что план этой операции был разработан Жуковым и Василевским…

Тов. Жуков, по-моему, был в Сталинграде один раз. Побыл у нас немного и больше в Сталинграде не появлялся. Он приезжал, когда было уже принято решение провести эту операцию. Он знакомился, как идет подготовка к операции».

Н. С. Хрущев должен был бы знать, что когда развернулось советское контрнаступление под Сталинградом — 19 ноября 1942 г. — Г. К. Жуков не мог быть непосредственно в Сталинграде, так как он в тот момент координировал операции Калининского и Западного фронтов, действия которых были приурочены к началу Сталинградской наступательной операции. И в таком же ключе Хрущев исказил в своей речи роль Жукова и в других эпизодах Отечественной войны.

В итоге Пленум ЦК принял решение о выводе Г. К. Жукова из членов Президиума и членов ЦК КПСС. Он был отправлен в отставку.

Низвержением Жукова открывался новый этап пересмотра истории Отечественной войны. Как показал Пленум, не равнодушен к воинской славе был и первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. При Сталине «опала» Жукова продолжалась почти семь лет; при Хрущеве — с октября 1957 г. до весны 1965 г.

После избрания Л. И. Брежнева генеральным секретарем ЦК наступило некоторое изменение в отношении к Жукову со стороны руководства страны. Однако этот период был коротким, менее года, и закончился после того, как Жуков впервые за долгие годы опалы был приглашен в Кремль на торжественный вечер, посвященный 20-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Когда маршал вошел в зал Дворца съездов, участники торжественного собрания устроили бурную овацию в его честь. Такая реакция не понравилась Брежневу. По-видимому, уже тогда у него зародилась болезненная ревность к заслугам Жукова. Долгие годы во время празднования Дня Победы в своих речах он делал вид, что полководца Жукова не было вовсе. Об этом свидетельствуют многочисленные документы. Вот, например, письмо Жукова от 10 ноября 1966 г. Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину:

«Уважаемые Леонид Ильич и Алексей Николаевич!

2-го декабря мне исполняется 70 лет. Мое семидесятилетие совпадает с 25-й годовщиной разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Эти даты для меня имеют большое значение, но встречаю я их с тяжелым настроением. Прямо скажу, меня до сих пор угнетает та дискриминация, которая практикуется по отношению ко мне после Октябрьского пленума ЦК КПСС 1957 г. Я единственный маршал Советского Союза, который до сих пор лишен права посещать собрания и парады, куда обычно приглашаются все маршалы. И когда я пытаюсь выяснить, почему мне не дают пропусков на собрания и парады, мне отвечают: “Это не наш вопрос. Его следует решать в ЦК КПСС”.

Накануне своего 70-летия в дни 25-летия разгрома немецких войск под Москвой решил еще раз поставить вопрос о более справедливом ко мне отношении и ликвидации тех ограничений, которые до сих пор применяются.

В связи с этим к Вам просьба: зачислить меня в группу инспекторов маршалов и генералов (не занимающих должностей), чтобы я, находясь в этой группе, имел большую возможность трудиться над обобщением опыта минувшей войны и одновременно мог бы посещать собра-

ния и парады наравне со всеми маршалами и генералами.

Моя просьба не противоречит постановлению Октябрьского пленума ЦК КПСС 1957 года, в котором было записано предоставить мне работу.

О Вашем решении прошу поставить меня в известность.

С уважением, Г. Жуков».

Однако эта просьба осталась без ответа, и никто не вспомнил, что в час смертельной опасности, нависшей над Москвой осенью и зимой 1941 г., именно Жукову партия и правительство поручили руководство обороной Москвы, что Жуков, обладая высокими полководческими качествами и железной волей, добился перелома на фронте, и немецко-фашистские войска под Москвой были разгромлены, что изменило весь ход войны.

Неуважение к маршалу особенно проявилось в истории с изданием его книги «Воспоминания и размышления»*. Как известно, после 1957 г. Жуков интенсивно работал над своими мемуарами, главное место в которых, естественно, занимали воспоминания о войне. Эта работа Жукова находилась под неусыпным контролем ЦК и в том числе Политбюро и Секретариата ЦК. После того как Жуков сдал рукопись в издательство, разрешение на выпуск книги, которое должно было дать ЦК, затянулось на несколько лет. От Жукова требовали исправлений, добавлений новых сюжетов, рассказа о политических деятелях, изменения оценок наиболее важных эпизодов войны.

По этому поводу Жуков неоднократно обращался в ЦК КПСС и лично к Л. И. Брежневу. В частности, в одном из писем в декабре 1967 г. он писал:

«Уважаемый Леонид Ильич!

Обращаюсь к Вам с просьбой. В 1965 году я закончил разработку своих воспоминаний, над которыми работал несколько лет.

Осенью 1965 года рукопись мною передана в издательство АПН**.

Времени прошло много, а судьба моей рукописи мне не известна.

Очень прошу Вас, Леонид Ильич, дать указание по изданию моей рукописи. Очень хотелось бы издать книгу к 50-летию Советской Армии».

Однако разрешения на издание книги не последовало. И снова маршал обращается к руководству страны.

В письме к Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину от 23 февраля 1968 г. он пишет:

«Прошло немало времени с тех пор, как АПН подготовило книгу “Воспоминания и размышления”. Учтены все замечания и пожелания рецензентов.

Мне известно, что и отдел ЦК КПСС дал свое весьма положительное заключение на мою рукопись.

Меня крайне огорчает ничем необъяснимая задержка в выходе книги в свет. Ведь это труд моей долголетней жизни.

Очень прошу Вашего вмешательства».

Только в июле 1968 г. Президиум ЦК дал согласие на публикацию мемуаров Г. К. Жукова. Дело было, очевидно, в том, что появилась реальная возможность издания книги Жукова за рубежом в полном виде без цензурных изъятий и купюр. Не случайно к выяснению этого обстоятельства был привлечен председатель КГБ Ю. В. Андропов. Как видно, без его совета дело не обошлось. Сдерживать и дальше публикацию воспоминаний Жукова было уже невозможно. В марте 1969 г. книга маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» вышла в свет, но опала фактически продолжалась до последних дней его жизни.

Маршал Г. К. Жуков сполна испил чашу несправедливости, но история и документы со временем все ставят на свои места. И сегодня о Г. К. Жукове говорят открыто и с уважением.

Полагаем, что подготовленный в РГАНИ сборник документов и материалов о Жукове станет большим вкладом в установлении исторической справедливости, в восстановлении чести и достоинства маршала Жукова.

Иван Шевчук,
заместитель директора Российского государственного архива новейшей истории (Москва)

Вестник архивиста. – 2008. – № 2 (102). – С. 111-121.

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. – М., 1969-1970. – 733 с.

** Издательство Академии педагогических наук РСФСР. Основано в 1945 г.

Джадидизм: реформированный ислам*

Где наша Мекка?

«О чем бы вы ни спорили, решение спора принадлежит Богу» [42:10].

— Где наша Мекка?

— Конечно, в Мекке! Там, где Кааба…

Тривиальный вопрос, как и ответ. На татарском языке («Кая синең Кыйбла?») он звучит философски: «Во что ты веришь?» Можно ответить: «В Господа, судный день, Коран». Этот ответ также тривиален. Все мусульмане отвечают так, хотя они разные.

Символ веры заключен в простом выражении, с которого начинается Коран: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Его». Тот, кто произнес эти слова — мусульманин, а в сердце человека может заглянуть только Господь. Разногласия по поводу веры и неверия может решить только Он. Все остальные — посторонние. Но формула веры не так проста, как кажется на первый взгляд.

В Коране сказано: «Богу принадлежит восток и запад; куда бы вы ни обратились, всюду встретите лик Божий…» [2:115]. Во время пребывания в Мекке Пророк молился, обращаясь к Каабе, после же бегства в Медину, он, молясь, обращался в сторону Иерусалима. Это обрадовало иудеев. Но через семнадцать месяцев, он снова обратился к Каабе. Многие стали его упрекать за колебания: где же направление молитвы (кибла) мусульман? И тогда появился следующий стих: «Глупцы, наверное, спросят: что их отвратило от киблы, к которой они обращались? Отвечай: Богу принадлежит восход и закат, Он направляет на прямой путь, кого хочет» [2:142]. Во власти Господа определять направление, в каком следует произносить молитву.

Мусульмане молятся в сторону Каабы. Возможно, это было ниспослано с тем, чтобы отличить мусульман от иудеев и христиан, ведь сказано: «У всякого есть своя точка, к которой он обращается. Будьте тверды в добрых делах, где бы вы ни были. Бог соединит вас всех, ибо Он всемогущ» [2:148]. Господь определил каждому народу свою киблу, но он же и соединит их всех и на всех падет его милость.

* Журнал продолжает публикацию серии статей Р. Хакима. Начало см: № 1/2 за 2010 г. (с. 273-283); № 3/4 за 2010 г. (с. 153-162); № 1/2 за 2011 г. (с. 56-62).

Истинная кибла означает обращенность к Богу, который не имеет определенного физического местоположения. Нет Господа ни в Мекке, ни в Иерусалиме, он не имеет измерения ни в пространстве, ни во времени, но он вездесущий и всезнающий.

***

Паломник трудный путь вершит, к Каабе устремлен,
Идет без устали, придет — и что же видит он?

Тут камениста и суха бесплодная земля,
И дом высокий из камней на ней сооружен.

Паломник шел в далекий путь, чтоб Господа узреть,
Он ищет Бога, но пред ним стоит как бы заслон.

Идет кругом, обходит дом — все попусту; но вдруг
Он слышит голос изнутри, звучащий, словно звон:

«Зачем не ищешь Бога там, где он живет всегда?
Зачем каменья свято чтишь, им отдаешь поклон?

Обитель сердца — вот где цель, вот Истины дворец,
Хвала вошедшему, где Бог один запечатлен».

Хвала не спящим, словно Шамс[*]*, в обители своей*
И отвергающим, как он, паломничества сон.

Джалал ад-дин Руми

Мусульманин от рождения должен исполнять великую обязанность — наставлять себя на истинный путь. За это его ждет награда. Кто верит в Судный день и творит добро, того ждет награда у Аллаха, — так сказано в Коране. Надо ли торговаться по этому поводу? Если я верую и добровольно следую предписаниям, зачем нужно награждать за добро? Добродетель не нуждается в награде ни в этой, ни в другой жизни. Она сама есть награда. Наказание за грехи, о котором многократно упоминается в Коране, нельзя представлять материализованным, оно реализуется через самого человека.

Ад — это не физический огонь, на котором поджаривают грешников, а осознание духовной опустошенности, муки совести за совершенные низкие дела, это осознание бессмысленности богатств и роскоши, обманов и убийств, пустой траты времени и сил на личные потребности. А муки совести пострашнее физического огня. Сказано: «Ты увидишь нечестивых трепещущими от дел своих, и наказание постигнет их» [42:22]. Зиаддин Камали пишет: «Ни один разум не способен с определенностью и окончательно познать сущность (зат) Всевышнего Аллаха, Его истину. Также за пределы разумного постижения выходят состояния в потустороннем мире и истинность и облик присущих ему состояний счастья или несчастья. Ибо пути и средства постижения этого разумом закрыты»[1]. Будучи последовательным рационалистом, он и ангелов представляет не существами с крыльями, а как невидимые лучи энергии, пронизывающие пространство. Впрочем, столь оригинальную трактовку одного из столпов ислама никто из видных богословов не поддержал.

Наивно представлять себе ад и рай в виде материальной картины с земными ужасами и человеческими радостями, их следует понимать как символические знаки, образы, суть которых лежит за пределами человеческого знания. Омар Хайям писал:

[*] Шамс — имя наставника, ставшего аллегорическим персонажем в произведениях Руми.

В обители и келье, монастыре и синагоге
Одни страшатся ада, другие мечтают о рае,
Но в сердцах у тех, кто постиг божественные тайны,
Нет места таким фантазиям.

Образ рая, представленный в Коране, рассчитан на жителей пустыни, которые мечтают о прохладной тени и орошаемых водах. Сказано: «Тех же, которые уверовали и делали добрые дела, Мы введем в сады, орошаемые водами; они будут там вечно, с ними будут там чистые жены, а над ними — прохладная тень» [4:57]. В другом месте сказано: «Верующих и творящих добро Бог введет в сады, орошаемые водами. Они будут там украшены золотыми и жемчужными браслетами и будут одеты в шелк» [22:23]. На севере орошение мало имеет смысла, ибо и без того регулярно идут дожди, а человек больше мечтает о солнце, нежели о прохладной тени. Мухаммад Икбал полагает: «Рай и Ад — состояния, а не местонахождение. Описания Корана являются зрительными выражениями внутреннего факта, то есть характера»[2]. Рай начинается на земле, как и ад. Этот мир прекрасен, ибо он воплощение Господа и его милость. Следует улучшать этот мир, а не уповать на блаженство в антропоморфном раю. Во многих странах комфорт уже приблизился или даже превзошел «райский», описанный в Коране. Трудно сегодня удивить шелками, коврами и зелеными подушками, которые ожидают правоверного в раю. К тому же, жизнь в райских кущах в разговорах с гуриями нельзя назвать осмысленной. Для интеллектуального человека духовная жажда гораздо важнее физических удовольствий, а картина вечности, в которой «будут возлежать, облокотясь, и спрашивать всевозможных плодов и вин» [38:51], теряет смысл. Аллах не мог замыслить такое предназначение для человечества. В Коране нарисована картина для средневекового человека.

«Но искренние служители Божии получат известные дары, плоды; они будут почтены в прелестных садах, на седалищах, друг против друга; им будут разносить круговую чашу с вином, чистым и приятным для пьющих. Оно не будет действовать на их рассудок и не опьянит их. У них будут девы с прелестными глазами, подобные (цветом тела) страусову яйцу. Одни подойдут к другим и будут делать друг другу вопросы» [37:40-50].

Человек дела не может мечтать о рае, где будут проводить время в пустых разговорах. Поэтому Господь дал другое определение рая, как возможность иметь то, чего пожелаешь, бессчетные дары в «жилище вечном»: «Те же, которые веруют и делают добро, будут в прелестных садах. Господь даст им все, чего они пожелают. Это — великая милость» [42:22]. Рай — это духовный мир, наполненный опытом сущего мира. Рай — это блаженство от осмысленности пройденного пути на земле.

Сама вера в Бога, воздаяние в какой бы то ни было форме абсолютны, а представления о рае и аде, как и ангелах, относительны. Каждая эпоха вносит в них собственное понимание. Судный день, ад — это предупреждение. Если люди будут неразумны, если разногласия между ними возьмут верх, катастрофа окажется неизбежной. Человек должен жить в гармонии с природой и другими людьми. Суть испытания Господом человека — в приобретении людьми понимания ответственности за происходящее на земле.

Сказано: «Бог ниспосылает дары Свои без счета тем, кому хочет» [2:212]. При этом каждому дары даются такими, как он их понимает и ожидает. Тогда в чем же смысл праведной жизни? К чему она, если ни стремление к награде в раю, ни страх огня ада несущественны? Смысл в другом, сказано: «Они там не услышат ни пустых речей, ни преступных слов; там только будут говорить: мир, мир!» [56:25-26]. Познание этой истины, привнесение духовности и спасение планеты от катастрофы и составляет смысл праведного существования. Когда будет мир на планете, тогда наступит рай на Земле.

Для чего жизнь и для чего смерть? Сказано: «Всякая душа вкусит смерть. Мы вас испытаем злом и добром, и вы к Нам возвратитесь» [21:35] или же: «Кого Бог направляет, тот — на прямой дороге; кого же совращает, те не найдут покровителя вне Его» [17:97]. Зачем испытывать злом и добром? Для чего совращать и вводить в заблуждение? Фетхуллах Гюлен поясняет: «Мы подвергаемся испытанию, чтобы очиститься… Аллах знает, как мы очистимся, и, тем не менее, испытывает нас… Аллах не испытывает тебя, чтобы узнать, каков ты есть. Он показывает тебе тебя и испытывает тебя тобой»[3]. Опять-таки можно задать тот же самый вопрос. Зачем испытывать самого себя? Зачем очищаться, если рождаешься безгрешным?

Предназначение человека в том, чтобы привнести духовность в мертвую материю и таким образом преодолеть сущий мир (дунья), не отчуждение от него, а одухотворение материи. Человек из камня строит храмы, заставляет металлические аппараты летать, выводит новые растения, которые кормят быстрорастущее население планеты. Он богатства ставит на службу людям. Испытание добром и злом нужно, чтобы накопить опыт для следующих поколений. Именно так можно отодвинуть Судный день — катастрофу Планеты.

«Бог — с теми, которые делают добро» [29:69].

Добродетель не бывает внешней и внутренней, в красивой обертке напоказ людям, а в другом виде для Господа. Обряды не улучшают мир, они нужны самому человеку. «Соблюдающему пост в месяц Рамадан по воле Господа прощаются все прежние грехи», — пишут богословы[4]. Иначе говоря, можно спокойно грешить, дожидаясь месяца Рамадан. В Коране сказано: «Тому, кто убьет правоверного сознательно, наградой будет ад, он будет в нем вечно» [4:93]. Нельзя убийство искупить постом в месяц Рамадан. Много различных фетв и рассуждений на этот счет, они напоминают ситуацию с индульгенциями. Искупление грехов не зависит от количества поклонов; ни пятничный намаз, ни молитвы в месяц Рамадан не заменят добродетельных деяний в течение всей жизни. Истинный намаз — это постоянный диалог с Господом, не прерываемый суетными делами.

Что важнее для Всевышнего — ритуалы, церемонии, обряды или внутреннее убеждение? Вопрос риторический, но почему тогда внешняя сторона подменяет суть ислама? Пророк говорил: «Поистине, Аллах Всевышний не смотрит ни на тела ваши, ни на ваше обличье, но смотрит Он на сердца ваши»[5]. Разве Господь предписал ходить в чалме и кутаться в хиджаб? Это придумали лицемеры, подменяющие подлинную духовность театральными приемами.

Мусульманские богословы объясняют ношение хиджаба дурной природой человека. Рукайя Максуд пишет, что мусульманки «предпочитают одеваться скромно и считают откровенные и вызывающие одежды лакомой приманкой для низких мужских инстинктов, ибо, по их мнению, такая одежда поощряет мужчин взирать на женщин как на “объект сексуальных желаний”, а не как на равных и независимых членов общества»[6]. Странный аргумент. Далеко не все мужчины похотливые, да и распутных женщин явно незначительное меньшинство.

На женщин в Средние века смотрели как на собственность. По шариату для мужчины нет греха получать удовольствие со своими невольницами, нельзя это делать с чужими, поскольку они — не их собственность. Нравственность, по шариату, заключается не в том, что ты верен своей жене, а в том, что не трогаешь чужую. Потеря любой собственности во все времена играла громадную роль в социальном поведении людей. Ревность всего лишь разновидность чувства собственности, а потому жен и женщин-невольниц особенно оберегали, в том числе и в законодательстве.

Общим местом в книгах об исламе стало осуждение Запада за распущенность и превознесение мусульманской нравственности. Но из чего исходит эта нравственность? Из превосходства мужчины над женщиной, защиты своей собственности, включая жен и невольниц, точного определения прав и обязанностей? Если в жены брали с согласия родителей, а не самой невесты, то сами отношения изна-

чально были связаны не с будущей женой, а ее семьей. Нравственность касалась материальных и иных интересов, но не отношений мужчины и женщины как таковых. Они друг друга до бракосочетания не знали и не должны были знать. Во многих странах и сегодня поступают таким же образом. При этом шариат определяет все гарантии супружеских обязанностей и условия развода, что справедливо, но больше походит на товарно-денежные отношения.

Гражданский брак принято подкреплять религиозным (никах), исходя из высшей духовности. Расхожее выражение звучит красиво: «Брак совершается на небесах!» А если это временный брак, который шариат допускает? В чем его принципиальное отличие от проституции? В адюльтере, по крайней мере, присутствуют взаимные симпатии партнеров, и знаки внимания ограничиваются подарками, а во временном браке нет и этого, но зато точно определено «приданое», и даже договор «может заключать в себе не только определение срока, какого бы то ни было, но даже число приближений»[7]. В чем здесь нравственность и преимущества перед Западом? Их нет, а священнослужитель, заключающий временный брак, мало чем отличается от сутенера. Это лицемерие.

Из хиджаба сделали символ нравственности и приверженности «подлинному» исламу, подменив суть формой. В Коране сказано: «Прикажи правоверным женщинам опускать глаза и хранить целомудрие, не показывать из своих прелестей как только то, что внаруже, закрывать покрывалом груди» [24:31]. Из этой одной фразы появилась целая псевдонаука, опирающаяся на некие предположения — показывать можно лицо и кисти рук, остальное — нельзя. Это подразумевается. Кое-кто считает «разрешенным» показывать и ступни ног. Но в аяте сказано, что «прелести» нельзя показывать как только ближайшим родственникам и далее уточняется: «мужчинам, которые не имеют нужды в женщинах (евнухам), и младенцам, которые еще не понимают половых органов женщины. Женщины не должны делать ногами таких движений, которые могут показать скрытые их прелести». Стало быть, под словом «прелести» имеются в виду половой орган («скрытые прелести») и груди, которые следует прикрывать платком (химар), но не хиджабом. Более ничего не сказано.

Суть богословских споров вокруг хиджаба можно свести к одному слову — «подразумевается». Некоторые из ученых объясняют наложение запрета на движение ног якобы для того, чтобы не было слышно звона украшений. Под «прелестями» или «красотами» понимают не только женское тело, но и украшения и одежду. «Всевышний Аллах повелел правоверным женщинам прикрывать лицо, шею и грудь, — пишет Абд ар-Рахман бин Насир ас-Са'ди, — и это свидетельствует о том, что мусульманка должна быть покрыта полностью»[8]. Слово «полностью» взято не из Корана, а подразумевается. У И. Ю. Крачковского перевод данного аята звучит как необходимость набрасывать «свои покрывала на разрезы на груди». В толковании же «Аль-мунтахаб» решили не ограничиваться только этим: «Скажи им (о, пророк!), чтобы они прикрывали места, видные в разрезе одежды, как грудь и шея, набрасывая на них свои головные покрывала»[9]. Здесь разрез груди стал разрезом одежды. Какое бы ни взять толкование, оно стремится максимально «прикрыть» женщину, поскольку над богословами довлеет традиция, а не сам Коран. По смыслу и духу Корана речь идет об уважительном отношении к женщине, а не о форме одежды. Но если бы даже был расписан покрой одежды, сама ткань и фирма, где она должна быть сшита, то и это не было бы окончательным вердиктом на все времена и климатические условия. Жизнь в пустыне отличается от условий Крайнего Севера, один век — от другого. Жизнь привносит улучшения в одежду, жилища, условия жизни людей. Разумность поведения человека важнее длины брюк, и она заключается не в слепом следовании чьим-то фетвам, а в целесообразном соотнесении действий с условиями жизни, ведь ислам — это легкость. Тонкий знаток Корана Зиаддин Камали писал: «Проблема хиджаба является очень древней проблемой. Вовсе не исламская религия произвела ее

на свет. В исламе нет неукоснительного указания на то, что женщины должны носить хиджаб. Лишь относительно покрытия интимных частей тела ‘аурат имеется обязательное правило, адресуемое всему человечеству. Что вовсе не означает необходимости скрывать от посторонних взоров остальные части тела. Приведенный в Священном Коране аят о хиджабе имел отношение лишь к великим женам нашего пророка. Всеобщее сокрытие женских лиц под покрывалом и хождение под накидкой — это этнические обычаи и правила, привнесенные в исламскую религию. И религия в этом неповинна. С помощью знания и образования произойдет очищение от этих национальных обычаев и привычек»[10]. Татарские женщины в прошлом никогда не одевали хиджаб, хотя ислам приняли в X в. Сегодня среди них есть одевающиеся в хиджаб, более того, они добились в суде права фотографироваться в платке для паспорта. Все это вызывает уважение, хотя не имеет отношения к исламу. Ведь если они будут настаивать на своей «правоверности», тогда им не следует бегать по судам, поскольку в аяте 33 суры «Союзники» сказано: «Сидите дома», им в таком случае не следует общаться с чужими мужчинами, как только через покрывало [33:53], а жить они должны только в женской половине своего жилища. Но они предпочитают судиться, игнорируя приведенные аяты, впрочем, делают совершенно правильно. Женщины имеют право на равенство с мужчинами. Это не противоречит Корану, а приведенные аяты являются всего лишь историческим наследием.

До революции 1917 г. среди татарских женщин возникло движение за равноправие с мужчинами, в частности, в вопросах наследственного права и права свидетельских показаний, против многоженства и т. д. Несмотря на сильную оппозицию по этим вопросам, I и II Всероссийские мусульманские съезды поддержали мнение женщин-мусульманок. Наиболее активным участником этого движения была Мухлиса Буби, избранная на I Всероссийском мусульманском съезде кади (судьей по вопросам соблюдения шариата). Она обратилась ко всем женщинам с призывом не соглашаться быть второй женой. Педагогическая деятельность, работа в Центральном духовном управлении мусульман (ЦДУМ) подняли ее авторитет так высоко, что на съездах мусульман, где большинство было мужчин, при тайном голосовании она неизменно получала абсолютное большинство голосов на выборах судьей и в руководство ЦДУМ. Эта феноменальная личность стала знаменем движения за равноправие мусульманских женщин с мужчинами, за сохранение национальных корней как в языке, так и семейных отношениях. Она, как и многие выдающиеся мусульманские деятели, была расстреляна в 1937 г. Мухлиса Буби стала ярким примером силы и влияния исламского реформаторства. Сегодня на татарское общество влияет как западная глобализация, так и идеология исламских стран. Одни привносят западную моду, другие — арабские обычаи. Но время работает на возрождение реформаторских традиций среди татар, которые имеют глубочайшие корни.

В Европе до сих пор идут споры о том, можно ли ходить в учебные, государственные учреждения в хиджабе или нет. Коран ничего на этот счет не предписывает, а высказывает пожелания, которые касаются не столько одежды, сколько целомудрия женщин и почтения к их достоинству со стороны мужчин. Можно ходить в европейском костюме или же носить национальную одежду. Это не имеет отношения к вероучению. Мудрость Корана в том, что он защищает право выбора самой женщиной закрываться покрывалом, надевать хиджаб или же ходить с непокрытой головой, следовать национальным традициям или предпочесть современную моду.

Хиджаб известен со времен Авраама. Он существовал в разных культурах в разные времена и нес различную функцию как одежды, подчеркивающей высокий статус женщины или же, наоборот, как нечто недостойное. «У арабов пустыни обычай носить хиджаб имел смысл указания на честь и целомудренность его обладательниц»[11]. В тех племенах, где мораль пронизывала уклад жизни, не было

принято скрывать лицо за накидкой. «Если красота и нравственность женщины могут быть выше всяких сомнений, то в этом случае она не нуждается в хиджабе», — писал Муса Бигиев[12]. В Коране хиджаб упоминается в различных аспектах, но главный смысл заключается в почтительном отношении к женщине. Сказано: «Если вы имеете что-либо спросить у жен его, спрашивайте через покрывало. Это чище для сердец ваших и для сердец их» [33:53]. Данное предписание относится к мужчинам, а покрывало употребляется не в значении женской одежды и даже не предмета, делящего женскую и мужскую половину дома, а скорее, как хиджаб уважения. «Согласно законам риторики и правилам синтаксиса, — пишет Муса Бигиев, — выражение "из-за занавеси" относится к тому, кто просит, обращается к женщине. Состояние обращающегося к женщине мужчины должно быть в своем роде "под хиджабом". Откройте страницы Писания, взгляните на текст: все повеления, запреты и обращения, имеющиеся в этом священном аяте, обращены к мужчинам. В этом аяте нет ни одного повеления, ни одного слова, обращенного к женщинам. А коль так, можно ли вообще говорить о том, что хиджаб обязателен для женщин?»[13] Ни одна форма одежды в исламе не предписывается и не запрещается, принимается любая национальная традиция в поведении людей, в то же время там есть наставление об уважительном отношении мужчины к женщине. Никакая одежда не спасет безнравственного мужчину или женщину, а целомудренные девушки и жены останутся таковыми и без накидок на лице. «Если женщина не ценится и не пользуется почитанием в обществе, — заключает Муса Бигиев, — то накидки для лица бесполезны, а хиджаб и вовсе неуместен. Хиджаб, ниспосланный и узаконенный в качестве покрова уважения и почитания озаренных семейным счастьем жилищ Пророка (мир ему!), не может означать лишь накидку для лица. Он не может быть завесой, призванной не допустить смуту. Он может быть только знаком и средством выражения уважения и почтения»[14]. Таким образом, хиджаб означает уважение, честь и достоинство женщины, безотносительно к форме одежды.

«Скажи: один Бог направляет к истине» [10:34].

Для кого-то паранджа символ веры, а кто-то нудист. Кто из них попадет в рай? Большинство скажет: первый. Они ошибутся, потому что право судить об этом дано только Господу. Ритуалы вытекают из веры, а не определяют ее. Можно надеть костюм пилота, но это вовсе не означает, что сразу же можно научиться управлять самолетом. Ходить в хиджабе не означает принадлежность к исламу. Одежда и вера никак не связаны друг с другом. Конечно, можно придумать какую-то форму, как это делают военные или предписывают порой в школе, можно носить восточную чалму и чапан, а не национальную одежду, как это делают священнослужители, — все это вопросы корпоративной дисциплины.

Об исламе в основном судят по ритуалам, которые несли важную социальную функцию, особенно в условиях средневековой Аравии. Они приучали к мусульманским нормам полудикие племена. Современная цивилизация воспитывает в людях умеренность в еде и принятии спиртных напитков, настоятельно рекомендует есть качественное мясо и соблюдать гигиену. Это стало общепринятыми нормами. Спасение не в том, что, соблюдая ритуалы и одеваясь в хиджаб, отращивая бороду, обеспечиваешь место в раю. Совсем не в этом, а в преодолении сопротивления материального мира (дунья), в улучшении жизни людей. Если в этом деле полезны ритуалы, то пусть они будут, но если уровень культуры высок, то обряды становятся частным делом. А если почему-либо ритуалы сложно исполнять, тогда следует вспомнить слова Пророка: «Облегчайте, а не создавайте затруднения. Возвещайте благое, а не внушайте отвращение к исламу»[15]. Ислам — легкость…

Мухаммед уделял много внимания ритуалам, но при этом считал, что час, затраченный на приобретение полезных знаний, Аллаху угоднее, чем целая ночь, проведенная в молитве. Каждый волен сам определять свое отношение к Господу. Постоянное повышение уровня образованности и есть намаз, иначе говоря, слу-

жение Аллаху. Господь судит о нас по тому, что есть в нашем сердце, а не по количеству поклонов. Быть открытым к другим культурам, постигать науки и делиться знаниями с людьми равноценно спасению семидесяти святых. Так говорил Пророк.

«Мы не возлагаем тяжести свыше сил на верующих и творящих добро» [7:42].

Путь к истине… Обладание истиной… Доказательство истины… Как найти ответы на эти вопросы? Можно сказать: истина в Коране, и это, действительно, так. Можно также утверждать: истина в Торе и Евангелии. Это тоже будет верно. Богословы в своем стремлении к истине руководствуются методами иджма (единодушное мнение богословов) и кийас (решение вопроса по аналогии). Однако мнение собрания улемов может оказаться ложным, а выводы одного ученого — истиной. Мнение механического большинства, пусть даже состоящего из мудрейших ученых, может остаться всего лишь частным мнением, не гарантирующим истинность знаний. Оно может оказаться количественным повторением одного ошибочного суждения, хотя в случае иджмы ответственность падает на многих. В то же время ученый, убежденный в истинности своих рассуждений, их соответствию «прямому пути» равновелик собранию улемов. История богата на примеры ошибочности мнения многих и истинности одного. Достаточно назвать Джордано Бруно и Галилео Галилея.

Некоторые богословы относят иджму только к первым последователям Пророка. Это достойно внимания, однако времена меняются, а вместе с этим появляются новые аргументы для вынесения решений. Можно иджму трактовать как предпарламент[16], однако, это другая, сугубо политическая тема. В любом случае путь голосования не есть метод поиска истины.

Исламская мысль время от времени возвращается к истокам, ранним мусульманам и экстраномирует исторические события на современность, опираясь на метод кийас. Калим Сиддыки пишет: «Сира (жизнь) Пророка Мухаммада и его сунна (предписание, образец) представляют собой основные модели, служащие примером метода исторической трансформации, присущего исламу»[17]. Жизнь ранних мусульман — богатейший опыт, но она не может дать ответы на современные вызовы. Юсуф аль-Карадави обосновывая распределение средств, вырученных от продажи нефти, опирается на аят о добыче[18]. Можно восхищаться тем, как справедливо делил Пророк Мухаммед трофеи, однако сама тема добычи осталась в далеком прошлом. Сегодня этим занимаются только морские пираты.

Богословы обсуждают битвы Пророка не в качестве исторических сюжетов, а как образцы военных операций, так будто не было походов Чингиз-хана, Наполеона, грандиозных сражений Второй мировой войны и не изобретали атомную бомбу. Горы книг написаны о битве при Бадре, в то же время арабские страны покупают российское оружие, приглашают инструкторов из разных стран, обучаются в военных училищах за границей. Между жизнью и богословскими исканиями произошел глубокий разрыв.

Возвращение к истокам — это всегда интерпретация. Она должна быть подчинена духу ислама как прогрессивной доктрине и соответствовать потребностям сегодняшнего дня. Великий Абу-Ханифа о наследии сподвижников Пророка говорил следующее: «Конечно, было бы достаточно того, чем ограничивались они, если бы я сподобился жить в их эпоху»[19]. Следует заметить, что сам Абу-Ханифа жил в конце VII — начале VIII вв., т. е. не в столь отдаленное время от сподвижников Пророка. Его слова тем более актуальны для нашей эпохи. Во времена Пророка не было бумажных денег, пересадки органов, клонирования и не летали в космос. Сегодня нет рабства и набегов, люди живут не племенами, а нациями. Иудеи стали другими, и христиане изменились. Жизнь арабов VII в. поучительна, но она осталась в прошлом. Аналогия не всегда уместна, а потому метод кийас может служить способом убеждения, но не доказательства.

Ошибка многих мусульманских богословов состоит в том, что они в качестве основы своих теоретических конструкций, источника права рассматривают только Коран, сунну, иджму и кийас. Шамиль Аляутдинов пишет: «Право не есть творение человеческого разума, а есть выражение Божественной воли; мусульманские законоведы занимаются не правотворчеством в прямом смысле этого слова, а находят правовые решения в рамках исламского вероучения»[20]. Не все так просто в жизни, и далеко не все богословы столь прямолинейны. Несмотря на защиту традиционных источников мусульманского права, Мухаммед Икбал, тем не менее, замечает, что Коран «не представляет собой законодательный кодекс»[21]. В Коране нет конкретных правовых норм, упорядочивающих властные отношения, хотя говорится о семье, собственности и других темах. Тауфик Ибрагим пишет: «Нет в нем и явных наставлений о форме правления — монархической или республиканской, деспотической или демократической; ни о соотношении властей — духовной и светской, или законодательной, исполнительной и судебной; ни о способах учреждения власти — избрания правителя, назначении его предыдущим правителем или передаче ему власти по наследству; ни о легитимности власти — смещении тирана или узурпатора и т. п.»[22] Не только Коран, но и народы являются выражением божественной воли. Если народ не рассматривать как источник права, тогда законы станут субъективным выражением узкого круга улемов.

Иджма в свое время играла важную роль выразителя интересов общины, но сегодня следует признать, что народовластие более сильная позиция. Если выбрать иной подход, тогда окажется, что в светских государствах не следует придерживаться законодательства страны, поскольку в ряде случаев оно неизбежно будет расходиться с установками шариата, например, в семейном или уголовном праве. Невозможно в светских странах со сложившимися историческими традициями жить по законам исламских стран. Безусловно, прав Муса Бигиев, который считал, что «шариатские основы решений и источники права не ограничены Кораном, сунной, иджмой и кийасом, этими четырьмя основами, — и явления общественного бытия, и исторические события должны быть приняты как равные названным четырем основам»[23]. Сама жизнь — важнейший источник богословских исканий.

Человечество эволюционирует, а вместе с этим требуется иджтихад как перманентный процесс, поскольку не только мышление, но и сама жизнь — процесс творения. Наши представления меняются вместе с развитием событий. То, что было очевидным в XIX в., оказалось ограниченным в XX в., и еще больше изменится в XXI в.

Светская мысль — высочайшее достижение человечества. Она объединяет людей разных религий, национальностей, рас, политических и иных убеждений. Возможно, об этом сказано в Коране: «Бог есть Господь мой и Господь ваш, у нас наши дела, а у вас — ваши; да не будет спора между нами и вами. Бог соберет нас всех, потому что Он — предел всего» [42:15]. Нет более высокой цели, нежели единство народов, религий, партий. Западная культура на этом пути прошла секуляризацию, приняв формулу: «богу — богово, кесарю — кесарево». Это содействовало как развитию общества, так и самой религии, освобожденной от опеки государства. В исламских странах секуляризация вызывает настороженность. Попытка вестернизации не дала того эффекта, на который надеялась элита многих мусульманских стран. Помешало некритическое заимствование западных методов управления, да и общественное сознание оказалось не готовым к новым веяниям.

Немало движений, партий, лидеров, которые полагают, что долг каждого мусульманина — содействовать исламизации государств. Достаточно умеренный богослов Юсуф аль-Карадави не раз повторял, что «стремление к созданию исламского государства есть следование воле Аллаха»[24]. Очень спорный тезис. Если настаивать на такой позиции, тогда придется светские и немусульманские страны

рассматривать как поле для политической экспансии. Сейид Кутб считает: «Довольно забавно пытаться, например, создать исламские положения, чтобы приспособиться к общественному или экономическому строю в Америке или в России, каждая из которых не признает Ислам как закон. Это же касается любой страны, которая не признает примата власти Ислама! И всякие попытки развить Фикх, подчиняя его системе, которая не признает власти Ислама, это попытки вырастить семена в воздухе, это пустая забава, не приличествующая серьезности Ислама»[25]. Означает ли это, что ислам стоит вне и над общечеловеческими ценностями? Как быть мусульманам Европы, где их с каждым годом становится все больше? Ведь они себя считают мусульманами и одновременно европейцами.

Халифаты прошлого не могут служить идеалом государственного устройства. Защищенность прав немусульман в халифатах не говорит об абсолютной справедливости подобного строя. Это было прогрессивным для Средневековья, но явный архаизм для XXI в. Сегодня более эффективным является светское государство, которое в качестве источника власти рассматривает народ, и это верно, ведь Аллах создал на земле многочисленные нации не для забавы.

Блестящий татарский публицист и теоретик, советник Ататюрка Юсуф Акчура, не отрицая роли ислама, в начале XX в. писал следующее: «Религии как таковые постепенно теряют свое значение и силу. Они все более и более переносят свою деятельность из общественной сферы в личную сферу жизни человека. В обществе свобода совести начинает занимать место, ранее принадлежавшее объединявшей всех религии. Религии, отказываясь от общественных функций, занимаются тем, что исполняют роль предводителя, указывающего правильный путь сердцам, становятся лишь добросовестным посредником между Творцом и его созданиями. Вследствие этого религии могут сохранить свое политическое и общественное значение, лишь объединяясь с этносами, помогая и даже служа им»[26]. Он верно уловил основную тенденцию изменения функции ислама. С тех пор жизнь только подтверждает правильность его слов. Светские институты оказываются более эффективными для развития нации, чем религия.

Мусульмане живут в разных государствах. Есть Саудовская Аравия, Иран, Судан, где соблюдают шариат, но есть такие страны, как Турция, Египет, где законодательство — светское, а общество — мусульманское, есть Россия и Европа, где мусульмане живут в христианской среде, не чужой, но иной, составляя меньшинство. Это нормально.

«Бойтесь дня, в который одна душа ни в чем не заменит другую, когда не примется ничье заступничество ни посредничество и когда не будет помощи» [2:48].

Имеет ли право любой из нас толковать суры Корана? На этот вопрос мы получим тысячу «нет». Сложилось мнение, что это прерогатива улемов, известных богословов, выносящих фетвы, муфтиев и имамов. Простой смертный якобы не должен выносить самостоятельных суждений. Корпоративные интересы священнослужителей, ученых-богословов довлеют над общественным мнением. В Средние века при массовой неграмотности населения доводы об ограничении иджтихада были объяснимы. Сегодня же всеобщая грамотность и доступность образования меняют ситуацию: каждый может самостоятельно изучать Коран, причем на родном языке.

Пророк Мухаммед сказал: «Для всего есть свой путь. Путь же в рай открывает знание». Приобретение знаний есть главнейшая обязанность мусульманина. Это категорический императив, не менее важный, чем намаз или хадж. Истинный мусульманин — это образованный человек, уважающий и постигающий науки и не только богословские. Любая наука, любое знание есть шаг к Господу, который ждет не слепого поклонения, а пользы от деятельности человека.

Богословы боятся модернизации ислама, а потому страшатся самостоятельности суждений мусульман. Даже для столь выдающегося деятеля, как Сейд Му-

хаммад Накыб аль-Аттаса, общество невежественно, а потому трактовка ислама, опирающаяся на интуицию, является уделом избранных, святых и совершенно непозволительна толпе, простолюдинам[27]. Иначе говоря, простым смертным не положено рассуждать о коранических вещах. Нам позволено только слушать знатоков мазхабов, которые учат отсталости. А может ли быть настоящим мусульманином человек, не изучающий самостоятельно Коран? В принципе достаточно сказать «нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник его» (шахадат), чтобы считаться мусульманином, но для поиска своего пути к Господу, пожалуй, этого мало.

Нет в вопросах веры посредника. Сказано: «Кроме Бога, у них не будет ни покровителя, ни заступника» [6:51]. Священнослужители пытаются взять на себя эту функцию, но путь к Господу у каждого свой, его не может указать ни муфтий, ни имам, они могут лишь посоветовать. Спасение не придет всем вместе или отдельной когорте людей. У человека не будет в судный день адвокатов и заступников, не будет рядом ни имама, ни муфтия, ни общины, ни богословов. Никто не будет вправе взять на себя чужие грехи, каждый ответит сам за себя перед Всевышним. Почему же в этой жизни так много адвокатов, поучающих мусульман? Причины кроются в земных интересах.

Священнослужители привязаны к ритуалам. Вообще, о мусульманах, их праведности предпочитают судить по регулярности посещения мечети и количеству поклонов во время намаза. Однако ритуалы нужны не Господу, а самому человеку. Запах жертвенного барана, как говорил Пророк, не доходит до Аллаха. Раз ритуалы нужны человеку, пусть они будут, но это личное дело каждого, а не миссия священнослужителей, которые помощники в этих вопросах, но не полицейские. Можно, как в некоторых странах, пытаться дубинками загонять в мечети, но от этого правоверных больше не станет.

Ритуалы наиболее консервативная часть исламской практики. Многие конфликты между мусульманами возникают на почве различного понимания исполнения ритуалов. Но если меняется жизнь, то почему ритуалы должны оставаться неизменными?! В исламе считается, что надо молиться пять раз в день, держать пост в месяц Рамадан, совершить хадж, давать закят. В этих канонах никто не сомневается. Пророк рекомендовал совершать молитву сообща, но не исключал и других форм. Со временем смысл многих ритуалов сохраняется, но может измениться их форма. В этом видят бид'а, однако возникновение ритуалов было привязано к конкретным условиям и традициям. В Коране не сказано, что намаз надо читать пять раз в день и как именно платить закят. Это внекоранические нормы и их смысл меняется со временем.

Закят угоден Богу, потому что он содействует уменьшению бедных, ликвидирует долги, способствует росту благополучия общества в целом[28], уменьшает пристрастие к богатству, скупости и накопительству. Все это делает общество более справедливым, а значит, более жизнеспособным. Смысл закята не столько в требовании поделиться с обществом частью своей прибыли, сколько в стремлении к большей справедливости.

Каков сегодня смысл расходования закята на освобождение рабов? Никакого, потому что нет рабства как явления. Но остается главный смысл ислама — сделать общество более стабильным, всех людей — более состоятельными. Пророк сказал: «Всякое доброе дело есть милостыня». Вот в чем суть! Закят — это доброе дело, а любое доброе дело — ислам.

Смысл правоверности не в подаянии, а в ликвидации бедности. Если нет других способов бороться с этим, то тогда остается подаяние. Если же богатство делает богатыми других, то это доброе дело, которое преследует ту же цель, что и закят! Доброе дело — милостыня.

Новое прочтение ритуальной части ислама не исключает сохранения ее традиционного исполнения, но со временем все нуждается в переосмыслении. Мы раду-

емся, когда строятся мечети и их минареты видны отовсюду. Мы готовы бороться, если мечети кем-то разрушаются. Но мы также должны помнить слова Мухаммеда о том, что «весь мир сотворен местом молитвы». Пятничный намаз или же празднование окончания месяца Рамадана стало частью культуры мусульман как практикующих, так и не практикующих. Но молитва это нечто большее, нежели посещение мечети. Это постоянное общение с Господом. В Коране сказано: «Разве ты не видишь, что Бог восхваляет все, что на небесах и на земле, даже птицы, распустив крылья свои? Всякое существо знает молитву и славословие Его» [24:43]. В этом аяте молитва понимается не в форме пятикратного намаза, а в виде восхваления Аллаха, причем даже птицами. Очевидно, что птицы не могут заучивать суры Корана. В другом аяте сказано: «Его восхваляют семь небес и земля и все, что в них заключается. Нет предмета, который бы не восхвалял Его, но вы не понимаете хвалений их. Бог человеколюбив и снисходителен» [17:44]. Абд ар-Рахман бин Насир ас-Са'ди дает следующее толкование данному аяту: «Все животные, которые способны разговаривать или не обладают даром речи, деревья, травы, кустарники, безжизненные предметы — все живое и мертвое славословит Аллаху. Одни возносят хвалу Аллаху словами, а другие славословят Ему своим предназначением. Люди не понимают того, как восхваляют Аллаху остальные творения, которые не способны говорить так, как разговаривают они, однако Ведающий сокровенное объемлет знанием абсолютно все творения»[29]. Если не придираться к выражению о животных, «способных разговаривать», то в остальном смысл достаточно ясен. Предназначение оказывается восхвалением, а намаз — одна из разновидностей славословия, человек в своей молитве выясняет собственное предназначение.

В одном из хадисов сказано, что час размышлений равноценен году молитвы. Этот хадис считается слабым, но есть созвучный с ним аят: «В создании небес и земли и в изменениях ночи и дня, конечно, есть знамения для людей, обладающих разумом, которые стоя, сидя и лежа размышляют о сотворении неба и земли и говорят: Господи, недаром Ты создал все это» [3:190-191]. Размышления, помимо молитвы или в качестве молитвы, оказываются ценнее для мусульманина, чем простая молитва, хотя и не исключает ее. Фетхуллах Гюлен объясняет: «Благодаря такому размышлению каждый человек может в одно мгновение достичь результатов, к которым в течение тысяч месяцев идут те, кто не утруждает себя мыслями. Что же касается человека, обратившегося к Господу, не осознавая и не понимая этой истины, то совершай он богослужение хоть тысячу лет, все равно ни на шаг не продвинется к успеху. А потому и совершаемые им дела не могут идти в сравнение с часом размышлений»[30]. Возможно, здесь нужно дополнительное пояснение. Размышления или познание истины предполагает их необходимость не только самому человеку, но и другим людям. Занятия наукой нужны для пользы общества. Поэтому размышление человека над своим предназначением означает и понимание служения Господу. Размышление оказывается намного глубже по смыслу простого намаза, а потому час раздумий, занятий наукой для пользы общества не просто приравниваются к намазу, а равноценен году обычных молитв. «Размышление есть там, где есть движение мысли, — продолжает Фетхуллах Гюлен. — Размышлять — значит сопоставить одни факты с другими и выстраивать их в единую цепь. Размышление помогает установить связь между причиной и следствием, укрепить связь между Аллахом и рабом Божьим, и если религиозные формулы или уроки самых благословенных личностей не приводят к этой святой цели, то они не являются размышлением, хотя и угодны Аллаху»[31]. Связь между Аллахом и молящимся оказывается не простой просьбой, восхвалением, а скрытой беседой между Богом и его рабом, которая не заканчивается вне стен мечети. Сказано: «Помните обо Мне, и Я буду помнить о вас, будьте Мне благодарны и не будьте неверными. Правоверные! Ищите помощи в терпении и молитве, потому что Бог не оставляет терпеливых» [2:152-153]. В этой беседе две стороны, а молящийся способен воспринять из нее только то,

к чему готов. Если он слышащий, то сумеет воспринять из беседы частичку истины и донести людям.

Человек способен воспринять Господа, если он слышащий и видящий. Сказано: «В этом есть напоминание всякому, имеющему сердце, или слышавшему, или бывшему свидетелем» [50:37]. Человек молящийся находится в непрерывной беседе с Господом и если проникается истиной, то становится слышащим, он оказывается свидетелем открытия ему прямого пути. Коль скоро молитва, пишет Ибн Араби, «тайная беседа» (то есть поминание), а поминающий Бога восседает с Ним, как и Бог восседает с поминающим, следовательно, верна божественная весть о том, что Всевышний сказал: «Я восседаю с помянувшим Меня». А восседающий с Помянутым, если он зряч, видит Его; и вот, сие — свидетельствование и видение; а если не зряч, то не увидит Его… Кто не обрел ступени видения в молитве, тот не дошел до крайней цели ее и тому не стала она зеницей ока, ибо он не видел Того, с Кем наедине беседовал. Если он не слышал, что Бог отвечал ему во время ее, значит, он не из числа обративших слух свой. А кто в молитве не присутствовал своем, слыша и видя [Его], тот вовсе не молящийся и не принадлежит к числу тех, кто «преклонил слух свой, свидетельствуя»[32]. Что же услышал и увидел молящийся в беседе с Господом, чему он стал свидетелем? Он увидел себя, свое место в этом мире, свое предназначение и свой путь, он вместил из вечной истины ровно столько, сколько может вместить его сердце. Молитва не простой намаз с обязательными ракатами, а беседа с Господом, которая длится до конца жизни.

***

Чтоб не застали невзначай в беде,
Не выдавай свою обитель людям.
Живи по адресу давнишнему — «нигде»,
Оттуда вышли все, туда прибудем.
Джалал ад-дин Руми.
«Присматривая за двумя домами».

Можно ли говорить о единственно праведном пути, как пытаются нас убедить многочисленные имамы, богословы, политики? Слишком много тех, кто хочет поучать и назвать свой собственный путь единственно верным. Ливанский исследователь Сухейль Фарах пишет: «В современной арабской интеллектуальной жизни происходит массовое обращение к концепциям, выражающим абсолютную, доходящую до идолопоклонства приверженность делу общины, партии или лидера. Действуют и влиятельные идейные течения, пытающиеся придать характер святости своему политическому символу, прибегая к созданию высоких идеологических барьеров между гражданами одной страны и членами одной нации, если они происходят из разных общин, регионов или этносов»[33]. Политизация ислама глубоко проникла в жизнь мусульманской уммы и является опаснейшим явлением современности, ведь общественные деятели нередко свои цели прикрывают именем Аллаха, а участие в своей партии называют спасением. «У Аллаха одна партия, и других не существует. Все иные партии являются партиями шайтана и тагута», — пишет политический деятель Кутб[34]. В результате оказывается, что это партия «Братьев-мусульман». Все остальные подпадают в разряд неверных, с которыми надо вести войну. Он забыл формулу шахадата.

В принципе неверно ставить сам вопрос о праведном, истинном пути мусульманина. Многие улемы вольно или невольно рассуждают о критериях прямого пути к Господу, забывая, что эта прерогатива принадлежит только Аллаху и никому более. Абу-Ханифа говорил: «Если мы встретим людей, о которых ничего не знаем кроме того, что они [посещают] мечети, направляются на [нашу] киблу и вершат молитвы [как мы], то посчитаем верующими… Поэтому мы считаем, что должно принимать людей за верующих исходя [лишь] из очевидных для нас фак-

тов. Хотя может статься, что для Аллаха они неверные. Других же мы посчитаем неверными, исходя из очевидных для нас признаков неверия, если нет в них ничего от признаков веры. Хотя может статься, что для Всевышнего Аллаха они верующие…»[35] Критерии веры и неверия находятся только у самого Господа. Людям не дано судить об этом. В письме Усману аль-Батти Абу-Ханифа уточняет: «Люди не разнятся в вере и не превосходят друг друга в ней. Они превосходят друг друга в деянии, различаясь исполнением религиозных обязанностей»[36]. Человек с Господом говорит без посредников.

Что сегодня значит для нас Мекка? Место, где находится Кааба? Исторические сюжеты? Материальные символы? Надежды? Или что-то необъяснимое… Время течет, и мир стремительно меняется. В этом водовороте событий многие растеряли свою веру. Они забыли, где находится Мекка…

«Ты не можешь направить, кого пожелаешь, но Бог направляет, кого хочет» [28:56].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Камали З. Фалсафа исламийа. – Казан, 1909. – 107 б.
2. Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе. – М., 2002. – С. 121.
3. Гюлен Ф. Сомнения, порожденные веком. – М., 2005. – Т. 1. – С. 38-39.
4. Аляутдинов Ш. Путь к вере и совершенству. – М., 2003. – С. 268. Источником, видимо, послужили слова Пророка, которые приводит аль-Бухари: «Тому, кто во время Рамадана будет молиться по ночам с верой и надеждой на награду Аллаха, простятся его прежние грехи».
5. Сады праведных. Из слов господина посланников / Сост. Имам Мухйи-д-дин Абу-Закарийа бин Шараф ан-Навави. – М., 2001. – С. 13.
6. Рукайя Максуд. Ислам. – М., 2001. – С. 276.
7. Изложение начал мусульманского законоведения. – СПб., 1850. – С. 161.
8. Абд ар-Рахман бин Насир ас-Са'ди. Толкование Священного Корана «Облегчение от Великодушного и Милостливого». – М., 2008. – Т. 3. – С. 796.
9. Аль-мунтахаб фи Тафсир аль-Кур'ан аль-Карим. – Казань, 2001. – С. 327.
10. Камали З. Фалсафа исламийа. – Казан, 1909. – 261 б.
11. Муса Джаруллах Бигиев. Избр. труды: в 2-х т. / Пер. с османск. яз. – Казань, 2006. – Т. 2. – С. 171.
12. Там же. – С. 172.
13. Там же. – С. 176.
14. Там же. – С. 182.
15. Сахих аль-Бухари. – М., 2005. – Т. 1. – С. 54.
16. Икбал М. Указ. соч. – С. 162.
17. Сиддыки К. Интеллектуальный потенциал Сира // Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке. – М., 2005. – С. 304.
18. Аль-Кардави Ю. Современный иджтихад: от беспорядка к порядку. – Казань, 2001. – С. 45.
19. Абу-Ханифа. Учитель и ученик // Батыр Р. Абу-Ханифа: жизнь и наследие. – Н. Новгород-Ярославль, 2007. – Ч. 1. – С. 190.
20. Аляутдинов Ш. Путь к вере и совершенству. – М., 2003. – С. 260.
21. Икбал М. Указ. соч. – С. 156.
22. Ибрагим Т. На пути к коранической толерантности. – Н. Новгород, 2007. – С. 240.
23. Муса Джаруллах Бигиев. Указ. соч. – Т. 1. – С. 304.
24. Фарах С. Духовная секуляризация и религия: опыт христианства и ислама. – М., 2008. – С. 112.
25. Юсуф аль-Кардави. Указ. соч. – С. 81.
26. Акчура Ю. Три вида политики // Татарстан. – 1994. – № 9-10. – С. 134.
27. Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас. Введение в метафизику ислама — изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. – М.-Куала Лумпур, 2001. – С. 37.
28. Закят. – Казань, 2001. – С. 67.
29. Абд ар-Рахман бин Насир ас-Са'ди. Указ. соч. – Т. 2. – С. 390.
30. Гюлен Ф. Указ. соч. – С. 178.
31. Там же. – С. 179.
32. Ибн Араби. Геммы мудрости // Смирнов А. В. Великий шейх суфизма. – М., 1993. – С. 285.
33. Фарах С. Указ. соч. – С. 108.
34. Сейид Кутб. Вехи на пути // Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке. – М., 2005. – С. 287.
35. Абу-Ханифа Нуман ибн Сабит. Трактаты. – М., 2001. – С. 55.
36. Абу-Ханифа. Письмо Усману аль-Батти // Батыр Р. Абу-Ханифа: жизнь и наследие. – Н. Новгород-Ярославль, 2007. – Ч. 1. – С. 217.

Рафаэль Хаким,
доктор исторических наук

Маршал Советского Союза
В. К. БЛЮХЕР,

он же — граф фон Гален?

Всем нам хорошо известны имена Григория Отрепьева, Емельяна Пугачева и княжны Таракановой, «вклепавших на себя» (как говорили в XVIII в. — *В. Б.*) чужие имена царевича Димитрия, императора Петра III и дочери императрицы Елизаветы Петровны. Народная молва отождествляла разбойника Кудеяра с сыном царя Ивана Грозного, а императора Александра I с неким монахом — и это только наиболее известные примеры. Библиография как специальных, так и популярных исследований, в которых в той или иной степени рассматривается проблема «самозванства» или тождественности разных исторических личностей, весьма обширна. В этой статье хочется рассказать о двух людях, которых молва, помимо их воли, объединила в одно историческое лицо.

Несколько лет тому назад Томас Куфус* рассказал автору следующую историю. В 1938 г., когда не только в СССР, но и за границей стало известно об аресте маршала В. К. Блюхера, в Германии некий человек, прочитав в газетах эту информацию и рассмотрев фотографию В. К. Блюхера, заявил, что это не кто иной, как якобы погибший в 1915 г. на русском фронте ротмистр австро-венгерской армии граф Фердинанд фон Гален. Сделавший столь сенсационное заявление был бывший денщик фон Галена. Таким образом возникла легенда, что ротмистр фон Гален не погиб в Карпатах, а был взят в плен русскими, а после революции 1917 г. перешел на сторону «красных», принял имя и фамилию Василия Блюхера, под которым вошел в историю как герой Гражданской войны и один из маршалов Советского Союза, первый награжденный высшим в то время орденом Красного Знамени.

Томас Куфус предложил автору статьи принять участие в создании документального фильма об этой истории в качестве консультанта по архивам. Финансирование этого проекта взял на себя родственник Фердинанда фон Галена — Михаэль фон Гален, живущий в настоящее время в Берлине и работающий на производственной киностудии «Опал». Из разговора стало ясным, что все немцы, работавшие над этим проектом уже несколько лет, абсолютно уверены, что В. К. Блюхер и Фердинанд фон Гален — одно и то же лицо. Подобная уверенность базировалась на трех фактах: на заявлении (более чем полувековой давности. — *В. Б.*) денщика фон Галена; на том факте, что в период работы в Китае В. К. Блюхер имел паспорт на имя З. В. Галина и на заключении профессора, кандидата медицинских наук

* Томас Куфус — продюсер, основатель Zerofilm (Берлин, Германия). Продюсер фильмов А. Сокурова «Тихие страницы» (1993), «Мать и сын» (1997), «Молох» (1999), «Отец и сын» (2003).

Рихарда П. Хелмера из Института судебной медицины Боннского университета, который провел сравнительное фотоисследование личностей ротмистра фон Галена и маршала Блюхера по заказу Михаэля фон Галена.

Даже то, что советский маршал Василий Константинович Блюхер носил ту же фамилию, что и знаменитый прусский маршал и герой войн с Наполеоном Гебхард Блюхер, рассматривалось немцами как факт, свидетельствующий о том, что фон Гален, будучи немцем, взял эту фамилию в знак уважения к этому отважному воину.

Теперь рассмотрим факты, якобы подтверждающие теорию, что Василий Блюхер изначально был Фердинандом фон Галеном.

О высказывании денщика фон Галена речь будет идти ниже, а сейчас остановимся на китайском паспорте В. К. Блюхера и рассмотрим результаты судебно-медицинского заключения.

В 1924-1927 гг. В. К. Блюхер был главным военным советником Национально-революционного правительства Китая. Михаэль фон Гален в 1991 г. обратился в Министерство обороны СССР с просьбой провести поиски документальных материалов, относящихся к жизни и деятельности В. К. Блюхера. В ответном письме начальника историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба ВС СССР полковника И. Венкова от 24 октября 1991 г. было сказано, что «…советские архивисты провели поиск и исследование документальных материалов, относящихся к жизни и деятельности В. К. Блюхера (родился в 1889, призван на службу в 1914, служил в 19-м Костромском полку, в сентябре 1915 был уволен в запас вследствие полученных ранений)... Был обнаружен документ, который, видимо, и стал основанием для слухов о том, что Блюхер — это некто Гален. Речь идет о виде на жительство, выданном Блюхеру 26 января 1927 г. на имя Зоя Всеволодовича Галина генеральным консульством СССР в Ханькоу*. Скорее всего, деятельность Блюхера в ту пору требовала определенной конспирации и ему было предложено взять в качестве псевдонима какую-нибудь фамилию. Таким образом, по имени дочери Зои он назвал себя Зоем, а имя жены Галины использовал в качестве фамилии, которая записана в документе, как Галин, но не Гален». Но немцев подобный аргументированный комментарий полковника И. Венкова не удовлетворил.

Теперь о судебно-медицинской экспертизе, проведенной профессором Р. Хелмером из Института судебной медицины Боннского университета. В своем письме Михаэлю фон Галену от 16 марта 1993 г. он писал, что провел сравнительное фотоисследование личностей ротмистра фон Галена и маршала Блюхера.

Р. Хелмер сравнивал отдельные признаки на трех фотографиях фон Галена и на трех фотографиях Блюхера, что было обусловлено «различимостью отдельных признаков на фотографиях, являющихся совершенно разными».

В своем письме он отмечал: «...я прихожу к выводу, что возможно доказать всего 42 совпадающих признака на фотографиях ротмистра и маршала. Из них 31 признак, относительно их значения, является ведущим, так как речь идет о неизменяемых признаках, которые, однако, не распознаются или не в равной степени хорошо распознаются в каждом случае на всех фотографиях... Существенное совпадение признаков наблюдается в следующих зонах: тип телосложения, контур лица, форма бровей, расположение глаз, форма век, форма носа, вид хоан, форма губ и рта, контур подбородка. Форма и вид ушных раковин на фотографиях совпадают. Правда, уши каждый раз можно распознать только с одной перспективы: наискось спереди, так что сравнение более мелких деталей не может быть проведено с достаточной уверенностью».

Всего в заключении приводится 102 пункта, по которым проводилось сравнительное исследование. Заключение тщательное, подробное, но позволяет трактовать его выводы в каком угодно контексте. Профессор Р. Хелмер, на мой взгляд, намеренно «утопил» суть ис-

* Бывший город в Китае, в провинции Хубэй, с 1956 г. — в составе городской агломерации Ухань.

следования в описании мельчайших деталей, например: «На фотографии ротмистра, изображение два, на основании носогубной складки справа можно распознать маленькое точечное изменение кожи, которое выглядит так, как будто речь идет о маленькой фиброме, эта особенность наблюдается на фотографии маршала (изображение шесть) в очень неотчетливой форме. Неузнаваемость на других фотографиях не исключает того, что такого рода маленькая кожная опухоль, тем не менее, существует на соответствующем месте, однако не может распознана или в результате неудачного освещения, или, возможно, была отретуширована. Изменение кожи, наблюдаемое у маршала на изображении номер шесть, могло бы, однако, по своей форме и локализации соответствовать особенности кожи на иллюстрации два. Необходимо указать на то, что в случае таких мелких деталей всегда существует опасность, что речь также может идти и о адефакте. С другой стороны, такого рода результат является, естественно, веским доказательством идентичности личностей». Приведенная цитата, по-моему, наглядно характеризует проведенное судебно-медицинское исследование, в котором из 42 совпадающих признаков большинство базируется на таких совпадениях, как раса — в обоих случаях «1 европейская», тип сложения — «2-3 лептометроморф», форма роста — «3 метропласт» и кончик носа главное направление — «4 неопределенное».

Автора подобное исследование ни в чем не убедило, тем более, что в своей повседневной работе, как и многим архивистам РГАКФД*, мне часто приходится проводить идентификационные исследования при работе как с фотодокументами, так и с кинодокументами, и определенными навыками в проведении этих исследований я уже обладаю. Немцы также обратились за интересующей их информацией не только в Министерство обороны СССР, но и на родину В. К. Блюхера в г. Рыбинск, где и сегодня чтят своего знаменитого земляка и собирают всю возможную информацию о нем. Это, по мнению немцев, должно было подтвердить их версию о том, что человека по фамилии В. К. Блюхер до 1915 г. или вообще не было, или помочь в прояснении путей возможного пересечения жизненных путей В. К. Блюхера и фон Галена. По данным Рыбинского историко-художественного музея: «В. К. Блюхер родился 1890 г. в д. Барщинке Рыбинского уезда Ярославской губернии. Ноябрь 1912-1914 гг. — призван в ратники государственного ополчения. Август 1914 г. — числится в списке по нижним чинам 56 пехотного запасного батальона. 8 января 1915 г. — ранен под Тернополем, госпиталь. До нач[ала] 1916 г. — уволен “в первобытное состояние”. Приезд в Барщинку, лечение в деревне. В анкетах от 1934 г. В. К. Блюхер называет четырех родных детей и двух усыновленных. От первого брака с Галиной Павловной Покровской было трое детей. Во время работы в Китае Блюхер познакомился с переводчицей Галиной Александровной Кольчугиной. От этой связи родился сын Василий (1928). Их брак не был зарегистрирован. Второй брак с Глафирой Лукиничной Безверховой состоялся в 1932 г. в г. Хабаровске, они прожили вместе вплоть до самого ареста Блюхера в 1938 г. От этого брака было двое детей».

Как видно из этой информации о В. К. Блюхере, в г. Рыбинске не сомневались, что человек с такой фамилией был.

При этом следует отметить, что из имеющихся на тот момент биографических данных на В. К. Блюхера видно, что некоторые разночтения существуют. Например, во всех изданиях, в том числе в Большой Советской энциклопедии и в данных из Рыбинского историко-художественного музея, годом рождения В. К. Блюхера указан 1890 г. В упоминаемом выше письме полковника И. Венкова годом рождения назван 1889 г. В загранпаспорте на имя З. В. Галина фигурирует также 1889 г. Думается, что Блюхеру при оформлении паспорта под другой фамилией не было нужды искажать подлинный год своего рождения, каковым следует считать 1889 г.

* Российской государственный архив кинофотодокументов.

Между прочим, в хранящейся в РГВА* учетной карточке на В. К. Блюхера, составленной в Гестапо 13 февраля 1936 г., написано: «Год рождения — 1889. Гражданство — СССР. Псевдоним — "Генерал Гален".

Во время мировой войны был солдатом, затем унтер-офицером и вышел в отставку в 1916 г. после тяжелого ранения».

По данным Рыбинского историко-художественного музея В. К. Блюхер в ноябре 1912 г. был призван в ратники государственного ополчения, каковым и являлся в 1914 г. По сведениям полковника И. Венкова, В. К. Блюхера призвали на военную службу в 1914 г. Все эти разночтения однозначно трактовались немцами как косвенное свидетельство фабрикации биографии В. К. Блюхера под фон Галена. Правда, даже горячих сторонников тождественности Блюхера и Галена несколько смущала разница в возрасте. Если В. К. Блюхер родился в 1889 г. (или в 1890 г. — *В. Б.*), то граф Фердинанд фон Гален родился 5 декабря в 1874 г., то есть на 15 лет раньше!

Тем не менее, обнаруженные факты уже стали сенсацией, фильм был почти готов к запуску, оставалось взять интервью у вдовы В. К. Блюхер Глафиры Лукиничны, живущей в Москве, побывать в доме Блюхера в Хабаровске, в котором он жил, будучи командующим ОДВА** (в настоящее время в этом доме находится штаб Забайкальского военного округа. — *В. Б.*). Это брал на себя Т. Куфус, а мне предлагалось поискать информацию о Блюхере и Галене в РГВИА***.

Забегая вперед, скажу, что интервью с Глафирой Лукиничной Блюхер очень обнадежило Т. Куфуса: помимо прочих интересных фактов из их совместной жизни, она рассказала и то, что во время их совместного отдыха в компании друзей один из них в шутку окликнул В. К. Блюхера: «Эй, граф!», и Глафира Лукинична со смехом вспоминала, как Блюхер изменился в лице. Следует отметить, что Т. Куфус к этому моменту еще не рассказал ей о предположении, что В. К. Блюхер, возможно, и в самом деле был графом. Почему В. К. Блюхер так отреагировал на это обращение? Может быть, потому, что назвать графом красного командира было сомнительной шуткой.

Что касается возможной работы с документами РГВИА, то видимо судьбе было угодно, чтобы именно в тот момент мне пришлось заниматься расшифровкой киносъемок 1915 г. о командующем 11-й армией генерале Д. Г. Щербачеве, и с этой целью знакомиться с хранящимися в РГВИА документами. А поскольку В. К. Блюхер и фон Гален воевали (с разных сторон) именно на участке фронта армии генерала Д. Г. Щербачева, то не составило труда объединить направления этих поисков.

Итак, что же было известно о графе Фердинанде фон Галене к началу поисков? Он родился 5 декабря 1874 г., прекрасный горнолыжник, с начала войны пошел в армию, ротмистр. Погиб 24 января 1915 г. около населенного пункта Баница****. Видимо, фон Гален был не простым ротмистром, так как из Вены была прислана комиссия, которая занималась выяснением обстоятельств его гибели. Его тела комиссия не видела, так как фон Гален был убит во время вылазки в расположение русских войск, и только в марте 1917 г. тело фон Галена было эксгумировано и опознано его вдовой. Но Михаэль фон Гален опознание вдовы ставил под сомнение.

О В. К. Блюхере было известно несколько больше: с маршевой ротой в 1914 г. он был направлен в 5-ю пехотную дивизию, где поступил на пополнение 19-го Костромского полка в 3-ю роту; в ноябре 1914 г. произведен в младшие унтер-офицеры. Награжден за боевые заслуги двумя Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью. 8 января (21 января по новому стилю. — *В. Б.*) 1915 г. был тяжело ранен в бою на реке Дунаец под Тернополем (или Тарновом, как он раньше назывался. — *В. Б.*). В сентябре 1915 г. уволен «в первобытное состояние» вследствие полученных ранений.

* Российский государственный военный архив.
** Особая дальневосточная армия.
*** Российский государственный военно-исторический архив.
**** Баница — село в Болгарии. Находится в Врачанской области, входит в общину Враца.

Большинство этих данных фигурировало применительно к В. К. Блюхеру во всех изданиях, включая БСЭ и данные Министерства обороны СССР.

Приступая к поискам, у меня не было особых иллюзий на их благоприятный результат: уж очень проблематичной представлялась сама возможность отыскать документы, в которых фигурировали бы фамилии В. К. Блюхера и, тем более, фамилия какого-то австро-венгерского ротмистра. Однако разыскать кое-что о наших героях все-таки удалось.

Не буду рассказывать о путях поиска найденных документов, которые сами по себе были достаточно любопытными, остановлюсь на собственно результатах.

Итак, что же удалось разыскать о ротмистре фон Галене? В «Полевой книжке штаба 3-й Кавказской казачьей дивизии» содержится донесение начальника штаба X корпуса от 11 января № 73 из Линники (здесь и далее даты даны по старому стилю; 11 января — это 24 января по современному стилю. — *В. Б.*): «[В] 10 часов противник небольшими частями пытался потеснить левый фланг охранения Кавказской дивизии. Огнем противник был отбит, оставив убитыми трех нижних чинов, одного офицера, пять взято [в] плен. № полка будет сообщен дополнительно. У Воловес взято три плен[ных из] 97 пех[отного] полка. [В] остальном фронте без перемен. Одинцов».

В тот же день — 11 января 10-30 № 81: «Разведывательная. Дополнение № 73. Взятые у Банницы* пленные 9 ландверного и пятого ландверного, убитый офицер 91 полка, которого здесь нет, офицер был прикомандирован. Отобранные бумаги представлю завтра. Начальник штаба Кон. К-са** Г. Ш. Полковник Одинцов. Линники».

В № 88: «К № 81. Сейчас отправил 12 пленных взятых у Банницы*** и Сенкова и бумаги, отобранные у убитого офицера. Одинцов». Дальше по инстанции.

Командир конного корпуса генерал Хелмицкий. 11 января 6 часов вечера № 83. Место отправления Варне: «Сегодня в 10 ч 30 мин утра около 50 чел[овек] пехоты пр[отивни]ка повели наступление на Баниц[у], но были отбиты ружейным огнем пятой сотни екатеринодарцев. У пр[отивни]ка убиты: 1 оф[ицер] и 3 ниж[них] ч[ина], ранено много, захвачено в плен раненых шесть и здоровых семь н[ижних] чинов. Четыре из них 9-го ландверного п[олка], два 5-го ландверного п[олка], один 91-го полка (он денщик офицера, говорит, что этого полка здесь нет, он был прикомандирован)».

Далее читаем: «Пятый ландверный п[олк] 3-го корпуса, в ротах этого п[олка] по 230 чел[овек]. Одеты в коротки[е] меховы[е] куртк[и] внутрь. Пленных и бумаги вышлю завтра утром. Раненые тех же полков. Убитый офицер немец лыжник 91-го пех[отного] п[олка] ген[ерал]-м[айор] Филимонов».

Из приведенных документов со всей очевидностью видно, что речь идет именно о ротмистре графе Фердинанде фон Галене, хотя его фамилия и не называется. То, что в документах офицер назван «немцем», говорит лишь о его национальности, так как национальности «австриец» в начале XX в. не существовало.

Никаких других стычек между русскими и австро-венгерскими войсками в этот день на интересующем нас участке фронта не было. Также ясно, что современные ссылки на высказывания денщика не состоятельны, так как денщик, попавший в плен, не мог не знать, что его офицер был убит.

Теперь о В. К. Блюхере. В документах 19-го пехотного Костромского полка читаем: «Список нижним чинам 56 пехотного запасного батальона, прибывшим на укомплектование 19 пех[отного] Костр[омского] полка». Это приложение к приказу по полку от 18 ноября 1914 г. № 352 параграф 7 (всего 232 человека); на л. 265 об. — 4 рота — «ряд[овой] Блюхер Василий Константинов[ич]. На довольствие — с 17 ноября».

Первое несоответствие: в анкете В. К. Блюхер пишет, что взят по мобилизации в августе 1914 г., пробыв две недели в 93 запасном батальоне с мар-

* Так в документе.
** Так в документе.
*** Так в документе.

шевой ротой, направлен в 5 пехотную дивизию, где поступил на пополнение 19-го Костромского полка рядовым в 3 роту. Перепутанные номера запасного батальона и роты можно списать на простую забывчивость В. К. Блюхера по прошествии немалого количества лет и малозначимости этих данных конкретно для него.

В приложении к приказу по полку от 31 декабря 1914 г. «Список денежных переводов» на л. 83 читаем: «4 рота — Василию Блюхеру — 5 рублей». Деньги, видимо, не были переданы, так как в другом документе от 31 января 1915 г. записано: «От командира 4 роты — переданы денежные переводы на пропавших без вести Александра Сапрыкина (10 р.) и ран[еного] Василия Блюхера (5 р.)». По документам можно восстановить картину ранения В. К. Блюхера. Есть следующая запись в «Журнале военных действий полка»: 8 января — «Сильно обстреливается 2-й батальон, где фаната* попала в окопы, 1-го убила и несколько человек ранила».

Можно предположить, что именно эта граната (то есть артиллерийский снаряд) и стала причиной тяжелого ранения В. К. Блюхера.

В списке убитых и раненых на январь в 4-й роте в числе раненых Василий Константинович Блюхер (зап[асной] рядовой) — 8 января.

Таким образом, запись в анкете В. К. Блюхера: «произведен в мл[адшие] унт[ер-]офицеры — 1914, ноябрь» не соответствует действительности. Как, впрочем, и наличие таких воинских наград, как двух Георгиевских крестов.

В просмотренных мной списках награжденных за 1914 г. — первую половину 1915 г. В. К. Блюхер не фигурирует, и только в приложении к приказу по полку от 2 июля 1915 г. находим «Список награжденных за боевые отличия Георгиевскими медалями 2, 3 и 3-й степени»**: “рядовой Василий Блюхер” — Георгиевская медаль 4 степени № 313935 за 28 ноября 1914 г.»

Статут солдатского знака Георгиевского креста и Георгиевской медали предполагал строгую последовательность получения крестов и медалей — от 4-й степени через 3-ю, 2-ю и потом 1-ю. Исключений никогда не допускалось. Следует добавить, что в России подобная последовательность строго соблюдалась применительно ко всем орденам, которые имели несколько степеней.

На фотографии В. К. Блюхера 1915 г., которая присутствует во всех изданиях о нем, видно, что позирует рядовой (на погонах не видно двух «лычек», положенных младшему унтер-офицеру. — *В. Б.*) с одной Георгиевской медалью на груди и саблей на поясной портупее. Сабля явно из атрибута фотоателье для придания фотографирующимся воинственной «мужественности», так как в пехоте (напоминаю, что В. К. Блюхер служил в 19-м Костромском пехотном полку. — *В. Б.*) только офицерам было положено носить шашку (но не саблю!) и на плечевой, а не на поясной, как в кавалерии, портупее.

Больше документов, в которых бы упоминался В. К. Блюхер, найти не удалось. Думается, что можно верить В. К. Блюхеру, который в анкетах писал: «уволен в первобытное состояние вследствие полученных ранений — 1915 [г.], сентябрь».

Из упомянутых документов ясно, что такая личность, как В. К. Блюхер, существовала и что ротмистр граф Фердинанд фон Гален был убит под Баницей 24 января 1915 г. (по новому стилю. — *В. Б.*). Таким образом, сенсация не состоялась, чем были очень огорчены немцы. После архивных изысканий проект создания документального фильма о тождественности личностей маршала В. К. Блюхера и графа фон Галена был «похоронен» — факты победили фантазии.

Виктор Баталин,
член Союза кинематографистов России
(г. Красногорск)

Вестник Архивиста. – 2008. –
№ 2 (102). – С. 297-307.

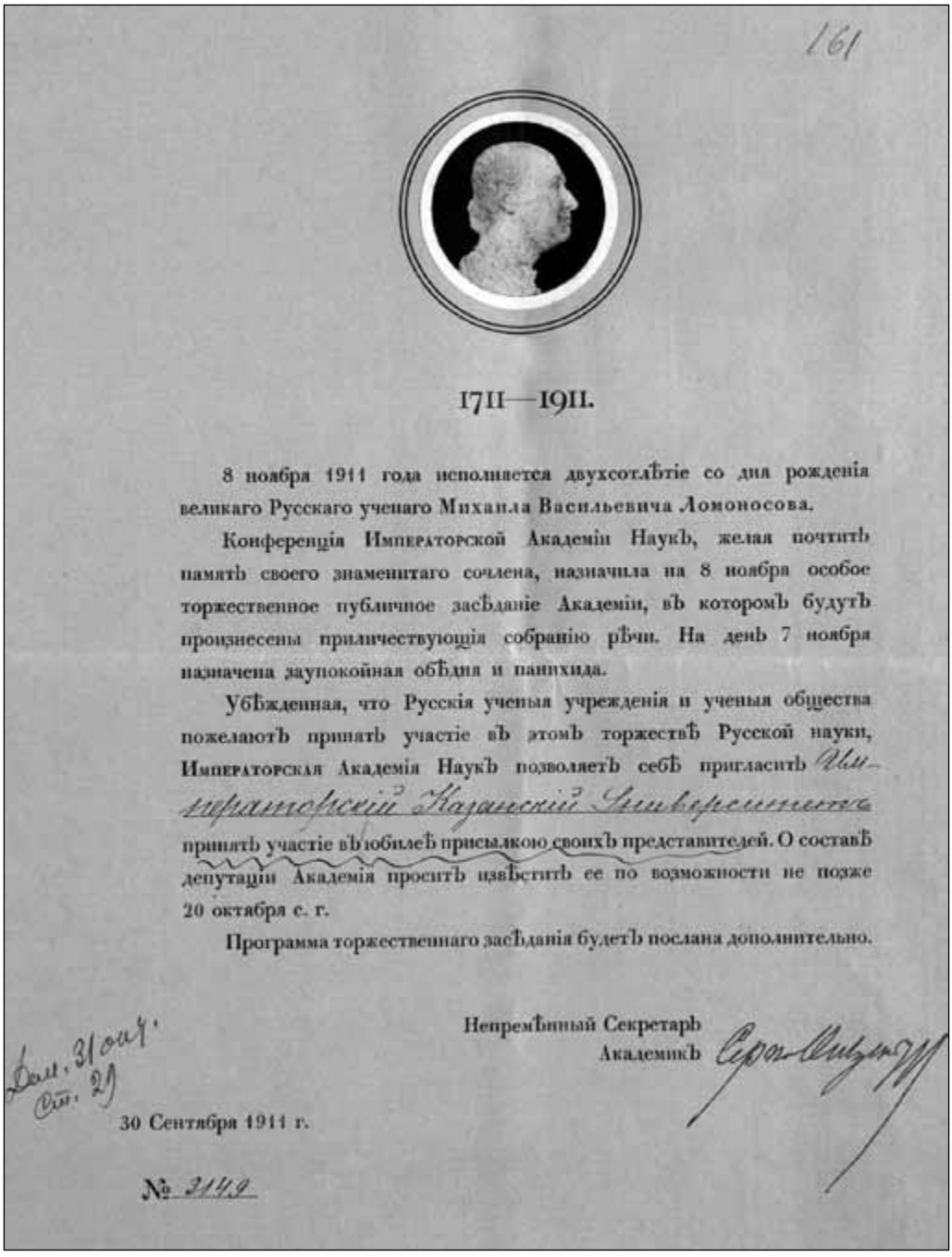
* Вероятно в документе опечатка, имеется в виду «граната».
** Так в документе.

Памяти М. В. Ломоносова

(К 300-летию со дня рождения)

В 1911 г. Россия широко отмечала 200-летие со дня рождения М. В. Ломоносова — первого русского ученого, поэта, заложившего основы современного русского литературного языка, поборника отечественного просвещения. По инициативе Академии наук в преддверии праздничных торжеств был открыт всероссийский сбор пожертвований на сооружение в Санкт-Петербурге памятника М. В. Ломоносову[1]. Под эгидой Академии наук проходили подготовка выставки «Ломоносов и Екатерининское время»[2], организация конференции с участием научных учреждений и обществ.

Почетное приглашение от Петербургской академии наук на участие в конференции 8 ноября 1911 г., посвященной юбилею М. В. Ломоносова, по-



161

1711—1911.

8 ноября 1911 года исполняется двухсотлѣтіе со дня рожденія великаго Русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова.

Конференція Императорской Академіи Наукъ, желая почтить память своего знаменитаго сочлена, назначила на 8 ноября особое торжественное публичное засѣданіе Академіи, въ которомъ будутъ произнесены приличествующія собранію рѣчи. На день 7 ноября назначена заупокойная обѣдня и панихида.

Убѣжденная, что Русскія ученыя учрежденія и ученыя общества пожелаютъ принять участіе въ этомъ торжествѣ Русской науки, Императорская Академія Наукъ позволяетъ себѣ пригласить Императорскій Казанскій Университетъ принять участіе въ юбилеѣ присылкою своихъ представителей. О составѣ депутаціи Академія проситъ извѣстить ее по возможности не позже 20 октября с. г.

Программа торжественнаго засѣданія будетъ послана дополнительно.

Непремѣнный Секретарь
Академикъ

Дан. 31 окт.
Ст. 21

30 Сентября 1911 г.

№ 3149

Приглашение Императорской академии наук Казанскому университету принять участие в конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. 30 сентября 1911 г. НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 12152, л. 161.

лучил Казанский университет[3]. Совет университета решил направить на торжественное мероприятие профессоров А. В. Васильева, Н. П. Загоскина и М. Я. Капустина[4].

В день рождения М. В. Ломоносова его имя с благодарностью вспоминали и в стенах Казанского университета. На торжественном собрании перед учеными историко-филологического факуль-

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

НОВАЯ КНИГА

„ЛОМОНОСОВЪ“.

Народное чтеніе съ свѣтовыми 16-ю картинами. 3 изданіе.

ЦѢНА 15 коп.

Къ 200 лѣтнему юбилею.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

простому народу и школьникамъ.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР., 5.

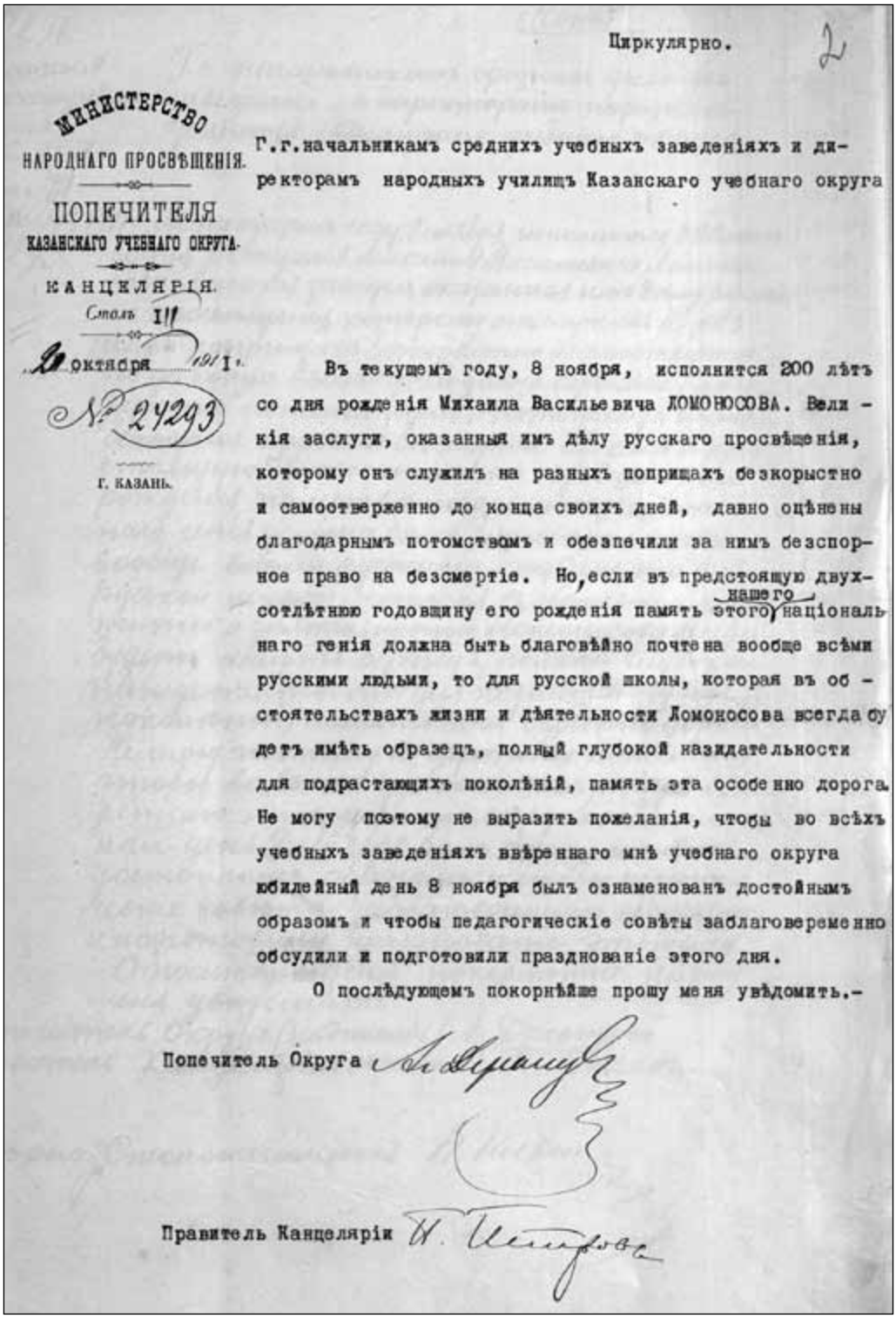
Д. Л. Булгаковскому.

Объявление о выходе в свет книги «Ломоносов», посвященной 200-летнему юбилею ученого. 1911 г. НА РТ, ф. 160, оп. 1, д. 1480, л. 71.

тета слово памяти о М. В. Ломоносове произнес исполняющий должность декана факультета Д. И. Нагуевский. Он отметил, что «вся жизнь этого исключительного человека была целиком отдана делу просвещения»[5]. Не случайно, почтить память ученого в юбилейный год вызвались прежде всего учебно-образовательные учреждения России.

21 октября 1911 г. попечитель Казанского учебного округа А. Н. Деревицкий обратился к начальникам средних учебных заведений и директорам народных училищ округа с предложением о том, чтобы «юбилейный день 8 ноября был ознаменован достойным образом и чтобы педагогические советы заблаговременно обсудили и подготовили празднование этого дня»[6]. 5 ноября 1911 г. директор народных училищ Казанской губернии М. Н. Пинегин сообщал попечителю Казанского учебного округа о предполагаемых праздничных мероприятиях: «В указанный день, после прослушания учащими и учащимися в местных храмах литургии и панихиды, устроить юбилейное торжество в стенах своих учебных заведений по особо выработанной каждым программе, на котором учащие прочитают биографические сведения о Ломоносове и выяснят его значение в деле русского просвещения, а учащиеся примут участие: а) в пении “Народного гимна”, “Многие лета”, “Коль славен”, а равно и специально приготовленных к торжеству кантат: “Школьник” музыка Шипулина, “Памяти Ломоносова” музыка Ипполитова, “Ломоносов” музыка Краснотовского, “Слава М. В. Ломоносову” и др. и б) в произнесении наизусть некоторых произведений М. В. Ломоносова»[7].

В день празднования знаменательной даты, 8 ноября 1911 г., учащиеся были освобождены от учебных за-



Циркулярно. 2

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
ПОПЕЧИТЕЛЯ
КАЗАНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
КАНЦЕЛЯРІЯ.
Столъ III
20 октября 1911 г.
№ 24293
Г. КАЗАНЬ.

Г.г.начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и директорамъ народныхъ училищъ Казанскаго учебнаго округа

Въ текущемъ году, 8 ноября, исполнится 200 лѣтъ со дня рожденія Михаила Васильевича ЛОМОНОСОВА. Великія заслуги, оказанныя имъ дѣлу русскаго просвѣщенія, которому онъ служилъ на разныхъ поприщахъ безкорыстно и самоотверженно до конца своихъ дней, давно оцѣнены благодарнымъ потомствомъ и обезпечили за нимъ безспорное право на безсмертіе. Но, если въ предстоящую двухсотлѣтнюю годовщину его рожденія память этого нашего національнаго генія должна быть благовѣйно почтена вообще всѣми русскими людьми, то для русской школы, которая въ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности Ломоносова всегда будетъ имѣть образецъ, полный глубокой назидательности для подрастающихъ поколѣній, память эта особенно дорога. Не могу поэтому не выразить пожеланія, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа юбилейный день 8 ноября былъ ознаменованъ достойнымъ образомъ и чтобы педагогическіе совѣты заблаговременно обсудили и подготовили празднованіе этого дня.

О послѣдующемъ покорнѣйше прошу меня увѣдомить.-

Попечитель Округа

Правитель Канцеляріи

Циркуляр попечителя Казанского учебного округа начальникам средних учебных заведений и директорам народных училищ округа о праздновании 200-летнего юбилея М. В. Ломоносова. 21 октября 1911 г. НА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 14886, л. 2.

Программа празднования 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова
в Казанском промышленном училище. 1911 г.
НА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 14886, л. 208.

нятий. Чествование М. В. Ломоносова проходило в учебных заведениях по специально подготовленным программам. Архивные документы подробно освещают ход юбилейного чествования ученого, поэта в учебных заведениях округа. Так, в Елабужском реальном училище праздничные мероприятия продолжались два дня: «7 ноября, по окончании уроков, в актовом зале училища в присутствии начальствующих, учащих и учащихся была совершена панихида по М. В. Ломоносову. 8 ноября учащиеся всех вероисповеданий вместе с начальствующими, учащими и учащимися присутствовали за литургией в Спасском соборе. Торжественный акт, посвященный чествованию памяти М. В. Ломоносова, состоялся в актовом зале училища того же 8 ноября в 6 с половиной часов вечера. Эстрада и кафедра, у которой был поставлен художественно исполненный учеником VI класса Борисовым портрет великого русского поэта, были декорированы тропическими растениями. Акт был открыт глубоко содержательной речью преподавателя русской словесности А. С. Каратаева на тему: "Жизнь и учено-литературная деятельность М. В. Ломоносова", по окончании которой хор учеников художественно исполнил кантату в честь великого поэта. За сим учеником VII класса Шишокиным было продекларировано стихотворение Некрасова "Школьник", а учеником V класса Геврасьевым стихотворение Майкова "Ломоносов". Хор учеников младших классов исполнил "Школьник", музыка Богданова. Второе отделение акта открылось речью преподавателя Ф. Ф. Чернова: "М. В. Ломоносов как великий русский естествоиспытатель", по окончании которой духовым ученическим оркестром исполнена музыкальная кантата, а учениками II класса Осиповым Б. продекларированы "Четверостишие", стихотворение Пушкина, I класса Соловьевым стихотворение Розенгейма "Памяти Ломоносова" и духовым ученическим оркестром исполнена музыкальная пьеса "Наука". За сим показаны были при помощи волшебного фонаря (электрическое освещение) световые картины, имеющие отношение к чествуемому поэту. В заключение хором учеников исполнены: "Многие лета" и народный гимн»[8].

О родоначальнике русской науки и литературы М. В. Ломоносове вспоминали в день его рождения практически во всех учебных заведениях округа. Учитель истории Казанской третьей гимназии отмечал: «В длинной вереницe веков проходят пред нами дни великих исторических событий. И, как межевые камни, как пограничные столбы, великие люди шаг за шагом отмечают поступательное движение человечества. Память о таких людях всегда живет в сознании потомства, и в годовщину их человеческая мысль обращается к их светлым образам, ушедшим вглубь веков, и в этих образах черпает новые силы, новую веру…»[9]

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 15543; ф. 977, оп. Совет, д. 12139, л. 194.
2. Там же, ф. 359, оп. 1, д. 543.
3. Там же, ф. 977, оп. Совет, д. 12152, л. 161.
4. Там же, д. 12139, л. 211 об.
5. Там же, оп. Ист.-фил. фак., д. 2173, л. 144-144 об.
6. Там же, ф. 92, оп. 2, д. 14886, л. 2.
7. Там же, л. 235-235 об.
8. Там же, л. 60-60 об.
9. Там же, л. 22.

Иллюстрация на с. 210: М. В. Ломоносов. НА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 14886, л. 158 об.

Наталья Шарангина,
заместитель директора НА РТ

ШАМСУДДИН ЗАКИ

(К 190-летию со дня рождения)

Ш. Заки.
Из личного архива О. Б. Назыповой.

В 2011 г. исполнилось 190 лет со дня рождения известного поэта-суфиста, крупного поэта-лирика Шамсуддина Заки. Габдулла Тукай называл его «Матерью Марией»* среди поэтов того времени.

Генеалогическое древо рода Шамсуддина Заки берет начало в с. Каюки ныне Спасского района Республики Татарстан. Его предки, спасаясь от насильственного крещения, переселились из этого села в д. Ишметово на р. Изяк Оренбургской губернии (ныне Куюргазинский район Республики Башкортостан. — *И. Ш.*). В ней и родился в 1821 г. в семье муллы Шамсуддин Заки (настоящее имя Губайдуллин Шамсуддин Ярмухаммад угълы). Он был долгожданным ребенком, но появился на свет слепым[1]. В четыре года Шамсуддин отличался правильной, обдуманной речью, феноменальной памятью. Учился сначала в своей деревне, затем — в медресе соседних сел.

Когда Шамсуддину едва исполнилось тринадцать лет, не стало отца, и мать отдала его в медресе Кутгильде, расположенное в тридцати верстах от родной деревни. Здесь мальчик впервые столкнулся с лишениями и равнодушием, несправедливостью. У бедного сироты, вдобавок незрячего, не было даже своего места, спал он обычно в ногах у богатых надменных шакирдов. Но это не помешало Шамсуддину за зиму одолеть весь курс грамматики, за весну и лето — персидский язык. Через год он знал наизусть в оригинале произведения знаменитых поэтов — Ф. Аттара**, Саади***. В эти годы в нем пробуждается поэтический талант, он начинает слагать стихи, которые вслух иногда читал вечерами перед сном.

* «Мать Мария» — «Марьям Ана» — так татары называют небольшой стержень в четках в виде поплавка, как бы возглавляющий 99 бус, нанизанных на шнурок.
** Фарид ал-Дин Аттар — знаменитый персидский поэт и суфийский агиограф, родился в 1119 г. в Керкене.
*** Абу Мухаммад Муслим ад-Дин ибн Абд Аллах Саади Ширази — персидский поэт-моралист, родился в 1181 г. в Ширази.

Биографы поэта отмечают его яркую одаренность: он знал наизусть не только Коран, но многие другие книги на арабском и персидском языках и впоследствии стал мударрисом.

В двадцать три года Ш. Заки переезжает в Казань, поступает в Приозерное медресе, в котором обучался в течение семи лет. Еще в годы учебы начал обучать шакирдов начальных классов[2].

После организации медресе в родной деревне, в возрасте тридцати лет, вернулся на малую родину, учительствовал. Спустя три года из-за конфликта со старейшинами в д. Зяк-Ишметово вынужден был с группой шакирдов перебраться в медресе д. Стерлибашево Уфимской губернии. Здесь ему было суждено стать учителем будущего знаменитого поэта Мифтахетдина Акмуллы, обучать, а затем работать с поэтом Гали Чокрый.

В 1865 г. Ш. Заки с односельчанами отправляется в хадж. До Черного моря они идут пешком. Но, не выдержав длительной нагрузки в пути, поэт умирает в возрасте сорока четырех лет.

Гали Рахим так нарисовал образ поэта: «Несмотря на то, что он был “сукыр суфий”, этот человек предстает перед нами не жалким, еле передвигающим ноги, плетущимся с палкой в руках слепым стариком, наоборот, мы видим его сказочным богатырем, стремящимся вперед, к своей цели, с поднятой головой; он идет уверенными шагами, побеждая на своем пути всех противников, заставляя дрожать даже землю от своей твердой поступи»[3].

Ш. Заки в своей поэзии, особенно в «Эррисалэтель фэриза» («Книга об обязанностях»), написанной по-арабски, утверждал суфизм. Однако взгляды его противоречивы: он признает необходимость движения мысли. Далеко не всегда мирится с мистикой. Именно эти качества делали поэта принципиальным, его ум — реалистичным.

Ш. Заки был хорошо знаком с творчеством поэтов Востока — Х. Д. Руми*, Низами**, Навои***, Физули****. «Благодаря Шамсетдину Заки, — отмечал Г. Рахим, — мы имеем связь не только с такими поэтами, как Суфи Аллаяр*****, Ясави******, которые были не только поэтами настоящего суфистского направления, но и непосредственно с классиками узбекской литературы, с Навои и другими. Он связывает, пожалуй, поволжскую литературу с золотым веком узбекской литературы»[4].

Поэтический талант Ш. Заки привлекает внимание многих ученых. Около сорока его стихов, вошедших в рукописный сборник, составленный его односельчанином Зиннатуллой Мухаммедрахимом, сохранились в архиве Ризаэтдина Фахретдинова и дошли до наших дней[5].

Одним из центральных мотивов его творчества, как отмечалось, является суфизм, в основе которого лежит идея стремления человека к совершенству, любовь к Аллаху. Для творчества Ш. Заки характерны также темы любви к богу, любви к женщине, мотивы отречения от мира, от жизни. Однако грустные настроения поэта сменялись, как у Навои, мотивами жизнелюбия. В отличие от остальных поэтов суфистского направления он призывал людей быть деятельными, быть дружелюбными, помогать друг другу.

Лирический герой поэта не доволен собой: он обвиняет себя в беспечности, испорченности, алчности. Для избавления от этих пороков он находился в поисках правильного пути. По мнению

* Известный обычно как Руми или Мевляна (30 сентября 1207 — 17 декабря 1273) — выдающийся персидский поэт-суфий. Иногда его называли также Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Балхи по названию города Балха, откуда он родом.

** Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф — персидский (или иначе иранский) поэт, крупнейший поэт-романтик и мистик, который привнес в средневековую персидскую эпическую поэзию разговорную речь и реалистический стиль и создал новый стандарт литературного произведения.

*** Алишер Навои (Низамаддин Мир Алишер) (9 февраля 1441 — 3 января 1501) — выдающийся поэт Востока, философ суфийского направления, государственный деятель тимуридского Хорасана.

**** Физули — литературный псевдоним (тахаллус) Мухаммеда ибн Сулеймана (другая транскрипция Мехмед бин Сулейман или Магомед Сулейман оглы Физули) поэта и мыслителя XVI в. из Ирака, входившего тогда в состав государства Ак-Коюнлу, а позднее — государства Сефевидов и Османской империи. В разных источниках называется азербайджанским, османским и турецким поэтом.

***** Суфи Аллаяр (1644-1721) — узбекский поэт, философ, представитель суфийского учения в Средней Азии.

****** Ахмед Ясави (около 1105-1166) — среднеазиатский суфийский поэт и проповедник.

поэта, одной из причин, способствующих отдалению от Аллаха, является увлеченность этим бренным миром, материальной и комфортной жизнью[6].

Ш. Заки использует в своих стихах символические образы: «пэрвэнэ» (бабочка, летающая вокруг огня) — это символ жертвы своей души ради любви; «базар» — в творчестве поэта это вселенная или судьба; «вэслэт» — встреча с Аллахом через зикер (молитву); «гамь» — грусть, тоска, печаль, которая находится в душе человека; «дэргях» — порог двери или место, где живут дэрвиши*.

В творчестве Ш. Заки особое место занимают газали — стихотворения о любви. Он творил и в других жанрах, таких, как мадхия, рубаи, кыйтга, фард.

Шамсуддин Заки вошел в историю татарской и башкирской литературы как крупный поэт-лирик философского склада, оказавший определенное влияние на развитие эстетической мысли тюркоязычных народов в XIX в.

* * *

Недавно нашу редакцию посетила праправнучка Шамсуддина Заки Люция Шакирзяновна Антонова. Она поделилась историей своей семьи, рассказала много интересного о своем роде. В результате изучения своей родословной в архивах республики она собрала информацию о своих родственниках. Генеалогическое древо, в основании которого Султан — Фаткулла — Ярахмад — Шамсуддин Заки, имеет очень широкую крону. Все ныне живущие потомки тесно общаются друг с другом, чтят память предков.

Летом 2010 г. родственники побывали на родине Шамсуддина Заки в д. Зяк-Ишметово Куюргазинского района Республики Башкортостан: на улице, носящей его имя; в доме, где он жил последнее время; на обустроенном роднике, расположенном на той же улице. Посетили школу, встретились с ее учителями и учениками. Познакомились с экспонатами школьного музея, увидели картину местного художника, на которой, по описанию старожилов, изображен Шамсуддин Заки с книгой в руках. На стене школы висит мемориальная доска, на которой написано на двух языках (татарском и русском): «В деревне Зяк-Ишметово жил и работал видный поэт-просветитель башкирского и татарского народов Шамсуддин Заки. 1821-1865 гг.»

В январе 2011 г. на районном конкурсе школа Зяк-Ишметово заняла третье место, выступив с лекцией на татарском языке на тему «Род Шамсуддина Заки не прерывается».

* Мусульманский аналог монаха, аскета; приверженец суфизма.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Шарипова З. Я. Пером и словом. Литературоведение. – Уфа, 1993. – С. 122.
2. Татарская энциклопедия. – Казань, 2005. – Т. 2. – С. 419.
3. Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. – Казан, 1925. – Б. 188-189.
4. Шунда ук. – Б. 180.
5. Татар әдәбияты тарихы. – Казан, 1985. – 2 т. – Б. 171.
6. Миңнегулов Х., Садретдинов Ш. XIX йөз татар әдәбияты. – Казан, 1982. – Б. 31.

Ильсия Шагапова

„В ноябре 1937 г. меня исключили из рядов ВКП(б)“

(К 100-летию со дня рождения С. Г. Батыева)

В фондах Татарского обкома КПСС и коллекции «Документы партийных и советских работников Республики Татарстан» Центрального государственного архива историко-политической документации РТ содержатся интересные и важные документы для изучения жизни и деятельности многих известных партийных и государственных деятелей республики XX в., в том числе и документы Салиха Гилимхановича Батыева, возглавлявшего более 20 лет Президиум Верховного Совета ТАССР.

Родился С. Г. Батыев 24 ноября 1911 г. в д. Ново-Дюмеево Белебейского уезда Уфимской губернии в семье башкирского крестьянина. Учился в сельской школе, помогал отцу по хозяйству. Трудовую деятельность начал в 1930 г. пропагандистом Бакалинского райкома партии Башкирской АССР. В 1931 г. поступил учиться в Казанский финансово-экономический институт.

С. Г. Батыев.
ЦГА ИПД РТ, ф. 8238, оп. 12, д. 10, л. 2.

В 1933 г. с последнего курса института С. Батыев был мобилизован на работу помощником начальника политотдела Акташской МТС ТАССР. В архиве хранится фотография, на которой С. Батыев — невысокий коренастый паренек в солдатской гимнастерке и кирзовых сапогах — проводит политинформацию в Акташкой МТС на международную тему среди призывников 1911 года рождения. Уже тогда он умел держать аудиторию, всегда говорил без бумажки, убежденно и зажигательно.

После реорганизации политотделов С. Батыев был направлен в Арский район. С 1935 по 1936 г. работал в качестве ответственного секретаря Арского райкома комсомола. В 1936-1937 гг. С. Батыев был заведующим отделом руково-

Беседа с призывниками. С. Г. Батыев стоит слева у стола. 1933 г.
ЦГА ИПД РТ, ф. 8238, оп. 12, д. 8, л. 1.

Встреча гостей с Донбасса.
С. Г. Батыев второй слева. Казань, 1936 г.
ЦГА ИПД РТ, ф. 8238, оп. 12, д. 9, л. 3.

дящих комсомольских органов Татарского обкома ВЛКСМ. В автобиографии за 1947 г. он писал: «В 1937 г. мне было предъявлено обвинение в связи с врагом народа Еникеевым*, бывшим редактором газеты "К[ы]зыл Татарстан". Эта связь заключалась в том, что у нас жены оказались дальними родственниками по отцу. Этого было достаточно, чтобы меня снять с работы и вывести из состава ОК ВЛКСМ. В ноябре 1937 г. меня исключили из рядов ВКП(б), но это решение в феврале 1938 г. партийной коллегией было отменено. Я восстановлен в партии без взысканий»[1].

Далее с 1937 по 1939 г. С. Батыев работал преподавателем истории рабфака Казанского химико-технологического института, затем лектором Татарского обкома ВКП(б).

В 1941 г. С. Батыев был назначен заместителем начальника политсектора Наркомзема ТАССР, а в 1943 г. — заместителем председателя Совета Министров ТАССР. С 1947 по 1950 г. учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), после окончания которой работал в аппарате ЦК ВКП(б).

В 1951 г. С. Батыев был направлен в ТАССР, где работал секретарем, вторым секретарем Татарского обкома партии. В октябре 1960 г. руководство

* Еникеев Саттар Мухамеджанович (1885-1939) — политический деятель, в 1920-1930-е гг. заместитель наркома просвещения, наркома социального обеспечения ТАССР, представитель ТАССР при Наркомнаце РСФСР, редактор газет «Кызыл Татарстан», необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

На курсах переподготовки. С. Г. Батыев второй справа. Саратов, 1937 г.
ЦГА ИПД РТ, ф. 8238, оп. 12, д. 11, л. 2.

республики и ЦК КПСС выдвинули Батыева на должность председателя Президиума Верховного Совета ТАССР. В связи с этим ему было предложено сменить национальность. Как свидетельствуют архивные документы, 10 декабря 1960 г. бюро Татарского обкома КПСС поручило Бауманскому райкому КПСС «заменить партийные документы Батыеву Салиху Гилимхановичу с указанием национальности “татарин” вместо имеющейся записи “башкир”, в соответствии со всеми другими документами»[2].

Салих Гилимханович Батыев проработал на посту председателя Верховного Совета ТАССР до июня 1983 г.

Он пользовался огромным авторитетом и уважением в республике, избирался делегатом XXI и последующих съездов партии, членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, депута-

С. Г. Батыев (первый ряд второй справа) среди преподавателей и выпускников Казхимрабфака. Казань, 1939 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8238, оп. 12, д. 12, л. 1.

С. Г. Батыев в рабочем кабинете. Казань, 1951 г.
ЦГА ИПД РТ, ф. 8238, оп. 12, д. 10, л. 14.

С. Г. Батыев с супругой. 1960-е гг. ЦГА ИПД РТ, ф. 8238, оп. 12, д. 15, л. 7.

С. Г. Батыев среди пионеров г. Казани. ЦГА ИПД РТ, ф. 8238, оп. 12, д. 17, л. 1.

С. Г. Батыев среди встречающих первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева в аэропорту г. Казани. 1964 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8238, оп. 12, д. 9, л. 4.

С. Г. Батыев (слева) во время встречи с генеральным секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии Э. Хонеккером. Казань, 1975 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8238, оп. 12, д. 28, л. 6.

том Верховного Совета СССР, РСФСР и ТАССР. Был награжден орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «Знаком Почета» и медалями.

Умер С. Батыев 7 декабря 1985 г.

Вниманию читателей предлагаются некоторые фотографии С. Батыева, являющиеся своеобразной летописью его жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 65 л, д. 122, л. 11-12.
2. Там же, л. 58.

Любовь Хузеева,
заместитель директора ЦГА ИПД РТ

Абдурахман Абсалямов (1911-1979)

ФОТОЛЕТОПИСЬ

А. С. Абсалямов в юности. НА РТ, оп. 4, д. 7569.

Абдурахман Абсалямов родился 28 декабря 1911 г. в с. Старо-Аллагулово Мордовской АССР. После окончания семилетней школы в течение ряда лет работал слесарем на московских заводах, учился в Индустриально-конструкторском техникуме, а затем в Литературном институте им. М. Горького, который окончил в 1940 г. С 1941 по 1945 г. участвовал в Великой Отечественной войне, был командиром минометного расчета на Карельском фронте, являлся военным корреспондентом.

Первый рассказ А. Абсалямова появился на страницах журнала «Совет әдәбияты» (ныне «Казан утлары») в 1937 г. Это положило начало его активной и плодотворной литературной деятельности, которая продолжалась до последнего дня. Незаурядный талант А. Абсалямова особенно ярко раскрылся в послевоенные годы. Исключительное трудолюбие, активная жизненная позиция, страстная партийность, глубокий интернационализм позволили Абдурахману Сафеевичу создать замечательные произведения, имеющие непреходящую ценность.

Романы «Газинур», «Огонь неугасимый», «Вечный человек», «Белые цветы», «Зеленый берег», «Грянет гром»

А. С. Абсалямов — токарь одного из московских заводов. НА РТ, оп. 4, д. 7570.

А. С. Абсалямов — солдат Красной Армии. НА РТ, оп. 4, д. 7571.

Слева направо: В. Ганиев, Н. Жиганов, А. Абсалямов. 1965 г. НА РТ, оп. 13, д. 4990.

Встреча писателей А. С. Абсалямова и Г. А. Паушкина с военнослужащими Н-ской части. НА РТ, оп. 4, д. 2749.

А. С. Абсалямов (второй ряд третий справа) с писателями Башкирии и Татарии. 1962 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8239, оп. 1, д. 76.

А. С. Абсалямов (первый ряд четвертый справа) среди членов Союза писателей Татарии. Конец 1950-х гг. ЦГА ИПД РТ, ф. 8291, оп. 1, д. 81.

Встреча в Союзе писателей Татарии. Слева направо: З. Нури, (?), Х. Туфан, А. Абсалямов. Ноябрь 1961 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8256, оп. 1, д. 109.

А. С. Абсалямов в рабочем кабинете.
НА РТ, оп. 4, д. 7567.

Союз писателей Татарии (А. С. Абсалямов второй справа) в гостях у Союза писателей ЧАССР.
Чебоксары, 1964 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8291, оп. 1, д. 84.

А. С. Абсалямов
за чтением книги. 1971 г.
НА РТ, оп. 4, д. 5837.

А. С. Абсалямов (первый ряд первый справа) среди участников VII съезда Союза писателей Татарии. 25-26 марта 1968 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8288, оп. 1, д. 57.

широко известны во всей стране. А роман «Орлята» стал одной из самых любимых книг молодежи. Многие произведения писателя переведены и изданы за рубежом. За роман «Огонь неугасимый» писателю была присуждена Государственная премия Татарской АССР им. Г. Тукая.

Он награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

А. Абсалямов принимал активное участие в общественно-политической жизни. Он был депутатом Верховного Совета СССР шестого созыва, делегатом XXII съезда КПСС, неоднократно избирался членом правления Союза писателей РСФСР и ТАССР, членом редколлегии журналов «Дружба народов» и «Казан утлары».

Фотолетопись отражает основные вехи жизненного и творческого пути выдающегося писателя.

Биктимер Сунчелей,
писатель

Заки Нури

(К 90-летию со дня рождения)

Нурутдинов Заки Шарафутдинович (Заки Нури) (1921-1994) родился 24 декабря 1921 г. в д. Татарские Тюки Дрожжановского района ТАССР в семье крестьянина. После окончания сельской семилетки учился в Лубянском лесном техникуме. Первые свои стихи напечатал в пионерской газете «Яшь ленинчы», во время учебы в техникуме.

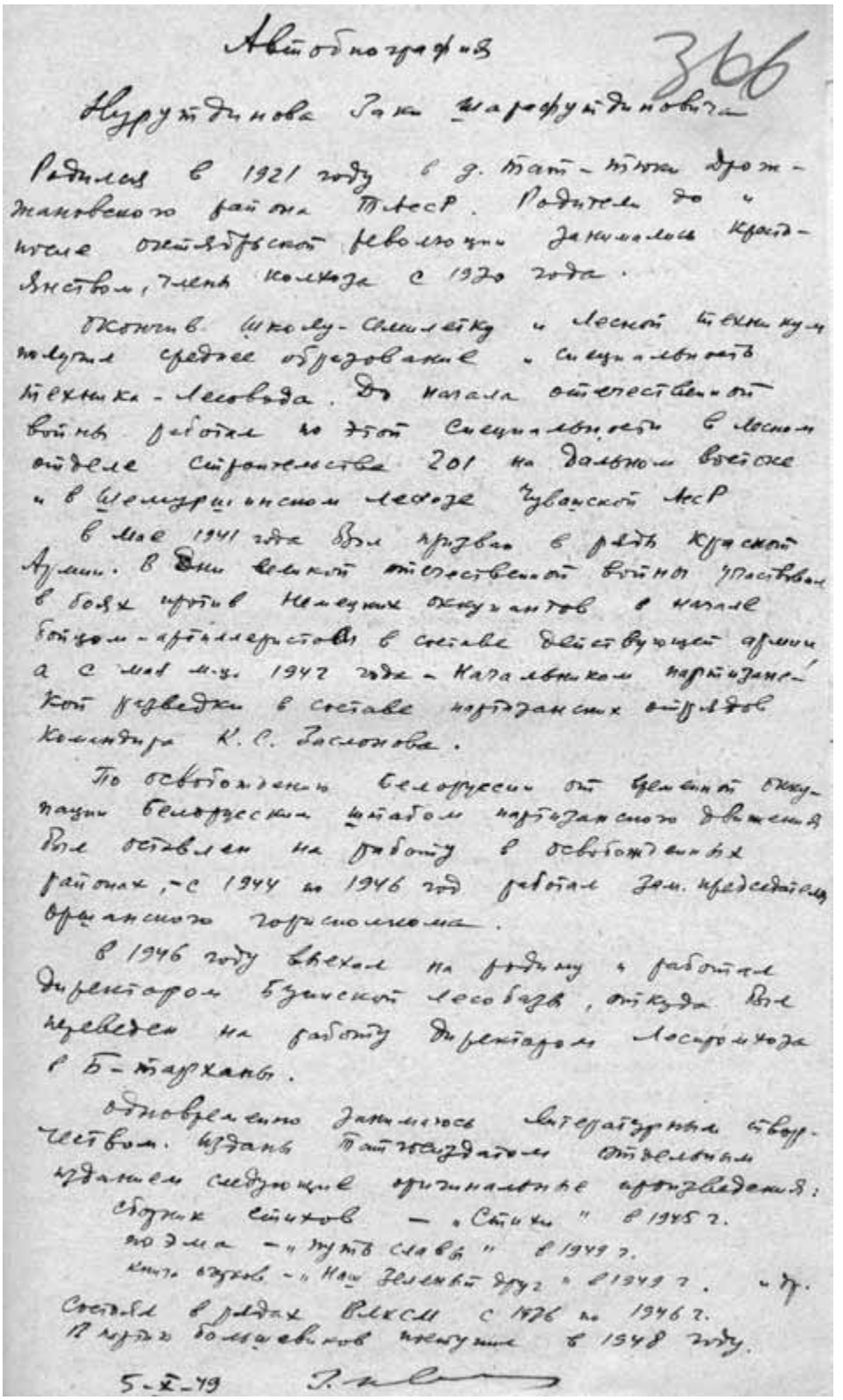
В мае 1941 г. Заки Нури был призван в армию. Войну встретил на западной границе артиллеристом-наводчиком. Оказавшись в тылу, участвовал в организации партизанского движения в лесах Белоруссии. За проявленную отвагу, смелость и мужество Заки Нури был награжден орденом Отечественной войны, боевыми медалями.

Имея за плечами большой жизненный опыт, Заки Нури после войны активно и плодотворно занимался литературным творчеством, выступал на страницах республиканской печати. Его поэтическое творчество носит публицистический, лирический, сатирический характер. Первый сборник стихов Заки Нури, пересланных в Казань через линию фронта, вышел в 1945 г., где молодой поэт правдиво описал героические подвиги советских людей. Затем вышли сборники стихов и поэм: «Путь славы», «Наш зеленый друг», «Мы живем на Волге», «Откровенный разговор», «Стихи и песни»; сборник рассказов о жизни партизан в годы Великой Отечественной войны «И мертвые мстили», сборник фольклора народов мира «Веселая книга».

За три с половиной десятилетия плодотворного творчества он опубликовал около 40 книг. Лучшие произведения Заки Нури переведены на русский и другие языки народов Российской Федерации.

Заки Нури — член Союза писателей СССР с 1951 г. В 1957-1968 гг. был ответственным секретарем правления Союза писателей Татарии, избирался депутатом Верховного Совета ТАССР, членом городского комитета КПСС. С 1968 г. — ответственный редактор журнала «Казан утлары», в 1972-1974 гг. был председателем правления Союза писателей ТАССР. Он внес большой вклад в развитие татарской литературы.

Годы жизни и деятельность Заки Нури отражены в фондах Татарского



Автобиография
Нурутдинова Зая Шарафутдиновича
366

Родился в 1921 году в д. Тат-Тюпа Дрожжановского района ТАССР. Родители до и после октябрьской революции занимались крестьянством, член колхоза с 1930 года.

Окончив школу-семилетку и лесной техникум получил среднее образование и специальность техника-лесовода. До начала отечественной войны работал по этой специальности в лесном отделе Сбербанка 201 на дальнем востоке и в Шемуршинском леспромхозе Чувашской АССР

В мае 1941 года был призван в ряды Красной Армии. В дни великой отечественной войны участвовал в боях против немецких оккупантов в качестве бойца-артиллериста в составе действующей армии а с мая м-ца 1942 года - начальником партизанской разведки в составе партизанских отрядов командира К. С. Заслонова.

По освобождении Белоруссии от немецкой оккупации белорусским штабом партизанского движения был оставлен на работу в освобожденных районах, - с 1944 по 1946 год работал зам. председателя Брянского горисполкома.

В 1946 году выехал на родину и работал директором Бузинской лесобазы, откуда был переведен на работу директором леспромхоза в Б-Тарханы.

Одновременно занимался литературным творчеством. Издано Татиздатом отдельными изданиями следующие оригинальные произведения:

сборник стихов — «Стихи» в 1945 г.
поэма — «Путь славы» в 1949 г.
книга сказок — «Наш зеленый друг» в 1949 г. и др.

Состоял в рядах ВЛКСМ с 1936 по 1946 г.
В партии большевиков вступил в 1948 году.

5-X-49 З. Нурутдинов

Рукопись автобиографии З. Ш. Нурутдинова. 5 октября 1949 г.
ЦГА ИПД РТ, ф. 4034, оп. 36, д. 35, л. 366.

Удостоверение З. Ш. Нурутдинова к медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» 5 февраля 1946 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8256, оп. 1, д. 3, л. 9-10.

Удостоверение З. Ш. Нурутдинова об участии в белорусском партизанском движении в годы Великой Отечественной войны. 27 февраля 1970 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8256, оп. 1, д. 3, л. 6.

обкома КПСС, Татарского обкома ВЛКСМ, Казанского горкома КПСС, Больше-Тарханского райкома ВКП(б) и личном фонде писателя. Интерес представляют удостоверения о награждении Заки Нури медалями, автобиография, характеристики, справки, письмо правления Союза писателей Татарии, адресованное Заки Нури в г. Оршу от 9 августа 1944 г. с просьбой выслать его стихи и очерки для включения в литературный альбом и Книгу героев, а также фотографии Заки Нури среди писателей Татарстана, среди делегатов съездов писателей СССР, РСФСР, Татарии, среди выпускников Высших литературных курсов Союза писателей СССР.

Заки Нури (второй справа) среди делегатов V съезда писателей СССР. Москва, 1971 г.
ЦГА ИПД РТ, ф. 8256, оп. 1, д. 115, л. 5.

Делегаты V съезда писателей СССР. Слева направо: Гариф Ахунов, Шаукат Галиев, Заки Нури, Ренат Харис, Геннадий Паушкин, Равиль Файзуллин. Москва, 1971 г.
ЦГА ИПД РТ, ф. 8256, оп. 1, д. 115, л. 11.

ОРШАНСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 5

Председатель исполкома Оршанского городского Совета депутатов трудящихся

Председатель исполкома Оршанского городского Совета депутатов трудящихся

Собственноручная подпись

Заказ 3811

Удостоверение Почетного гражданина г. Орши З. Ш. Нурутдинова. 1975 г.
ЦГА ИПД РТ, ф. 8256, оп. 1, д. 3, л. 1-2.

Из характеристики на татарского писателя Заки Нури

1986 г.

Зоркость, снайперский прицел поэт Заки Нури обрел в партизанской бригаде легендарного Константина Заслонова (1941-1944), где он, двадцатилетний юноша, был вначале подрывником, затем начальником разведки. Там и сложил свои первые, без промаха разящие фашистов стихи.

После победы за долгие годы вдохновенного труда поэт издал десятки книг сатиры и юмора, создал сотни смехотворений — фельетонов, басен, диалогов, притч, сказок, юморинок. Его же перу принадлежит перевод на татарский язык двух книг-антологий из юмора народов мира («Веселая книга»), и лучших образцов сатиры и юмора многих народов СССР. […]

В 1975 году ему присвоено звание Почетного гражданина г. Орши, где до войны трудился его командир Константин Заслонов, а после освобождения Белоруссии от немецкой оккупации он и сам был оставлен здесь для работы заместителем председателя исполкома Горсовета (1944-1945 гг.).

Вот, что писал известный татарский поэт-аксакал, бывший редактор сатирического журнала «Чаян» («Скорпион») Ахмет Исхак о своем младшем собрате Заки Нури: «…несметное множество остроумных шуток, смешных афоризмов, презабавных историй рассеял поэт на творческих вечерах и встречах с читателями, в повседневных разговорах с собратьями по перу, в неустанных поездках…»

Пишет поэт партизанскую прозу, очерки, публицистику для взрослых и для детей. Но юмористическое творчество его особо отличается широкой, остро злободневной тематикой, богатством поэтических форм. Ибо лозунгом труда своего он считает:

Сердца зов звучит набатно:
Жить-гореть, чтоб не стареть!
Есть на солнце жизни пятна —
Долг и честь: их всех стереть!

Председатель правления Союза писателей ТАССР Г. Ахунов.

ЦГА ИПД РТ, ф. 8256, оп. 1, д. 1, л. 31-32.

Фото на с. 229: Заки Нури. 1992 г. ЦГА ИПД РТ, ф. 8256, оп. 1, д. 5, л. 9.

Публикацию подготовила
Гузель Фаезова,
начальник отдела ЦГА ИПД РТ

Российскому историко-архивоведческому журналу **«ВЕСТНИК АРХИВИСТА»** —

(Из истории создания и деятельности на современном этапе)

Российский историко-архивоведческий журнал «Вестник архивиста» издается 20 лет. 11 марта 1991 г. он был зарегистрирован в качестве информационного бюллетеня как средство массовой информации (СМИ), учредителем его выступило Российское общество историков-архивистов. Первым его главным редактором стал видный работник архивного дела, один из инициаторов, учредителей и руководителей РОИА, заслуженный работник культуры РФ Михаил Васильевич Стеганцев. В 1985-1992 гг. М. В. Стеганцев возглавлял Центральный государственный архив Советской армии (ЦГАСА, ныне РГВА*), а в 1992 г. был избран первым заместителем председателя Правления Центрального совета РОИА. На страницах «Вестника архивиста» публиковались документы РОИА, доклады, статьи, информации об опыте региональных отделений и представительств РОИА, выступления его активистов на всероссийских и международных научных конференциях, итоги конкурсов на лучшую постановку архивной работы, опыт работы секций и ассоциаций РОИА, рассказывалось о ветеранах архивного дела, памятных датах архивной отрасли. Ответственным секретарем редакции на начальном этапе деятельности бюллетеня была Н. А. Шишкина.

В 1997 г. в должность главного редактора «Вестника архивиста» вступил доктор исторических наук, профессор Александр Давидович Степанский.

* Российский государственный военный архив.

Почти вся его жизнь была связана с Московским государственным историко-архивным институтом (МГИАИ, ныне РГГУ). Видный специалист в области археографии и источниковедения, А. Д. Степанский на страницах бюллетеня, помимо обозначенных выше основных направлений в деятельности редакции, много внимания уделял научному уровню публикуемых статей, внедрению в практику системы критериев экспертизы документов, разработке теоретических и методических основ комплектования архивов. Александра Давидовича отличали блестящая память, широчайшая эрудиция, доброжелательность, деликатность, истинная интеллигентность. В должности главного редактора он находился до 2008 г., все эти годы его заместителем была Т. М. Булавкина.

В бюллетене появились постоянные рубрики, которые сохранились до настоящего времени: «Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии», «Электронные документы и архивы», «Зарубежная архивная Россика», «Генеалогия: отечественный и зарубежный опыт», «Конференции, исторические чтения, выставки, презентации», «Люди, события, факты» и другие. Авторы, члены редколлегии и сотрудники редакции оперативно откликались на важнейшие события архивной жизни России — по проблемам безопасности, комплектования и использования Архивного фонда Российской Федерации, об острой необходимости сохранить в целостном виде единую систему Российского архивного дела, повышали теоретическое и научно-практическое содержание бюллетеня.

В июне 2008 г. информационный бюллетень «Вестник архивиста» перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия в журнал (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32230 от 07.06.2008 г.), учредитель — РОИА. В том же году он был включен в систему Российского индекса научного цитирования, получил ISSN 2073-0101, а также 4 апреля 2008 г. (редактор-модератор В. В. Борисов) создан сайт — интернет-приложение печатной версии журнала (www.vestarchive.ru), 11 февраля 2010 г. было зарегистрировано англоязычное интернет-приложение «Вестника архивиста» (www.arhivemagazine.com).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 г. № 6/6 «Вестник архивиста» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. В связи с этим в настоящее время журнал публикует научные статьи по следующим научным направлениям: документалистика, документоведение, архивоведение — 05.25.02; историография, источниковедение и методы исторического исследования — 07.00.09; отечественная история — 07.00.02; всеобщая история — 07.00.03, осуществляя при этом информационное обеспечение научно-исследовательской, методической и организационной деятельности РОИА и Росархива. На его страницах освещаются актуальные проблемы общественных наук в целом, науковедения, исторической науки, архивоведения, документоведения и делопроизводства, в том числе электронного документооборота, источниковедения, археографии, библиографии, вопросы народного образования, массовой коммуникации и СМИ, экскурсионной деятельности. Публикация материалов преследует цели ведомственного и профессионального объединения читателей журнала — работников архивов, музеев, библиотек, сотрудников научных институтов, профессорско-преподавательского состава и студентов исторических факультетов университетов и гуманитарных факультетов высших учебных заведений страны, историков, архивистов, ученых, краеведов, а также распространения историко-архивоведческих знаний посредством публикации исторических источников и введения их в научный оборот. Кроме того, акты Росархива, признанные

Минюстом РФ не нуждающимися в государственной регистрации, подлежат опубликованию в журнале «Вестник архивиста»*. В связи с этим публикация в «Вестнике архивиста» считается официальной.

Основными целями редакции журнала «Вестник архивиста» в настоящее время являются:

— содействие развитию архивного дела и исторической науки России;

— сохранение и приумножение историко-документального наследия, других историко-культурных ценностей, являющихся национальным достоянием народов Российской Федерации, их активное и всестороннее использование;

— объединение усилий ученых — историков, архивистов, документоведов, представителей других заинтересованных профессий — членов РОИА для освещения актуальных проблем развития архивного дела и исторической науки России и выработки рекомендаций по их разрешению;

— содействие улучшению сохранности, комплектования и использования Архивного фонда Российской Федерации, поддержка научных исследований в этой области, освещение научных конференций, семинаров, заседаний Круглого стола по обсуждению данной проблематики;

— распространение исторических знаний среди населения, молодежи путем выявления и публикации исторических источников (архивных документов), ввода их в научный оборот;

— оказание методической помощи исследователям в их поисках необходимой архивной информации; содействие открытости архивов, защита прав исследователей;

— повышение научного уровня профессиональной подготовки и переподготовки кадров историков, совершенствование учебных программ, учебников и учебных пособий;

— участие и освещение совместно с заинтересованными архивными, научными, культурными, религиозными, краеведческими и другими отечественными и зарубежными организациями научных конференций, семинаров, круглых столов по наиболее актуальным проблемам развития архивного дела и исторической науки России, документальных выставок; содействие развитию духовных и культурных процессов в обществе.

Активное участие в работе по повышению научного уровня публикуемых материалов, подготовке очередных номеров принимают члены редакционной коллегии: академики Российской академии наук Ю. С. Пивоваров, А. О. Чубарьян; члены-корреспонденты РАН Е. И. Пивовар, В. П. Козлов; академик Российской академии образования С. О. Шмидт; доктора исторических наук А. Н. Артизов, А. Б. Безбородов, М. В. Ларин, С. В. Мироненко, Т. И. Хорхордина, А. А. Чернобаев; кандидаты исторических наук В. Ю. Афиани, З. П. Иноземцева, О. В. Наумов, Е. А. Тюрина, В. А. Черных; кандидат педагогических наук М. Д. Афанасьев, кандидат филологических наук С. Р. Долгова, кандидат технических наук А. С. Шапошников; Т. М. Булавкина и В. П. Тарасов.

Интернет-партнерами журнала в настоящее время являются информационный портал «Архивы России», Федеральное архивное агентство Российской Федерации, РГГУ, Департамент по делам архивов Забайкальского края, РГАНТД**, Главное архивное управление города Москвы, Главное архивное управление Московской области, Департамент по делам архивов Забайкальского края, Архивная служба Воронежской области, Открытый текст (Нижний Новгород), РГАЛИ***, Союз журналистов России, Союз журналистов Москвы, ЭЛАР****.

Печатная версия журнала распространяется по каталогам Агентства

* Приказ Федерального архивного агентства № 30 от 02.07.2008 г.

** Российский государственный архив научно-технической документации.

*** Российский государственный архив литературы и искусства.

**** Корпорация «Электронный архив» (г. Москва) — российское предприятие, специализирующееся на технических решениях в области перевода бумажных документов в электронный вид, создание электронных массивов и баз данных, разработки систем управления электронными хранилищами.

Расширенное заседание редакционной коллегии журнала в РГГУ. 15 сентября 2010 г.
Вестник архивиста. – 2011. – № 1 (113). – С. 204.

Заседание редакционной коллегии. 15 декабря 2010 г.
Вестник архивиста. – 2011. – № 1 (113). – С. 204.

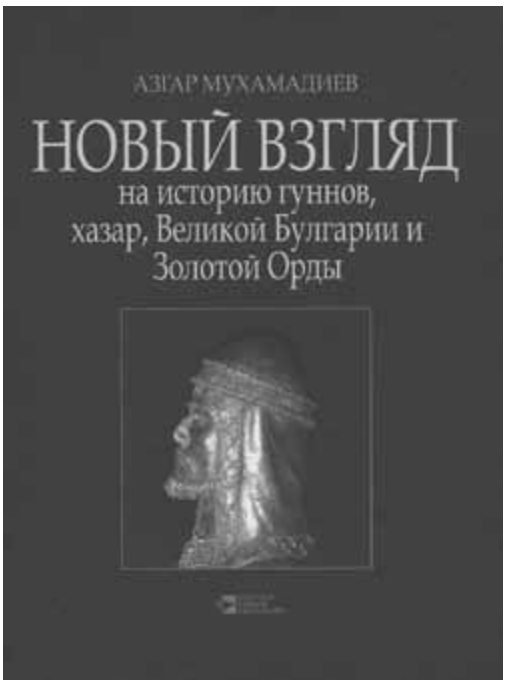
«Роспечать» и АРЗИ* «Пресса России»; архивные и текущие номера в электронном формате — «Ист Вью Информэйшн Сервисез, инк»; ООО «Научная электронная библиотека»: http://elibrary.ru; АРЗИ «Пресса России»; сайт: www.presscafe.ru и др.

Большой вклад в подготовку и своевременный выход очередных номеров вносят редактор интернет-приложений В. В. Борисов; Н. В. Глищинская (дизайн и верстка); редакторы Д. В. Савин, М. Н. Селезнев; внештатные руководители представительств: в Европе кандидат исторических наук В. Б. Прозорова (Париж); в Республике Узбекистан кандидат исторических наук М. С. Исакова (Ташкент); в Приволжском федеральном округе кандидат исторических наук О. Н. Солдатова (Самара). Формирование представителей журнала в России и за рубежом продолжается.

Иван Анфертьев,
кандидат исторических наук (Москва)
Вестник архивиста. – 2011. –
№ 1 (113). – С. 199-206.

* Агентство по распространению зарубежных изданий.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД и старые вопросы



Мухамадиев А. Г. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – 159 с.

Постоянное выявление, отбор и анализ фактов — правило развития любой науки, в том числе истории. Но немалое значение имеет пристальный взгляд на, казалось бы, очевидные факты и выдвижение новых нетривиальных гипотез. Именно такой — оценивающий и критичный обзор средневековой истории Евразии — представляется новая работа профессора, члена-корреспондента АН РТ А. Г. Мухамадиева «Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды». В ней автор не только полемизирует с постулатами, выработанными в «советский идеологический период», но пытается выстроить концепцию более «объективного характера» (с. 6)*.

Прямо скажем, что по постановке целого ряда проблем и высказанных гипотез данный труд маститого ученого мало имеет себе равных в казанском научном сообществе. Может показаться, что автор даже слишком пристрастен и критичен в отношении выводов своих коллег. Однако он явно имеет право и на свое особое мнение, и даже на вызывающую полемичность. Действительно, в изучении Средневековья накопился дискуссионный заряд огромной силы и можно только приветствовать автора за решимость вызвать огонь критики на себя и начать спор по злободневным

* Здесь и далее ссылки на страницы рецензируемой книги даны в круглых скобках.

вопросам истории татарского народа. Не случайно им выбрана некая новая форма для своего труда — скорее, памфлета на исторические темы, нежели обычный для подобных работ жанр строго научной монографии. Сам выбор подачи материала не представляет сложности, поскольку многие положения его работы уже высказывались в различных статьях и книгах.

В данной же работе основное внимание уделено острой полемике, выдвижению гипотез и попыткам выработать свой подход, причем весьма нетривиальный, к различным аспектам средневековой истории Евразии. Задачу свою А. Г. Мухамадиев видит в том, чтобы преодолеть «обычную субъективность в отношении татарской истории в российской историографии» и исследовать ее объективно и правдиво (с. 6, 54).

Оговоримся однако, что многие положения его работы носят характер научной гипотезы и не нашли еще сторонников в научном сообществе. Но таков и есть путь научного поиска — выдвижение и перебор различных положений, часть из которых становятся фактами в строгой научной теории, а другие отвергаются научным сообществом. В этом смысле труд А. Г. Мухамадиева находится на самом острие этого процесса.

В отличие от целого ряда других подобных работ, авторы которых пытаются перевернуть основы истории, А. Г. Мухамадиев строит свои гипотезы на базе новых источников и новых трактовок. В первую очередь это касается языковых материалов монетных легенд различных эпох от гуннов до Золотой Орды. Некоторые мысли, высказанные автором, например, о связи языка, на котором делались надписи на джучидских монетах и эпитафийных памятниках в Булгарском улусе Золотой Орды со сменой толка ислама (с. 54-57), представляются интересными и находят подтверждение в археологических материалах.

Вместе с тем оптимизм автора в отношении чтения легенд хорезмийских монет и надписях на серебряной посуде выглядит избыточным. Во-первых, собственно классификация этих монет, анализ изображений и их хронология исчерпывающе осуществлены Б. И. Вайнберг[1]. Она убедительно показала, как терминология и иконография хорезмийских монет от подражаний чекану Греко-Бактрийского царства перетекает в собственный стиль. При этом все легенды, за исключением ранних, написаны на арамейской графике хорезмийским языком. Этот язык представляет собой довольно сложное языковое явление, частично реконструируемое на основе разных источников, но встраиваемое в контекст развития восточноиранских языков, часть из которых является мертвыми — скифский, аланский, согдийский[2]. При этом надо отметить, что титул правителя Хорезма (MLK'), читаемый на монетах, находит полную аналогию на монетах Парфии, Ирана и Согда IV-VII вв., а тамги правителей встречены в целом ряде сармато-аланских погребений Северного Причерноморья и, что особенно примечательно, на надгробных памятниках и в гробницах сарматских правителей Крыма Раскупоридов с характерными именами — Фарзой, Аспург, Инисмей, Риметалк, Савромат и т. д.[3] Следует также отметить, что надписи с серебряных иранских сосудов уже давно прочитаны В. А. Лившицом и В. Г. Лукониным. Представляется, что попытки, вопреки всякой логики и исторической лингвистики, читать все эти арамейские письмена, подставляя современные татарские слова, неоправданно ни с точки зрения истории, ни лингвистики.

Вот характерный пример. Автор читает надпись на блюде, обнаруженном в Чердынском уезде Пермской губернии, как принадлежащую гуннскому царевичу «Диггизиху», рассматривая изображение на блюде, как его портрет (с. 21-22). Однако это блюдо давно атрибутировано специалистами по сасанидской торевтике, как принадлежащее принцу Варахрану, будущему шаху Бахраму V (421-438/9 гг.) и датировано концом IV — началом V в.[4] Пока нет никаких оснований для отказа от этого факта в пользу сомнительной гипотезы, выдвинутой А. Г. Мухамадиевым. Вызы-

вает сомнения и сам способ чтения надписи: в транслитерации автор приводит чтение имени как «Dikkz/Диккиз», но читает его уже как «Диггизих», то есть, пытаясь сблизить свое чтение с именем гуннского вождя, сына Аттилы — Денгизика (Денгизиха), который после смерти отца и разгрома гуннов в битве при Недао отвел своих сторонников в Дакию (Prise. Frag., IV, 36). У иордан он «король гуннов Динтцик, сын Аттилы» (Jord. Get., 272), а у Марцеллина Комита приводится имя Denzic. В любом случае, написание его имени совершенно иное, нежели гипотетическое чтение А. Г. Мухамадиева, что вместе с сарматской тамгой не позволяет связать это блюдо с гуннским правителем Дакии.

В книге приводится комплекс аргументов, согласно которым тюркоязычное население Евразии, вопреки расхожему мнению, культивируемому мировой наукой, не было исключительно скотоводами-кочевниками, а издавна обрабатывало землю, занималось пахотным земледелием и садоводством (с. 40), разумеется, в тех районах, где это было возможно в силу естественно-географических причин. В принципе, этот тезис не вызывает возражений, особенно после выхода целого ряда трудов узбекского тюрколога Ш. С. Камолитдина, проанализировавшего значительный лингвистический материал из средневековых источников о земледелии, горнорудном деле и градостроительных традициях тюркоязычного населения Средней Азии[5].

Не вызывает возражений и существование уже с древнетюркского времени нормативного наддиалектного литературного языка, который именовался тюркú (с. 48). Притом, что общеразговорные (койне), а тем более различные диалекты были в разных евразийских государствах тюрков весьма и весьма различными.

Интересным и довольно продуктивным выглядит попытка автора проанализировать социальную терминологию, использовавшуюся в Улусе Джучи (с. 71, 116-118). Это направление поиска оригинально, хотя и весьма сложно и неоднозначно. Дело в том, что, как неоднократно отмечает и сам автор, высокая литература черпала свое вдохновение не в реалиях повседневной жизни, а в других образцах восточной поэзии. Поэтому применять и использовать термины, почерпнутые из литературы для обозначения золотоордынской титулатуры, можно только при сравнении с другими материалами. В этой связи представляется неоправданно категоричным мнение автора, основанное на ограниченном круге источников, что титул «султан» равнозначен «верховному хану, кагану или императору» (с. 116).

Анализу титула «султан» в мировой науке посвящена огромная литература. Достаточно указать на классическую статью В. В. Бартольда «Халиф и султан»[6]. Очевидно, в Золотой Орде он употреблялся как аналог титула хан, но постепенно в XV-XVI вв. трансформируется в титул всех чингизидов, не ставших ханами, что в русской традиции адекватно переводилось как «царевич». Полагать, вслед за автором, что титул султан был равнозначен титулам хан, каган или император (с. 116), нет оснований. Все аутентичные источники свидетельствуют, что современники прекрасно понимали разницу в терминах. Так, Дж. де Плано Карпини прямо указывал, что титул хан равен императорскому: «Одного из своих сыновей по имени Тоссук (то есть Джучи. — *И. И.*), которого также называли кан, то есть императором…»[7] Об этом же сообщает и брат Асцелин, побывавший в 1247 г. у монголов: «Имя хан или хаам является титулом и обозначает нечто подобное (титулам. — *И. И.*) царь или император, то есть славный или благородный»[8]. О том же, что этот титул носили не только монгольские ханы в Каракоруме, но и правители Улуса Джучи сообщают не только русские, но и византийские и армянские источники. Например, Гетум (Гайтон) — брат царя Малой Армении и племянник царя Гетума I писал: «Токтай, второй из татарских царей, управляет Кыпчакским царством»[9]. Иными словами, вся историческая традиция прямо свидетельствует,

что правители Золотой Орды носили титул хана, который современники полагали равнозначным императорскому.

Необходимо также прояснить позицию относительно названия страны, которую историки называют Золотой Ордой. Автор, используя сообщение Плано Карпини, пытается доказать, что оно носило название «Великая Булгария» и строит на этом основании гипотезу о преемственности булгар и средневекового населения Поволжья (с. 98 и далее). Позднее, по его мнению, это название сменилось другим — «Улус Кыпчак» (с. 122-124). Однако эта гипотеза так и осталась недоказанной.

Говоря обо всех этих терминах, следует иметь в виду несколько аспектов. Во-первых, в названиях стран, особенно если они передаются иностранцами, огромную роль играет традиция, которая часто не имеет ничего общего с этнополитическими реалиями современности, например, в названии Андалузия (в средневековых арабских источниках — ал-Андалус) легко читается этноним вандалов (Вандалусия), которые на краткое время создали свое государство на Пиренеях, а в нашем названии соседней страны Китай слышится явный отголосок этнонима «каракитаев» (киданей), который сложным путем от татар вошел в русский обиход. Но никто не пытается строить на этом основании никаких гипотез. Таких примеров сотни. Точно также восточная историко-географическая традиция долгое время сохраняла названия регионов Поволжья — «Булгар», «Дашт-и Кыпчак», «Дашт-и Хазар», «Башкырт», хотя никаких этнических реалий за ними уже не было. Во всяком случае, это требует более серьезных доказательств, чем просто указание на имя страны. Во-вторых, в историографической научной традиции часто используются термины, сложившиеся по мере становления науки, при этом они иногда не совсем адекватно передают реалии прошлого. Важно лишь то, чтобы сами историки сознавали условность своей терминологии и достигли консенсуса в ее употреблении. К примеру, никогда в истории не существовало Византии и византийцев, а была «Ромейская империя», в ней проживали «ромеи», которые говорили, разумеется, не на византийском (как полагают некоторые историки), а на греческом языке. Но это не является препятствием ни для изучения истории стран, ни для адекватного понимания их прошлого в научном сообществе. Относительно нашей истории можно сказать, что у нас есть прямые указания на официальное название страны татар, зафиксированное в жалованных актах и дипломатической переписке — «Улуг Улус», то есть «Великое государство». Термин «Золотая Орда», как справедливо указывает автор, вошел в литературу в конце XVI в., но так сложилось, что в науке именно он наряду с термином «Улус Джучи» стал обозначением империи Джучидов. Сетовать на это бессмысленно. Гораздо важнее, какой историки вкладывают в него смысл.

Не все, что в книге названо новым, таковым является в полной мере. Например, автор многократно упоминает о поражении войск монгольского полководца Субудея от булгар в излучине реки Сура близ современной Пензы в 1223 г. И называет это «поразительной новостью» (с. 53, 68, 74-76). Впервые с такой трактовкой археологического материала мне довелось выступить на международной конференции по истории средневековых кочевников в г. Сегед (Венгрия) в 2004 г. Затем последовали сообщения на ряде международных археологических симпозиумов в Казани (2005, 2006). Очень лестно, что такой серьезный специалист, как А. Г. Мухамадиев, поддержал наши выводы. Но, видимо, следовало хотя бы раз упомянуть, кто является действительным автором этой гипотезы.

При всех положительных моментах в работе есть целый ряд положений, которые вызывают принципиальное возражение и неприятие. В последнее время некоторых казанских филологов-синтаксистов, историков и писателей одолела болезнь тюркомании. Суть ее состоит в том, что человек начинает беспричинно читать все иностранные слова по-татарски. А. Г. Мухамадиев также стремится читать многие слова

и термины по-татарски. Например, слово «кабала» он трактует как неологизм от двух древнетюркских слов «кап» — «кровные родственники» и «бала» — «слуга». Между тем, хорошо известно, что это слово происходит от арабского термина «кабала» — расписка в получении чего-либо; обязательство — тяжелая форма личной зависимости, обычно связанная с займом. В мусульманских государствах Поволжья термин в качестве юридического акта, оформлявшего долговые обязательства, появился, очевидно, в XII-XIII вв., на Руси — на рубеже XIV-XV вв.

Невозможно согласиться с самой методикой подобного «чтения», как ее откровенно излагает автор: «поскольку тюркские языки являются агглютинативными, и корни слов почти не изменяются, то для прочтения надписей необходимо было хотя бы попытаться прочитать надписи на современном татарском языке» (с. 21). Иными словами, все тюркское историческое языкознание объявляется никчемным, а читать древние слова (причем вообще с любого языка), можно используя современный татарский язык. Но это уже не наука, а ловкая игра в слова, которую можно назвать «лингвистической эквилибристикой». Не буду приводить все примеры пагубности подобных упражнений с языком, довольно указать только два, чтобы понять ущербность этой методики. Автор полагает, что название «Булгар» происходит от сочетания слов «бу елга ер» — то есть «земля (град) у Великой реки», причем корень «ер» — это и «ер» (град, страна) и «дер», джер» (земля) и «яр», «ир» (муж, мужчина) (с. 139). Однако, увлекшись подобной игрой, автор забыл, что этот термин в древности произносился без первой гласной, что сохранилось у современных болгар (българ) и балкарцев (мълкар). А самое главное, этот термин зафиксирован в более ранних китайских и византийских источниках, причем вне всякой связи с «Великой рекой»!

Большие сомнения вызывают попытки автора трактовать некоторые названия, дабы сблизить различные названия, зачастую отстоящие друг от друга на тысячу лет. Так, много внимания автор уделяет термину «Паскатир», которое считает названием страны предков болгар, находившееся в Верхнем Прикамье (с. 19, 89). Якобы именно туда, в столицу гуннов Акацир, ездило восточноримское посольство (с. 22). Все это похоже на ту же игру в слова. Проблема в том, что сам термин был искажен. Никто из этих авторов не был в Прикамье, но они использовали отчет о поездке в Булгарию в 1235 г. брата Юлиана и, возможно, какие-то рассказы своих информаторов. Важно, что действительно сообщают эти авторы. Дж. дель Плано Карпини писал, что войска монголов разорили «Билеров, то есть великую Булгарию», а оттуда двинулись на север против «Баскарт, то есть великой Венгрии». Далее он еще три раза упоминает эту страну и везде именует ее «Баскарт»[10]. Характерно, что и его переводчик брат Бенедикт Поляк, рассказ которого сохранился в «Истории татар» брата Ц. де Бридиа, также писал о стране «бастархов» или «Баскарт», то есть Великой Венгрии»[11]. Брат Г. Рубрук, отправившийся ко двору великого каана в 1253 г., пользовался сведениями своих предшественников, но исказил их (не совсем понятно, сам или поздние переводчики) и писал о стране «Паскатир» (в переводе А. И. Малеина[12]) или «Паскатур» (в переводе А. Г. Юрченко[13]). В любом случае речь идет о легендарной прародине венгров — стране «Magna Hungaria / Великая Венгрия», сведения о которой были актуализированы после путешествия в Булгарию брата Юлиана, наслоившись на смутные указания современников на какие-то угроязычные племена близ Булгарии. Не удивительно, что Г. Рубрук прямо писал: «Из этой области Паскатур некогда вышли хуны, которые впоследствии [стали называться] хунгарами [венграми]; поэтому эта [область] является Великой Хунгарией»[14]. Нет сомнений, что для него «хуны» и «хунгары» — один и тот же народ. В любом случае, более ранний и более точный термин — «Баскарт», вероятно, искаженное наименование венгров — «маджгард/баджгарт/башгарт», которое через булгар и хазар попало в

восточную географическую традицию. Страна «Паскатир» — типичный историографический фантом, который никакого отношения не имеет к гуннскому племени акациров. Иначе говоря, простые и логичные на первый взгляд созвучия должны многократно проверяться и анализироваться, прежде чем на основании их можно будет делать серьезные выводы.

Автор много внимания уделяет чтению термина «king», полагая, что это гуннский титул правителя, который якобы позднее перешел в германоязычные языки и стал титулом вождя. Однако за этим английским словом стоит целая эпоха развития прагермано-балто-славянского единства. Оно восходит к прагерманским формам (kuningaz), от которой происходят не менее древние древнеисландские — konungr и древнеанглийское (англо-саксонское) cyning, в более поздних формах этому термину соответствуют германоязычные «конунг/konung»-«кёниг/kõnig»-«кинг/king». Славянские «конязь», «кнез», «князь» также являются производным от него. В этой связи нет ни малейших оснований видеть в арамейской надписи на блюде и монетах что-то похожее на «кинг» и тем более связывать этот довольно поздний термин с тюркскими языками.

А. Г. Мухамадиев предпринял попытку «прочитать» так называемую «Влесову книгу» (с. 27, 63-64), признанную научным сообществом фальшивкой[15], прототип местной подделки «Джагфар тарихы». Это только лишний раз доказывает, что ущербна сама методика подобных «чтений» по-тюркски, если с ее помощью можно прочитать даже заведомую чушь.

Но главным недостатком всей работы, видимо, следует считать авторскую концепцию происхождения татарского народа. Автор пишет, что сам «не относится ни к “булгаристам”, особенно тем, которые пишут обычно на русском языке и выдают свои “труды” за “древние” сочинения», ни «тем более к “монголо-татаристам”, которые обычно никогда специально не занимались ни монгольской, ни татарской историей, археологией или нумизматикой, но являются мастерами словоблудия в истории, полученного в наследство от прошлых, известных времен» (с. 54). Оставляя за пределами анализа подобные некорректные выпады в сторону коллег, отметим, что дихотомия «булгаристы-татаристы» исчерпала свои эвристические возможности, и обе концепции зашли в тупик.

В ответ на осознание подобной проблемной ситуации автор пытается создать свою альтернативную концепцию. Суть ее в том, что тюркские племена издавна жили в Евразии от Монголии до Подунавья, а важнейшим признаком, отличавшим одни народы от других, являлся язык. Хотя все они сохраняли свои племенные названия и языки, но именовались «тюрками» (с. 130). Даже в период Золотой Орды тюрко-булгары вместе с другими тюрками (кыпчаками, хазарами, суварами) составляли основу населения. Немногочисленные татары во главе с джучидами или истребили себя в междоусобных войнах, или растворились в среде булгаро-кыпчаков. В Поволжье сохранилось лишь их имя: «Средневековое оскорбительное клише “татары”, возникшее в Китае относительно монголов, “перекочевало” и на Волгу» (с. 131). То есть имя «татар» было только неким «клише» и вплоть до создания ТАССР официальное название народа в форме «татары» не существовало (с. 131). Что такое это «клише», и как оно «перекочевало на Волгу» автор не проясняет, а ведь это важнейшая проблема.

Даже краткое изложение этой концепции ясно показывает, что вопреки субъективному желанию того или иного специалиста, она прекрасно укладывается в теоретические основы пресловутой «булгаро-татарской» модели. Здесь важно указать, что к такому печальному итогу автора привели именно концептуальные посылки, что язык является важнейшим признаком этноса, что тюркский язык оставался неизменным на протяжении многих веков, что этноним «татары» в Европе не существовал, а само имя татар — только «клише» или «кличка», что этнонимы

в прошлом и настоящем люди меняли, как старую одежду.

Но в этом нет никакой научности и тем более — никакой новизны. Все это уже давным-давно разобрано, подвергнуто критике и отвергнуто. Есть несколько основных уязвимых мест рассматриваемой гипотезы. Тюркские разговорные языки не оставались неизменными в древности (правда, если их читать на основе современного татарского языка, то может создаться иллюзия подобной неизменности), что доказывают серьезные труды отечественных и зарубежных тюркологов. Все факты свидетельствуют, что у «булгаро-хазарской мусульманской элиты» (с. 122) в Улусе Джучи нет ни малейшего следа. Правящей военно-служилой знатью являлись татары, объединенные в тюрко-монгольские кланы, среди названий нет ни одного кыпчакского или булгарского. Но самое главное, вопреки мнению «булгаристов», что тюркское население Поволжья XVII-XIX вв. было хазаро-булгарским (с. 53), существует значительное количество источников, согласно которым в этот период татарская самоидентификация была преобладающей. И это не «устаревшие представления и выдумки», а строгие факты, которые никто из булгаристов еще не сумел опровергнуть. Собственно, этот вопрос сравнительно давно изучен и апробирован, а действительно новый подход к решению загадки «татарского сфинкса» предложен в ряде специальных трудов[16].

Все эти замечания служат одной цели — поддержать автора в его желании правдиво и точно излагать историю татарского народа и его предков, способствовать утверждению нового взгляда на его прошлое. Характеризуя всю работу в целом можно сказать, что появился труд неравнодушного и пытливого историка, стремящегося раздвинуть горизонты древней и средневековой истории, открыть и использовать новые источники.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. – М., 1977. – 223 с.
2. Фрейман А. А. Хорезмийский язык. – М.-Л., 1951. – Ч. 1. – 120 с.; Эдельман Д. И. Иранские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 200-201; он же. Хорезмийский язык // Ефимов В. А., Лашкарбеков Б. Б., Молчанова Е. К., Юсуфбеков Ш. П., Додыхудоева Л. Р., Эдельман Д. И. Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки. – М., 2008. – С. 6-60.
3. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М., 2001. – 187 с.
4. Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III-VIII вв. – М., 1987. – С. 60.
5. Камолиддин Ш. С. Культура оседлых тюрков Средней Азии. – Ташкент, 2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eurasica.ru/articles/uzbeks/shskamoliddin_kultura_osedlyh_tyurkov_sredney_azii_zaklyuchenie_lmteratura/.
6. Бартольд В. В. Сочинения. – М., 1966. – Т. VI. – С. 15-80.
7. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. – С. 41.
8. De Saint-Quentin, S. Histoire des Tartares / Publiée par J. Richard. – Paris, 1965. – P. XXXII, 34.
9. Книга странствий. – СПб., 2006. – С. 269.
10. Путешествия в восточные страны… – С. 48, 57, 72.
11. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. – СПб., 2002. – С. 109, 114.
12. Путешествия в восточные страны… – С. 98, 123, 154.
13. Христианский мир и Великая… – С. 242.
14. Там же. – С. 242.
15. Что думают ученые о «Влесовой книге». – СПб., 2004. – 228 с.
16. Татары. – М., 2001. – С. 41-100; Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Булгаро-кыпчакский этап в этногенезе татарского народа // История татар с древнейших времен: в 7 т. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2006. – Т. 2. – С. 650-656; они же. Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). – Казань, 2007 – 356 с.; Измайлов И. Л. Становление средневекового татарского этноса // История татар с древнейших времен: в 7 т. – Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV вв. – Казань, 2009. – Т. 3. – С. 349-365.

Искандер Измайлов,
кандидат исторических наук

На стремнине времени

Тагиров И. Р. На стремнине времени: Статьи и выступления. – Казань: Приложение к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков», 2011. – 468 с.

Вышла в свет новая книга академика Академии наук Республики Татарстан, профессора Казанского университета Индуса Ризаковича Тагирова. Она называется «На стремнине времени» и включает в себя результаты многолетних исследований и наблюдений историка, политика и гражданина. Несмотря на то, что книга представлена как сборник статей и выступлений, без сомнения, она является цельным концептуальным научным трудом с четкой логикой изложения, глубокими, интересными выводами. Весьма не просто дать и жанровую характеристику издания, в котором органично сочетаются строгий исследовательский анализ, оригинальная образность стиля, публицистическая острота и искренность. По сути, это откровенный разговор автора с читателем, размышления об исторических судьбах своего народа, перспективах его развития в нашу непростую и быстро меняющуюся эпоху.

На первый взгляд, временным пространством книги является XX в., ознаменовавшийся глобальными изменениями в жизни человечества, социальными потрясениями и кровавыми конфликтами, кардинальной перекройкой карты мира, формированием новой системы ценностей. Для татарского народа XX столетие стало временем поистине революционных преобразований, великих духовных и культурных достижений, надежд на возрождение национальной государственности и горьких потерь, разочарований, драматичной борьбы за свои права. Оценивая этот сложнейший исторический процесс, автор обращается к самым разным страницам национального прошлого, анализируя его в контексте отечественного и мирового развития.

Вообще, основным смысловым и эмоциональным лейтмотивом книги я назвал бы призыв к свободе, мечту о свободе каждой отдельной личности, каждого народа и, в конечном счете, всей человеческой цивилизации. Вот почему И. Р. Тагиров много размышляет о причинах и содержании российских социальных революций, обозначивших мощное и неукротимое стремление людей покончить с национальным и общественным неравенством, найти справедливый баланс интересов и возможностей.

Первый раздел книги называется «По пути федеративного развития». Он, безусловно, полемичен и направлен против устоявшихся в России догм об исторической обусловленности унитарной государственности, исключительном характере самодержавной власти, генетической тяге россиян к «твердой руке», бесперспективности у нас признанных демократических ценностей.

На основе очевидных исторических фактов автор представляет российскую историю как перманентную борьбу между свободолюбием и рабством, народовластием и крепостничеством. Создание централизованной империи происходило за счет уничтожения автономии отдельных территорий и установления единоличной власти самодержца, что привело впоследствии к закрепощению населения страны и неуклонному технологическому и культурному отставанию от западных государств, уже вкусивших плоды демократических свобод. Проповедуемый ныне некоторыми идеологами изоляционистский подход к существованию государства, рассуждения об особом российском пути развития опровергаются опытом прошлого, когда Россия, борясь с собственной уникальностью, была вынуждена проходить общие для всех передовых держав этапы: от средневекового рабства к свободе, реформам, парламентаризму и децентрализации.

Хотелось особо отметить очерк «Федеративные связи в государственном устройстве дореволюционной России», в котором, вопреки популярным ныне утверждениям, федерализм рассматривается в качестве изначальной основы отечественной государственности. Действительно, еще во времена Древней Руси княжества сосуществовали друг с другом на договорных отношениях. В период Золотой Орды ханская власть играла роль своеобразного федеративного центра, когда правитель, не навязывая своих порядков, являлся арбитром в решении спорных вопросов между князьями. Эти традиции были продолжены в эпоху средневековых татарских государств. Известно, например, что в Казанском ханстве земли, заселенные чувашами, марийцами, удмуртами и мордвой, пользовались автономными правами. Впрочем, и дальнейший ход истории, несмотря на усиление унитаристских тенденций, свидетельствует о сохранении у многих покоренных территорий формальных и неформальных признаков самостоятельности. Таким образом, И. Р. Тагиров, дискутируя с идеологами централизованной государственности, убедительно доказывает существование в России многовековых традиций федеративных отношений, благодаря которым возникла великая многонациональная держава.

Показательны в этом смысле размышления автора о национально-государственном строительстве в СССР. Сегодня в историографии и политической публицистике наметилась четкая тенденция обвинять большевистское правительство в экспериментах с автономизацией национальных окраин в том, что именно коммунисты заложили «мину замедленного действия» под территориальную целостность современной России.

И. Р. Тагиров, детально изучивший причины и содержание российских революций XX в., решительно опровергает эти утверждения как сугубо конъюнктурные и антинаучные. Большевики, в целом отрицательно относившиеся к идее федерализации, вынуждены были принять ее, так как автономия, образно говоря, стучалась во все двери, была выстраданным и насущным требованием всех народов страны. Прагматизм В. И. Ленина как раз и выразился в проведении формальной ассиметричной федерализации государства, позволившей сохранить его единство, укрепить советский строй, объединить общей идеологией национальные движения. Другое дело, что автономии в СССР не имели сколько-нибудь значимых прав для реализации заявленного статуса. Мало того, по мере усиления централизации их содержание выхолащивалось и низводилось до уровня простой декларации.

Данный процесс, по мнению автора, являлся причиной постоянного недовольства, социального брожения в

республиках, что весьма отрицательно сказывалось на общем социально-экономическом и культурном развитии союзного государства. Достаточно вспомнить знаменитое рыскуловское совещание 1926 г., созванное по инициативе Отдела национальностей при Президиуме ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т. Рыскулова, на котором представители автономий обсуждали предложение о придании им статуса союзных республик. Эта идея была обусловлена недовольством реальным положением национальных образований в РСФСР, постоянным сужением их прав и в целом национальной политикой И. В. Сталина. Дискуссия, развернувшаяся по итогам совещания в ТАССР, обнажила еще одну серьезную проблему, которая касалась разграничения полномочий партийных и советских органов на местах, когда наркомы, занимавшиеся практической работой в социальной и экономической сфере, сталкивались с идеологическим диктатом и авторитаризмом руководителей обкомов ВКП(б). Так, конфликт секретаря Татарского обкома М. Хатаевича с председателем ТатЦика Ш. Шаймардановым и членами республиканского правительства привел к так называемой «стачке наркомов», демонстративно обратившихся в ЦК с протестом.

Конечно, голоса с мест тогда не были услышаны, а большинство возмутителей спокойствия подверглись репрессиям. Однако отложенные реформы, силовое сдерживание самостоятельности регионов в итоге привели к развалу Советского Союза. И. Р. Тагиров прямо называет нереформирование СССР самой главной упущенной возможностью. Обветшание некогда великой страны стало результатом неразрешимого противоречия между сильными имперскими тенденциями в политике и идеологическим признанием права наций на самоопределение.

Второй раздел книги «Татарстан в контексте федеративных и межэтнических отношений» посвящен историко-философскому обоснованию национально-государственного строительства в новой России. Два десятилетия интенсивных преобразований мало что изменили в представлениях правящей элиты страны. Сегодня наблюдается опасный всплеск великодержавных настроений, все чаще слышатся высказывания, граничащие с откровенным национализмом, отбрасывающим нас на столетия назад. Предложения о признании государствообразующим только одного народа, отрицание национальной идентичности у малых народов нашего государства, их прав на национальное самоопределение совершенно не учитывают исторических традиций и современных реалий России.

И. Р. Тагиров, опровергая провокационные сентенции, обращаясь в далекое и недавнее прошлое, пишет о неразрывной духовной, культурной, мировоззренческой связи русского, татарского, финно-угорских и других народов, сумевших создать и защитить свою неповторимую цивилизацию, общее Отечество. В то же время татары, прошедшие непростой путь социального и идейного реформаторства, уже в начале XX в. сформировали национальное самосознание, собственную программу автономного развития в рамках российского государства.

Создание ТАССР в 1920 г., несмотря на крайнюю узость ее полномочий, способствовало становлению собственных государственных и общественных институтов, поступательному развитию культуры, появлению полноценной творческой и научной интеллигенции. И. Р. Тагиров в третьем разделе книги, анализируя состояние национальной политики в России, критикует излюбленные ныне в среде некоторых столичных политологов предложения ликвидации этнических государственных образований, справедливо утверждая, что они защищают и реализуют насущные интересы всех народов данной территории независимо от национальной и религиозной принадлежности. Он призывает соблюдать российскую Конституцию и законодательство, признающие республики в составе федерации государствами и зафиксировавшие возможность договорных отношений между центром и регионами.

Особое место в книге занимают статьи, посвященные современному взаимодействию Республики Татарстан и федерального центра. Не только потому, что автор опирается на интереснейший историко-документальный материал, но и в первую очередь потому, что он сам являлся активным участником становления государственного суверенитета республики, установления равноправных договорных отношений с Москвой.

Исследование истории и природы татарской государственности, уходящей своими корнями в древнетюркский период, переживавшей на протяжении столетий времена ренессанса и фактического уничтожения, но продолжавшей существовать в тех или иных формах, подробно представлено в четвертой части книги. Очерки, помещенные здесь, являются подлинным научным обоснованием исторического права Татарстана на самостоятельное существование в рамках Российской Федерации. Развитые общественные институты, парламентаризм, передовая экономика и культура — все это достижения XX столетия, основанные на вековом опыте национальной государственности. Учитывать эти уроки прошлого необходимо современным политикам и обществу.

Недооценка исторического фактора, игнорирование злободневных проблем, национальных устремлений могут привести к великим социальным потрясениям, свидетелем которых был XX в. Драма революций, по мнению И. Р. Тагирова, — это не плод каких-либо идеологических конструкций, а взрыв народного недовольства, отрицающего устаревшие, несправедливые нормы своего бытия.

В пятом и последнем разделе книги беспристрастно анализируются причины, ход и последствия великих народных возмущений, полностью изменивших мировой политический ландшафт. Автор, представляя вниманию читателя новые документальные источники, очищает картину Октября в России от идеологической ретуши, нанесенной некогда ангажированными историками. Следует согласиться со взвешенной и объективной оценкой деятельности В. И. Ленина, который, вопреки некоторым бытующим сегодня оценкам, был не безумным чудовищем, а великим мыслителем, политиком, государственным деятелем, пытавшимся по своему разумению построить общество нового типа. «Ленин всегда настаивал на творческом применении марксизма. Исходя из этого, он понял, что мировая революция не назрела, что федерализм в России неизбежен. Его самое главное прозрение, видимо, заключалось в предвидении необходимости определенной конвергенции капитализма и социализма», — подчеркивает И. Р. Тагиров. Аналогичной является и оценка личности М. Султан-Галиева, понимавшего марксизм как живое учение и стремившегося объединить социальную революцию с набиравшим силу национально-освободительным движением. Не случайно время выдвинуло эти личности в число крупнейших деятелей мировой истории.

Наверно, один из самых главных выводов ученого заключается в том, что у человечества всегда есть альтернатива революции. Она — в последовательных социально-экономических и политических реформах. Задача общества и государства вовремя найти эти альтернативы, чтобы потом горько не сожалеть об упущенных возможностях демократического развития.

В книге И. Р. Тагирова поставлено много актуальных научных проблем, предлагаются новые методологические подходы, высказываются свежие, новаторские идеи. Думается, что данный труд, как и многие другие работы ученого, будет востребован не только нынешними, но и будущими поколениями исследователей и политиков. В нем изложено кредо нашей исторической науки, которое можно сформулировать как неустанный поиск истины, немыслимый без любви к своему народу, без идей свободы, патриотизма и прогресса.

Радик Салихов,
доктор исторических наук

Игуменья Апфия Свияжская

А. М. Елдашев. Игуменья Апфия Свияжская. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 72 с.

Так историк-краевед Анатолий Елдашев озаглавил свой пятый выпуск серии «Казань православная: Подвижники Духа». Предыдущие были посвящены пребыванию в нашем крае Иоанна Кронштадтского и великой княгини Елисаветы Феодоровны, а также монастырям и церквам г. Казани.

Читателям доцент Казанской духовной семинарии, лауреат Макарьевской премии, заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан А. Елдашев известен как автор почти ста публикаций, в том числе пятнадцати книг и брошюр, исследующих духовную жизнь Казанского края в XVI — начале XX вв. Автор продолжает традиции, заложенные епископом Никанором, протоиереем Евфимием Маловым, известным краеведом Н. Я. Агафоновым, искусствоведом П. М. Дульским.

Кто из путешествующих, подплывая по матушке-Волге к острову-граду Свияжску, не бросал свой восторженный взгляд на приближающийся и все увеличивающийся в своих размерах

храм, возведенный во имя иконы Божией Матери «Всехъ Скорбящихъ Радости» — эту доминанту острова? И, наверное, мало кто помнит и знает о его вдохновительнице и устроительнице — настоятельнице Свияжского Иоанно-Предтеченского женского монастыря игуменьи Апфии (Анне Константиновне Юминой). Храм был освящен 24 сентября 1906 г. архиепископом Казанским и Свияжским Димитрием (Самбикиным). Годом раньше на его территории была похоронена игуменья Апфия Свияжская.

В 1930-е гг. надгробие игуменьи было разрушено. 24 мая 2010 г. Анатолий Елдашев, участвуя в работе республиканской научно-практической конференции «Свияжское историческое краеведение и современность» высказал предложение о необходимости реставрации разрушенного захоронения. Во время ремонтных работ летом 2010 г. в подклети храма во имя иконы «Всехъ Скорбящихъ Радости» было обнаружено несколько обломков мраморной надгробной плиты, на которых читалось «…святого храма» и «…ря 1905 года». В мае 2011 г. благодаря усилиям настоятеля Свияжского Свято-Успенского мужского монастыря о. Силуана начались работы по восстановлению разрушенного надгробия. На основании обнаруженных обломков плиты исследователь предложил реставраторам следующий текст, который, на его взгляд, наиболее соответствует первоначальной надписи: «Строительница сего святого храма игуменья Апфия. † 28 сентября 1905 г.».

Настоящий выпуск также посвящен известной свияжской благотворительнице Надежде Ивановне Саврасовой (1783-1870). Саврасова занимает достойное место в ряду выдающихся православных женщин-благотворительниц Казанского края: Ольги Сергеевны Александровой-Гейнс (1847-1927), Глафиры Федоровны Стахеевой (1847-1927), Ольги Андриановны Стахеевой (1847-1912), Агриппины Хрисанфовны Шамовой (ум. 1927), Екатерины Александровны Кривоносовой, Марии Федоровны Ушаковой (ум. 25 апреля 1902).

Жизнь Н. И. Саврасовой была тесно связана с игуменией Каллистой, с 1841 по 1865 г. настоятельницей Иоанно-Предтеченского монастыря. Через повествование о Саврасовой автор протягивает связующую нить к иеромонаху отцу Нилу (Хрисогонову), послушнику Макарьевской пустыни, постоянному руководителю и наставнику игуменьи Апфии и духовному собеседнику Н. И. Саврасовой.

Завершает выпуск многовековая и многотрудная история возникновения, развития, разрушения и возрождения Свияжской Макарьевской пустыни и ее покровителя преподобного Макария.

Автор впервые за последние десятилетия опубликовал списки настоятелей Свияжского Успенского Богородицкого мужского и Иоанно-Предтеченского женского монастырей, а также послужной список монахинь Казанского Богородицкого женского монастыря за 1927 г. (за год до его закрытия). Большинство монахинь были представителями крестьянского сословия, выходцами из Казанской и Вятской губерний.

Выпуск иллюстрирован, в нем много как дореволюционных фотографий, так и современных, в том числе сделанных автором в разные годы. При его написании использовано около сорока источников, справочной литературы и исследований.

Шамиль Шарафутдинов,
историк-архивист

Архивные документы — важный источник изучения истории периодической печати Туркестана

(По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан)

Первая газета Туркестана — «Туркестанские ведомости»* увидела свет 28 апреля 1870 г. и была официальным органом Туркестанского генерал-губернаторства. Задачами ее были следующие: сообщать правительственные и административные распоряжения относительно Туркестанского края; способствовать всестороннему его изучению, публикуя на своих страницах преимущественно серьезные, научные статьи; не допускать издание беллетристических и полемических статей, повестей и романов, носящих характер личного спора[1]. Газета должна была служить органом государства, деятельность которого была направлена на внедрение государственной идеологии путем распространения официальной информации.

Согласно вышеизложенной программе, газета включала две рубрики: официальную и неофициальную. В официальной печатались, в основном, приказы и распоряжения Турке-

* Газета «Туркестанские ведомости» была создана после завоевания Российской империей Туркестана. Она отображала жизнь с официальных позиций, была проводником правительственной политики и идеологии, однако, несмотря на это, сплотила вокруг себя местную интеллигенцию и пробудила интерес к изучению края в географическом, историческом и статистическом отношениях. В этом большую роль сыграл первый редактор «Туркестанских ведомостей» Н. А. Маев, который редактировал ее с 1870 по 1892 г. На страницах газеты систематически публиковались статьи А. П. Федченко, Н. А. Северцова, Г. А. Арендаренко, В. Н. Наливкина, А. Л. Куна, Н. П. Пантусова, А. И. Вилькенса, В. Ф. Ошанина, Н. С. Лыкошина, В. В. Бартольда, Н. Д. Дмитровского, Н. П. Остроумова, А. Д. Гребенкина и многих других исследователей. Публикуемые материалы были насыщены богатым фактическим материалом и содержали важную научную информацию. Некоторые статьи впоследствии выходили отдельными изданиями. Газета выходила до 15 декабря 1917 г.

станского генерал-губернаторства, в неофициальной — статьи и заметки, касающиеся истории, географии, культурной жизни, а также статистические данные.

Анализ архивных документов фонда Туркестанского генерал-губернаторства (ф. И-1) дает четкую картину финансового состояния «Туркестанских ведомостей». В частности, установлено снижение из года в год государственных финансовых отчислений на выпуск газеты.

Так, вначале на издание было выделено государственных средств 12 000 руб. (в денежных единицах того периода), из них 2 500 руб. составляла заработная плата редактора и 1 500 руб. — заместителя редактора[2].

12-13 ноября 1899 г. канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства в обращении к российскому военному министру по поводу реорганизации этой газеты сообщила о том, что с 1886 г. для издания газет «Туркестанские ведомости» и «Туркистон вилоятининг газети», «Газета Туркестанской области» из Государственного казначейства Российской империи стали выделяться 7 600 руб.; на издание «Туркистон вилоятининг газети» ежегодно отчислялось 3 000 руб., а на «Туркестанские ведомости» остальные 4 600 руб.[3]

До 1893 г. в год выходило 50 номеров газеты «Туркестанские ведомости», в количестве 225 экземпляров[4]. С 1893 г. газета по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора стала издаваться два раза в неделю, в среднем 100 номеров в год. В связи с этим отчисляемая сумма в размере 5 690 руб. стала недостаточной для издания газеты и покрытия расходов, вызванных увеличением периодичности газеты. Учитывая это, канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства дополнительно ежегодно стала выделять по 1 500 руб. Между тем даже при таком раскладе и всевозможных снижениях расходов было невозможным издание газеты. Главная причина заключалась в увеличении объема газеты вдвое, что вызывало двойной расход на набор и печать. Помимо этого, увеличивающаяся из года в год подписка, а значит и рост тиража против 225 в 1893 г. (к концу 1898 г. тираж составлял 930 экземпляров), значительно повышали расход бумаги.

Положение для газеты было катастрофическим. И только благодаря деятельности редакторов газеты, особенно Н. А. Маева и А. П. Романовича, продолжал функционировать неофициальный отдел газеты. Об этом свидетельствуют хранящиеся в фондах ЦГА РУз их многочисленные рапорты на имя туркестанского генерал-губернатора и военного министра[5]. Использование гонораров для нужд газеты отсутствовало, как отмечалось в обращении редактора газеты А. П. Романовича. Редакция газеты вообще размещалась в его квартире, что, естественно, порождало трудности[6]. Лишь в начале XX в. газету приравняли в финансовом отношении к губернским ведомостям.

Несмотря на сложное финансовое положение газеты, редакция стремилась увеличить ее объем. Со второй половины 1898 г. «Туркестанские ведомости» стали выходить в объеме не менее полутора листов, количество же печатаемых экземпляров достигло в 1899 г. 1 050[7]. Ежегодно перерасходы на издание газеты лишь отчасти покрывались средствами из специального фонда. Большая же часть перерасходов, переходя из года в год, к концу 1899 г. дала дефицит на издание в сумме более 6 800 руб., а в 1900 г. — 7 414 руб.[8]

Однако в архивных источниках встречаются данные и о доходах газеты «Туркестанские ведомости». Они были получены за счет публикаций рекламы и объявлений, а также подписчиков газеты. Причем, доходы ее постоянно росли: если в 1891 г. доход составлял 1 683 руб., то в 1899 г. он возрос до 8 000 руб.[9] По подсчетам редакции, в 1899 г. расходы на издание газеты составили также 8 000 руб., т. е. доходы прекрывали все расходы. Несмотря на неоднократные, начиная с ноября 1899 г., ходатайства туркестанского генерал-губернатора о реорганизации

издания «Туркестанских ведомостей» с оставлением в виде субсидии производившегося уже отпуска средств на газету в полном размере до тех пор, пока не будет погашен образовавшийся от издания газеты долг[10], финансовое положение редакции продолжало оставаться неудовлетворительным.

В таком положении газета находилась вплоть до 1901 г., когда последовало решение Государственного совета о передаче доходов от ее издания на расчетный счет открытой при канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства типографии и прекращении субсидий от казны[11].

Типография при канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства в тот период была оборудована скромно. Она справлялась только с выпуском двух номеров газеты в неделю по шесть страниц среднего формата. От выпуска восьмистраничных номеров пришлось отказаться в основном из-за отсутствия шрифтов[12].

Несмотря на финансовые трудности, газета «Туркестанские ведомости» на своих страницах в неофициальном разделе публиковала достаточно серьезные, нередко научные статьи различной тематики, которые служили важным источником освещения социально-экономической, политической и культурной жизни Туркестана. Эта газета явилась трибуной исследователей и специалистов. Особо следует выделить роль редактора газеты Н. Г. Маллицкого в том, что газета оставалась верна своим традициям на протяжении 37 лет со дня основания.

Однако с 1907 г. до первой половины 1909 г. в деятельности газеты наблюдался некоторый спад. Он был вызван тем, что с 1907 г. она стала выходить ежедневно, что снизило качество публикуемых материалов. Кроме того, в основном в ней стали печататься приказы и указы туркестанского генерал-губернатора, военного губернатора Сырдарьинской области, а также официальные объявления, телеграммы и сообщения.

Со второй половины 1909 г. происходят некоторые качественные изменения: меняется оформление газеты, увеличивается ее формат, старый шрифт заменяется новым. Но и эти меры не смогли поднять авторитет газеты на прежний уровень, так как с увеличением количества частных газет лучшие сотрудники газеты стали уходить. Причиной такого перехода была не только материальная заинтересованность, но и более широкие возможности поднимать интересующие их проблемы. Не помог и еще один шаг, предпринятый в целях повышения ее конкурентоспособности — издание с 16 апреля по 1 августа 1911 г. вечерних выпусков. Он был приостановлен вследствие малочисленности подписчиков и нехватки средств.

Архивные документы позволяют восстановить и историю первой газеты на узбекском языке — «Туркистон вилоятининг газети»*. Согласно им, газета с 30 января 1883 г. тиражом 500 экземпляров стала выходить самостоятельно. К 1888 г. тираж возрос до 600 экземпляров, большая часть его поступала к местным администраторам, которые были обязаны выписывать эту правительственную газету на узбекском языке[13]. Редактор газеты Н. Остроумов, говоря о причинах малой востребованности газеты, особо отмечал, что она была первой газетой на местном языке и еще непривычной для населения[14]. В действительности, население Туркестана в основном было

* «Туркистон вилоятининг газети» — первая газета в Туркестане на узбекском языке, издаваемая в 1870-1883 гг. как приложение к газете «Туркестанские ведомости». Выходила с периодичностью 2-4 раза в месяц на узбекском и 2 раза на кыргызском языках. В 1872-1883 гг. редактором газеты был переводчик Туркестанского генерал-губернаторства Ш. Ибрагимов, в 1883 г. — М. Чанышев, с конца 1883 г. до февраля 1917 г. — Н. П. Остроумов. С 30 января 1883 г. тиражом 500 экземпляров стала публиковаться как самостоятельная газета. В 1885-1901 гг. одна полоса газеты публиковалась на русском языке. Имела своих читателей не только в Туркестане, но и в других регионах России, в частности, в Гельсингфорсе, Казани, Кашгаре, Бахчисарае, Москве, Омске, Петербурге. Как и «Туркестанские ведомости» являлась официальным органом власти. Ее главная задача — ознакомление местных администраторов с приказами и указами правительства, а также с историей, этнографией, географией и культурой Туркестана. Участие в работе газеты З. Фурката, С. Абдугаффорова, И. Ибрата, М. Бехбудий, М. Шермухамедова и других представителей интеллигенции пробудило в народе интерес к современным наукам, новшествам техники и технологии, а также культуре и литературе других народов.

читателем газеты «Тарджеман» («Переводчик») Исмаила Гаспринского. Как отмечалось в архивных источниках, цена одного номера газеты «Туркистон вилоятининг газети» была 80 коп., а газеты «Тарджеман» — 3 руб.[15] Но даже более дорогая цена частной газеты не снижала число ее читателей. Подписная цена «Туркистон вилоятининг газети» до 1906 г., когда она выходила один раз в неделю, составляла 3 руб. 80 коп. С 1906 г., когда она начала издаваться два раза в неделю, цена выросла до 4 руб. 50 коп.[16] Согласно архивным источникам, уже в тот период была предпринята попытка определить причины невостребованности газеты населением. Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства затребовала мнение военных губернаторов Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей. Они указали на причины непопулярности этой газеты среди населения: размещение в газете чрезмерного количества официальных приказов и указов, сухая информация неофициального отдела, сообщения, далекие от жизни, частая встречаемость арабских, персидских слов и терминов, затрудняющих восприятие текста[17].

Архивные документы содержат материалы, свидетельствующие о тяжелом финансовом положении газеты. В конце 1912-1913 гг. вследствие нехватки средств возникла опасность закрытия газеты. В письме туркестанского генерал-губернатора военному министру от 5 января 1913 г. сообщалось, что в Ташкенте публикуются частные газеты на местных языках, которым должна противостоять правительственная газета — «ее закрытие может привести к негативным последствиям»[18]. После переписки на протяжении почти трех лет — с 1913 по ноябрь 1915 г., последовало распоряжение военного министра о выделении на нужды газеты половины запрашиваемой суммы[19].

Следует подчеркнуть, что газеты «Туркестанские ведомости» и «Туркистон вилоятининг газети», несмотря на финансовые трудности, в отличие от других газет, издаваемых в Туркестане в 1870-1917 гг., выходили сравнительно долгое время.

В 1890-е гг. в Туркестане стали создаваться частные газеты на русском языке*. В фонде канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства хранятся документы, которые проливают свет на историю создания частных газет и их деятельности. Значительное число их были недолговечны, особенно в период нестабильности и потрясений.

Примером служит газета «На рубеже». Начало ее выхода приходится на июль 1907 г., но уже в октябре того же года ее выпуск прекратился. С октября 1908 г. газета вновь стала издаваться группой предпринимателей во главе с продавцом книг М. Ф. Соббереем. Однако подписчиков на эту газету было всего около 300, да и розничная торговля также была небольшой[20]. В октябре 1910 г. ее заменила газета «Русский Туркестан». С первых номеров в ней стали публиковаться статьи против политики правительства Российской империи. Военный губернатор Сырдарьинской области лично беседовал с редактором газеты П. Шейковским, предлагая изменить направление газеты, так как ее статьи негативно влияют на мировоззрение местного населения[21]. Однако газета продолжала антиправительственную политику, и в 1911 г. редактор П. Шейковский был оштрафован военным губернатором Сырдарьинской области на сумму в 500 руб., в случае неуплаты штрафа должен был отбывать тюремное заключение сроком в один месяц. Несмотря на это, на страницах газеты продолжа-

* В 1890-1907 гг. издавались газета «Окраина»; в 1898-1907 гг. — «Русский Туркестан». Первоначально «Окраина» была ежедневной газетой, а с 1891 г. стала выходить 2-3 раза в неделю. В деятельности газеты принимали участие Н. Лыкошин, Н. Ханыков и А. Диваев. В Туркестане издавались такие частные газеты на русском языке, как «Туркестанский скорпион» (1907), «Туркестанская торгово-промышленная газета» (1908), «Туркестанская жизнь» (1908), «Ташкентский голос» (1907, 1910), «Ташкентское утро» (1910). В начале XX в. в Туркестане выходили в свет издания различных политических партий, что объяснялось большим размахом революционного движения в России: в 1907-1908 гг. — газета партии эсеров «Молот», в 1906 г. — газета «Новый путь» меньшевистского направления, в 1905 г. — газета социал-демократов «Рабочий».

ли публиковаться подобного рода материалы. В результате в ноябре 1911 г. туркестанский генерал-губернатор издал приказ о закрытии типографии И. Я. Тихая, где печаталась эта газета[22]. В свою очередь, И. Я. Тихай обратился с протестом к российскому императору, но в мае 1914 г. решение туркестанского генерал-губернатора было признано правильным[23].

В 1904 г. газета «Ташкентский курьер» стала издаваться под названием «Ташкентский листок». Сначала на ее страницах публиковались телеграммы и объявления, затем местная хроника. С октября 1906 г. под редакцией А. Л. Кирснера вышла газета «Ташкентский курьер», а с сентября 1908 г. — «Туркестанский курьер». В сентябре 1908 г. в докладе по канцелярии туркестанского генерал-губернатора по поводу этой газеты отмечалось следующее: «вредное направление газеты не раз вызывало административные меры против ее воздействия. Сначала в виде увещеваний и предупреждений, затем штрафов, дальнейшая борьба с этою газетой только внушениями и штрафами как оказавшаяся несостоятельной, должна быть оставлена и газета г. Кирснера закрыта»[24]. В 1910 г. газета «Туркестанский курьер» выходила тиражом в 3 500 экземпляров[25]. В 1913 г. по постановлению военного губернатора Сырдарьинской области его помощником полковником Геппенером было наложено административное взыскание в размере 200 руб. на редактора газеты «Туркестанский курьер»[26].

В фонде Туркестанского охранного отделения встречаются данные, касающиеся взаимоотношений с цензурой первых частных газет на местных языках Туркестана. Цензура появилась в период первой русской революции 1905-1907 гг. В конце концов царское правительство вынуждено было уступить в этой сфере. Пользуясь случаем, туркестанские прогрессисты — джадиды, стремились с помощью газеты распространять свои взгляды и мировоззрение. Осознавшие огромное влияние периодической печати на общество, они в организации и издании газеты опирались на опыт русской периодической печати, особенно газет на татарском языке, в частности, «Тарджеман» И. Гаспринского.

Первая газета джадидов — «Тараккий»* начала выходить в 1906 г., и издавалась в течение 3 месяцев. Главным редактором и издателем газеты был Исмоил Обидий. Основной целью газеты было обновление общества, о чем редакция в своем первом номере писала следующее: «газета не зря называется “Тараккий” (“Прогресс”), мы не можем смотреть, как наша нация идет назад. Мы по мере возможности постараемся найти путь достичь высшей степени развития нации, и чтобы в предпринимательстве, в профессиональном отношении нация достигала развития (прогресса)»[27]. На страницах газеты неоднократно помещались статьи о необходимости просвещения народа, пропагандировалась деятельность новометодных школ по введению таких учебных предметов как: математика, история, география и др. Однако вскоре за антиправительственное направление, «за призыв к участию коренного населения в революционном движении»[28] деятельность газеты была приостановлена, а Исмоил Обидий оштрафован и депортирован из края.

В сентябре 1906 г. в крае начала выходить газета «Хуршид», редактором которой стал Мунаввар Кари Абдурашидханов, один из видных деятелей джадидизма. По архивным данным, она имела 300 подписчиков[29]. Как и другие национальные газеты она подвергалась гонениям со стороны правительства Российской империи.

С декабря 1907 г. начала выходить газета «Шухрат» (редактор Абдулла Авлоний). В январе 1908 г. надворный советник при военном губернаторе Сырдарьинской области Т. Киясбеков, сообщая о деятельности газеты «Шухрат», подчеркнул, что она публикует на своих страницах статьи, направленные против политики прави-

* Газета хранится в Национальной библиотеке Республики Узбекистан им. Алишера Навои под шифром F-63-F-73. Всего имеется 6 номеров газеты.

тельства и характеризовал ее деятельность как вредную[30]. Военный губернатор Сырдарьинской области подал туркестанскому генерал-губернатору прошение о закрытии ее за антиправительственную пропаганду[31]. 4 февраля 1908 г. военный губернатор Сырдарьинской области секретным образом вновь обратился к туркестанскому генерал-губернатору с предложением приостановить деятельность газеты[32]. Редактор газеты «Туркистон вилоятининг газети» Н. П. Остроумов 7 февраля 1908 г. в своем письме туркестанскому генерал-губернатору подчеркивал: «Известно, что газета "Шухрат" публикуется не ради финансовой выгоды, собранных денег от читателей газеты не хватит даже на печатание газеты»[33]. В свою очередь, Мунаввар Кари Абдурашидханов и Ахмаджон Бектемиров всячески помогали редактору газеты. Данное издание печаталось по 300 экземпляров, но прекратило свою деятельность 14 февраля 1908 г.[34]

После прекращения деятельности газеты «Шухрат» в апреле 1908 г. Ахмаджон Бектемиров начал издавать газету «Азия». Сотрудники газет «Хуршид» и «Шухрат» принимали активное участие в деятельности новой газеты. Однако ее постигла участь предыдущих изданий, т. е. правительство запретило ее деятельность[35]. На этом закончился первый период джадидской печати.

С этого времени начался период гонений на джадидов. На протяжении длительного времени они не могли издавать свою газету. Однако с апреля 1913 г. в Самарканде под редакцией Махмудходжа Бехбудий начала выходить газета «Самарканд». Она издавалась 2 раза в неделю тиражом 400-600 экземпляров, всего вышло 45 номеров. В работе газеты участвовали такие деятели джадидизма, как Хожи Муин, Дадамирзо Кари, Абдурауф Фитрат, которые в своих статьях призывали народ к просвещению, а также показывали пути выхода из мрака и невежества. Многие статьи, опубликованные в этой газете, были написаны Махмудходжой Бехбудий. Он очень переживал, что основная часть населения была безразлична к происходящим событиям в крае, и хотел, чтобы периодическая печать способствовала выходу Туркестана на передовые рубежи исторического прогресса. В одной из своих статей он сравнивал положение Туркестана с положением в Америке, констатируя, что Америка с ее 70-миллионным населением читает 22 882 газеты и журнала, а Туркестан с численностью населения в 8 раз меньше, чем Америка, в 3 000 раз меньше читает периодическую печать[36].

В 1914-1915 гг. в Туркестане выходили газеты «Садои Туркистон» («Голос Туркестана») и «Садои Фергана» («Голос Ферганы») в Ферганской долине. На страницах этих газет обсуждались насущные проблемы общества, подвергались жесткой критике такие общественные пороки, как курение анаши, пьянство, разврат.

12 декабря 1913 г. Убайдуллаходжа Асадуллаходжаев получил разрешение на выпуск газеты «Садои Туркистон»[37]. Однако из-за нехватки средств издание газеты было отложено[38] до 1 апреля 1914 г.

В первом номере от 4 апреля 1914 г. Убайдуллаходжа Асадуллаходжаев отмечал, что она издается на благо Родины[39]. В осуществлении задач газеты редактору помогли национальные прогрессисты Мунаввар Кари Абдурашидхонов, Абдулла Авлоний, Тавалло, Саидносир Миржалилов, Хамза Хакимзода, Холид Саид, Абдулхамид Сулаймон, Муминджан Мухаммаджанов, Абдулла Эргазиев, Нуширавон Ёвушев, Сиддикий, Лутфулла Олимий, Мулла Саид Ахмад Васлий, Фузайил Жонбоев, Мухаммаджон (мударрис), Бадриддин Аълами, Хаджи Муин, Ш. Рахимий. Однако в связи с тяжелым финансовым положением прежде ежедневная газета начала выходить еженедельно, даже появилась опасность ее закрытия. Тогда редакция газеты обратилась к состоятельным людям, которым была небезразлична судьба нации. В обращении говорится, что для 10-миллионного населения Туркестана грех не поддержать издание трех га-

зет, когда единоверцы татары, которые составляют 4-5 миллионов, выпускают 30 газет и прогрессируют изо дня в день[40]. Но эти призывы остались без ответа и 10 апреля 1915 г. газета «Садои Туркистон» после выпуска 66 номера была закрыта.

В фондах Туркестанского охранного отделения хранятся документы, раскрывающие историю появления газеты «Туркестанский голос», на страницах которой печатались сообщения и статьи по вопросам социально-экономической и политической жизни. Начальник Туркестанского районного охранного отделения доложил туркестанскому генерал-губернатору 24 сентября 1916 г. о деятельности этой газеты. Она начала издаваться с 1 июля 1916 г. вместо газеты «Туркестанский край» в Коканде[41]. Редактором и издателем газеты был андижанский домовладелец и владелец довольно обширной пасеки, председатель общества взаимного кредита и член Андижанского военно-промышленного комитета А. А. Чайкин. Газета печаталась на средства издательского товарищества, каждый член которого обязан был вложить по 25 руб. В ее деятельности участвовали сотрудники газеты «Туркестанский край», редактор газеты «Садои Туркестан», известный прогрессист Убайдулла Ходжаев, который имел опыт издания периодической печати, тем более, что он также принял участие в финансировании этой газеты. Туркестанское охранное отделение оценивает его как «убежденного панисламиста с начала 1913 г., когда он прибыл в г. Ташкент из г. Саратова и стал заниматься отчасти адвокатурой, отчасти пропагандистской деятельностью. По закрытии газеты “Садои Туркестан” он поселился в г. Андижане, где занимался исключительно адвокатурой до 1 июля сего года, с этого времени стал также сотрудничать в газете “Туркестанский голос”»[42].

Сотрудником газеты, по сообщению охранного отделения, был и родной брат А. А. Чайкина — В. А. Чайкин. В этом документе подробно излагается революционная деятельность В. А. Чайкина, который в 1908 г. был выслан в Якутскую область за принадлежность к партии социалистов-революционеров[43].

В архивных документах приводятся данные, касающиеся других сотрудников газеты «Туркестанский голос». В частности, на выпускника юридического факультета Харьковского университета И. Я. Шапиро. Оценивая его деятельность, охранное отделение подчеркивает, что он является как бы юрисконсультом газеты. В каждом номере печатается объявление на русском и узбекском языках, где И. Я. Шапиро предлагает помощь населению в юридических делах, в частности, уголовных, гражданских и административных.

М. М. Бердичевский, литературный псевдоним «Маркович», был корреспондентом в г. Коканде в конторе Вадьявского товарищества[44]. Н. М. Норинский — журналист, бывший редактор газеты в г. Полтаве, сотрудничал в газете «Туркестанский голос» под псевдонимом «Вл. Туркестанский» и «Ю. Саламатин».

О сотруднике газеты Г. И. Павлюченко сообщалось, что в г. Коканде в 1915 г. он был фактическим редактором газеты «Утро Ферганы» (фиктивным редактором был некий Львов).

9 января 1917 г. до редактора газеты «Туркестанский голос» А. А. Чайкина было доведено постановление военного губернатора Ферганской области о приостановлении деятельности газеты и выходе вместо нее газеты «Туркестанское слово»[45].

Таким образом, в конце XIX — начале XX вв. периодическая печать в Туркестане являлась единственным средством массовой информации и, несомненно, служила интересам развития общества. Первая газета Туркестана — «Туркестанские ведомости», являясь печатным органом Туркестанского генерал-губернаторства, помогла установить сотрудничество видных ученых разных направлений и специалистов различных областей, что позволило опубликовать множество интересных и богатых в фактологическом

отношении материалов. Газета помогала развиваться и другим изданиям в крае. В результате появились частные газеты, сначала на русском, а позднее и на местных языках, которые играли немаловажную роль в жизни общества, а материалы периодической печати джадидов способствовали борьбе против пережитков прошлого, в пропаганде идей коренной перестройки системы образования и обновления общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), ф. И-1, оп. 8, д. 385 а, л. 1.
2. Там же, д. 385, л. 1.
3. Там же, оп. 27, д. 1609, л. 26.
4. Там же, оп. 8, д. 385, л. 2.
5. Там же, оп. 3, д. 261, л. 11-15, 22-25, 34-34 об., 35-35 об.
6. Там же, л. 24 об.
7. Там же, оп. 8, д. 385 а, л. 2 об.
8. Там же, оп. 27, д. 1609, л. 26 об.
9. Там же, оп. 8, д. 385 а, л. 3 об.
10. Там же, оп. 27, д. 1609, л. 27.
11. Там же, оп. 8, д. 385 а, л. 2.
12. Там же, л. 4.
13. Там же, ф. И-1, оп. 28, д. 60, л. 82.
14. Там же, д. 35, л. 39-45.
15. Там же, д. 60, л. 82 об.
16. Там же, оп. 17, д. 734, л. 92 об.
17. Там же, л. 71-71 об.
18. Там же, л. 117.
19. Там же, л. 128-128 об., 145.
20. Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. – Ташкент, 1912. – С. 295.
21. ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 31, д. 810, л. 2, 3.
22. Там же, л. 15-15 об.
23. Там же, л. 21-21 об.
24. Там же, оп. 4, д. 1254, л. 25 об.
25. Добросмыслов А. И. Указ. соч. – С. 293.
26. ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 31, д. 909, л. 10.
27. Тараккий. – 1906. – № 1.
28. ЦГА РУз, ф. 461, оп. 1, д. 942, л. 7.
29. Там же, оп. 2, д. 1988, л. 165.
30. Там же, ф. И-1, оп. 4, д. 1216, л. 6.
31. Там же, л. 2-2 об.
32. Там же, л. 5 об.
33. Там же, ф. 461, оп. 1, д. 57, л. 605.
34. Там же, л. 607.
35. Там же, л. 602.
36. Самарканд. – 1913. – № 27.
37. ЦГА РУз, ф. 461, оп. 1, д. 1311, л. 251.
38. Там же, д. 1312, л. 160.
39. Садои Туркистон. – 1914. – № 1. – 4 апреля.
40. Там же. – № 51. – 10 декабря.
41. ЦГА РУз, ф. 461, оп. 31, д. 1144, л. 2 об.
42. Там же, л. 5 об.
43. Там же, л. 3 об.
44. Там же, л. 6 об.
45. Там же, д. 1910, л. 5.

Санобар Шадманова,
кандидат исторических наук (Республика Узбекистан)

Вестник архивиста. – 2009. – № 3 (107). – С. 23-37.

“Желая распространить круг действий своего заведения”

(К истории первой казанской частной «азиатской» типографии Л. М. Шевица*)

Одним из важнейших факторов развития религиозного просвещения и культуры татар-мусульман Волго-Уралья в первой половине XIX в. стал перевод в 1800 г. из Санкт-Петербурга в Казань, в ведение местной гимназии, трех станов «азиатской» типографии, положивших начало организации здесь издательской деятельности на восточных языках[1]. Благодаря тому, что Казань традиционно являлась крупнейшим культурным центром мусульман Восточной России, в городе получило широкий размах книгопечатание на арабском, персидском, татарском языках. Вплоть до конца 1830-х гг. нужды мусульманского населения региона в необходимой религиозной книжной продукции почти полностью удовлетворял «азиатский филиал» типографии Казанского университета. Возросшие потребности татар в книжной продукции, высокий спрос на мусульманскую литературу, издававшуюся в Казани, в других регионах страны, Средней Азии и Кавказе, привели к тому, что в начале 1840-х гг. выпуском изданий на восточных языках начинают заниматься также частные типографии. Первым таким учреждением в Казани становится открытая в 1840 г. типография Людвига Магнуса Шевица, сыгравшая важную роль в становлении частной издательской деятельности на языках мусульманских народов, открывшая дорогу для татарских книгоиздателей, таких, как Ш. Яхин, Р. Сагитов и др.

Л. М. Шевиц, происходивший «из лифляндских уроженцев», перебравшись в Казань и являясь единственным в городе квалифицированным специалистом-гравером, выполнял различные заказы из университетской типографии, был хорошо осведомлен о высокой востребованности изданий на восточных языках[2]. В связи с этим в 1840 г. он открывает частную типографию, специализировавшуюся на печати книг для местного татарского населения. Данная типография, просущество-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Культура Казани в документах и материалах. XIX в.», проект № 10-01-29101а/В/2011.

вав неполные восемь лет, была вынуждена закрыться в 1848 г. (продана елабужскому купцу Н. П. Коковину), в связи с запретом, введенным в 1845 г. правительством Николая I на издание мусульманской литературы в типографиях Казани[3]. Несмотря на свое недолгое существование, по данным А. Г. Каримуллина, типография выпустила в свет 45 книг на татарском и арабском языках, в том числе популярные художественные произведения для широкого круга читателей, в том числе «Анекдоты Ходжи Насреддина», «Киссаи Юсуф», «Гыйбрәтнамә» («Нравоучительная поэма»)[4].

Предлагаемые читателю материалы, представленные документами Национального архива Республики Татарстан (г. Казань) и Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), раскрывают малоизвестные страницы организации и деятельности этой типографии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 484, л. 8-9 об.
2. Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги (от начала возникновения до 60-х гг. XIX в.). – Казань, 1971. – С. 163.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 797, оп. 15, д. 35644, л. 13.
4. Каримуллин А. Г. Указ. соч. – С. 170.

№ 1. Прошение жителя г. Казани, аренсбургского* мещанина, российского подданного Л. М. Шевица управляющему Министерством внутренних дел графу А. Г. Строганову о разрешении учредить в г. Казани частную типографию

16 декабря 1839 г.

Его сиятельству господину управляющему Министерством внутренних дел, генерал-адъютанту и кавалеру, графу Александру Григорьевичу Строганову.

Зная искусство гравирования и типографское дело, я возымел намерение завести в городе Казани частную типографию, каковой там еще не существует. Сие заведение может быть открыто с начала будущего 1840 года, ибо мною заблаговременно приобретено все для этого потребное.

В прошедшем ноябре месяце я просил господина казанского военного губернатора о дозволении учредить означенное заведение, но мне объявлено, что сие дозволение зависит от Министерства внутренних дел.

По сему, представляя на основании 2017 статьи 1-го тома Свода законов свидетельство, удостоверяющее о моей нравственности и знании дела, осмеливаюсь утруждать Ваше сиятельство всепокорнейшею просьбою удостоить меня дозволением учредить в городе Казани частную типографию.

К сему прошению аренсбургский мещанин Людвиг Магнус Шевиц руку приложил.

РГИА, ф. 1286, оп. 7, д. 170, л. 1-1 об.

№ 2. Отношение казанского военного губернатора С. С. Стрекалова управляющему Министерством внутренних дел А. Г. Строганову о разрешении на открытие частной типографии мещанину Л. М. Шевицу

20 марта 1840 г.
№ 1803

Господину управляющему Министерством внутренних дел.

Вследствие отношения от 17-го минувшего генваря за № 105-м имею честь довести до сведения Вашего сиятельства, что типография проживающего в г. Казани иностранца

* Аренсбург — город в Германии (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

[Л.] Шевица, на открытие которой он испрашивает разрешения, как видно из представленных мне градскою полициею сведений, заключает в себе шесть реалов* с кассами, четыре типографических станка, один пресс для уравнения бумаги и все требующееся для типографической работы; все заведение Шевица находится в полном состоянии, и устроено собственными его способами. В дополнение сих сведений сам [Л.] Шевиц лично представил мне образцы разных, полученных им от Ревильона из С[анкт]-Петербурга шрифтов русской, французской и немецкой печати всякого рода (у сего в благоусмотрение Ваше, милостивый государь, препровождаемые) присовокупляя, что для татарской печати шрифт трех сортов он выписывает из Лейпцига на имя барона Штегница в С[анкт]-Петербурге, прочие же необходимые украшения будет вырезывать сам, каковым художеством занимается он в Казани около 9-ти лет и довел его до возможного совершенства.

Из всего этого Ваше сиятельство усмотреть изволите, что заведение [Л.] Шевица, которое по времени он надеется распространить и улучшить, будет соответствовать своему назначению.

Что же касается до благонадежности [Л.] Шевица, то девятилетнее пребывание его в Казани, в продолжение какового времени на него никаких не поступало жалоб, хорошая репутация, которою он пользуется между здешними жителями, и, наконец, исправность его, аккуратность и прилежание по своему ремеслу рекомендуют его и в этом отношении с отличной стороны.

Почему признавая с[о] своей стороны, по местным обстоятельствам, возможным дозволить мещанину [Л.] Шевицу открытие типографии, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство, по воспоследовании начальственных распоряжений Ваших на просьбу [Л.] Шевица, приказать возвратить прилагаемые здесь пять образцов шрифтов.

(Подпись).

РГИА, ф. 1286, оп. 7, д. 170, л. 21-22.

№ 3. Свидетельство казанского военного губернатора С. С. Стрекалова о разрешении на открытие частной типографии Л. Шевицу

18 мая 1840 г.
Казань.
№ 4045

На основании 2017 ст[атьи] первого т[ома] Св[ода] зак[онов] и вследствие разрешения г[осподина] управляющего Министерством внутренних дел дано сие свидетельство проживающему в г. Казани лифляндскому уроженцу, аренсбур[г]скому мещанину, Людвигу Шевиц в том, что дозволяется ему открыть в Казани частную типографию, в которой, по собственному его показанию, должно заключаться шесть реалов с кассами, четыре типографические станка, один прес[с] для уравнения бумаги и все требующееся для типографической работы; а отпечатываться всякие дозволенные правительством и одобренные цензурою — книги на русском, французском, немецком и татарском языках разными шрифтами и с разными украшениями, в печать употребляемыми.

По открытии сего заведения [Л.] Шевиц обязан руководствоваться следующими узаконениями, в Своде устава о цензуре изложенными:

Статья 135. Предавать тиснению только те произведения словесности, кои действительно были рассмотрены и одобрены цензурою.

140. По отпечатании книги, представлять в цензуру одобренную рукопись оной с узаконенным числом экземпляров книги при подписке, в которой засвидетельствовать, что книга напечатана сходно с одобренным цензурою подлинником.

143. Во время печатания книги, одобренной цензурою, дозволяется содержателю типографии выдавать отдельные листы оной издателю, для заметки и исправления типографических ошибок, но воспрещается выдавать издателю более одного экземпляра листов, так называемых белых или чистых, до получения дозволительного билета.

41. На заглавном листе каждой печатаемой книги должны быть выставлены год, город, в коем книга напечатана и наименование типографии, а на обороте заглавного листа позволение цензора по узаконенной форме. При отдельных книжках журналов сие дозво-

* Реал — стол с наклонной верхней доской, на которую ставится касса со шрифтом для набора.

ление может быть выставлено вкратце на обертках, с тем, однако же, чтобы полная форма онаго, была напечатана на обороте заглавного листа в начале каждой части или тома. На периодических изданиях, состоящих из одного листа и менее краткая форма, выставляется непременно внизу каждого нумера.

42. По напечатании рукописи представляется из типографии в цензуру (сверх экземпляров, рассылаемых в разные казенные места, на основании устава о цензуре) два экземпляра отпечатанного листа или книги, со свидетельством директора, содержателя или фактора типографии, что оный лист или книга напечатаны во всем сходно с прилагаемого притом одобренного в цензуре рукописью (или печатными листами, если книга составляет периодическое издание, сочинение, относящиеся к математике и другим наукам точным, также лексиконы, грамматики и т. п. ст[атья] 37).

52. Если сочинение альманах или периодическое издание, то один экземпляр представляется в III Отделение собственной Его императорского величества канцелярии.

144. Содержатель типографии, получив из цензуры билет на выпуск книги с представленным от него экземпляром, выпускает оную, и освобождается уже от всякой ответственности за сию книгу, если оная только во всем напечатана сходно с экземплярами, представленными в цензуру.

134. За напечатание неодобренной цензурою книги или сочинения, хотя бы оные не заключали в себе ничего противного постановлением цензуры, виновный отсылается полициею к суду; книга же и сочинение конфискуются, а типография закрывается.

<u>В отношении духовных сочинений</u>*.

243. Содержатель типографии не должен печатать никакой духовной книги, неодобренной цензурным комитетом.

244. Одобренные комитетом сочинения или переводы типографщик, которому отданы будут для напечатания, должен печатать без всякой перемены против того, как оные вышли из цензуры.

245. Для надлежащего освидетельствовании того всякий типографщик обязан немедленно, по напечатании рукописи, доставлять оную в комитет в подлиннике с напечатанным экземпляром.

248. Типографщик обязан также доставлять в комитет напечатанный экземпляр с экземпляром прежнего издания и такой книги, в которой при новом издании ея никаких перемен не сделано.

249. Если содержатель типографии напечатает духовную книгу, не одобренную духовным цензурным комитетом, то хотя бы книга не заключала в себе ничего предосудительного и была достойно одобрена, все издания ея отбираются в цензурный комитет.

250. Если же без одобрения цензурного комитета будет напечатана книга, заключающая в себе противное цели духовного и христианского учения, правительству, религии, нравственности, и другие пороки, изложенные в 209 и 211 ст[атьях] сего устава, то содержатель типографии предается суду.

252. Если при напечатании изменятся по ошибке типографии какие-либо изречения или смысл статьи, одобренной цензурою в рукописи, и цензура не утвердит сей перемены, равно если сочинитель или издатель, не согласится на оную, то содержатель типографии обязан на свой счет перепечатать листы, в которых находится таковая ошибка.

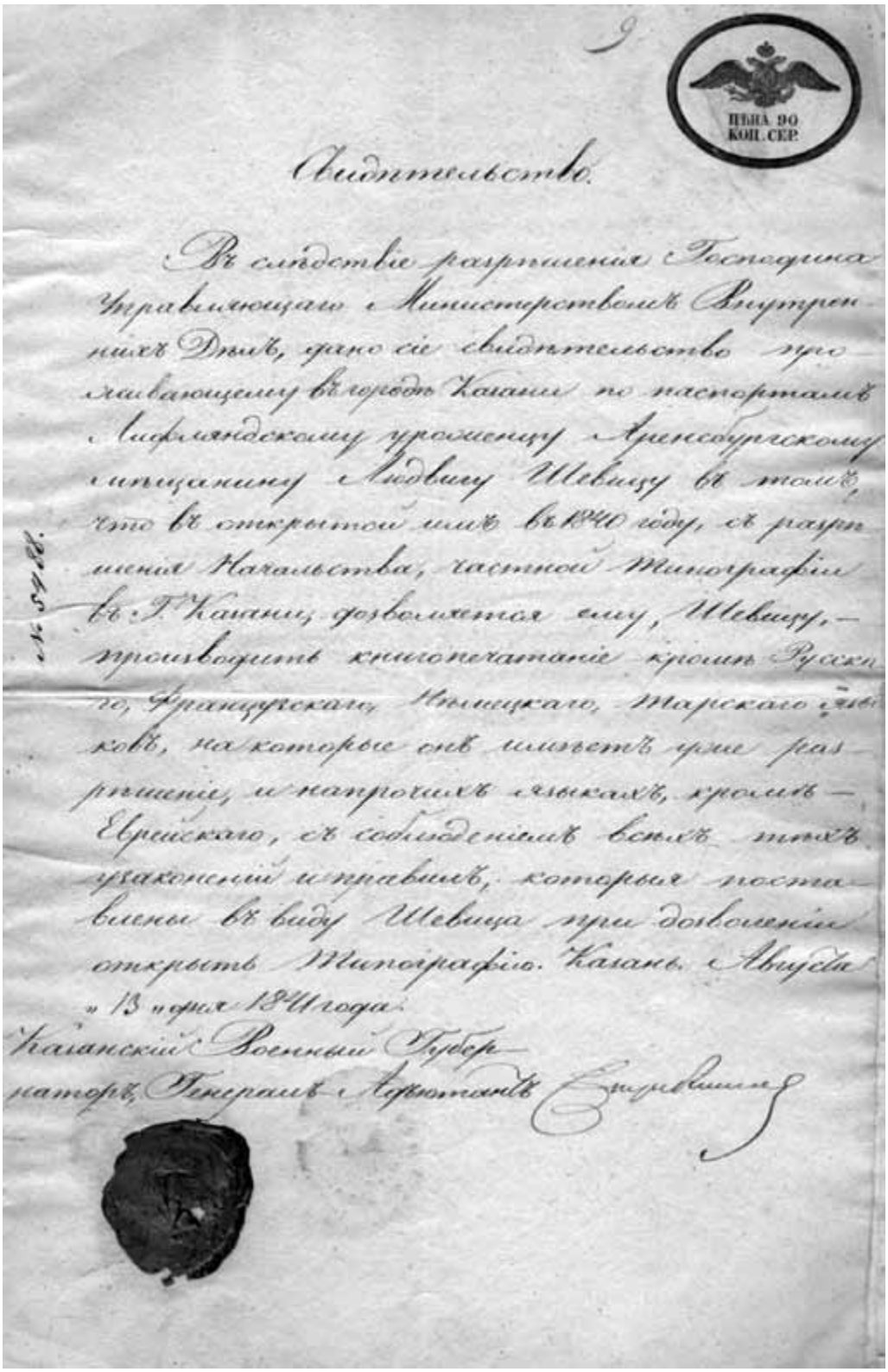
251. Содержатель типографии, напечатавший в первом или втором издании книги некоторые прибавления или перемены, не одобренные комитетом, отвечает, смотря по качеству оных мест, или по 249 и 250 ст[атьях] сего устава.

247. Таковой же ответственности подвергается содержатель типографии, выпускавший напечатанные экземпляры из типографии до получения на то билета.

Сверх сих узаконений [Л.] Шевиц обязывается в точности исполнять все существующие и впредь последовать могущие правила и постановления о заведениях сего рода, под опасением в противном случае ответственности по законам.

Заведение свое [Л.] Шевиц может улучшить и распространить; но круг действий онаго должен ограничиваться изложенными выше и другими существующими на этот предмет правилами и узаконениями. Мая 18 дня 1840 года.

* Выделение чертой соответствует выделению в документе.


9

ЦЕНА 90 КОП. СЕР.

Свидѣтельство.

Въ слѣдствіе разрѣшенія Господина Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, дано сіе свидѣтельство проѣзжающему въ городъ Казань по паспортамъ Лифляндскому уроженцу Дерптскому мѣщанину Людвигу Шевицу въ томъ, что въ открытой имъ въ 1840 году, съ разрѣшенія Начальства, частной Типографіи въ Г. Казани, дозволенная ему, Шевицу, — производить книгопечатаніе кромѣ Русскаго, Французскаго, Нѣмецкаго, Татарскаго языковъ, на которые онъ имѣетъ уже разрѣшеніе, и напрочихъ языкахъ, кромѣ — Еврейскаго, съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ узаконеній и правилъ, которыя постановлены въ виду Шевица при дозволеніи открыть Типографію. Казань Августа » 13 » дня 1841 года.

Казанскій Военный Губер
наторъ, Генералъ Лейтенантъ Стрекаловъ

Свидетельство казанского военного губернатора С. С. Стрекалова о разрешении на печатание в частной типографии Л. Шевица литературы на нерусских языках. 13 августа 1841 г. НА РТ, ф. 651, оп. 2, д. 1, л. 9.

Казанский военный губернатор генерал-адъютант [С. С. Стрекалов].
У сего свидетельства печать казанского военного губернатора.

НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 651, л. 7-8 об.

№ 4. Прошение мещанина Л. М. Шевица управляющему Министерством внутренних дел А. Г. Строганову об использовании в частной типографии печатных шрифтов на разных языках

11 мая 1841 г.
№ 5804/2590

Его сиятельству, господину управляющему Министерством внутренних дел, генерал-адъютанту и кавалеру Александру Григорьевичу, графу Строганову.

На основании 2017 статьи первого тома Свода законов и вследствие разрешения Вашего сиятельства, получив от господина казанского военного губернатора, 18 мая 1840 года, свидетельство, я открыл в г. Казани частную типографию с правом, изъясненным в помянутом свидетельстве, отпечатывать всякие дозволенные правительством и одобренные цензурою книги на русском, французском, немецком и татарском языках.

Ныне же желая распространить круг действий своего заведения, на основании последней статьи данного мне свидетельства, где значится: «Заведение свое [Л.] Шевиц может улучшить и распространить», я принимаю на себя смелость утруждать Ваше сиятельство о дозволении печатать в моей типографии книги, кроме русского, французского, немецкого и татарского, и на прочих языках, тем более, что имеющиеся в настоящее время шрифты для поименованных языков, могут служить к отпечатанию и для прочих диалектов, как то: английского, латинского, итальянского, персидского, арабского, чувашского, черемисского и прочих.

Повергая благоусмотрению Вашего сиятельства причины распространения круга действий моей типографии в городе Казани, я имею честь ожидать в разрешение начальственного Вашего распоряжения.

Мая 11 дня 1841 года. К сему прошению аренсбургский мещанин Людвиг Иванов* Шевиц руку приложил**.

РГИА, ф. 1286, оп. 7, д. 170, л. 79-80.

№ 5. Свидетельство казанского военного губернатора С. С. Стрекалова о разрешении на печатание в частной типографии Л. Шевица литературы на нерусских языках

13 августа 1841 г.
№ 5488

Вследствие разрешения господина управляющего Министерством внутренних дел, дано сие свидетельство проживающему в городе Казани по паспортам лифляндскому, уроженцу аренсбургскому, мещанину Людвигу Шевицу в том, что в открытой им в 1840 году, с разрешения начальства, частной типографии в г. Казани, дозволяется ему, Шевицу, производить книгопечатание, кроме русского, французского, немецкого, та-[та]рского языков, на которые он имеет уже разрешение, и на прочих языках, кроме — еврейского, с соблюдением всех тех узаконений и правил, которые поставлены в виду Шевица при дозволении открыть типографию. Казань. Августа 13 дня 1841 года.

Казанский военный губернатор, генерал-адъютант [С. С. Стрекалов].

НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 651, л. 9.

Публикацию подготовила
Халида Багаутдинова

* Так в документе.
** Разрешение Л. М. Шевицу печатать на всех языках, кроме еврейского, было дано управляющим Министерством внутренних дел, тайным советником Бутковым за № 3426 от 7 июля 1841 г.

Вторая Казанская гимназия и ее библиотеки

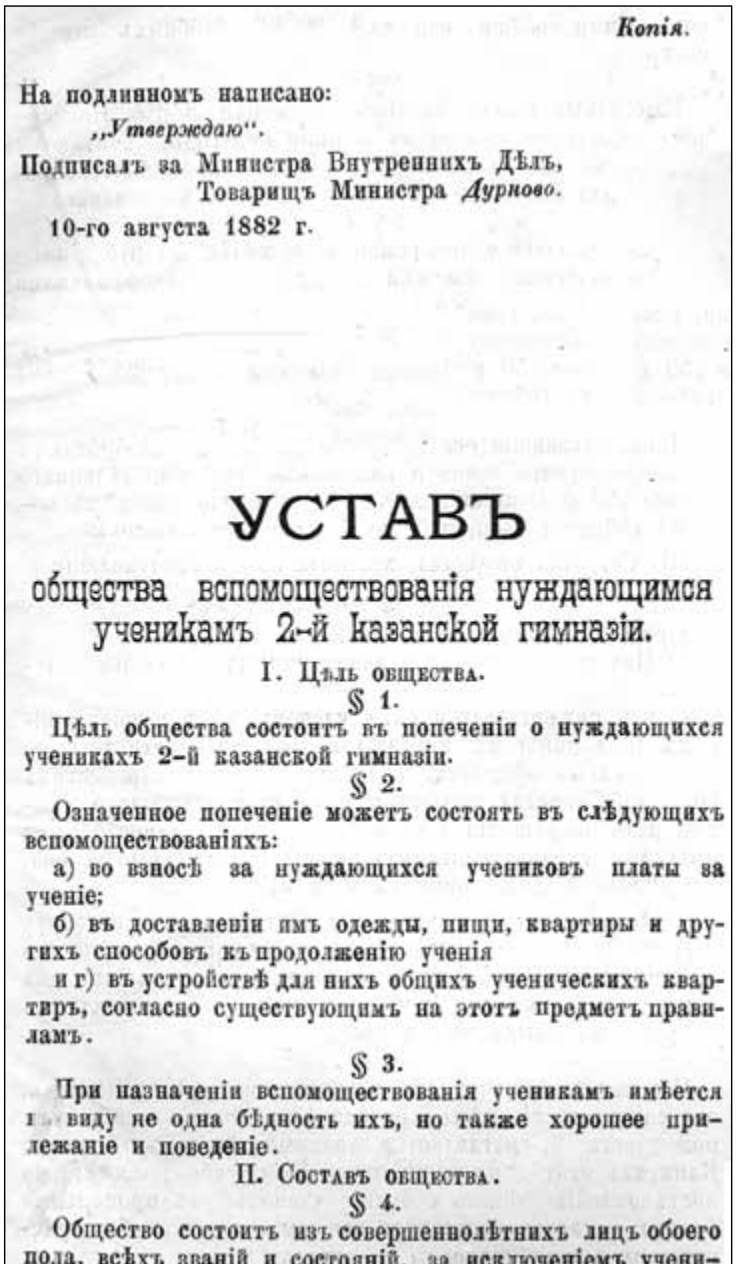
(По страницам изданий XIX в. отдела редких книг и рукописей Национальной библиотеки РТ)

В 1835 г. в Казанском учебном округе было проведено преобразование учебных заведений по Уставу 1828 г., согласно которому Главное народное училище г. Казани прекращало свое существование, а вместо него должна была открыться вторая гимназия. Попечитель учебного округа М. Мусин-Пушкин, назначив директора Главного народного училища М. Львова директором вновь открывающейся гимназии, поручил ему 17 мая 1835 г. принять меры к ее устройству. Все приготовления были окончены к августу, и 23-го числа последовало ее открытие в наемном доме на Проломной улице напротив церкви Богоявления Господня, принадлежавшей В. Лобачевской. В 11 часов дня, по прибытии ректора университета, архимандрит Гавриил совершил в помещении гимназии молебствие. На другой день, 24 августа 1835 г., начались уроки в шести открывшихся классах гимназии. «Отселе ей предстояло выполнить свою задачу умственного и нрав-

ственного образования обучающегося в ней юношества»[1]. К 50-летнему юбилею гимназия имела собственный дом на Булаке, во всех отношениях хорошо приспособленный для учебных занятий учеников.

Задачи, поставленные перед гимназией, достигались преподаванием следующих предметов: Закона Божьего, русского языка и словесности, логики, древних языков (латинского и греческого), новейших языков (французского и немецкого), естествоведения, математики, физики, географии, истории, чистописания и рисования. Необязательными предметами были пение и гимнастика. Все директора гимназии весьма внимательно относились к выбору преподавателей. Они подбирали учителей, обладающих знанием своего предмета, усердно и добросовестно исполняющих свои обязанности. Результаты многих ревизий, проведенных в гимназии, показывали, что успехи учеников всегда были удовлетворительными и очень хорошими.

В гимназии в начале 70-х гг. XIX в. были разработаны «Правила для поведения учеников»[2] и «Правила о взыскании с учеников»[3]. Ученики обязаны были посещать общественное богослужение, беспрекословно повиноваться начальникам и наставникам, оказывать всякое почтение при встрече с ними в гимназии и вне нее, относиться к ним с полным доверием и откровенностью. В отношении к товарищам проявлять вежливость, доброжелательность и дружелюбие, не заводить ссоры, брани и драки и не обижать слабых, воздерживаться и воздерживать своих товарищей от поступков, «несоответственных бла-



Копія.

На подлинномъ написано:
„Утверждаю".
Подписалъ за Министра Внутреннихъ Дѣлъ,
Товарищъ Министра *Дурново*.
10-го августа 1882 г.

УСТАВЪ

общества вспомоществованія нуждающимся ученикамъ 2-й казанской гимназіи.

I. Цѣль общества.

§ 1.

Цѣль общества состоитъ въ попеченіи о нуждающихся ученикахъ 2-й казанской гимназіи.

§ 2.

Означенное попеченіе можетъ состоять въ слѣдующихъ вспомоществованіяхъ:

а) во взносѣ за нуждающихся учениковъ платы за ученіе;

б) въ доставленіи имъ одежды, пищи, квартиры и другихъ способовъ къ продолженію ученія

и г) въ устройствѣ для нихъ общихъ ученическихъ квартиръ, согласно существующимъ на этотъ предметъ правиламъ.

§ 3.

При назначеніи вспомоществованія ученикамъ имѣется в виду не одна бѣдность ихъ, но также хорошее прилежаніе и поведеніе.

II. Составъ общества.

§ 4.

Общество состоитъ изъ совершеннолѣтнихъ лицъ обоего пола, всѣхъ званій и состояній, за исключеніемъ учени-

Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Второй казанской гимназии. – Казань, 1882. – С. 1.

говоспитанным детям и юношам», не принадлежать ни к каким обществам без ведома гимназии. Ученикам воспрещалось играть на деньги, продавать или менять какие-либо вещи[4]. Взыскания за проступки назначались следующие: замечания, внушения, увещевания, выговор, стояние на месте более или менее продолжительное время, нахождение после уроков в классной комнате не более двух часов подряд, занесение имени ученика на черную доску. До 1865 г. существовали и телесные наказания. В тех случаях, когда все меры для исправления ученика не оказывали своего действия, и личность его могла оказать вредное влияние на других учеников, педагогический совет предлагал родителям взять сына из гимназии, не лишая его права поступить в другое заведение и даже в эту же гимназию, если он совершенно исправится.

Педагогический совет обращал внимание на материальное положение учеников, по мере возможности, помогал нуждающимся. Ученики освобождались от уплаты за учение, получали стипендии по 10 рублей в месяц из специальных средств гимназии. Кроме того, было учреждено восемь именных стипендий. Большую помощь оказывало Общество вспомоществования нуждающимся ученикам, основанное в 1882 г. при гимназии[5]. Благодаря стараниям членов правления, в 1883 г. общество имело капитал в 3 231 рубль, в 1884 г. — 5 043 рубля. Имея такие значительные средства, правление общества удовлетворяло все просьбы о пособии. Виды помощи были следующие: плата за право обучения, выдача пособий на покупку одежды, покупка учебников и выдача их во временное пользование учениками. Кроме того, был создан фонд на устройство ученических квартир.

В гимназии была создана фундаментальная библиотека[6], которая предназначалась исключительно для преподавателей гимназии. Однако до учреждения ученической библиотеки, в крайних случаях, из нее выдавались книги и воспитанникам старших классов под расписку преподавателей. Основание этой библиотеки было положено книгами, переведенными в 1835 г. из Главного училища. Тогда библиотека насчитывала 118 названий в 267 томах. Потом библиотека пополнялась или покупкой на ассигнованную сумму, или за счет даров отдельных лиц. Особенно значительным было пожертвование казанского купца 3-й гильдии Костякова, который в 1841 г. передал в гимназию 636 экземпляров книг на сумму 1 682 рубля, за что был награжден золотой медалью на Анненской ленте с надписью «За полезное»[7]. Покупка книг поручалась педагогическому совету. Каждый преподаватель, с утверждения совета, выписывал наиболее необходимые книги по своему предмету. К 1885 г. библиотека имела 3 820 названий книг, 7 129 томов. При библиотеке имелись два каталога: хронологический и систематический (по предметам), которые библиотекарь обязан был вести с точностью и аккуратностью.

В 1858 г. на заседании педагогического совета был поставлен вопрос об учреждении ученической библиотеки. Она была основана на добровольные пожертвования родителей учеников и в последующие годы постоянно пополнялась таким же образом. С 1858 по 1875 г. было приобретено 940 названий книг, 1 531 том на сумму 1 923 рубля. К 1 января 1885 г. в ученической библиотеке имелось 1 128 названий книг, 1 800 томов на сумму 2 998 рублей. Вначале библиотека была разделена на два отдела: один для старшего и другой для младшего возраста, но в 1875 г. ее поделили на части по числу классов гимназии. Библиотека каждого класса находилась в ведении его классного наставника. Он выдавал книги ученикам своего класса и контролировал, насколько они воспользовались чтением этих книг[8]. Были разработаны правила пользования библиотекой, которые устанавливали количество выдаваемой литературы одновременно (1-2 книги), сроки возврата книг в библиотеку. Ученик, потерявший или повредивший книгу, обязан был в течение двух

месяцев принести новую, в противном случае, он лишался права на получение книг из библиотеки до конца учебного года. Без отметки библиотеки о сданных книгах гимназия не выдавала документы ученикам, переходящим в другое учебное заведение. Перед каникулами все книги должны были возвратить в библиотеку.

Ученики за отличные успехи и поведение награждались книгами и похвальными листами. Выдержавшие вполне удовлетворительно испытание по предметам полного гимназического курса получали аттестаты зрелости, дающие право поступать в университеты без вступительного экзамена, а показавшие отличные успехи, награждались золотыми и серебряными медалями.

За первые 50 лет существования гимназии в ней обучалось 3 100 учеников, в том числе детей дворян и чиновников — 1 796, купцов и мещан — 849, разночинцев и крестьян — 455. Полный курс гимназии окончило только 680 учеников, из них 49 были награждены золотыми медалями, 55 — серебряными (выдача медалей началась с 1846-1847 учебного года); 632 поступили в разные университеты (большая часть — в Казанский), 45 на службу. Из окончивших курс обучения во Второй казанской гимназии 50 человек стали государственными деятелями, семь — стали профессорами Казанского университета (Н. Булич — ректор Казанского университета, Н. Ковалевский, А. Зайцев, Н. Мельников и др.). 100 выпускников посвятили себя служению на педагогическом поприще в должностях директоров, инспекторов учебных заведений, преподавателей реальных гимназий и уездных училищ.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гвоздев П. П. Историческая записка о Второй казанской гимназии: по поручению педагогического совета. – Казань, 1876. – С. 9.
2. Львов Д. М. Историческая записка о Казанской второй гимназии с 1876 по 1885 год: по поручению педагогического совета. – Казань, 1865. – С. 89.
3. Там же. – С. 97.
4. Празднование пятидесятилетнего юбилея существования Казанской 2 гимназии. – Казань, 1886. – С. 63.
5. Общество для вспомоществования нуждающимся ученикам Второй казанской гимназии. – Казань, 1882. – 8 с.; Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Второй казанской гимназии. – Казань, 1882. – 7 с.
6. Гвоздев П. П. Указ. соч. – С. 279.
7. Там же. – С. 394.
8. Празднование пятидесятилетнего юбилея… – С. 54.

Иллюстрация на с. 265: Вторая казанская гимназия. Конец XIX в. Из личного архива Р. Хайрутдинова.

Любовь Юревич,
главный библиотекарь отдела редких книг
и рукописей Национальной библиотеки РТ

Традиционные сельскохозяйственные знания крестьянства и деятельность Казанской губернской агрономической организации

Период позднего феодализма в России характеризуется повышением интереса к сельскохозяйственному производству в связи с ростом общественного разделения труда и развитием товарно-денежных отношений в стране. Народный земледельческий опыт в XVIII-XIX вв. устно и письменно пропагандировался среди аграриев. Инструкции, наставления, памятки о том, как вести полевое хозяйство, сотнями переписывались от руки и изучались на деревенских сходах. К середине XVIII в. русская агрономическая наука уже имела возможность опереться на вековые народные наблюдения. Примечательно, что большинство практических советов земледельцу, приведенных в одном из первых трудов по земледелию, написанном И. М. Комовым, было взято из сельскохозяйственных инструкций XVIII в.[1]

Уровень агротехнических знаний уже в XVIII столетии давал основание земледельцу считать, что повышение плодородия почв достигается не только внесением органического удобрения или чередованием полей. Важное значение имеет и правильное чередование сельскохозяйственных культур[2].

К середине XVIII в. в агротехнике уже было возможным осмысление различий отдельных культур, прежде всего яровых и озимых. Озимые посевы чаще запахивались, яровые — заборанивались. Тщательная обработка полей была гарантией от их засоренности. В прямой связи с обработкой полей и их удобрением была урожайность, о чем земледельцы были хорошо осведомлены.

Издавна было принято высевать отборные семена[3]. Уборка урожая начиналась с взятия «опыта». Его результаты заносились в опытные и ужино-умолотные книги. Особенно много мудрости народной положено в определение сроков сельскохозяйственных работ. Крестьяне знали, что опоздать с посевом озимых — не дать возможности укорениться всходам. Практикой были подсказаны способы борьбы с сорняками. Сокровищница народной мудрости неисчерпае-

ма. Проблема заключалась в том, что при условиях традиционного общества народный опыт замыкался в узких локальных рамках районов и отдельных селений. Реальностью были рутина и суеверия. Опыт недостаточно синтезировался с молодой, зарождающейся тогда агрономической наукой. К нему обращались лишь отдельные ее представители, близкие к народу по своему социальному происхождению[4].

В первой половине XIX столетия практиковались накопленные веками способы обработки полей под различные сельскохозяйственные культуры. Однако в зависимости от региональных условий, характера вновь осваиваемых земель, изменений в экономическом положении различных имущественных групп крестьянства агротехнические приемы становились разнообразнее и заметно совершенствовались. В этот период получает дальнейшее развитие российская агрономическая наука. В 1819 г. возникло Московское общество сельского хозяйства. В 30-40-х гг. XIX в. подобные сельскохозяйственные научные общества появляются на Украине, в Прибалтике, в Поволжье, на Кавказе, в Центрально-Черноземном районе. Всего в пределах Российской империи было организовано до 30 подобных обществ. Они публиковали научные исследования, практические рекомендации, устраивали сельскохозяйственные выставки. Открывались специальные сельскохозяйственные учебные заведения.

В 30-40-х гг. XIX в. появилось немало специальных сельскохозяйственных периодических органов, пропагандирующих новые, научные методы ведения сельского хозяйства: «Земледельческий журнал», «Земледельческая газета», «Журнал сельского хозяйства», «Русский земледелец», «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», «Сельское хозяйство» и другие. Конечно, достижения науки использовались главным образом передовыми помещиками-предпринимателями и некоторыми зажиточными крестьянами. Крепостной строй был главным препятствием на пути внедрения в сельское хозяйство страны научных агротехнических методов.

Развитие земледелия носило в исследуемый период, в основном, экстенсивный характер, то есть происходило более всего за счет расширения площади посевов, в особенности во вновь осваиваемых районах. Неурожаи часто посещали деревню, вызывая массовые голодовки[5].

Казанскую губернию можно было бы отнести к одному из наиболее развитых регионов Российской империи в области сельского хозяйства. К 1914 г. ее посевная площадь достигла своего максимального за весь довоенный период времени значения. Волжско-Камский край давал треть всей ржаной муки, поставляемой на российские рынки, и почти всю (около 6 млн пудов), поставляемую на экспорт. В 1915 г. закупки зерна в Казанской губернии составили 9,7 млн пудов. В 1913 г. на ее территории было произведено зерновых на сумму 4,450 млн рублей[6]. С давних пор немаловажную роль в экономике крестьянского хозяйства играло огородничество. Особенно оно было распространено в районах, прилегающих к Казани и другим городам губернии как к рынкам сбыта. В тот период из Казанской губернии ежегодно вывозилось свыше 700 тысяч пудов разных огородных культур[7]. Вплоть до середины 1920-х гг. огородничество было сосредоточено почти исключительно в руках русского населения.

В России сложилась паровая трехпольная система, как экстенсивная форма ведения сельского хозяйства. В результате урожайность сельскохозяйственных культур полностью зависела от метеорологических условий. Она обеспечивала достаточно хорошие (применительно к условиям России) урожаи в годы с благоприятными природно-климатическими условиями, но давала сбой в засушливые годы.

К этому следует добавить низкий уровень полевой культуры, невысокое качество семенного материала, используемого на крестьянских полях. Основным пахотным орудием русского крестьянского населения была обык-

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Для представленія молодымъ людямъ всѣхъ сословій возможности пріобрѣтать теоретическія и практическія по сельскому хозяйству свѣдѣнія, необходимыя для управителей или прикащиковъ по сельско-хозяйственнымъ предпріятіямъ, Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ утверждены Земледѣльческія Училища при Горыгорѣцкомъ Земледѣльческомъ Институтѣ, въ Могилевской губерніи и при Харьковской Учебной Фермѣ, близъ Харькова. Училища эти дѣйствуютъ въ настоящее время на основаніи Высочайше утвержденнаго 8 декабря 1859 г., для перваго изъ нихъ положенія, по которому воспитанники сихъ заведеній, удовлетворительно окончившіе въ нихъ курсъ ученія, получаютъ, при выпускѣ изъ Училища, званіе ученыхъ управительскихъ помощниковъ, съ освобожденіемъ отъ платежа податей и отправленія рекрутской повинности, а по истеченіи шести лѣтъ, если они въ теченіи этаго времени не переставали заниматься сельскимъ хозяйствомъ, пріобрѣтаютъ званіе ученыхъ управителей, съ правами и преимуществами, дарованными Св. Зак. (над. 1857 г.) т. XI уст. фабр. и зав. ст. 241, инженеръ-технологамъ Технологическаго Института.

Въ текущемъ году, въ видахъ распространенія сельскаго хозяйственнаго образованія, Министерство Государственныхъ Имуществъ предположило, съ Высочайшаго разрѣшенія, открыть Земледѣльческое Училище при Казанской Учебной Фермѣ, близъ Казани, съ сохраненіемъ для него тѣхъ же цѣлей приготовленія, которыя положены въ основаніе устройства Училищъ Горыгорѣцкаго и Харьковскаго, и съ развитіемъ впослѣдствіи, если признается возможнымъ, особаго отдѣла для образованія техниковъ по сельско-хозяйственной механикѣ.

Объявляя объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, Начальство Казанской Учебной Фермы поставляетъ къ извѣстность всѣхъ желающихъ поступить въ Казанское Земледѣльческое Училище, что въ текущемъ году открываются первые два приготовительные класса, что пріемные экзамены назначаются 10 августа и что условія для поступленія суть слѣдующія:

1) Желающій поступить въ Земледѣльческое Училище долженъ быть здороваго тѣлосложенія, безъ важныхъ [illegible] могли бы препятствовать работамъ, [illegible] принятой осны:

2) онъ долженъ представить, при [illegible] Управляющаго Фермою: а) метрическое [illegible] ревизскихъ сказокъ о возрастѣ; б) увол[illegible] ства, если проситель принадлежитъ [illegible] родственника, опекуна или другаго [illegible] ствомъ принять воспитанника отъ Нача[illegible] нія или исключенія изъ заведенія.

3) Желающій поступить въ 1 классъ [illegible] 14 лѣтъ, умѣть удовлетворительно чита[illegible] нѣйшія молитвы и первыя четыре дѣйс[illegible]

4) Желающій поступить во 2 кла[illegible] лѣтъ, знать: а) изъ Закона Божія-кратк[illegible] ную Исторію, б) изъ Русскаго языка—г[illegible] в) изъ ариѳметики—всѣ дѣйствія съ пр[illegible] нымъ цѣлыми, такъ и дробными прост[illegible] нально писать подъ диктовку.

Къ сему Начальство Казанской Учеб[illegible] совокупить, что въ Училищѣ предполож[illegible] тныхъ, пансіонеровъ и вольно приходящ[illegible] вступающихъ въ Училище, если выдер[illegible] удовлетворительно и представятъ надл[illegible] могутъ быть принимаемы на казенный сч[illegible] и помѣщеніе ихъ въ зданіи Училища по[illegible] со классомъ этой суммы равными час[illegible] внесенная плата не возвращается, если [illegible] лища и ранѣе годоваго срока. Іюля [illegible]

Управляющій Ф[illegible]

Объявление об открытии Казанского земледельческого училища при Казанской учебной ферме. 7 июля 1864 г. НА РТ, ф. 345, оп. 1, д. 1, л. 3.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО СУББОТАМЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

№ 25 22-го ІЮНЯ. 1885

Въ семъ нумеро газеты 24 страницы.

СОДЕРЖАНІЕ.

Высочайшее повелѣніе.

Земледельческая газета. – 1885. – № 25. – 22 июня.

новенная «двурогая» (с двумя сошниками) соха. На территории Казанской губернии были распространены также сабан и косуля. Сабан применялся для поднятия залежей.

Посев производился исключительно вручную, уборка зерновых — серпом с насечкой, одинаковым у всех народов Казанской губернии. Некоторые сельскохозяйственные культуры, например, гречу, овес и рожь косили косами[8].

Правительство, неудовлетворенное уровнем агрономической техники, с конца XIX в. стремилось исправить ситуацию.

В 1895 г. общая сумма затрат всех земств на различные сельскохозяйственные и экономические мероприятия едва превышала 0,9 млн рублей. В 1913 г. достигла 16 млн рублей. Затраты Ведомства земледелия возросли в 12 раз. Число постоянных сельскохозяйственных опытных учреждений за период с 1895 по 1913 г. возросло с 32 до 264, в том числе научных опытных станций — с 10 до 77, опытных полей — с 13 до 125 и т. д.[9] Количество подведомственных Департаменту земледелия сельскохозяйственных учебных заведений увеличивается за тот же период с 82 до 360, а число учащихся в них — с 4 тысяч до 18 тысяч человек. В 1905 г. количество организованных сельскохозяйственных курсов не достигало и 20, в 1912 г. достигло до 868. Если в 1905 г. количество слушателей сельскохозяйственных чтений составляло 30 тысяч человек, то к 1912 г. превысило 1 млн человек[10].

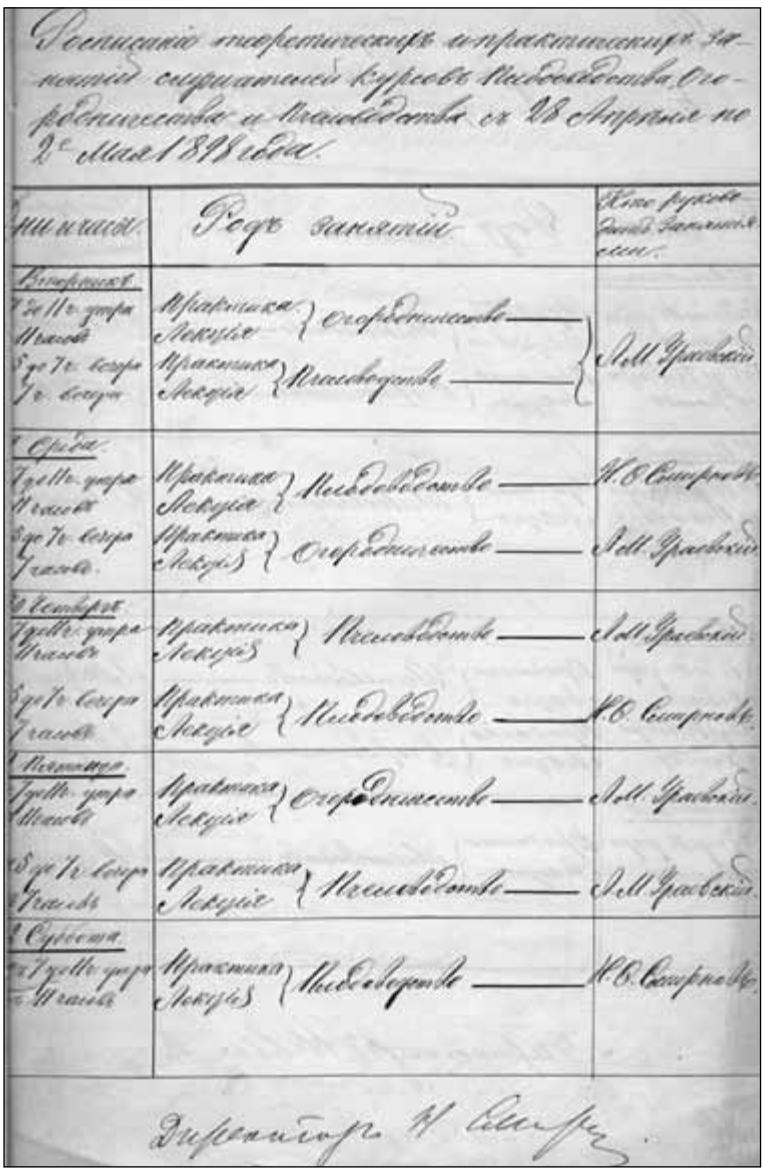
СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Свидетельство об окончании Казанского земледельческого училища крестьянина М. Осипова. 30 августа 1869 г. НА РТ, ф. 345, оп. 1, д. 54, л. 2-2 об.

Начало агрономической помощи в Казанской губернии было положено в 1894 г. учреждением должности губернского агронома. В 1895 г. была организована сельскохозяйственная ферма в Казани, в 1897 г. заложен плодовый питомник. Тогда же в некоторых уездах было организовано распространение сельскохозяйственных знаний путем устройства лекций, бесед, чтений, курсов и т. п.

В 1905-1907 гг. в нескольких уездах возникла участковая форма агрономической организации. Через пять лет количество агрономических участков увеличивается до 310.

Участковая агрономия в пределах Казанской губернии была организована лишь в 1910-1911 гг. В июне 1911 г. губернским агрономическим совещанием было утверждено «Положение о губернской агрономической организации». Оно имело целью объединить усилия губернского и уездных земств в проведении различных сельскохозяйственных мероприятий, к каковым относились распространение сельскохозяйственных знаний[11], организация справочного сельскохозяйственного бюро, метеорологической сети, опытных учреждений, массовое улучшение скота, проведение специальных курсов по разным отраслям сельского хозяйства, устройство плодовых и деревенских питомников, выставок и т. д.[12] Предполагалось создать в пределах губернии 56 агрономических участков с оборудованным агрономическим кабинетом, помещением для приема посетителей и для устройства прокатной станции, со станцией машин и орудий, наглядными пособиями. Библиотека агрономического кабинета комплектовалась энциклопедиями по сельскому хозяйству; книгами по важнейшим отраслям



Расписание занятий курсов плодоводства, огородничества и пчеловодства при Казанском земледельческом училище. 28 апреля — 2 мая 1898 г. НА РТ, ф. 345, оп. 1, д. 770, л. 1.

сельского хозяйства; популярной сельскохозяйственной литературой[13].

В каждом участке работал участковый агроном, «самостоятельный и ответственный». В его задачи входило предварительное обследование участков в экономическом и сельскохозяйственном отношении; выяснение и разработка плана наиболее существенных работ в области полеводства, животноводства и луговодства, а также промыслов и организации специальных отраслей сельского хозяйства; «проведение в население важнейших сельскохозяйственных знаний»; надзор за мероприятиями общего сельскохозяйственного характера; учреждение не менее одного сельскохозяйственного общества, объединяющего наиболее заинтересованных собственников-хозяев[14].

Для распространения сельскохозяйственных знаний агроном мог использовать кооперативные организации, волостные, сельские сходы и отдельных хозяев[15]. Предусматривалось устройство бесед, чтений и курсов для населения и организация показательных мероприятий (полей, участков и т. д.)[16].

Посредством показательных мероприятий должно было пропагандироваться только то, что имело полную достоверность в сельскохозяйственной науке и подтверждалось данными местного опыта[17].

В помощь каждому агроному выделялся сельскохозяйственный староста. Сельскохозяйственные старосты находились в непосредственном подчинении и распоряжении участковых агрономов и назначались с их согласия.

Участковая агрономическая сеть Казанской губернии к 1915 г. составила 44 участка. В 1912-1916 гг. на территории губернии были заложены Лаишевское, Бугульминское и Спасское опытные поля.

Таким образом, в начале XX в. в Казанской губернии сложилась определенная система пропаганды агрономических знаний, включавшая создание сельскохозяйственных библиотек и распространение книг по сельскому хозяйству, устройство прокатных и иных пунктов, сельскохозяйственных складов, выставок, проведение лекций, чтений и т. д. Все средства и формы обрели новую жизнь в период проведения новой экономической политики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Комов И. М. О земледелии. – М., 1788. – 378 с.
2. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М., 1965. – Сб. VI. – С. 432-469.
3. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993. – Т. 3. – С. 304.
4. Там же. – С. 304-305.
5. Там же. – С. 306-307.
6. Сарабьянов В. Л. Русский крестьянин догоняет американского фермера // Красная Татария. – 1925. – 29 сентября.
7. Состояние и перспективы народного хозяйства Татарской республики. Тезисы доклада тов. Габидуллина на XI областной партконференции // Красная Татария. – 1925. – 27 ноября.
8. Бусыгин Е. П. Материальная культура русского (сельского) населения Татарской АССР. – Казань, 1950. – С. 91-92.
9. Агрономическая помощь в России / Под ред. В. В. Морачевского. – Петроград, 1914. – С. 1.
10. Там же. – С. 2.
11. Проект Положения о Губернской агрономической организации, утвержденный Губернским агрономическим совещанием 12-14 июня 1914 г. – Казань, 1911. – 16 с.
12. Там же. – С. 8-9.
13. Там же. – С. 10-13.
14. Там же. – С. 20-21.
15. Там же.
16. Там же. – С. 22.
17. Там же.

Алмаз Валиев,
кандидат исторических наук

М. Н. ПИНЕГИН и Казанская татарская учительская школа

Казанская татарская учительская школа. НА РТ, оп. 4, д. 7437.

Значительный вклад в развитие образования в Казанском крае во второй половине XIX — начале XX вв. внес казанский педагог и общественный деятель Михаил Николаевич Пинегин. Читательской аудитории он был известен как краевед и автор книги «Казань в ее прошлом и настоящем»*.

Важным периодом его жизни была работа в Казанской татарской учительской школе**. Свою деятельность здесь М. Пинегин начал в 1886 г. в должности надзирателя[1]. Он работал в коллективе таких педагогов, как И. Треуголов, П. Траунберг и другие. В сфере его внимания были контроль дисциплины учащихся, их материальное положение и т. д. К примеру, в 1886 г. М. Пинегин ходатайствовал об увеличении стипендии учащимся, о снабжении воспитанников после окончания курса необходимой одеждой[2]. При нем был создан и принят устав Общества вспомоществования беднейшим ученикам школы.

В 1886 г. М. Пинегин, наряду с выполнением обязанностей надзирателя, стал вести уроки (шесть нормативных уроков и один добавочный в месяц[3]). Он пользовался большим довери-

* Пинегин М. Н. Казань в ее прошлом и настоящем: Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города с приложением кратких адресных сведений. – СПб., 1890. – 604 с.

** Школа была основана в 1876 г. Она являлась первым светским учебным заведением для татар с преподаванием на русском языке. Ее учебная программа включала изучение русского языка, математики, вероучения, естествознания, истории, географии и педагогики.

ем в среде учащихся, которые часто обращались к нему за помощью по вопросам учебы или личного характера.

Одна из сторон его педагогической деятельности — обсуждение пробных экзаменационных уроков, где он давал точные и меткие характеристики. Например, об ученике 4-го класса Чанышеве он отзывался следующим образом: «Чанышев принадлежит к лучшим воспитанникам класса, свободно владеет русской речью. Чтение шло правильно по аналитико-систематическому методу, ученик бойко отвечает на вопросы»[4].

Работа в Казанской татарской учительской школе дала М. Пинегину возможность получить опыт в сфере межконфессионального взаимодействия. По мнению М. Пинегина, татарское население придавало большое значение внешнему виду и поведению людей. Незначительное отступление от национального костюма расценивалось как измена своей религии. Так как часть учеников составляли татары, было важно обращать внимание «на подобные взгляды и убеждения мусульманского общества»[5]. Поэтому при введении в школе формы для учеников в 1899 г. М. Пинегин выступил с предложением включить в форму барашковую шапку как символ принадлежности учащихся татар к своему народу и вере. Игнорирование этой особенности гардероба могло бы вызвать негативное восприятие татарским населением Казанской татарской учительской школы.

В 1900 г. М. Пинегина назначили инспектором Казанской татарской учительской школы[6]. Одним из первых его распоряжений было назначение на должность надзирателя школы П. Траунберга, который, по словам М. Пинегина, пользовался большим уважением со стороны воспитанников и оказывал на них весьма благоприятное влияние[7].

В 1900 г. при непосредственном участии М. Пинегина в школе были открыты курсы для учителей русско-татарских народных училищ. Он участвовал в разработке программы курсов, которая базировалась на ведении всех предметов на русском языке «по методике обучения инородцев». При изучении русского языка и грамматики использовался «натуральный метод изучения». Особое внимание уделялось изучению русских букв в связи с нормами татарского языка и его произношения. На уроках математики излагались основные сведения из методики преподавания элементарного курса арифметики в начальных училищах. В свободное от занятий время организовывали учебно-воспитательные экскурсии. Курс завершался примерными уроками, их обсуждением и выставлением оценок.

В 1902 г. в Казани произошел пожар, во время которого здание школы выгорело дотла[8]. В донесении М. Пинегина попечителю Казанского учебного округа С. Спешкову указывалось, что при пожаре, уничтожившем более 200 домов, «сгорело все школьное имущество, погибла в пламени вся библиотека стоимостью в 10 054 р.»[9] На имя М. Пинегина пришло много писем. Автор одного из них, бывший ученик школы И. Ханбеков, писал: «Выражая свое сожаление по поводу такого печального случая, я вполне уверен, что в скором будущем по божьей воле будет воздвигнута такая же школа»[10].

В деле восстановления школы проявились организаторские способности М. Пинегина. В том же 1902 г. школа вновь начала функционировать: для нее были найдены новые здания, частично была восстановлена библиотека и школьный инвентарь[11].

М. Пинегин стремился обеспечить школе поддержку среди части местного населения и получить дополнительное финансирование в качестве пожертвований от состоятельных людей. В частности, этому послужило избрание в 1902 г. почетным попечителем школы С. Алкина.

Количество учащихся Казанской татарской учительской школы постепенно росло. Этот факт был отмечен М. Пинегиным в выступлении на педагогическом совете школы в 1904 г. Он указал, что в связи с увеличением численности учеников (более 100 человек) существенно возросла нагруз-

ка на школьных надзирателей, которые не могли в полной мере выполнять обязанности воспитателей и контролировать порядок в школе. Поэтому М. Пинегин предложил «для усиления воспитательной стороны ввести для каждого класса наставников из числа преподавателей школы»[12].

Интересны высказывания Михаила Николаевича относительно татарского языка. В 1905 г. в докладе, адресованном департаменту народного просвещения, он писал, что татарский язык не преподается в медресе, образованным мусульманином считается тот, кто знает арабскую богословскую литературу. В то же время Пинегин отмечал, что среди татарской молодежи усилился интерес к получению светского образования. По его сведениям, половину учеников школы составляли выпускники медресе.

М. Пинегин принимал активное участие в организации внеклассной деятельности. При нем в школе проходили литературные вечера, где читались произведения К. Рылеева, Н. Некрасова и др. Проводились вечера памяти, посвященные личностям, связанным в прошлом с Казанской татарской учительской школой. Например, вечер памяти бывшего инспектора школы Ш. Ахмерова, который занимал эту должность с 1881 г.[13] В школе был учрежден праздник древонасаждения, чтобы научить учащихся ухаживать за деревьями, приобщить их к хозяйственной жизни, а также изучить основы минералогии, ботаники и т. д. Праздник устраивали весной, местом для посадки деревьев служила Юнусовская площадь[14].

Революционные перемены в начале XX в. затронули и Казанскую татарскую учительскую школу. На праздновании в школе нового 1905 г., очевидцем которого был М. Пинегин, ученики пели «Марсельезу», «говорили революционные речи»[15]. Итогом этих событий стало временное закрытие школы, все воспитанники были отправлены в отпуск, их возвращение регламентировалось особыми прошениями. Предполагалось отчисление из школы зачинщиков происшествия, однако дело ограничилось для них строгим выговором. Столь мягкое решение объяснялось тем, что в этих событиях участвовало большое количество учащихся. Школа вновь начала свою работу лишь 12 февраля 1905 г.

В общей сложности М. Пинегин проработал в школе с 1886 по 1907 г. Он прошел путь от надзирателя до инспектора школы, его деятельность была направлена на развитие и процветание Казанской татарской учительской школы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 777, л. 13.
2. Там же, д. 22534, л. 4.
3. Там же, ф. 160, оп. 1, д. 1156, л. 25.
4. Там же, ф. 142, оп. 1, д. 1, л. 159.
5. Там же, д. 25, л. 8.
6. Там же, ф. 160, оп. 1, д. 1156, л. 26.
7. Там же, ф. 92, оп. 6, д. 89, л. 11.
8. Там же, оп. 1, д. 38, л. 1.
9. Там же, оп. 2, д. 2251, л. 3.
10. Там же, ф. 142, оп. 1, д. 38, л. 43-43 об.
11. Там же, д. 40, л. 22-22 об.
12. Там же, д. 72, л. 90.
13. Там же, д. 25, л. 98-98 об.
14. Там же, л. 177-179.
15. Там же, д. 72, л. 159.

Павел Федан,
аспирант Института Татарской энциклопедии АН РТ

ПИСАТЕЛЬ-КРАЕВЕД

Дамир Хайруллович Гарифуллин родился 5 мая 1939 г. Журналист, член Союза писателей Республики Татарстан (1991), заслуженный работник культуры ТАССР (1988), почетный академик Академии гуманитарных наук России (2002), член редколлегии (1995-2006) научно-документального журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков», издаваемого Главным архивным управлением при Кабинете Министров Республики Татарстан. Возглавляет первичную организацию ТРО РОИА* Сармановского района со дня его создания в 1993 г.

Д. Х. Гарифуллин — автор более 20 книг и 100 документально-публицистических статей по истории края, о жизни и деятельности татарских просветителей, общественных и политических деятелей, составитель и редактор энциклопедии Сармановского района. Книга Д. Х. Гарифуллина «Слово о роде Майоровых»** удостоена диплома по итогам конкурса на лучшие документальные публикации, организованного Главным архивным управлением и ТРО РОИА (2003).

Дамир Хайруллович принял активное участие в создании музеев Габдуллы Тукая в г. Казани, Ризаэтдина Фахрутдина в д. Кичучат, Фатиха Карими в д. Миннибаево Альметьевского района, Суббуха Рафикова в д. Большое Нуркеево Сармановского района.

В ходе многолетней поисковой работы Дамир Хайруллович создал богатый личный архив, в фондах которого около 5 тысяч документов, в том числе фотографии, татарские рукописные книги XIX-XX вв. Документы из личного архива широко используются и экспонируются на выставках.

Д. Х. Гарифуллин — один из исследователей татарских шеджере***, автор одноименной книги****, куда вошли шеджере Президента Республики Татарстан, представителей татарской научной и творческой интеллигенции.

Д. Х. Гарифуллин пользуется уважением среди архивистов республики. Награжден Почетной грамотой Федеральной архивной службы (2000), Почетным знаком РОИА (2002).

Ольга Цыганова,
заместитель начальника Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ

Вестник архивиста. – 2009. – № 3 (107). – С. 278-279.

* Татарстанское республиканское отделение Российского общества историков-архивистов.

** Речь идет о книге: Гарифуллин Д. Х. Слово о роде Майоровых (Эпизоды из истории малой родины). – Набережные Челны, 2003.

*** Шеджере — от араб. «шаджара» — дерево, запись родословного древа.

**** Гарифуллин Д. Шәҗәрәләр. – Яр Чаллы, 2002. – 160 б.

АРХИВНЫЕ ВЕСТИ

10 апреля 2011 г.

В рамках юбилейных мероприятий, посвященных 125-летию татарского поэта Г. Тукая, Национальный архив РТ принял участие в проведении Дня подлинника в Литературном музее Габдуллы Тукая. Архивом был представлен ряд ценных документов, связанных с жизнью и творчеством поэта, среди них: метрическая запись о рождении Г. Тукая, автограф стихотворения «Ике кояш» («Два солнца», 1909 г.), посвященного первой татарской актрисе С. Гиззатуллиной-Волжской, документы казанской жандармерии о наложении ареста на сборники стихотворений Г. Тукая.

20 апреля 2011 г.

Сотрудники Национального архива РТ и редакции журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков» приняли участие в работе региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения истории образования и педагогической мысли татарского народа», посвященной 120-летию со дня рождения известного ученого и педагога В. М. Горохова, прошедшей в рамках Всероссийского фестиваля науки в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ. На конференции выступили заместитель директора архива Н. А. Шарангина («Публикационная деятельность Национального архива РТ по истории татарской школы: опыт, проблемы») и главный специалист редакции журнала Г. М. Латыпова («Кадровый состав Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг.»).

1 июня 2011 г.

В конференц-зале Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ состоялась презентация книг председателя правления Татарстанского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов, заведующего кафедрой отечественной истории Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета, академика АН

На презентации книг академика И. Р. Тагирова «На стремнине времени» и «Ил корабын җил сөрә». Слева направо: председатель правления ТРО РОИА, академик АН РТ И. Р. Тагиров, начальник Главного архивного управления при КМ РТ Д. И. Ибрагимов, главный редактор научно-документального журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков» Д. Р. Шарафутдинов, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р. С. Хакимов, директор Института истории К(П)ФУ Р. Р. Хайрутдинов. Казань, 1 июня 2011 г. Фото Р. Файзуллина.

РТ И. Р. Тагирова «На стремнине времени» и «Ил корабын җил сөрә».

В книгу «На стремнине времени», изданную Главным архивным управлением при Кабинете Министров РТ в качестве приложения к научно-документальному журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков», вошли статьи, опубликованные в разное время в научных сборниках и журналах, а также ранее не публиковавшиеся работы автора.

Книга «Ил корабын җил сөрә», изданная Татарским книжным издательством, содержит научные и публицистические статьи, воспоминания И. Р. Тагирова. Вошедшие в книгу работы освещают актуальные вопросы истории Республики Татарстан и татарского народа, проблемы современного политического развития страны.

На презентации выступили директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик Р. С. Хакимов, заместитель директора Института истории им. Ш. Марджани, член-корреспондент АН РТ Р. Р. Салихов, главный редактор редакции «Книги памяти» при Кабинете Министров РТ А. А. Иванов, директор Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета Р. Р. Хайрутдинов, профессор Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета Р. К. Валеев, редактор Татарского книжного издательства Л. Г. Шарифуллина, заведующий отделом истории и общественной мысли Института Татарской энциклопедии АН РТ Р. В. Шайдуллин, главный редактор научно-документального журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков» Д. Р. Шарафутдинов.

Выступавшие отметили большой вклад академика И. Р. Тагирова в изучение и популяризацию исторического наследия Республики Татарстан и татарского народа, значимость его научной и общественной деятельности в развитии государственности Республики Татарстан.

20 июня 2011 г.

В Полномочном представительстве Республики Татарстан в Российской Федерации (г. Москва) прошла церемония передачи профессором Московского государственного института международных отношений А. А. Ахтамзяном государственной архивной службе Республики Татарстан фотокопий газеты «Идель-Урал». Переданные материалы имеют большую ценность для изучения истории легиона «Идель-Урал», известного тем, что среди его бойцов вела антифашистскую деятельность группа поэта-героя Мусы Джалиля, а в 1943 г. 825-й батальон легиона «Идель-Урал» перешел на сторону белорусских партизан.

В церемонии передачи документов приняли участие начальник Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ Д. И. Ибрагимов, заместитель Полномочного представителя Республики Татарстан в Российской Федерации А. Р. Файзуллин, помощник директора Института океанологии им. П. П. Ширшова Российской академии наук Ю. Н. Халиуллин, советник президента Всемирной Академии Наук Комплексной Безопасности М. С. Хакимов. После упорядочения указанные документы будут доступны пользователям Национального архива РТ.

21 июня 2011 г.

В Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ прошла презентация сборника документов и материалов «Татарстан в годы Великой Отечественной войны: Страницы социальной истории», приуроченная к 70-летию начала Великой Отечественной войны.

Сборник, подготовленный старшим научным сотрудником Института истории им. Ш. Марджани АН РТ А. Ш. Кабировой, издан Главным архивным управлением при Кабинете Министров РТ. Книга является продолжением начатой архивистами Татарстана работы по публикации ранее неизвестных широкой читательской аудитории материалов. Новый комплекс источников призван показать «человеческое измерение» войны, что дает возможность увидеть историю республики военных лет и жизнь ее граждан с новых позиций. Основное содержание книги составили вопросы социальной истории: общественные настроения, трудовая политика, условия жизни и быта людей и т. д.

На презентации выступили председатель правления Татарстанского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов, заведующий кафедрой отечественной истории Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета, академик АН РТ И. Р. Тагиров, заместитель начальника Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ О. Г. Цыганова, главный редактор научно-

На презентации книги А. Ш. Кабировой «Татарстан в годы Великой Отечественной войны: Страницы социальной истории». Слева направо: директор Института истории К(П)ФУ Р. Р. Хайрутдинов, председатель правления ТРО РОИА, академик АН РТ И. Р. Тагиров, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ А. Ш. Кабирова, заместитель начальника Главного архивного управления при КМ РТ О. Г. Цыганова. Казань, 21 июня 2011 г. Фото Г. Латыповой.

документального журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков» Д. Р. Шарафутдинов, главный редактор редакции «Книги памяти» при Кабинете Министров РТ А. А. Иванов, директор Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета Р. Р. Хайрутдинов, член-корреспондент АН РТ И. А. Гилязов и др.

Выступавшие отметили богатое содержание сборника, большую значимость издания для объективного освещения истории Республики Татарстан периода Великой Отечественной войны, воспитания любви к Родине и уважения к прошлому у подрастающего поколения.

21-23 июня 2011 г.

В Минске прошла XII Общая конференция Евроазиатского регионального отделения Международного совета архивов и Международная научно-практическая конференция «Государственные архивные службы и частные архивы: опыт взаимодействия». В работе конференции принял участие начальник Главного архивного управления при КМ РТ Д. И. Ибрагимов, выступивший с докладом «Из опыта государственной архивной службы Республики Татарстан по приобретению и приему на государственное хранение документов из личных архивов».

В ходе мероприятий руководителем государственной архивной службы Татарстана были проведены рабочие встречи и переговоры с руководителями архивных служб Азербайджана, Армении, Кыргызской Республики, Туркменистана, Узбекистана. На переговорах обсуждались вопросы укрепления и развития сотрудничества в области архивного дела.

24 июня 2011 г.

В Москве начальник Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ Д. И. Ибрагимов и директор Центрального государственного архива аудиовизуальных документов РТ С. Н. Горохов провели рабочую встречу с руководством Федерального государственного учреждения «Гостелерадиофонд», в котором хранится большое количество уникальных записей теле- и радиопередач, связанных с историей Республики Татарстан. На встрече обсуждался вопрос о передаче архивной службе Республики Татарстан электронных копий аудиоматериалов 1940-1950-х гг., включающих в себя записи малоизвестных опер татарских композиторов, песен в исполнении татарских певцов, радиопередач, посвященных М. Джалилю и творчеству других известных деятелей культуры и искусства Татарстана.

31 августа 2011 г.

В Центральный государственный архив аудиовизуальных документов РТ из фондов Национального музея РТ приняты на постоянное хранение 111 единиц учета кинодокументов за 1936-1945, 1972-1973, 1978 гг.

Среди переданных кинодокументов выпуски киножурналов «Татарстан», «Советский Татарстан» (1937-1939), «Межреспубликанского киножурнала» (1939-1941), «Дружба народов» (1941-1942), «Орде-

ноносная Чувашия» (1939-1940), «Республика Удмуртия» (1939), рассказывающих о политической, социально-экономической и культурной жизни Татарской, Чувашской, Удмуртской, Марийской АССР и документальные фильмы, посвященные космической программе «Союз» — «Аполлон» (1972-1974), о строительстве дороги Кайбицы — Канаш «За образцовую дорогу» (1936) и др.

15 сентября 2011 г.

В Национальном культурном центре «Казань» прошло заседание Совета по архивному делу при Федеральном архивном агентстве. В мероприятии приняли участие представители Аппарата Правительства Российской Федерации, руководство Федерального архивного агентства, федеральных архивов, Российского общества историков-архивистов, руководители уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области архивного дела, ученые, историки из Москвы и Санкт-Петербурга.

На заседании Совета рассматривались проблемы внедрения информационных технологий в деятельность российских архивных учреждений, оказания архивными учреждениями государственных услуг в электронном формате, хранения электронной документации, рассмотрение опыта внедрения в деятельность государственных органов электронного документооборота.

В работе Совета принял участие и выступил заместитель Премьер-министра Республики Татарстан — министр информатизации и связи Республики Татарстан Н. А. Никифоров.

В рамках мероприятия прошла выставка уникальных и особо ценных документов из фондов государственных архивов Республики Татарстан и печатных изданий архивистов Татарстана.

21 сентября 2011 г.

Национальный архив РТ принял участие в работе круглого стола «Белый путь. Казанские страницы Гражданской войны», прошедшего в Музее Е. А. Боратынского. Круглый стол был посвящен началу реализации научно-исследовательского проекта «Белый путь, или Русская Одиссея» — победителя VIII конкурса Благотворительного фонда В. Потанина «Меняющийся музей в меняющемся мире» за 2011 г. в номинации «Музейные исследования».

28-29 сентября 2011 г.

Делегация Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ приняла участие в заседании Научно-методического совета архивных учреждений Приволжского федерального округа в г. Оренбурге.

На заседании обсуждался вопрос перехода государственных архивов субъектов Приволжского федерального округа в новую организационно-правовую форму в рамках реализации Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

На заседании Совета по архивному делу при Федеральном архивном агентстве. Выступает руководитель Федерального архивного агентства А. Н. Артизов. Казань, 15 сентября 2011 г. Фото Р. Файзуллина.

сийской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Также состоялся обмен опытом работы по оцифровке архивных документов и обеспечению доступа пользователей к архивным документам в государственных архивах. В рамках обмена опытом с сообщением «Исполнение генеалогических запросов в условиях роста общественного интереса к своим корням: проблемы и пути их решения» выступила заместитель директора Национального архива РТ Н. Д. Нерозникова.

Май-сентябрь 2011 г.

Главным архивным управлением при Кабинете Министров РТ изданы книга И. Р. Тагирова «На стремнине времени», сборник документов и материалов «Татарстан в годы Великой Отечественной войны: Страницы социальной истории», сборник документов «Развитие музыкального образования в Татарстане».

Книга И. Р. Тагирова «На стремнине времени» посвящена истории государственности Татарстана, проблемам федерализма, межэтнических отношений и национальной политики в России.

Сборник документов и материалов «Татарстан в годы Великой Отечественной войны: Страницы социальной истории» включает в себя документы и материалы, отражающие массовое сознание и реалии повседневной жизни граждан республики в период военного лихолетья.

Сборник документов «Развитие музыкального образования» посвящен истории развития музыкального образования в Республике Татарстан в конце XIX-XX вв. Архивные документы освещают основные этапы становления и развития музыкального образования в Татарстане, организации и работы Казанской государственной консерватории, музыкального училища; содержат сведения об открытии музыкальных школ в районах республики.

Май-сентябрь 2011 г.

На сайте «Архивная служба Республики Татарстан» (http://www.archive.gov.tatarstan.ru) размещены виртуальные выставки документов Национального архива РТ и Центрального государственного архива историко-политической документации РТ.

На странице Национального архива РТ размещена выставка «Дню Победы посвящается», приуроченная к 66-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Центральный государственный архив историко-политической документации РТ представил выставки «Весна Победы», посвященную 66-летию Победы в Великой Отечественной войне, и «Документы ЦГА ИПД РТ о начале Великой Отечественной войны», приуроченную к 70-летию начала Великой Отечественной войны.

На странице Государственного архива печати РТ размещен электронный аналог библиографического указателя «Летопись печати Республики Татарстан» (№ 4 за 2010 г., № 1 за 2011 г.).

26 октября 2011 г.

В рамках очередной сессии Государственного Совета РТ Главным архивным управлением при Кабинете Министров РТ была организована выставка уникальных и особо ценных документов Архивного фонда РТ, научно-документального журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков» и его приложений.

26 октября 2011 г.

Председатель правления Татарстанского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов, академик АН РТ И. Р. Тагиров; член правления Татарстанского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета Р. К. Валеев и главный редактор научно-документального журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков», доктор исторических наук Д. Р. Шарафутдинов приняли участие в работе II межрегиональной научно-практической конференции «Архивы и наука: теория и практика взаимодействия» (г. Чебоксары). На конференции выступили академик АН РТ И. Р. Тагиров с сообщением «Чувашско-татарские взаимоотношения в прошлом, настоящем и будущем» и один из руководителей секции «Источниковедение, историография и методология истории России и Среднего Поволжья» Д. Р. Шарафутдинов с сообщением «Языческие обряды финно-угорских народов и чувашей».

Информацию
подготовила
Гузель Гаффарова,
ведущий советник
Главного архивного
управления
при КМ РТ

Поздравляем!!!

Отметила юбилей **Наталья Николаевна Халяпина**, директор Общества с ограниченной ответственностью «Архивист». Она родилась 13 августа 1951 г. в г. Казани. С 1970 г. ее трудовая биография неразрывно связана с архивным делом. В 1970-1992 гг. она занимала должности архивно-технического сотрудника, младшего научного сотрудника, архивиста I категории, старшего архивиста хозрасчетной группы Архивного отдела (с 1980 г. — Архивного управления) при Совете Министров ТАССР, заведующей отделом ведомственных архивов и заведующей отделом комплектования и экспертизы ценности документов Центрального государственного архива ТАССР. Параллельно с работой она окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета. В 1992 г. Наталья Николаевна назначена на должность директора Государственного предприятия (с 2004 г. — ООО) «Архивист».

Благодаря умелому руководству и неутомимой энергии Н. Н. Халяпиной, возглавляемое ею предприятие вносит большой вклад в качественное пополнение Архивного фонда Республики Татарстан. Ее целеустремленность, огромная работоспособность, бодрость и оптимизм заражают окружающих, создают позитивный настрой и являются залогом новых свершений. Заслуги Натальи Николаевны оценены государством. В 1993 г. ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Татарстан».

Архивисты Татарстана желают Наталье Николаевне доброго здоровья, счастья, благополучия семье и близким, неиссякаемой творческой энергии и новых успехов во всех делах и начинаниях.

* * *

13 сентября свой юбилей отметила директор Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан **Венера Гарифулловна Хамидуллина**.

В 1992 г. она окончила исторический факультет Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-

Н. Н. Халяпина.

В. Г. Хамидуллина.

Ленина. Свою трудовую деятельность начала с 18 лет на Казанском моторостроительном производственном объединении. В системе архивной службы РТ Венера Гарифулловна работает с 1996 г.: сначала ведущим специалистом отдела комплектования, затем заместителем директора Государственного архива документов по личному составу РТ. С 2006 г. Венера Гарифулловна возглавляет Центральный государственный архив историко-политической документации РТ.

Талант руководителя сочетается с большой работоспособностью. Венера Гарифулловна включена в состав Научно-методического совета архивных учреждений Приволжского федерального округа, Научно-консультативного совета при Главном архивном управлении при Кабинете Министров Республики Татарстан, возглавляет рабочую группу экспертов архивов по рассекречиванию документов КПСС, участвует на заседаниях советов и выступает с сообщениями по вопросам работы архива. Также она является членом Государственной экзаменационной и аттестационной комиссии кафедры истории, культурологии и архивоведения КГЭУ.

Венера Гарифулловна активно занимается публикаторской деятельностью, является одним из составителей сборников документов «Письма с фронта 1941-1945 гг.», «Татарстан — Сталинграду» и автором многих статей и публикаций архивных источников в журнале «Гасырлар авазы – Эхо веков», республиканских средствах массовой информации. Она активно участвует в республиканских научных и культурных мероприятиях, проводимых в Госсовете, Академии наук, музеях и вузах Республики Татарстан. Ее плодотворная деятельность отмечена медалью «В память 1000-летия Казани», Благодарственным письмом Кабинета Министров РТ и грамотой Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ.

Ответственное отношение к делу, профессионализм, порядочность, общительность, доброжелательность, искрометный юмор, готовность всегда помочь снискали ей авторитет у коллег. Сердечно поздравляем Венеру Гарифулловну с днем рождения и желаем здоровья, женского счастья и дальнейшей плодотворной деятельности в архиве.

* * *

26 сентября главный специалист отдела использования и публикации документов Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан **Динара Мидхатовна Зайнутдинова** отметила свой юбилей.

В архив Д. М. Зайнутдинова пришла в 2000 г. Обладая широким кругозором и эрудицией, она стала высокопрофессиональным специалистом в области архивного дела. Динара Мидхатовна вносит большой вклад в организацию использования и публикации документов Архивного фонда Республики Татарстан. Она активно участвует в выявлении и подготовке документов к выставкам, в том числе и виртуальным, в подготовке и проведении телесюжетов, ведет работу по составлению систематического каталога, занимается публикаторской деятельностью, исполняет тематические и социально-правовые запросы.

Коллектив Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан сердечно поздравляет Динару Мидхатовну с юбилеем и желает

Д. М. Зайнутдинова.

ей доброго здоровья, благополучия, исполнения желаний и дальнейших творческих свершений.

* * *

4 октября отметила юбилей заместитель директора Национального архива РТ **Наталья Дмитриевна Нерозникова**. Выпускница исторического факультета Казанского государственного университета, она пришла работать в архив в сентябре 1988 г. За истекшие годы она прошла путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора Национального архива. На всех постах она проявила себя компетентным работником, ответственно относящимся к делу.

Сейчас в сферу деятельности Натальи Дмитриевны входит руководство научно-исследовательской и методической работой архива, а также повышение деловой квалификации сотрудников. Имея многолетний опыт работы, она с успехом занимается подготовкой и внедрением в практику работы архива нормативных и научно-методических документов, организует проведение лекций и семинаров. Она неизменный участник Научно-методических советов архивных учреждений Приволжского федерального округа.

За заслуги в области архивного дела она награждена Почетными грамотами Росархива и Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ, медалью «В память 1000-летия Казани».

Поздравляем Наталью Дмитриевну! Желаем ей крепкого здоровья, неиссякаемой творческой энергии. Пусть удача сопутствует во всех делах, а в жизни будет множество счастливых и ярких событий.

* * *

2011 год выдался богатым на юбилеи для муниципальных архивов. Свое 55-летие отметили: Салима Маликовна Самигуллина — начальник архивного отдела исполкома Ютазинского муниципального района; Вера Николаевна Белова — начальник архивного отдела исполкома Нурлатского муниципального района; Голфия Анверзяновна Сафина — начальник архивного отдела исполкома Буинского муниципального района; Зульфия Зиннуровна Галееева — начальник архивного отдела исполкома Агрызского муниципального района; Нина Ивановна Данилова — начальник архивного отдела исполкома Рыбно-Слободского муниципального района; Хатима Халяфутдинова Сенина — начальник архивного отдела исполкома Альметьевского муниципального района; Гузель Фаритовна Шамсутдинова — главный специалист Управления муниципального архива исполкома муниципального образования г. Казани. 50-летие отметили: Флорида Фоатовна Ахметвалеева — начальник архивного отдела исполкома Заинского муниципального района; Лилия Шиабетдиновна Миргаязова — начальник архивного отдела исполкома Мензелинского муниципального района; Анна Николаевна Цыганова — начальник архивного отдела исполкома Пестречинского муниципального района; Ирина Геннадьевна Мальцева — главный специалист архивного отдела исполкома Альметьевского муниципального района; Людмила Юрьевна Сергеева — ведущий специалист архивного отдела исполкома Чистопольского муниципального района.

Н. Д. Нерозникова.

Сердечно поздравляем юбиляров, желаем им доброго здоровья, счастья, благополучия и новых успехов.

В Геральдическом совете при Президенте Республики Татарстан

Законом РТ «О внесении изменений в Закон Республики Татарстан “О государственных наградах Республики Татарстан”» от 31 декабря 2010 г. в систему государственных наград Республики Татарстан была включена медаль «За заслуги в развитии местного самоуправления в Республике Татарстан». Медалью награждаются граждане за выдающиеся заслуги в становлении и развитии местного самоуправления в Республике Татарстан, повышении эффективности деятельности органов местного самоуправления, решении вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

Республика Татарстан стала первым субъектом, где учрежден подобный геральдический знак. Федеральные и региональные аналоги награды на сегодняшний день отсутствуют. В России существует лишь общественная награда — Почетный знак Общероссийской общественной организации «Всероссийский совет местного самоуправления» «За заслуги в развитии местного самоуправления» (учрежден на заседании Центрального совета организации 8 апреля 2010 г.). Среди схожих наград также можно назвать Почетный знак Ассоциации (Совета) муниципальных образований Астраханской области «За заслуги в развитии местного самоуправления в Астраханской области».

Геральдический совет провел работу по созданию эскизов. 31 марта 2011 г. состоялось расширенное заседание Совета с участием заместителя руководителя Аппарата Президента РТ — начальника Управления по работе с территориями Президента РТ И. М. Гарипова, председателя Совета муниципальных образований РТ М. З. Шакирова, депутата Государственного Совета РТ, заместителя председателя Комитета Государственного Совета РТ по социальной политике, председателя регионального отделения Всероссийского совета местного самоуправления В. П. Логинова. На заседании Совета были рассмотрены варианты эскиза медали, выполненные художниками Союза геральдистов России.

За основу медали в итоге принята форма государственных наград РТ — круглый медальон с пятиугольной колодкой. Лента колодки выполнена в традиционных для подобных наград цветах Государственного флага РТ. В основу главного элемента эскиза медальона положено изображение карты Татарстана с выделением границ муниципальных районов. По окружности медали проходят две лавровые ветви, перекрещенные внизу. В верхней части медали — изображение Государственного герба РТ. На оборотной стороне медали в верхней части по окружности расположена надпись на татарском языке «Татарстан Республикасында җирле үзидарәне үстерүдәге казанышлары өчен», в нижней части — на русском языке «За заслуги в развитии местного самоуправления в Республике Татарстан».

В текущем году Совет продолжил работу с ведомственными символами. Совместно с Союзом геральдистов России были разработаны эскизы золотой и серебряной медалей Акаде-

Золотая медаль Академии наук РТ
«За достижения в науке» (аверс).

Серебряная медаль Академии наук РТ
«За достижения в науке» (аверс).

мии наук РТ «За достижения в науке» («Фәндәге казанышлары өчен»). Медали учреждаются в целях поощрения ученых за научные труды, открытия и изобретения, имеющие важное значение для науки и практики. Золотая медаль является высшей наградой Академии наук РТ и присуждается за выдающиеся научные работы, открытия и изобретения или по совокупности работ большого научного и практического значения в области гуманитарных и естественно-технических наук, или за выдающуюся научно-практическую деятельность, за заслуги в разработке приоритетных направлений науки и инновационной экономики, в создании научных школ, в воспитании и подготовке научных кадров для Республики Татарстан. Серебряная медаль Академии наук РТ присуждается за отдельные крупные научные работы, открытия, изобретения, а также за серии научных работ по единой тематике или за результативную научно-практическую или научно-организационную деятельность в республике.

В течение года продолжалась работа по экспертизе знаменных эмблем различных ведомств республики. Были рассмотрены знамена и знаменные эмблемы Управления ФСКН России по РТ и Главного управления МЧС России по РТ. В целях осуществления единой государственной политики в области геральдики Совет рекомендовал использование в знаменных эмблемах главного элемента Государствен-

ного герба РТ — крылатого серебряного барса. Это позволяет ассоциировать геральдический знак с территориальным расположением ведомств. Ранее такие же рекомендации были выработаны для знаменных эмблем войсковой части 5598 внутренних войск МВД РФ и УФСИН России по РТ.

Большое значение в деятельности Совета занимала популяризация государственных символов. 16 сентября 2011 г. в Казани состоялась V Всероссийская научно-практическая конференция «Деятельность библиотек по популяризации государственных символов Российской Федерации», организованная Министерством культуры Российской Федерации. В рамках конференции обсуждались такие направления по популяризации государственных символов Российской Федерации, как место государственной символики в современном мире и обществе, государственная символика и история ее развития, проблемы создания и использования государственных и муниципальных символов, опыт работы библиотек по пропаганде государственной символики и другие.

От Геральдического совета в конференции с докладами приняли участие Р. Р. Хайрутдинов («Государственная политика в Республике Татарстан в области геральдики»), И. Р. Миннуллин («Деятельность Геральдического совета при Президенте РТ в сфере популяризации государственных и муниципальных символов»), Г. М. Бушканец («Региональная геральдика современной России в Интернете»), Р. М. Харисов («О символах государственного единства»).

В конце 2011 г. деятельность Совета сосредоточена на подготовке празднования нескольких юбилеев. В начале 2012 г. планируется отметить ряд важных дат, связанных с геральдикой России и Татарстана — 290-летие российской герольдии и 20-летие с момента восстановления в России государственной геральдической службы, 20-летие Государственного герба РТ, 10-летие Геральдического совета при Президенте РТ. Общественно-политическая значимость этих юбилеев обусловлена ролью геральдики современной России в укреплении государственной власти, формировании общей системы духовно-нравственных ориентиров, воспитании подрастающих поколений.

Планируется проведение ряда мероприятий с участием представителей Геральдического совета при Президенте РФ, издание отчета о 10-летней работе Геральдического совета при Президенте РТ, организация выставок. Одним из важных моментов подведения итогов деятельности должен стать выход книги «Официальные символы Республики Татарстан». Предполагается, что это будет иллюстрированное издание, посвященное истории и современности государственных символов РТ и символов муниципальных образований. Подготовка книги осуществляется в ходе научно-исследовательской деятельности специалистов Геральдических советов при Президентах РФ и РТ. Выпуск в свет этого уникального труда будет способствовать росту общественного интереса к историческому прошлому государства, его культуре, формированию чувства патриотизма, уважительного отношения к официальным символам. Издание войдет в общероссийскую серию «Территориальная геральдика современной России». Планируется издание книги большим тиражом с целью ее передачи во все учебные заведения республики, а также в качестве практического руководства в органы государственной и муниципальной власти.

Рамиль Хайрутдинов,
кандидат исторических наук,
Ильнур Миннуллин,
кандидат исторических наук

Деятельность Главного архивного управления города Москвы по совершенствованию нормативно-правовой базы архивного дела в столице и внедрению автоматизированных архивных технологий 2004-2010 гг.

В современных условиях архивная служба играет важную роль в развитии Москвы: решении проблем городского хозяйства, обеспечении социальных гарантий москвичей. Все более значимой становится роль архивов города в деле изучения исторического прошлого, патриотического и нравственного воспитания населения, в первую очередь молодежи. Наконец, архивный фонд города имеет национальную ценность, выступает важнейшей частью историко-культурного достояния столицы, ее совокупных информационных ресурсов.

В последнее время в научной литературе уделялось внимание организации архивного дела в Москве*. В этой статье мы предпринимаем попытку осветить деятельность Главного архивного управления города Москвы в период 2004-2010 гг. через призму двух основных факторов, определивших процесс оптимизации его работы: совершенствование нормативно-правовой базы и внедрение инновационных архивных технологий.

С начала 2004 г. актуализировались вопросы использования Архивного фонда Москвы. Это было связано с внедрением в практику работы городских учреждений принципа «одного окна». Особое внимание уделялось выполнению постановлений Правительства Москвы от 24 февраля 2004 г. № 101-ПП «Об организации работы органов исполнительной власти города Москвы, городских организаций в режиме “одного окна”» и от 1 июня 2004 г. № 361-ПП «О мерах по реализации принципа “одного окна” в работе органов исполнительной власти города Москвы и городских организаций». В соответствии с требованиями этих нормативных документов в Главархиве Москвы разработали Регламент подготовки и выдачи документов в режиме «одного окна». В дальнейшем организовали работу по

* См., например: Селиверстова Л. Н. Московское общество историков и архивистов: на пороге 20-летнего юбилея // Вестник архивиста. – 2010. – № 3. – С. 88-94; Иноземцева З. П., Селиверстова Л. Н. Из опыта подготовки к проведению интервью архивистов Главного архивного управления города Москвы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: mosarchiv.mos.ru/images/conf/seliverstova.doc; Тихонов В. И. Информационные технологии и электронные документы в контексте архивного хранения (статьи разных лет). – М., 2009. – 384 с.

выполнению постановлений Правительства Москвы от 28 декабря 2004 г. и от 3 мая 2005 г. «О реализации принципа “одного окна” в работе органов исполнительной власти города Москвы» и «Об организации контроля за работой органов исполнительной власти города Москвы и городских организаций, осуществляемой в режиме “одного окна”». После внесения изменений и дополнений «Регламент подготовки и выдачи документов в режиме “одного окна” Главным архивным управлением города Москвы» в декабре 2005 г. утвердил первый заместитель мэра в Правительстве Москвы.

Велась напряженная работа по информатизации процессов приема и регистрации запросов граждан и организаций в режиме «одного окна», выдаче ответов на них, подготовке еженедельных и квартальных отчетов по исполнению запросов с помощью усовершенствованной электронной картотеки социально-правовых запросов. В промышленную эксплуатацию была запущена новая версия программного обеспечения для формирования отчетов в режиме «одного окна» в Центре документационного обеспечения населения, отделе организации использования архивных документов и в архивах кадровой документации административных округов.

Важным шагом явилось подключение в 2006 г. службы «одного окна» Главархива Москвы к городской системе контроля и мониторинга (СКиМОО) для отображения статистической информации о работе службы. С мая 2006 г. в СКиМОО стала также направляться информация по приему и исполнению запросов, поступающих на «форум» и на «гостевую книгу» информационного сервера Главархива Москвы.

В целях оптимизации сроков исполнения социально-правовых запросов и в соответствии с постановлениями Правительства Москвы от 30 мая 2006 г. № 352-ПП «О мерах по дальнейшему развитию и совершенствованию работы органов исполнительной власти, государственных учреждений и государственных унитарных предприятий города Москвы в режиме “одного окна”» и от 31 октября 2006 г. № 856-ПП «О дальнейшем совершенствовании деятельности органов исполнительной власти города Москвы, государственных учреждений и государственных унитарных предприятий города Москвы по оформлению и выдаче документов заявителям в режиме “одного окна”» велась работа над новой редакцией «Регламента подготовки и выдачи документов в режиме “одного окна” Главным архивным управлением города Москвы», который был утвержден постановлением Правительства Москвы от 6 марта 2007 г.

Была выполнена работа по приведению Регламента в соответствие с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и «Правилами организации хранения, комплектования, учета и использования документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук».

В соответствии с распоряжением Правительства Москвы от 10 апреля 2007 г. № 648-РП «О дальнейшем развитии принципов автоматизации подготовки и выдачи документов в режиме “одного окна”» был разработан и направлен в Правительство Москвы на согласование проект постановления «О внесении дополнений и изменений в постановление Правительства Москвы № 67-ПП», касающегося утверждения Регламента и Регламентной схемы подготовки и выдачи в режиме «одного окна» архивной справки, архивной выписки, архивной копии и информационного письма.

В связи с изменением формата отображения статистической информации о работе служб «одного окна» для представления в городскую СКиМОО Главархив Москвы совместно с научно-технологическим центром Института развития Москвы разработал новую версию программного обеспечения для формирования отчетов. Подсистема обеспечила: автоматизацию процессов подготовки и согласования всех документов службы «одного окна», внесенных в Единый городской реестр; много-

критериальный оперативный поиск документов; оперативное получение информации о состоянии подготовки документов; единую регистрацию поступающих документов путем создания регистрационно-контрольной карточки, в которую вносятся обязательные реквизиты при работе с обращениями заявителей.

Решением комиссии, созданной распоряжением руководителя Департамента градостроительной политики, развития и реконструкции г. Москвы, подсистема была введена в промышленную эксплуатацию, началась передача статистической информации о работе службы «одного окна» Главархива Москвы в СКиМОО. В 2008 г. в целях законодательного закрепления достигнутых результатов был подготовлен проект постановления Правительства Москвы «О внесении изменений и дополнений в постановление Правительства Москвы от 6 февраля 2007 г. № 67-ПП» (об изменениях и дополнениях, внесенных в «Регламент подготовки и выдачи документов в режиме “одного окна”»). Было также подготовлено и принято распоряжение Правительства Москвы от 22 апреля 2008 г. № 822-РП «О вводе в промышленную эксплуатацию Автоматизированной информационной системы “одно окно” Главархива города Москвы».

Инновационное развитие Главархива Москвы основывалось на строительстве и вводе в эксплуатацию новых площадей. Летом 2005 г. в строй вошел лабораторно-информационный корпус. Распоряжением Правительства Москвы от 4 августа 2005 г. № 1466-РП здание по адресу Профсоюзная улица, дом 80, корпус 2, было передано Главному архивному управлению города Москвы в оперативное управление. Администрация и коллектив Главархива проделали большую работу по освоению инженерных систем, устранению недоделок, благоустройству и озеленению территории, осуществлению переезда и обустройству помещений корпуса.

Ввод в эксплуатацию лабораторно-информационного корпуса ознаменовал принципиально новый этап развития городских архивов. Во-первых, установленное в корпусе современное оборудование по микрофильмированию, реставрации документов, компьютерной автоматизации архивных технологий значительно укрепило их материально-техническую базу. В настоящее время можно смело сказать, что Главархив Москвы имеет уникальное оборудование и возможность реставрации документов. Благодаря его оснащению современной микрофильмирующей аппаратурой, удалось увеличить годовые показатели создания страхового фонда и фонда пользования на микроформах до 1 млн кадров и тем самым сохранить для последующих поколений большие комплексы подлинных документов. В связи с увеличением объема работ и расширением функций лаборатория микрофильмирования и реставрации документов была преобразована в Центр микрографии и реставрации документов. Для созданного подразделения была разработана и утверждена новая структура, проведены набор и обучение кадров.

Во-вторых, на 200 человек увеличился штат работников. Подразделения микрофильмирования, реставрации, Информационного центра получили в новом корпусе просторные, специально спроектированные для этих видов работ помещения. Важнейшие для архивов направления деятельности с этого времени были поставлены фактически на промышленную основу. Уровень оснащения специальным технологическим оборудованием, масштабы работ выдвинули архивы Москвы на передовые позиции. Например, специалисты Центра микрографии и реставрации документов за 2004-2010 гг. сумели выполнить сложную реставрацию почти 2 млн листов ценных архивных документов.

Большого внимания, напряжения и сил требовало продолжение строительных работ по 22-этажному зданию архивохранилища. Усилиями администрации удалось добиться выделения на 2005 г. капиталовложений, превышающих объемы двух предыдущих лет в совокупности. Строительство корпуса ар-

хивохранилища велось высокими темпами и к концу 2005 г. на 95 % было завершено. К середине следующего года новый корпус по распоряжению Правительства Москвы от 15 июня 2006 г. был передан Главархиву Москвы в оперативное управление. В новом здании, в частности, размещался видеоархивный комплекс, оборудованный аппаратом для чтения микрофильмов размером 2×3 см, уникальное сканирующее оборудование и т. д.

Продолжались оптимизация структуры и уточнение профиля архивных организаций Москвы. Во исполнение постановления Правительства Москвы от 18 января 2005 г. № 27-ПП «О мерах по совершенствованию архивного дела и улучшению сохранности архивных документов в городе Москве» Центральный муниципальный архив Москвы переименовали в Центральный архив города Москвы (ЦАГМ); Центральный архив общественных движений Москвы — в Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ); Центральный архив литературы и искусства упразднили, его архивные фонды передали в ЦАГМ и ЦАОПИМ, а штатные должности распределили по структурным подразделениям Главархива Москвы.

Во исполнение постановления Правительства Москвы от 7 октября 2003 г. № 841-ПП «Об обеспечении доступности информации о деятельности Правительства Москвы, городских органов исполнительной власти и городских организаций» в 2005 г. сдан в промышленную эксплуатацию Информационный сервер Главархива Москвы, разработаны и утверждены «Регламент формирования и обновления официального сервера Главного архивного управления города Москвы» и «Перечень сведений, подлежащих обязательному представлению для размещения на Информационном сервере Главархива Москвы».

Целый ряд работ выполнялся и в рамках реализации городской целевой программы «Электронная Москва». Так, в 2006 г. началась подготовка помещений для установки оборудования, необходимого для включения Главархива Москвы в Городскую мультисервисную транспортную сеть Правительства Москвы. По распоряжению Управления информатизации города Москвы осуществлялись работы по изменению адресного пространства корпоративной сети Главархива Москвы. Продолжилась работа по выполнению программы развития интегрированной автоматизированной информационной системы Главархива Москвы на 2006-2007 гг., включающая информатизацию производственных процессов, поддержание в актуальном состоянии информационных ресурсов, повышение компьютерной грамотности работников. Специалисты Главархива Москвы провели апробацию усовершенствованной версии информационной системы «Межархивный поиск».

В соответствии с постановлением Правительства Москвы от 30 августа 2005 г. № 651-ПП «О ходе реализации городской целевой программы “Электронная Москва” и задачах на 2006-2007 гг.» были подготовлены технические предложения для разработки и внедрения единой системы учета и контроля за деятельностью архивов организаций — источников комплектования Главархива Москвы. Основным назначением новой интегрированной системы является информационное обеспечение и комплексная автоматизация процессов, связанных с комплектованием документами государственных архивов, входящих в состав Главархива Москвы, контроль сроков исполнения подготовки и передачи документов организациями — источниками комплектования и ликвидированными организациями, ведение автоматизированного государственного учета документов архивного фонда. Во исполнение распоряжения Правительства Москвы от 2 августа 2007 г. № 1649-РП «О вводе в промышленную эксплуатацию информационных систем, обеспечивающих деятельность Главного архивного управления города Москвы» Главархив зарегистрировал интегрированную АИС и информационный сервер Главархива Москвы в Едином реестре информационных ресурсов и систем города Мо-

сквы. Распоряжением предусматривалось выделение бюджетных средств на промышленную эксплуатацию сервера и информационной системы.

В 2007 г. Правительством Москвы было принято постановление «О реализации приоритетных направлений развития архивного дела в городе Москве» от 25 декабря 2007 г. № 1123-ПП. В нем намечались мероприятия по ряду вопросов, принципиальных для качественного сохранения и использования Архивного фонда Москвы. В этих целях постановление предусматривало создание в структуре Главархива Москвы Центрального архива документов о трудовой деятельности граждан города Москвы на базе архивов кадровой документации административных округов.

Кроме того, в целях комплексного хранения и использования электронных и аудиовизуальных документов на базе реорганизованных Центрального архива на электронных носителях Москвы и Центрального архива аудиовизуальных документов Москвы был образован Центральный архив электронных и аудиовизуальных документов Москвы (ЦАЭиАДМ).

Постановление создавало нормативную основу для сохранения документов по личному составу в объединенных архивах организаций посредством заключения Главархивом Москвы договоров с организациями города Москвы, имеющими объединенные архивы, о временном хранении документов и выдаче архивных справок. Важной частью постановления Правительства Москвы от 25 декабря 2007 г. явилось решение о создании единой информационной системы, охватывающей все структурные подразделения Главархива Москвы и объединенные архивы организаций с целью консолидации и качественного совершенствования информационных ресурсов.

Стремительное развитие информационных технологий выдвинуло на первый план задачу обеспечения сохранности цифровых видеодокументов, образующихся в процессе деятельности организаций и учреждений, в первую очередь электронных средств массовой информации. Так, 24 февраля 2005 г. был заключен договор о сотрудничестве между Главархивом Москвы и телевизионной компанией ОАО «ТВ Центр». В соответствии с распоряжением Правительства Москвы от 18 июля 2006 г. № 1381-РП «О создании видеоархивного комплекса Главного архивного управления города Москвы» в том же году подготовлено техническое задание, направленное на его реализацию.

В 2007 г. работа по созданию видеоархивного комплекса для прямой передачи по оптоволокну телевизионных записей канала «ТВ Центр» в архив получила значительное продвижение. Началась практическая реализация проекта, основной целью которого является создание эффективной городской системы хранения и использования видеодокументальных материалов. Был произведен монтаж серверного оборудования, обновлено программное обеспечение, установлены операционные системы.

В 2009 г. видеоархивный комплекс ввели в эксплуатацию. Это хранилище цифровой видеоинформации, по оценкам зарубежных специалистов, не имеет аналогов в России по уровню сложности и является одним из крупнейших в Европе. Входящая в его состав ленточная библиотека для хранения цифровых видеодокументов обладает потенциальной емкостью 750 терабайт, что позволяет сохранить свыше 10 тысяч часов видеоматериалов. Комплекс спроектирован с использованием современных инновационных технологий при участии таких крупных производителей, как IBM, и способен предоставить оперативный доступ к архивным материалам в режиме «онлайн» любым заказчикам, в том числе другим телерадиокомпаниям и СМИ. Кроме того, перед видеоархивным комплексом поставлена задача перевода в цифровой формат уже имеющейся в ЦАЭиАДМ информации в объеме 1,5 тысяч часов, а также восстановления видеоматериалов, качество которых ухудшилось с течением времени.

Новые перспективы для повышения сохранности документов, улучшения условий труда архивистов откры-

вало распоряжение Правительства Москвы от 24 июля 2007 г. № 1564-РП «О проектировании для строительства здания Центрального архива документов о трудовой деятельности граждан города Москвы Главного архивного управления города Москвы». Правительство поддержало предложение Главархива Москвы предусмотреть при строительстве нового здания полноценный социально-восстановительный блок и высокий уровень технического оснащения архива.

В 2008 г. продолжалась значительная работа по совершенствованию нормативно-распорядительной базы архивного дела в Москве. В начале года был подготовлен проект постановления Правительства Москвы «Об утверждении новой редакции Положения о Главном архивном управлении города Москвы». Было подготовлено и принято распоряжение Правительства Москвы от 16 октября 2008 г. № 2409-РП «О создании комплекса сканирования и использования архивных документов Главного архивного управления города Москвы».

В целях улучшения условий сохранности Архивного фонда Москвы и ускорения процесса вывода из практического использования оригиналов архивных документов было принято предложение Главархива Москвы об организации масштабной работы по копированию уникальных, особо ценных и интенсивно используемых документов на основе применения современной техники. Реализация данного распоряжения не только давала гарантии сохранения документального наследия, но и позволяла значительно увеличивать масштабы и интенсивность его использования. В соответствии с распоряжением Правительства Москвы от 11 апреля 2008 г. № 753-РП «Об утверждении плана информатизации г. Москвы на 2008 г.» проводилась работа по оцифровке документов центральных архивов Москвы. Было подготовлено и согласовано со столичным Управлением информатизации и генеральным конструктором ГЦП «Электронная Москва» техническое задание на проектирование комплекса сканирования и использования архивных документов Главного архивного управления города Москвы.

В целях повышения эффективности использования документов о трудовой деятельности работников организаций города, оптимизации сети центральных архивов и в соответствии с постановлением Правительства Москвы «О реализации приоритетных направлений развития архивного дела в городе Москве» от 25 декабря 2007 г. приказами начальника Главархива Москвы от 1 и 29 февраля 2008 г. на базе архивов кадровой документации административных округов был создан Центральный архив документов о трудовой деятельности граждан города Москвы (ЦАДТДГМ).

Под контролем руководства Главархива Москвы по-прежнему находились вопросы строительства и ввода в эксплуатацию новых площадей. В ходе выполнения распоряжения Правительства Москвы от 24 июля 2007 г. № 1564-РП «О проектировании для строительства здания Центрального архива документов о трудовой деятельности граждан города Москвы Главного архивного управления города Москвы» в 2008 г. силами проектного института «Архинжстрой» и при участии специалистов Главархива подготовлены технологическое программное задание и техническое задание на строительство двух высотных зданий.

В соответствии с распоряжением Правительства Москвы от 16 октября 2007 г. № 2300-РП об оказании помощи в восстановлении Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, сохранении ценнейшего архива и монастырской библиотеки сотрудники Главархива Москвы посетили монастырь для определения направлений и объемов работ по упорядочению книжного и архивного фондов с последующим переводом книжного фонда на цифровые носители. По результатам визита была составлена программа мероприятий, направленных на обеспечение сохранности архивов и библиотеки Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, и подписан протокол о сотрудничестве.

В целях активизации работ по сохранению документальных и книжных собраний Свято-Пантелеимонова монастыря Главное архивное управление города Москвы вышло в Правительство Москвы с предложением о приобретении оборудования по переплету, реставрации и оцифровке библиотечных книг. Согласно распоряжению Правительства Москвы от 22 декабря 2008 г. № 3021-РП «Об организации реставрационно-переплетной мастерской с участком электронно-цифрового копирования архивных документов и книг Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря», Главархиву поручалось в установленном порядке обеспечить приобретение и эксплуатацию необходимого оборудования. В 2009 г. все оборудование было установлено и началось обучение работе на нем насельников монастыря.

Перспективным направлением деятельности, получившим «путевку в жизнь», стала подготовка электронных изданий и виртуальных выставок, предназначенных для размещения на информационном сервере Главархива Москвы, что значительно расширяет круг граждан, получающих возможность ознакомиться с богатством документального наследия московских архивов.

В Центральном московском архиве-музее личных собраний работа по организации виртуальных выставок началась с 2008 г. За 2008-2010 гг. архивом подготовлено шесть таких выставок.

В 2008 г. на сервере Главархива Москвы были размещены три выставки: «Николай Пилюгин. Семья. Москва. Космос» (к 100-летию главного конструктора ракетно-космической техники, дважды Героя Социалистического Труда Н. А. Пилюгина). «Михаил и Алексей Исаевы. Отец и сын» (к 100-летию конструктора авиационных и ракетных двигателей, Героя Социалистического Труда А. М. Исаева). «ЦМАМЛС. Архивное дело в России. Страницы истории» (к 90-летию Декрета об архивном деле в России).

В 2009 г. посетители сайта Главархива Москвы могли ознакомиться с выставкой, посвященной 100-летию со дня рождения Героя Социалистического Труда В. П. Бармина.

В 2010 г. архив представил вниманию посетителей сайта выставки: «Анатолий Маврикиевич Кригер. 50 лет в автомобилестроении» (к 100-летию автоконструктора А. М. Кригера), «Вспоминая Московскую Олимпиаду» (к 30-летию XXII летних Олимпийских игр).

С 2009 г. к созданию виртуальных экспозиций и размещению их на сайте Главархива Москвы приступил и выставочный центр. Первой его работой стала выставка «На тихих берегах Москвы…», посвященная 210-летию со дня рождения А. С. Пушкина (выставку разместили на информационном сервере Главархива Москвы в июле 2009 г.). Пользователям сайта предоставили возможность познакомиться с архивными материалами по истории отдельных московских домов, в которых бывал А. С. Пушкин, а также с документами об увековечении памяти поэта. Эти документы бережно хранятся в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) и Центральном архиве научно-технической документации Москвы (ЦАНТДМ). Своеобразный колорит экспозиции придали рисунки, сделанные А. С. Пушкиным на полях рукописей, оригиналы которых находятся на хранении в Институте русской литературы РАН (Пушкинском доме). В экспозицию включено 107 документов и фотографий из фондов ЦИАМ, ЦАЭиАДМ, ЦАНТДМ.

В октябре 2010 г. на информационном сервере Главархива Москвы была размещена виртуальная выставка «Я навсегда москвич», посвященная 150-летию со дня рождения А. П. Чехова. На выставке экспонировались планы владений, проекты фасадов, строительные чертежи домов, в которых жил или бывал А. П. Чехов, а также документы о чествовании памяти писателя, о создании литературного кружка при Московском университете, об Обществе друзей Московского государственного музея им. А. П. Чехова, фотографии об открытии Дома-музея А. П. Чехова, зарисовки костюмов театральных художников к чеховским спектаклям. В экспозицию

вошло 48 документов и фотографий из фондов ЦИАМ, ЦАЭиАДМ, ЦАНТДМ, ЦАОПИМ, ЦАГМ.

В 2010 г. Выставочный центр подготовил виртуальную выставку, посвященную столетнему юбилею общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х. С. Леденцова. Документы общества, хранящиеся в Центральном историческом архиве Москвы, содержат интересные сведения как об основателе общества, имя которого до сих пор малоизвестно, так и о создании и деятельности самого общества.

Предложение об организации этой виртуальной выставки поступило от Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН и от депутата Государственной Думы Российской Федерации А. А. Кокошина после проведения в 2009 г. первой конференции, посвященной Обществу им. Х. С. Леденцова. Цель выставки — с помощью архивных документов предоставить возможность интернет-посетителям познакомиться с неординарной личностью Христофора Семеновича Леденцова и основными направлениями работы общества, носившего его имя. На выставке представлены 74 документа из фондов ЦИАМ.

С 2006 г. Центр научного использования и публикации архивного фонда приступил к подготовке электронных изданий на компакт-дисках. Оборудование сектора производства аудиовизуальных авторских проектов и производственного отдела центра позволило выполнить весь комплекс работ по созданию макета и записи его на носитель. Большую помощь оказывал и информационный центр, взявший на себя тиражирование подготовленных мастер-дисков. В электронном формате были выпущены: 4 выпуска издания «Архивный вестник» (Сборник статей и материалов Научно-методического совета архивных учреждений Центрального федерального округа); 5 выпусков аудиохрестоматии «Незабываемое» — сборники аудиозаписей и интервью по истории Великой Отечественной войны; аудиохрестоматия «Песни страды боевой» и ряд проектов, в том числе выполнявшихся совместно с различными организациями Москвы.

На решение задач актуализации нормативно-правовой базы архивного дела в городе была направлена работа по подготовке новой редакции закона «Об Архивном фонде Москвы и архивах» и Положения о Главном архивном управлении города Москвы, которые были приняты в конце 2009 г.

Таким образом, в деятельности Главного архивного управления города Москвы четко выделяется ряд приоритетных направлений: 1. Внедрение в практику работы Главархива принципа «одного окна» и постоянное совершенствование этого направления деятельности; 2. Совершенствование нормативно-правовой деятельности, как организационная основа развития, в том числе инновационного, московских архивов; 3. Новое масштабное строительство, как создание материальной базы деятельности Главархива Москвы; 4. Собственно инновационное развитие, включающее в себя: выполнение целого ряда работ в рамках реализации городской целевой программы «Электронная Москва»; введение в эксплуатацию видеоархивного комплекса Главархива Москвы; активное участие в сохранении, в том числе на базе инновационных технологий, ценнейшего архива и монастырской библиотеки Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря; подготовку ряда электронных изданий и виртуальных выставок.

Вышеизложенное, разумеется, является лишь небольшой частью повседневной деятельности Главного архивного управления города Москвы.

Владимир Манькин,
начальник Главного
архивного управления города Москвы

Вестник архивиста. – 2011. –
№ 1 (113). – С. 3-16.

Языческие обряды финно-угорских народов и чувашей

Ко времени прихода болгар на Среднюю Волгу в VII-VIII вв. здесь, как и в соседних районах, существовали различные этнокультурные объединения, часть которых испытывала влияние пришлых племен, в свою очередь оказывая определенное воздействие и на последних. Опираясь на письменные и археологические источники, можно полагать, что на Средней Волге пришлые болгары встретились со значительной массой тюркоязычных племен, включивших в свою среду, как показывают материалы Танкеевского могильника, и группы местного финно-угорского населения. Если экономически эти племена и стояли на одном уровне с болгарскими, а может быть даже и превосходили их, благодаря переходу к оседлому земледелию, то в отношении военной и социальной организации болгары, по-видимому, занимали ведущее положение.

Следовательно, в этногенезе, создании духовной культуры волжских булгар участвовало и местное население: марийцы, мордва, удмурты и чуваши. То же, на наш взгляд, было и у других племен, особенно древнетюркских. Возникает вопрос: какие же это были тюркские племена? К сожалению, историческая наука сегодня еще не дает на этот вопрос исчерпывающего ответа. А. Халиков в середине 1960-х гг. отмечал, например, что «есть основания рассматривать этнический состав населения первой волны тюркского проникновения в край как близкий к проточувашскому»[1].

Н. Никольский в работе о народностях Поволжья к добулгарским тюркским племенам относил бесермян, которых считал довольно загадочной народностью. Он, в частности, отмечал, что «в бисермянских селениях есть так называемые бичер-шаи, то есть бул-

гарские, или татарские, кладбища («бичер» по-вотски означает «татарин»), бисермяне считают похороненных там покойников своими предками, совершают над ними поминовение и призывают их помощь молитвами»[2]. К добулгарским тюркским племенам относил бесермян и известный советский археолог В. Генинг[3]. Следует заметить, что имеются и сторонники теории, что бесермяне — это крещеные татары[4]. По мнению известного ученого-филолога Р. Ахметьянова, предки части современных татар-кряшен, возможно, также могли быть одним из таких племен, «уже более тысячи лет назад принявшим христианство»[5].

И потому не может вызывать сомнений существование с древнейших времен этнокультурных параллелей этих народов, их взаимовлияний и взаимообогащений. Наглядным примером сохранения этих взаимосвязей являются культовые комплексы тысячелетней давности, связанные с сакральными функциями местных племенных центров: возвышенности — места жительства духов — хозяев мест, где проводились языческие моления и жертвопожертвования.

Об общности этнической культуры татарского, чувашского, марийского, удмуртского, мордовского и других народов свидетельствуют и сохранившиеся в течение многих веков их языческие обряды и праздники, связанные с трудовой практикой. Это, прежде всего, земледельческие праздники — удмуртский Гырны-потон, марийский Ака-парем[6], чувашский Ака-туй[7], мордовский Кереть озкс (моления плуга) и другие. Для удмуртского праздника Гырны-потон (выезд на пашню) характерны были различные жертвоприношения и магические обряды. Вспахав несколько борозд, удмурты бросали на пашню яйца, поливали участок пивом. Лишь после подобных магических обрядов производили сев. После сева тут же на поле угощались, пели песни, молодежь каталась на лошадях. Вечером на поле устраивали моления языческим богам с просьбой о хорошем урожае[8].

Подобное же празднество (Агапарем) с жертвоприношениями и магическими обрядами существовало и у марийцев. Суть праздника заключалась в том, что перед севом в поле зажигали свечи, раскладывали по полю различные кушанья, разводили костры. После этого участники становились рядами на колени. Для успокоения и водворения тишины старики с длинными хворостинами обходили ряды. Затем распорядитель произносил моления языческим богам о хорошем урожае, а после окончания моления присутствующие бросали в огонь кушанья, лили туда пиво, мед. После этих обрядов расходились по домам, и праздник продолжался в деревне[9].

А вот описание весенних жертвоприношений у мокши (эрзи), датируемое 1894 годом: «Моления происходили также весной перед яровым посевом. Молящиеся собирались с рассветом к пруду, закалывали здесь быка и целиком клали его в огромный котел; сюда же клали пшена, яиц, масла и сала. Одна из баб обращалась к народу с наставлением, как надо ехать на посев, затем становилась у столба и возносила за всех присутствующих молитву. По окончании молитвы все участники садились вокруг столба и принимались за пиршество. Часть жертвенной каши разбиралась присутствующими в особые посуды, и ее ели дома перед началом какого-нибудь важного дела.

У мокши Инсарского уезда (Шадым) на пашню выходили ранним утром после домашнего моляна в честь родителей и домового. Каждый хозяин выходил на поле тайком от других и старался, чтобы никто не перешел дорогу. На поле приносили чукоров, свинины, раскладывали все это на краю полосы и обращались с молитвами к Пакся (Нору-ав). По окончании моления садились есть и, отделивши богине в особую чашку хлеба и пива, приглашали ее вместе поесть и помогать в работе; голову жертвенного гуся с ногами и крыльями зарывали в борозду.

Общественное полевое моленье (Пакся-озкс) устраивалось здесь около

Троицы. Очередной распорядитель варил пиво из собранной муки и покупал на общественные деньги быка. На помощь себе он приглашал четверых рабочих, которые до окончания моляна пили, ели и ночевали у него в доме. Обреченное на жертву животное пускали по полям, чтобы оно могло получше отъесться. В день моляна на определенное место (старое селище) приводили быка, резали, варили, позже при-

«Акатуй». Краткая Чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2001. – С. 53.

возили пиво. По окончании приготовлений распорядитель созывал народ, и начиналось моленье. Выборный жрец молил Паксязыр-аву ходить кругом поля и сберегать его, не пускать чужую Паскязыр-аву.

К пашне же, вероятно, был приурочен молян, справлявшийся болдовской мордвой ранней весной, вскоре после Пасхи. На открытой поляне близ родника приносили в этот день в жертву быка, купленного на общественные деньги. На молян приглашался священник, который служил молебен

и первый съедал кусок жертвенного мяса. Шкуру жертвенного животного продавали на месте, и вырученная сумма откладывалась на покупку следующего быка»[10].

Заслуживает внимания этнографическое описание праздника Ака-туй чувашей видным исследователем народной обрядности А. Салминым: «Акатуй пăтти — обрядовые действия и моления в связи с весенним севом.

К выходу на сев село готовилось заранее. Как и полагалось, мылись в бане, одевали все чистое. Аналогично удмуртам: “По наступлении назначенного дня, днем моются в бане всем селением”. Сам термин прозрачен: *акатуй = ака “сев” + туй “свадьба”*. Соха и земля символически воспринимались главными “персонажами” на этой “свадебной” церемонии.

В качестве обрядовой еды у чувашей служили каша *пăтă* (она вошла в состав термина) и яйца. В удмуртском обряде по случаю начала сева ярового

хлеба акаяшка (ср. с чуваш.: *ака* “сев” + *яшка* “суп”) резали “в поле у речки утку, преимущественно дикого селезня (это называется… приношение крови) в честь матери-земли”.

Помолившись, сваренные яйца засыпали на посеянном поле землей. Символика таких действий ясна. Удмурты также молились, обещая “по благополучном урожае хлеба и по уборке его осенью того еда дать, то есть съесть в честь ея же (матери-земли) более полных животных: барана или гуся, что и исполняется осенью каждою семьею уже отдельно от прочих”.

Вслед за сакральными действиями приступали к праздничной части. Наряду с *акатуй* у праздника имеется еще одно название – *сапантуй*, что значит “свадьба плуга”. У новых людей (то есть недавно вышедших замуж) в деревне собирали вышитые полотенца *супраны*, платки и яйца, которые доставляли на удобное для общесельского праздника место (поляна, луг, возвышенность). Здесь происходили скачки на лошадях, состязания в беге взрослых и детей, победителей награждали *супранами*, платками и яйцами.

Сегодня трудно найти очевидца или хотя бы представляющего по рассказам старинную форму обряда *акатуй*. В сознании современников сохранилось только воспоминание о соревновании, встречающемся ныне в модернизированной форме в весенних спортивно-художественных выступлениях»[11].

Старинный весенний цикл земледельческих обрядов мордвы начинался с «моления плуга» — Кереть озкс. Как подчеркивалось в историко-этнографических очерках «Мордва», по своему содержанию и внешней форме это моление имеет много общего с аналогичными обрядами других народов Поволжья (марийский Ага-пайрам, чувашский Акатуй, татарский Сабантуй и т. д.): «Накануне староста вместе с “почетными” стариками покупал на общественные деньги быка. В день моления крестьяне собирались на околицу села. С собой несли хлеб, пироги, яйца. Несколько специально выбранных человек резали быка и варили мясо. Самого почетного старика ставили к котлу для раздачи мяса. Перед обедом он обращался к богу с молитвой, в которой просил о даровании высокого урожая и благополучной погоды. После молитвы старший мужчина из каждой семьи получал кусок мяса, суп и пиво. После обеда назначался день начала сева. В этот день вставали очень рано, перед иконами зажигали свечу, на стол клали три яйца и молились за богатый урожай хлеба. Затем яйца разрезали по количеству членов семьи и съедали. По возвращении домой молились и ели кашу.

Весной совершалось также моление первого выгона скота — *ливтемасовавтома озкс* (э). Накануне не работали, печей не топили, везде тушили огни и обязательно мылись в бане. Староста отправлялся к священнику и просил его отслужить молебен и затем совершить крестный ход к месту, где будет собран скот. Утром все отправлялись в церковь, а специально выделенные старостой крестьяне копали в овраге яму в виде разломанной печи. В яме они разводили огонь, добытый путем трения сухого дерева — непременно такого, которое было обожжено и разбито молнией. Таким огнем по обеим сторонам рва разжигали два костра и собирали сюда весь скот. Священник у оврага читал молитву о сохранении скота, окроплял его святой водой. После ухода священника весь скот прогонялся через приготовленный ров между “священными” огнями. Затем все молились об избавлении скотины “от лихих людей, от лютых зверей, от сглаза и так далее” Собравшиеся съедали специально приготовленный хлеб и отправлялись по домам»[12].

В этом аграрном культе мордвы, тесно связанном с сельской общинной организацией, и в семейно-родовом культе предков элементы язычества сочетаются с православием, что свидетельствует о приспособлении последнего к молениям мордвы. Однозначно и то, что все указанные выше обряды народов Поволжья первоначально были связаны с их языческими ве-

рованиями. Об этом свидетельствуют и результаты многочисленных исследований. Обратимся к одному из них, где подчеркивается, что «в системе язычества удмуртов общей для многих народов является ее наиболее древняя сфера, в частности, культ огня, воды, земли, представления о жизни и смерти, душе. Общим для финно-угров было поклонение божеству неба (Инмар — Ilmazi — Loma), культ деревьев и священной рощи, наличие особой ритуальной постройки типа куа/ла. Эти компоненты обнаруживают стадиально-типологические и, вероятно, генетические параллели и берут свои истоки, возможно, в далекой эпохе уральской этнокультурной общности[13].

Видный исследователь финно-угорских народов профессор Казанского университета И. Смирнов в своем историко-этнографическом труде составил своеобразную классификацию языческих богов черемисов (марийцев). Вот как их характеризовал казанский историк: «Всматриваясь в перечень черемисских богов, мы находим, что они разделяются на категории: a) ава, b) кубай, кугузай (дед, бабушка) c) ия, оза (хозяин), d) он (хан, царь), e) пуйршо (создатель), f) юма (бог)[14].

Налицо схожесть языческих обрядов финно-угорских народов Поволжья. Как видно из приведенных исторических источников, они, в отличие от тюркских народов Поволжья, булгар-татар, поклонялись многим божествам, но у них не было главного бога Тенгре, позволявшего говорить о «языческом монотеизме», который способствовал бы принятию ими монотеистической религии. В этом, на наш взгляд, и кроется суть конфликта между булгарским царем Алмушем и «народом, называемым ауваз во главе с князем Вырыгом», вероятнее всего, приверженцами язычества, не пожелавшими в 922 г. принять ислам[15]. Финно-угры, таким образом, оставались язычниками, сохраняли языческие верования и обряды до принятия христианства вплоть до завоевания Казани, и даже до начала XX в. На изучение данной проблемы новый свет проливает документ из Османского архива (Стамбул), переданный архивистам Татарстана турецкими коллегами в 2001 г. В документе — прошения группы марийских крестьян-язычников Вятской губернии, написанные в 1891 г. от имени финно-угорских народов края на имя османского султана, где содержится просьба оградить их языческие обычаи от давления православных миссионеров[16].

Обращает на себя внимание и удивительная схожесть религиозных воззрений чуваш-язычников с религией финно-угорских племен, что дало основание миссионерскому съезду, посвященному вопросам язычества и борьбы с ним (13-26 июня 1910 г., Казань), считать, что они первоначально были родственными. В самой же языческой религии чуваш, по мнению миссионера казанской епархии М. Иванова, «господствовал чистейший дуализм, состоящий в поклонении Тору — Богу добра и света, пребывание которого находится в высочайшей области света, — и в поклонении шайтану, богу зла и мрака, пребывание которого в бездне, хаосе, и более сильному злому духу — Керемет. Потом идут боги второстепенные, третьестепенные и т. д.»[17]

Все это свидетельствует, прежде всего, о возможной преемственности языческих обрядов у финно-угорских народов Поволжья и у чувашей, которые, как отмечалось в работах академика Академии наук Татарстана М. Закиева и известного чувашского ученого Я. Кузьмина-Юманади[18], доктора исторических наук Е. Казакова[19], в основе своей являются тюркизированными поволжскими финно-уграми (соответственно «суасла мари» — «суаслы мари»). Следует также отметить, что историю чувашей академик М. Тихомиров и видный мордовский ученый Н. Мокшин[20] связывали с ведами («ведь» — «веде» — угро-финское слово: «река, вода» — одно из более древних самоназваний современных чувашей). И уже до переселения булгар в эти края финно-угры края вели оседлый образ жизни и начали заниматься

земледелием[21]. Эти языческие обряды чувашей и угро-финских народов сохранились до нынешнего дня[22], правда, без конных скачек и борьбы, которые не получили развития, что можно объяснить заимствованием в данном случае этих элементов в более позднее время у булгар.

Разумеется, выдвинутый нами тезис о добулгарском происхождении языческих обрядов земледельцев Среднего Поволжья, как и в целом проблемы культурного взаимовлияния аборигенов, местных тюркских племен и пришельцев-булгар требуют дополнительного углубленного изучения с привлечением как этнографических, так и археологических данных, в том числе комплексного и дифференцированного изучения языческих и тенгрианских обычаев. Но даже очевидно, что булгары имели здравый смысл и не были такими уж праздными людьми, чтобы, как пишут иные исследователи, проводить перед севом сразу два обрядовых праздника — Сабантуй и Шыйлык[23], который, на наш взгляд, следует рассматривать как языческий обряд тюркских племен, занимавших Поволжье в более раннее время, и который впоследствии практически слился с Сабантуем. Его, как и многие другие обряды древних, сумели пронести через века татары-кряшены, обрядовая культура которых в достаточно цельном виде сохранилась до середины XX в.[24] Рассмотрение же языческих праздников марийцев — Ака-пайрем, чувашей — Ака-туй, удмуртов — Гырны-потон только в свете проникновения их к ним через праздник предков современных татар — Сабантуй[25], как и утверждение совершенно противоположного мнения о том, что у татар, как и, кстати, у русских, никогда не было своей мифологии[26], на наш взгляд, является очень спорным. Ибо в этих языческих обычаях и отражалось, как в зеркале, естественное состояние того периода и видение мира и себя в нем этими народностями. Как писал археолог Ю. Краснов, эти праздники «не могут считаться результатом только культурного влияния со стороны Волжской Булгарии. Они органически сочетаются с местными элементами, не носят характера чисто внешних заимствований[27]. (Свидетельством тому — сохранение, несмотря на многовековые заимствования, своеобразия культуры финно-угорских народов и чувашей Поволжья. Своеобразия в их национальных украшениях, изделиях, одежде, блюдах, музыке, песнях и плясках и т. д., что является предметом отдельного углубленного исследования. — *Д. Ш.*).

Другое дело, после крещения указанные обряды финно-угорских народов Поволжья, как и другие языческие календарные обряды, были приурочены к христианским праздникам[28]. Но, как отмечал Г. Юсупов, «характер обрядов во многом остался языческим»[29].

Таким образом, можно предполагать, что и у местных финно-угорских племен и древних тюрков, появившихся в наших краях, по определению Р. Фахрутдинова, уже к IV в., а по мнению М. Артамонова и Л. Гумилева, — уже к середине II в.[30], были свои языческие обряды, связанные с их оседлым образом жизни, земледельческим трудом. В то же время у булгар, еще до появления на Волге, были свои, схожие с Сабантуем, обряды и праздники.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Халиков А. Х. Происхождение казанских татар // Советская Татария. – 1966. – 3 июля.
2. Никольский Н. В. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. – Казань, 1919. – С. 277.
3. Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1967. – Вып. IV. – С. 277.
4. Михеев И. С. Несколько слов о бесермянах // ИОАИЭ. – 1907. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 54-55; Шерстенников А. Исторические сведения о селе Укан и Уканском приходе // Вятские епархиальные ведомости. – 1890. – № 4. – С. 86-94, № 5. – С. 114-122; Первошиков С. Г. Бесермяне в Вотобласти // Ижевская Правда. – 1923. – № 147. – 4 июля; он же. Еще о бесермянах // Ижевская Правда. –

1923. – № 158; он же. К материалу о бесермянах // Труды по изучению Вотского края. – Ижевск, 1926. – Вып. 1. – С. 60-62.
5. Әхмәтҗанов Р. Керәшеннәр кайдан килеп чыккан? // Ватаным Татарстан. – 1997. – 23 июль.
6. Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. – М., 1978. – С. 157.
7. Волков Г. Н. Трудовые традиции чувашского народа. – Чебоксары, 1970. – С. 57.
8. Удмурты: Историко-этнографические очерки / Науч. ред. В. В. Пименов. – Ижевск, 1993. – С. 216.
9. Тимофеев В. Т. Мое воспитание // Казанская центральная крещено-татарская школа. Материалы для истории христианского просвещения крещеных татар. – Казань, 1887. – С. 17-19.
10. Там же. – С. 17.
11. Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары, 1994. – С. 62-63.
12. Мордва. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. И. Козлов. – Саранск, 1981. – С. 197-198.
13. Удмурты: Историко-этнографические очерки… – С. 246.
14. Смирнов И. Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. – Казань, 1889. – С. 178-181.
15. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.: Исследование по мештедской рукописи. – Харьков, 1956. – С. 139.
16. Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA), Y. PRK. TKM, 20/51.
17. Миссионерский съезд в г. Казани. 26 июня 1910 года. – Казань, 1910. – С. 83.
18. Закиев М. З., Кузьмин-Юманади Я. Ф. Волжские булгары и их потомки. – М., 1993. – С. 72-93.
19. Казаков Е. П. Об освоении болгарами казанско-марийского Поволжья в X-XI вв. // Археологическое изучение булгарских городов. – Казань, 1999. – С. 68; Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань, 1987. – С. 147-148; Город Болгар: Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г. А. Фёдоров-Давыдов. – М., 1987. – С. 35.
20. Мокшин Н. Ф. Мордовское название чувашей // Советское финноугроведение. – 1978. – № 4. – С. 281-282.
21. Дмитриев В. Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа: Сб. – Чебоксары, 1957. – С. 36; Казаков Е. П. Об освоении болгарами казанско-марийского Поволжья в X-XI вв. // Археологическое изучение булгарских городов / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. – Казань, 1999. – С. 68; Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Археологические памятники Татарской… – С. 147-148; Город Болгар: Очерки истории… – С. 35.
22. Салмин А. К. Указ. соч. – С. 11.
23. Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Приуралья (Годовой цикл. XIX — начало XX вв.). – Казань, 2001. – С. 44-45, 54-61.
24. Альмеева Н. Ю. Календарное пение татар-кряшен и его роль в этнокультурологических реконструкциях // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции. 9-13 июня 1992 г.: в 3 т. – Казань, 1992. – Т. 3. – С. 187.
25. Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1978. – С. 22.
26. Галлямов С. А. Великий Хау Бен. Исторические корни башкордско-английского языка и мифологии. – Уфа, 1997. – С. 234.
27. Краснов Ю. А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // Советская археология. – 1944. – № 3. – С. 115-118.
28. Миссионерский съезд в городе Казани 13-26 июня 1910 года. – Казань, 1910. – С. 678-692.
29. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов. – М., 1967. – С. 350.
30. Артамонов М. И. История хазар. – СПб., 2001. – С. 65; Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М., 2002. – С. 113, 143.

Дамир Шарафутдинов,
доктор исторических наук

Председателю комитета по культуре, науке,
образованию и национальным вопросам
Государственного Совета Республики Татарстан
Р. И. Валееву

Об организации евразийских игр по традиционным видам спорта

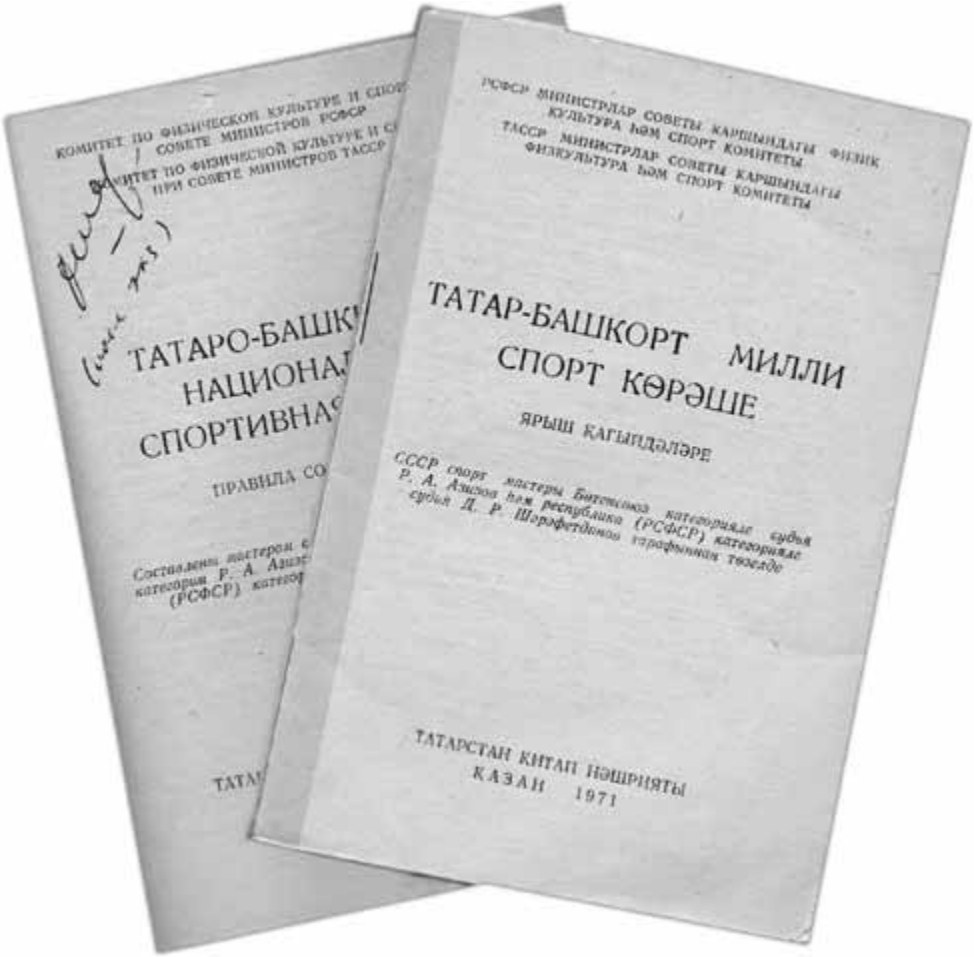
Являясь исследователями истории традиционной культуры и спорта в контексте культуры мира, мы, как и многие наши земляки, гордимся тем, что наша республика признана спортивной столицей России. Знаменательно и то, что в 2013 г. в Казани будет проходить XXVII Всемирная летняя универсиада, в программу которой включена традиционная татарская спортивная борьба «курэш». Радует, что по борьбе на поясах в последние годы стали проводиться чемпионаты мира, где борцы из Татарстана неизменно завоевывают медали.

Жемчужиной традиционной культуры татарского народа является Сабантуй. В Татарстане он объявлен государственным праздником и стал общим для всего многонационального народа республики. Сабантуй рекомендован для включения в список шедевров устного и нематериального наследия человечества ЮНЕСКО, что свидетельствует о выходе древнего татарского обряда на мировую арену.

Исследователи находят в Сабантуе отпечатки героического прошлого[1] и сравнивают его с древнегреческими олимпиадами[2], отмечая при этом, что Сабантуй — более древний и богатый по содержанию праздник[3], играющий важную роль в укреплении физического и нравственного здоровья народа, способствующий развитию народной музыки, песни, танца, поэтического творчества[4].

Очевидно, что вошедшие в наследие татарского народа национальные виды спорта и игры должны использоваться эффективно, причем не только в программах локальных праздников, но и в диалоге культур Евразии с конкурсами национального искусства и спорта и приглашением молодежи из многих стран мира. Такой опыт имеется. Например, в начале 1990-х гг. в Калмыкии была организована «Джангариада», в Чувашской республике — игры тюркских народов, в Литве — Всемирные литовские игры (две последние были проведены только по классическим видам спорта).

В отличие от них, программа евразийских игр могла бы полностью состоять из основных компонентов традиционных праздников, включая Сабантуй, на которых звучали саз[5], гармонь-тальянка, курай, кубыз, сурнай, думбра, проводились конкурсы чэчэнов-поэтов, конные скачки (гладкие скачки, рысистые соревнования), «пар ат» (на парных упряжках), рысью под седлом. А какой праздник обходился без перетягивания аркана, кросса, бега в мешках, бега в гору, лазания на столб (по времени), джигитовки, прыжков с палкой (шестом), борьбы на руках,



Татар-башкорт милли спорт көрәше. Ярыш кагыйдәләре / Төз. Р. А. Азизов, Д. Р. Шәрәфетдинов. – Казан, 1971. – 52 б.; Татаро-башкирская национальная спортивная борьба. Правила соревнований / Сост. Р. А. Азизов, Д. Р. Шарафутдинов. – Казань, 1971. – 52 с.

стрельбы из лука, стрельбы из лука на коне[6], игр верхом на коне[7] (состязаний с пикой и саблей), кулачного боя, боя с мешками на бревне?! До наших дней дошли древние традиционные развлекательные игры: бег с полными ведрами воды на коромысле, «прядение шерсти», битье горшков палками с закрытыми глазами, «возьми барана» («качающееся бревно»), «монета в катыке», бег с яйцом — ложкой во рту, любимая великим татарским поэтом Г. Тукаем игра — «кузна», а также «чурэкэ», «кэшэкэ», «игры в шары», «сбор платков», «игра в ловкачи», «атаман» и др. Сведения об этих соревнованиях и играх, простейшие правила их проведения, проблемы изучения и использования изложены в монографиях[8], сборнике «Халык уеннары»[9], книгах Э. Х. Галеева и Я. И. Ханбикова[10], Н. М. Нигметзянова[11], Ф. С. Баязитовой[12], М. М. Мулланурова, Л. Батыр-Булгари[13], Э. Р. Тагирова, Д. Р. Шарафутдинова[14], Ф. Ю. Ахметзянова, И. Б. Акишина[15], Р. Ф. Ягъфарова[16], З. М. Кузнецовой[17], Н. Т. Колчина[18], Р. Г. Кашафутдинова[19], М. М. Сахабутдинова[20] и др.

Организацию евразийских игр можно было бы возложить на Министерство культуры и его структурное подразделение — Республиканский центр развития традиционной культуры, Министерство по делам молодежи, спорту и туризму; создание единой классификации, простейших правил организации со-

стязаний по национальным видам спорта — на республиканские федерации по соответствующим видам спорта. К разработке научной концепции и модели евразийских игр с конкурсами по традиционным видам искусства, на наш взгляд, можно было бы привлечь известных специалистов в этой области: Э. Р. Каюмову — кандидата искусствоведения, старшего научного сотрудника отдела театра и музыки Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова АН РТ; А. Р. Еникееву — кандидата педагогических наук, доцента, заведующую кафедрой этнохудожественного творчества Казанского государственного университета культуры и искусств; Г. М. Макарова — кандидата искусствоведения, доцента Казанской государственной консерватории; Л. И. Сарварову — кандидата искусствоведения, доцента, заведующую кафедрой татарской музыки и этномузыкологии Казанской государственной консерватории; Ф. Х. Завгарову — кандидата филологических наук, доцента Казанского (Приволжского) федерального университета, директора Республиканского центра развития традиционной культуры (РЦРТК); Л. Х. Давлетшину — кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника РЦРТК; Л. Ш. Давлетшину — научного сотрудника РЦРТК; профессора, мастера спорта СССР М. М. Сахабутдинова; доцента А. Ш. Шайхутдинова; журналиста И. Г. Ильдарханова; профессора Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева Ф. Ю. Ахметзянова; доктора исторических наук, профессора Г. М. Давлетшина; докторов филологических наук М. И. Ахметзянова и Р. Ф. Исламова; доктора педагогических наук, профессора Р. А. Абзалова; академика И. Р. Тагирова; батыра по «курэшу», доктора медицинских наук, профессора Я. Х. Ибрагимова; кандидата исторических наук Т. Р. Закирова и др.

Тагиров Э. Р., Шарафутдинов Д. Р. Сабантуй в локальном и глобальном цивилизационном пространстве (Потенциал идей культуры мира в традиционных праздниках народов планеты). – Казань, 2004. – 48 с.

Евразийские игры по традиционным (национальным) видам спорта можно было бы, на наш взгляд, проводить по принципу Олимпийских игр: один раз в четыре года, приурочив их или к праздникам летнего солнцестояния (джиенам), или осеннего равноденствия (сюнбелю), что также способствовало бы возрождению этих древних обрядов.

Нами не поднимается вопрос о замене чем-то иным праздника Сабантуй, календарных и семейных обрядов татарского народа. Речь идет об использовании, культивировании их древних компонентов[21] в масштабах евразийского пространства, обогащения содержания игр элементами национальных культур других народов Евразии.

Несомненно, проведение евразийских игр по традиционным видам спорта будет способствовать дальнейшему расширению культурных и спортивных связей народов Евразии, укоренению традиционной духовной и физической культуры в их образе жизни, укреплению межнационального согласия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Спутник по Казани / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1895. – 619 с.
2. Семенов Н. А. Сабантуй. – Казань, 1929. – С. 13-14.
3. Фаттах Н. С. Язык богов и фараонов. – Казань, 1999. – С. 429.
4. Шарафутдинов Д. Р. Сабантуй — образ жизни народа. Приложение к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков». – Казань, 1997. – С. 114; Шәрәфетдинов Д. Р. Татар барда — Сабан туе бар. «Гасырлар авазы – Эхо веков» журналына кушымта. – Казан, 2003. – 480 б.; Шарафутдинов Д. Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа. Приложение к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков». – Казань, 2004. – С. 127.
5. Шамси С. С. Путешествие Ибн-Фадлана на реку Итиль. – М., 1992. – С. 48.
6. История татар. – Казань, 2002. – Т. 1. – 368 с.
7. Исламов Р. Фарис ниятен ихлас берлә Тәңре юлына кылсын // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2002. – № 1/2. – С. 200-206.
8. Шарафутдинов Д. Р. Сабантуй — образ жизни… – С. 173-310; он же. Исторические корни и развитие… – С. 439-639.
9. Халык уеннары / Төз. И. И. Ганиев, автор-махсус ред. Д. Р. Шәрәфетдинов. – Казан, 1966. – 88 б.
10. Галеев Э. Х., Ханбиков Я. И. Татарские народные игры и праздники. – Казань, 1975. – С. 44.
11. Нигметзянов М. Н. Татарские народные песни. – Казань, 1984. – 240 с.; он же. Татарская народная музыка. – Казань, 2003. – 255 с.
12. Баязитова Ф. С. Татар халкының бәйрәм һәм көнкүреш йолалары (Рухи мирасыбыз хәзинәсеннән). – Казан, 1995. – 158 б.
13. Муллануров М. М., Батыр-Болгари Л. М. Сабантуй бәйрәмен үткәрү тәртибе: сцен. – Казан, 1997. – 76 б.
14. Тагиров Э. Р., Шарафутдинов Д. Р. Сабантуй в локальном и глобальном цивилизационном пространстве (Потенциал идей культуры мира в традиционных праздниках планеты). – Казань, 2004. – 48 с.
15. Ахметзянов Ф. Ю., Акишин Б. А. Армспорт в вузе. – Казань, 2006. – 164 с.
16. Ягъфәров Р. Ф. Уен — күңел бәйрәме: Татар халкының уен фольклоры. – Казан, 2009. – 160 б.
17. Кузнецова З. М. История физической культуры и спорта в Республике Татарстан. – Набережные Челны, 1999. – 304 с.
18. Колчин Н. Т. Физическая культура и спорт в Татарии. – Казань, 1969. – 124 с.
19. Кашафутдинов Р. Г. Народные (общественные и семейные) праздники казанских татар. – Казань, 1969. – 24 с.
20. Сахабутдинов М. М. Исследование самобытных средств физического воспитания татар. – Л., 1975. – 22 с.
21. Шарафутдинов Д. Р. Исторические корни и развитие… – С. 234-235; Садыкова Р., Сайфутдинов К. Свадебные обряды татар // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2008. – № 1. – С. 306-314; Шарафутдинов Д., Садыкова Р. Свадебная обрядность тюркских народов XIX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 1. – С. 300-309.

Дамир Шарафутдинов,
член Геральдического совета при Президенте РТ,
член Правления Татарстанского отделения
Российского общества историков-архивистов
Энгель Тагиров,
доктор исторических наук,
президент Международной гуманитарной
академии «Европа-Азия»

АВТОРЫ

Анфертьев И.	— канд. ист. наук, главный редактор историко-архивоведческого журнала «Вестник архивиста», профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва;
Арцыбашев В.	— канд. ист. наук, зав. сектором научно-справочного аппарата отдела информационного обслуживания Центрального московского архива-музея личных собраний, г. Москва;
Багаутдинова Х.	— науч. сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Баталин В.	— член Союза кинематографистов России, начальник отдела Российского государственного архива кинофотодокументов, г. Красногорск;
Бушуев А.	— канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Валеев Р.	— д-р ист. наук, профессор, директор ГУ «Институт Татарской энциклопедии АН РТ»;
Валеева-Сулейманова Г.	— д-р искусствоведения, главный науч. сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Валиев А.	— канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Галлям Р.	— канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Галыгина Г.	— главный специалист Центрального государственного архива Самарской области;
Гаффарова Г.	— ведущий советник сектора научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при КМ РТ;
Гришин Я.	— д-р ист. наук, профессор;
Долгов Е.	— канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник ГУ «Институт Татарской энциклопедии АН РТ»;
Загидуллин И.	— д-р ист. наук, зав. отделом Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Ибрагимов Д.	— канд. ист. наук, начальник Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ;
Измайлов И.	— канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Кабацков А.	— канд. ист. наук, доцент Пермского государственного технического университета;
Канапацкая З.	— канд. ист. наук, доцент Белорусского педагогического института им. М. Танка, г. Минск (Республика Беларусь);
Латыпова Г.	— соискатель Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Манькин В.	— начальник Главного архивного управления города Москвы;
Миннуллин И.	— канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ответственный секретарь Геральдического совета при Президенте РТ;
Молчанов Л.	— д-р ист. наук, профессор Историко-архивного института РГГУ, г. Москва;
Мэнди С.	— историк-архивист, г. Казань;
Наумова Г.	— ученый секретарь Государственного музея-заповедника «Горки Ленинские», г. Москва;
Садыкова Р.	— канд. ист. наук, доцент КГЭУ;
Салихов Р.	— д-р ист. наук, чл.-корр. АН РТ, зам. директора Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Сахаров В.	— д-р ист. наук, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва;
Сунчелей Б.	— писатель, г. Казань;
Тагиров И.	— д-р ист. наук;
Тагиров Э.	— д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории Казанского государственного университета культуры и искусств;
Усманов Н.	— канд. ист. наук, доцент Бирской государственной социально-педагогической академии;
Фаезова Г.	— начальник отдела использования и публикации документов ЦГА ИПД РТ;
Файзуллин Р.	— народный поэт РТ, главный редактор журнала «Казан утлары»;
Федан П.	— аспирант ГУ «Института Татарской энциклопедии АН РТ»;
Федотова И.	— главный специалист Пермского государственного архива новейшей истории;
Хайрутдинов Р.	— канд. ист. наук, директор Института истории К(П)ФУ, директор Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», председатель Геральдического совета при Президенте РТ;
Хаким Р.	— д-р ист. наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Хамидуллина В.	— директор ЦГА ИПД РТ;
Ханипова И.	— канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Харис Р.	— народный поэт РТ, лауреат Государственной премии РФ;
Хузеева Л.	— зам. директора ЦГА ИПД РТ;
Цыганова О.	— зам. начальника Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ;
Шагапова И.	— ответственный секретарь редакции журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков»;
Шадманова С.	— канд. ист. наук, сотрудник Института истории АН РУз, г. Ташкент (Республика Узбекистан);
Шарангина Н.	— зам. директора НА РТ;
Шарафутдинов Д.	— д-р ист. наук, профессор КГЭУ, мастер по национальным видам спорта России;
Шарафутдинов Ш.	— главный специалист НА РТ;
Шевчук И.	— зам. директора Российского государственного архива новейшей истории, г. Москва;
Юревич Л.	— главный библиотекарь отдела редких книг и рукописей Национальной библиотеки РТ.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады тому, что вы взяли в руки наше издание. Надеемся, что журнал «Гасырлар авазы – Эхо веков» будет не только вашим верным помощником в научно-исследовательской работе, но и увлекательным чтением для всей семьи.

Самый лучший способ иметь в домашней библиотеке наше издание — это вовремя оформить подписку.

«Гасырлар авазы – Эхо веков» выходит раз в полугодие сдвоенным номером. Подписной индекс по Республике Татарстан и России — 78704.

Стоимость подписки на первое полугодие 2012 г.:
на домашний адрес — 252 руб. 84 коп.,
на абонентский ящик — 248 руб. 79 коп.

Ф. СП-1

Управление почтовой связи
«Татарстан почтасы»

АБОНЕМЕНТ на газету / журнал 78704

ЖУРНАЛ

(наименование издания)

«Гасырлар авазы – Эхо веков»

Количество комплектов:

На 2012 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
x	x	x	x	x	x						

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, имя, отчество)

ДОСТАВНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер | на газету / журнал 78704

ЖУРНАЛ

(наименование издания)

«Гасырлар авазы – Эхо веков»

Стоимость: подписки __руб.__коп.; переадресовки __руб.__коп.

Количество комплектов

На 2012 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
x	x	x	x	x	x						

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия имя отчество)

АННОТАЦИИ

В публикации **Д. Ибрагимова** освещается система непрерывного образования архивистов Татарстана.
Ключевые слова: историк-архивист, система образования архивистов, Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан.

В публикации **Р. Садыковой** анализируются сборники документов архивов Республики Татарстан. Автор проводит сравнительную характеристику тематики и археографической подготовки сборников.
Ключевые слова: публикация архивных документов, сборники документов, архивы Республики Татарстан.

Публикация **Р. Галляма** посвящена Дозорной книге 1619 г. Григория Кузьминского, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов.
Ключевые слова: Дозорная книга, Чаллынское городище, эпоха средневековья.

Публикация **З. Канапацкой** содержит источниковый анализ архивных документов по истории татар-мусульман середины XIX в. из фондов Центрального государственного архива Крыма, Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Национального исторического архива Республики Беларусь.
Ключевые слова: история татар-мусульман, архивные документы, Центральный государственный архив Крыма, Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Национальный исторический архив Республики Беларусь.

Публикация **И. Загидуллина** посвящена петиционной кампании мусульманских обществ Казанской губернии против установления правительственного контроля над религиозными учебными заведениями, введенного по закону 5 февраля 1882 г.
Ключевые слова: национальное движение татар, петиционная кампания, прошения, В. В. Радлов, закон 5 февраля 1882 г., правительственный контроль над мектебами и медресе.

Публикация **Г. Валеевой-Сулеймановой** посвящена развитию художественных ремесел татар (ювелирное искусство, ткачество, вышивка, резьба по камню и дереву), особенностям ремесленных производств, технологии и декора.
Ключевые слова: традиционное ремесло, ичижный промысел, золотошвейный промысел, народное искусство.

Публикация **Л. Молчанова** освещает деятельность антибольшевистских правительств Поволжья и Сибири по собиранию и хранению архивных документов и произведений печати (1918-1919 гг.).
Ключевые слова: Петроградская книжная палата, Гражданская война, архивная деятельность в Поволжье и Сибири в 1918-1919 гг., А. В. Колчак, Русское географическое общество.

Публикация **И. Тагирова** содержит «заявление» государственного деятеля М. Султан-Галиева из следственного дела 1938 г.
Ключевые слова: М. Султан-Галиев, национальная политика России в 1920-1930-е гг.

Публикация **И. Ханиповой** посвящена изучению истории создания системы дошкольного воспитания в ТАССР в 1920-1930-е гг.
Ключевые слова: дошкольная система воспитания, детские сады, учебные пособия.

В публикации **Н. Усманова** сообщается о том, как на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» описывался голод начала 1920-х гг. в ТАССР и благотворительная деятельность Казанского отделения Американской администрации помощи, которая оказывала продовольственную помощь голодающему населению.
Ключевые слова: газета «Нью-Йорк таймс», голод в Поволжье, благотворительная организация Американская администрация помощи.

Публикация **Г. Латыповой** анализирует становление профессиональной системы образования в ТАССР в 1920-е гг.
Ключевые слова: Народный комиссариат просвещения ТАССР, училища, техникумы, высшие учебные заведения, Главное управление профессионального образования.

В публикации **В. Арцыбашева** освещается информационно-аналитическая деятельность советской военной разведки в 1920-1930-е гг.
Ключевые слова: личный фонд начальника советской военной разведки Я. К. Берзина, агентурная работа.

В публикации **А. Кабацкова** и **И. Федотовой** на основе архивных материалов Пермского государственного архива новейшей истории раскрывается технология организации массовых репрессий в небольшом уральском городе в декабре 1937 — январе 1938 гг. В центре внимания деятельность сотрудников Пермского городского отдела НКВД по организации целевых репрессий против татар, высланных в 1930-1931 гг. из ТАССР на поселение.
Ключевые слова: сталинские репрессии, рабочие, трудпоселенцы, НКВД.

Публикация **В. Хамидуллиной** содержит рассекреченные архивные документы Центрального государственного архива историко-политической документации РТ о строительстве Татарской АЭС.
Ключевые слова: архивные документы, строительство атомной электростанции, атомная энергетика.

Публикация **А. Бушуева** о социальном выборе молодежи ТАССР в условиях перестройки, в том числе об ее идеалах и предпочтениях.
Ключевые слова: молодежь, комсомол, перестройка, неформальное движение, национальное движение, Республика Татарстан.

Публикация **Е. Долгова** раскрывает малоизвестные обстоятельства жизни видного государственного деятеля XIX в., попечителя Казанского учебного округа, поэта и публициста М. Л. Магницкого.
Ключевые слова: М. Л. Магницкий, попечитель Казанского учебного округа, государственный деятель.

В публикации **Р. Валеева** исследуется научное наследие Н. Ф. Катанова.
Ключевые слова: Н. Ф. Катанов, ученый-тюрколог, профессор, архивные документы.

Публикация, подготовленная **Г. Наумовой** по материалам Центрального исторического архива Москвы, содержит обзор переписки Екатерины Павловны и Сер-

гея Дмитриевича Шереметевых с разными лицами и учреждениями (1894-1918).
Ключевые слова: русское дворянство, история русского дворянства, государственные исторические архивы, архивные документы, эпистолярные источники.

В публикации **Г. Галыгиной** по архивным материалам Самарского государственного областного архива анализируется судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока и допрос бывшего осведомителя царской охранки в 1911-1913 гг. И. А. Зеленского.
Ключевые слова: архивные документы, государственные областные архивы, судебные отчеты, политические блоки, царская охранка, троцкисты.

Публикация **И. Тагирова** посвящена биографии И. Алкина — выдающегося деятеля национального движения татар и башкир в 1917-1920 гг.
Ключевые слова: биография И. Алкина, национальное движение, общественный деятель, военачальник.

Публикация **Я. Гришина** и **С. Мэнди** посвящена биографии Х. Б. Мавлютова.
Ключевые слова: Биография Х. Б. Мавлютова, военачальник, дипломат.

В публикации **В. Сахарова** на основе архивных документов анализируются обстоятельства гибели выдающихся летчиков А. К. Серова и П. Д. Осипенко в авиационной катастрофе 11 мая 1939 г.
Ключевые слова: Советская авиация, Главный военный совет РККА, А. К. Серов, П. Д. Осипенко.

Публикация **И. Шевчука** анализирует документы из фондов Политбюро, Секретариата и отделов ЦК КПСС о полководческой деятельности маршала Г. К. Жукова в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и послевоенный период.
Ключевые слова: Г. К. Жуков, Великая Отечественная война 1941-1945 гг., партийные документы, советские маршалы, полководцы, репрессии, сборники документов, архивные документы.

В публикации **Р. Хаким** размышляет о судьбе исторических традиций татарского джадидизма в наши дни; пытается осмыслить опыт татарских богословов в свете проблем, возникших перед исламским миром в наши дни.
Ключевые слова: джадидизм, реформированный ислам, богословские учения.

Публикация **В. Баталина** посвящена исследованию версии о том, что маршал Советского Союза В. К. Блюхер и ротмистр австро-венгерской армии граф Фердинанд фон Гален — одно лицо.
Ключевые слова: архивные документы, архивные исследования, советские маршалы, фальсификация, военные документы.

Публикация **Н. Шарангиной,** посвященная 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, содержит архивные документы о праздновании в России 200-летия со дня рождения великого русского ученого.
Ключевые слова: М. В. Ломоносов, памятные даты, архивные документы.

Публикация **И. Шагаповой** освещает биографию и творчество поэта башкирской и татарской литературы Ш. Заки.
Ключевые слова: Ш. Заки, суфизм, творчество, башкирский и татарский поэт.

Публикация **Л. Хузеевой** освещает биографию С. Г. Батыева, возглавлявшего более 20 лет Президиум Верховного Совета ТАССР. Здесь представлены редкие

фотодокументы из фондов Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан.
Ключевые слова: биография С. Г. Батыева, партийные и государственные деятели, Президиум Верховного Совета ТАССР, фотодокументы.

Фотолетопись, подготовленная **Б. Сунчелеем**, включает фотографии известного татарского писателя А. Абсалямова из фондов Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан.
Ключевые слова: А. Абсалямов, писатель, фотографии.

Публикация **Г. Фаезовой** подготовлена по документам личного фонда писателя З. Нури Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан.
Ключевые слова: З. Нури, К. Заслонов, творчество, татарский поэт, Союз писателей ТАССР, воспоминания.

В публикации **И. Анфертьева** рассматриваются вопросы создания и основные направления деятельности информационного бюллетеня Российского общества историков-архивистов «Вестник архивиста» (1991-2007), с 2008 г. — российского историко-архивоведческого журнала «Вестник архивиста», анализируется вклад главных редакторов журнала, членов редакционной коллегии и сотрудников редакции в повышение научного уровня издания, авторитета в читательском и исследовательском сообществе.
Ключевые слова: Российский историко-архивоведческий журнал «Вестник архивиста», Российское общество историков-архивистов, архивоведение, источниковедение, генеалогия, электронные архивы и документы.

Публикация **И. Измайлова** содержит анализ книги «Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды» профессора Казанского университета, член-корреспондента Академии наук Республики Татарстан А. Г. Мухамадиева.
Ключевые слова: хорезмийский язык, Согдиана, гунны, тюркский язык, Аттила, булгары, татары, каган, хан, султан, князь, Волжская Булгария, Великая Венгрия, Золотая Орда.

В публикации **Р. Салихова** — рецензия на книгу профессора Казанского университета, академика Академии наук Республики Татарстан И. Р. Тагирова «На стремнине времени».
Ключевые слова: татарский народ, государственность, федеративные отношения, революция, автономия, суверенитет, Татарстан, Российская Федерация.

Публикация **Ш. Шарафутдинова** о книге А. Елдашева «Казань православная: Подвижники Духа», посвященной известной свияжской благотворительнице Н. И. Саврасовой (1783-1870).
Ключевые слова: Н. И. Саврасова, благотворительность, Свияжск, Иоанно-Предтеченский женский монастырь.

Публикация **С. Шадмановой** воссоздает историю периодической печати в Туркестане в конце XIX — начале XX вв.
Ключевые слова: история периодической печати Туркестана, архивные документы.

В публикации **Х. Багаутдиновой** представлены архивные документы об открытии первой казанской частной «азиатской» типографии Л. М. Шевица.
Ключевые слова: Л. М. Шевиц, первая казанская частная «азиатская» типография, Казанская губерния, архивные документы.

Публикация **Л. Юревич** посвящена истории Второй казанской мужской гимназии.
Ключевые слова: Вторая казанская мужская гимназия, библиотеки, педагогический совет.

В публикации **А. Валиева** исследовано распространение знаний в области сельскохозяйственного производства на территории Казанской губернии.
Ключевые слова: Казанская губерния, сельское хозяйство, агрономические знания.

Публикация **П. Федана** посвящена казанскому педагогу и общественному деятелю М. Н. Пинегину, внесшему значительный вклад в развитие Казанской татарской учительской школы.
Ключевые слова: М. Н. Пинегин, педагог, общественный деятель, Казанская татарская учительская школа, курсы для учителей русско-татарских народных училищ.

В публикации **О. Цыгановой** освещается научная деятельность историка-архивиста Д. Х. Гарифуллина по исследованию родословных в Республике Татарстан.
Ключевые слова: архивисты-исследователи, родословные, историк-архивист.

Публикация **Р. Хайрутдинова** и **И. Миннуллина** содержит отчет о работе Геральдического совета при Президенте Республики Татарстан за 2011 г.
Ключевые слова: Геральдический совет при Президенте Республики Татарстан, государственные награды, государственная символика.

В публикации **В. Маныкина** проанализированы главные направления деятельности Главного архивного управления г. Москвы в период 2004-2010 гг.
Ключевые слова: архивный фонд и архивы Москвы, архивное законодательство Москвы.

Публикация **Д. Шарафутдинова** посвящена языческим обрядам и праздникам, которые свидетельствуют об общности этнической культуры народов Поволжья.
Ключевые слова: языческие обряды и праздники, духовная и этническая культура, финно-угорские народности Поволжья, чуваши.

В письме **Д. Шарафутдинова** и **Э. Тагирова** содержится обращение к председателю комитета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Государственного Совета РТ Р. Валееву по вопросу организации евразийских игр по традиционным видам спорта в Татарстане.
Ключевые слова: евразийские игры, традиционные виды спорта.

ABSTRACTS

In **D. Ibragimov's** work the continuous education system of Tatarstan's archivists in is presented.
Keywords: the historian-archivist, the archivists' education system of, the General Archival Department under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan.

R. Sadykova's article analyzes collections of documents of the Republic of Tatarstan's archives. The author presents the comparative description of subjects and archaic-graphical preparations of collections.
Keywords: the archival documents publication, collections of documents, the Republic of Tatarstan's archives.

R. Galljam's work is devoted to the Grigory Kuzminsky's Patrol book of 1619, stored in the Russian State Archive of Ancient Certificates.
Keywords: the Patrol book, the Challynsky site of ancient settlement, Middle Ages epoch.

Z. Kanapatskaya's article contains the source-analysis of archival documents on the history of Tatars-Moslems of the middle of the XIX century from funds of the Central State Archive of Crimea, the Russian State Historical Archive of St.-Petersburg, National Historical Archive of Byelorussia.
Keywords: history of Tatars-Moslems, archival documents, the Central State Archive of Crimea, the Russian State Historical Archive of St.-Petersburg, National Historical Archive of Byelorussia.

I. Zagidullin's work is devoted to the petition campaign of Moslems societies of the Kazan Province. The campaign was conducted against governmental control over the religious educational institutions' establishment, entered under the law on 5th February, 1882.
Keywords: Tatars national movement, the petition campaign, applications, V. Radlov, the law of 5th February, 1882; the governmental control over Mektebs and Madrasah.

G. Valeeva-Sulejmanova's article is devoted to the development of Tatars' art crafts (jewelry art, weaving, embroidery, carving on stone and tree), features of craft manufactures, technology and decor.
Keywords: traditional craft, ichigi-making craft, gold-embroidery craft, folk art.

L. Molchanov's work tells about activity of the Antibolshevisks' government of the Volga Region and Siberia on archival documents and press products' collecting and storage (1918-1919).
Keywords: Petrograd Book Chamber, Civil War, archival activity in the Volga Region and Siberia in 1918-1919, A. Kolchak, Russian Geographical Society.

I. Tagirov's work contains the statesman M. Sultan-Galiev's «information» from investigatory case (1938).
Keywords: M. Sultan-Galiev, the Russia's national policy of the 1920-1930's.

I. Khanipova's article is devoted to studying of the creation history of preschool education system in the Tatar Autonomic Soviet Social Republic in the 1920-1930's.
Keywords: preschool educational system, kindergartens, manuals.

N. Usmanov's work tells how hunger in the beginning of the 1920's in Tatar Autonomic Soviet Social Republic and charities of the Kazan branch of American Relief

Administration which rendered food aid to the starving population were described in «New York Times».
Keywords: «New York Times» newspaper, hunger in the Volga Region, American Relief Administration charitable organization.

G. Latypova's article analyzes creation of professional education system in Tatar Autonomic Soviet Social Republic in the 1920's.
Keywords: the National Commissariat of Education in Tatar Autonomic Soviet Social Republic, schools, technical schools, higher educational institutions, vocational training Central administrative board.

V. Artsybashev's article offers the facts about informational-analytical activity of the Soviet military investigation in the 1920-1930's.
Keywords: personal fund of J. Berzin — chief of the Soviet military investigation, secret-service work.

A. Kabatskov and **I. Fedotova** describe the technology of mass reprisals' organization in a small Ural city in December, 1937 — January, 1938. The work is done on the basis of archival materials of the Perm State Archive of Contemporary History. It tells about the activity of employees Perm City Department People's Commissariat of Internal Affairs on the organization of target reprisals against the Tatars sent from Tatar Autonomic Soviet Social Republic on settlement reveal sin 1930-1931.
Keywords: Stalin reprisals, workpeople, work-deportee, People's Commissariat of Internal Affairs.

V. Khamidullina's work contains the declassified archival documents about Tatar Atomic Power Station building. The documents were taken from the Republic of Tatarstan's Central State Archive of History-Political Documentation.
Keywords: archival documents, atomic power station building, atomic engineering.

A. Bushuev's work tells about social choice, ideals and preferences of Tatar Autonomic Soviet Social Republic's youth during Perestroika.
Keywords: youth, Komsomol, Perestroika, informal movement, national movement, the Republic of Tatarstan.

E. Dolgov's publication tells about little-known circumstances of life of M. Magnitsky— the visible statesman of the XIX century, the Kazan Educational District trustee, poet and publicist.
Keywords: M. Magnitsky, the Kazan Educational District trustee, the statesman.

In **R. Valeev's** work N. Katanov's scientific heritage is investigated.
Keywords: N. Katanov, specialist in Turkic Philology, the professor, archival documents.

G. Naumova prepared the article on the basis of the documents from the Moscow Central Historical Archive. The work includes the review of Ekaterina and Sergey Sheremetevs' correspondence with different people and establishments (1894-1918).
Keywords: Russian nobility, history of Russian nobility, the state historical archives, archival documents, epistolary sources.

G. Galygina analyzes the judicial report on the case of Anti-Soviet the Right-wing-Trotskyist block and interrogation of I. Zelensky — the informer of imperial secret political police in 1911-1913. She uses archival documents from the Samara State Regional Archive.

Keywords: archival documents, the state regional archives, judicial reports, political blocks, imperial secret political police, Trotskyites.

I. Tagirov's article is devoted to biography of I. Alkin — the outstanding figure of national movement of Tatars and Bashkirs in 1917-1920.
Keywords: I. Alkin's biography, national movement, the public figure, the military leader.

J. Grishin and **S. Mendi's** work is devoted to Kh. Mavljutov's biography.
Keywords: Biography of Kh. Mavljutov, the military leader, the diplomat.

On the basis of archival documents **V. Sakharov** analyzes the circumstances of destruction of outstanding pilots A. Serov and P. Osipenko in aviation accident on 11th May, 1939.
Keywords: the Soviet aircraft, the General Military Council of Workers and Peasants Red Army, A. Serov, P. Osipenko.

I. Shevchyuk presents the documents from funds of the Political Bureau, Secretary and Departments of the Central Committee of the CPSU about commander's activity of marshal G. Zhukov during the Great Patriotic War in 1941-1945 and the post-war period.
Keywords: G. Zhukov, the Great Patriotic War in 1941-1945, party documents, the Soviet marshals, commanders, repressions, collections of documents, archival documents.

R. Khakim's work contains the fact about destiny of Tatar Jhadidizm's today's historical traditions; experience of the Tatar seminary students in the light of the problems of the Islamic world.
Keywords: Jhadidizm, reformed Islam, theological doctrines.

V. Batalin's work is devoted to the research of the story that the Soviet Union marshal V. Blyukher and the Austro-Hungarian Army captain count Ferdinand fon Galen are the same person.
Keywords: archival documents, archival researches, the Soviet marshals, falsification, military documents.

N. Sharangina's work is devoted to the 300 anniversary from the date of M. Lomonosov's birth. It contains archival documents on celebrating the 200 anniversary from the date of the Great Russian scientist birth in Russia.
Keywords: M. Lomonosov, memorials, archival documents.

I. Shagapova's article presents the biography and creativity of S. Zaki — the Bashkir and Tatar literature poet.
Keywords: S. Zaki, Sufism, creativity, the Bashkir and Tatar poet.

The work by **L. Khuzeeva** contains the biography of S. Batyev who was the leading person in Tatar Autonomic Soviet Social Republic Presidium's Supreme Soviet for more than 20 years. The author presents the rare documentary photographs from funds of the Republic Tatarstan's Central State Archive of the History-Political Documentation.
Keywords: S. Batyev's biography, party figures and statesmen, Tatar Autonomic Soviet Social Republic Presidium's Supreme Soviet, documentary photographs.

B. Suncheley prepared «Photo chronicle» that includes the known Tatar writer A.Absaljamov's photos from funds of the Republic of Tatarstan's Central State Archive of the History-Political Documentation.

Keywords: A. Absaljamov, the writer, photos.

G. Faezova wrote an article on the basis of the documents from the writer Z. Nuri's personal fund stored in the Republic of Tatarstan's Central State Archive of the History-Political Documentation.
Keywords: Z. Nuri, K. Zaslonov, creativity, the Tatar poet, Writers' Union of the Tatar Autonomic Soviet Social Republic, memoirs.

I. Anfertev presents the following themes: creation and basic lines of activity of the Russian society of historians-archivists' newsletter «The Bulletin of the Archivist» (1991-2007), that since 2008 was called Russian history-archival scientific journal «Bulletin of the Archivist»; contribution of editors-in-chief of the journal, members of an editorial board and employees of edition in increase of edition's scientific level and authority among reader's and research community.
Keywords: Russian history-archival scientific journal «Bulletin of the Archivist», the Russian society of historians-archivists, an archival science, a source study, genealogy, electronic archives and documents.

I. Izmaylov analyzes the book «New view on history of Huns, Khazars, Great Bulgaria and the Golden Horde» by A. Mukhamadiev — professor of the Kazan University, corresponding member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
Keywords: Khorezms language, Sogdiana, Huns, Turkic language, Attila, the Bulgars, the Tatars, khagan, the khan, the sultan, the prince, Volga Bulgaria, Great Hungary, the Golden Horde.

R. Salikhov offers the review of the book «On Time Current» by I. Tagirov — the professor of the Kazan University, the academician of the Republic of Tatarstan's Academy of Sciences.
Keywords: the Tatar people, statehood, federal relations, revolution, autonomy, the sovereignty, Tatarstan, the Russian Federation.

S. Sharafutdinov analyzes the book «Kazan Orthodox: Devotees of Spirit» by A. Eldashev. The book is devoted to the known Svijazhsk philanthropist N. Savrasov (1783-1870).
Keywords: N. Savrasov, charity, Svijazhsk, Ioanno-Predtechensky female monastery.

S. Shadmanova's works haws periodicals history in Turkestan in the end of the XIX — the beginning of the XX centuries.
Keywords: history of Turkestan's periodicals, archival documents.

Archival documents on the first Kazan private «Asian» printing house of L. Shevits' opening are presented in **Kh. Bagautdinova's** article.
Keywords: L. Shevits, the first Kazan private «Asian» printing house, the Kazan Province, archival documents.

L. Jurevich's work is devoted to the Second Kazan Man's Grammar School's history.
Keywords: the Second Kazan Man's Grammar School, libraries, teachers' meeting.

In **A. Valiev** investigates spread of knowledge in the field of agricultural production in the Kazan province.
Keywords: the Kazan province, agriculture, agronomical knowledge.

P. Fedan's article is devoted to M. Pinegin — the Kazan teacher and public figure, who endowed the development of the Kazan Tatar teacher's school.

Keywords: M. Pinegin, the teacher, the public figure, the Kazan Tatar teacher's school, courses for teachers of the Russian-Tatar national schools.

In **O. Tsyganova's** article tells about the historian-archivist D.Garifullina's scientific activity on the research of the family trees in the Republic of Tatarstan.
Keywords: archivists-researchers, genealogical, the historian-archivist.

R. Khajrutdinov and **I. Minnullin's** work contains the report of the Heraldic Council at the President of the Republic of Tatarstan's work in 2011.
Keywords: Heraldic Council at the President of the Republic of Tatarstan, the state awards, the state symbols.

V. Manykin analyzes the mainstreams of Moscow General Archival Department's activity in 2004-2010.
Keywords: archival fund and archives of Moscow, Moscow archival legislation.

D. Sharafutdinov's article is devoted to pagan rites and holidays which testify to community of ethnic culture of the Volga region people.
Keywords: pagan rites and holidays, spiritual and ethnic culture, Finno-Ugric Nationalities of the Volga region, the Chuvashs.

D. Sharafutdinov's, E. Tagirov's letter contains the appeal to the Chairman of the Committee on culture, science, education and national problems of the Republic of Tatarstan's State Council R. Valeev concerning the Eurasian games in traditional sports' organization in Tatarstan.
Keywords: the Eurasian games, traditional sports'.

Читательская аудитория каждого номера журнала, согласно данным статистики сайта www.archive.gov.tatarstan.ru, составляет более 500 тысяч человек.

ГАСЫРЛАР АВАЗЫ
ЭХО ВЕКОВ

НАУЧНО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Формат 70x108 1/16
Печать офсетная
Печ. л. 20,0
Тираж 1500 экз. Заказ №